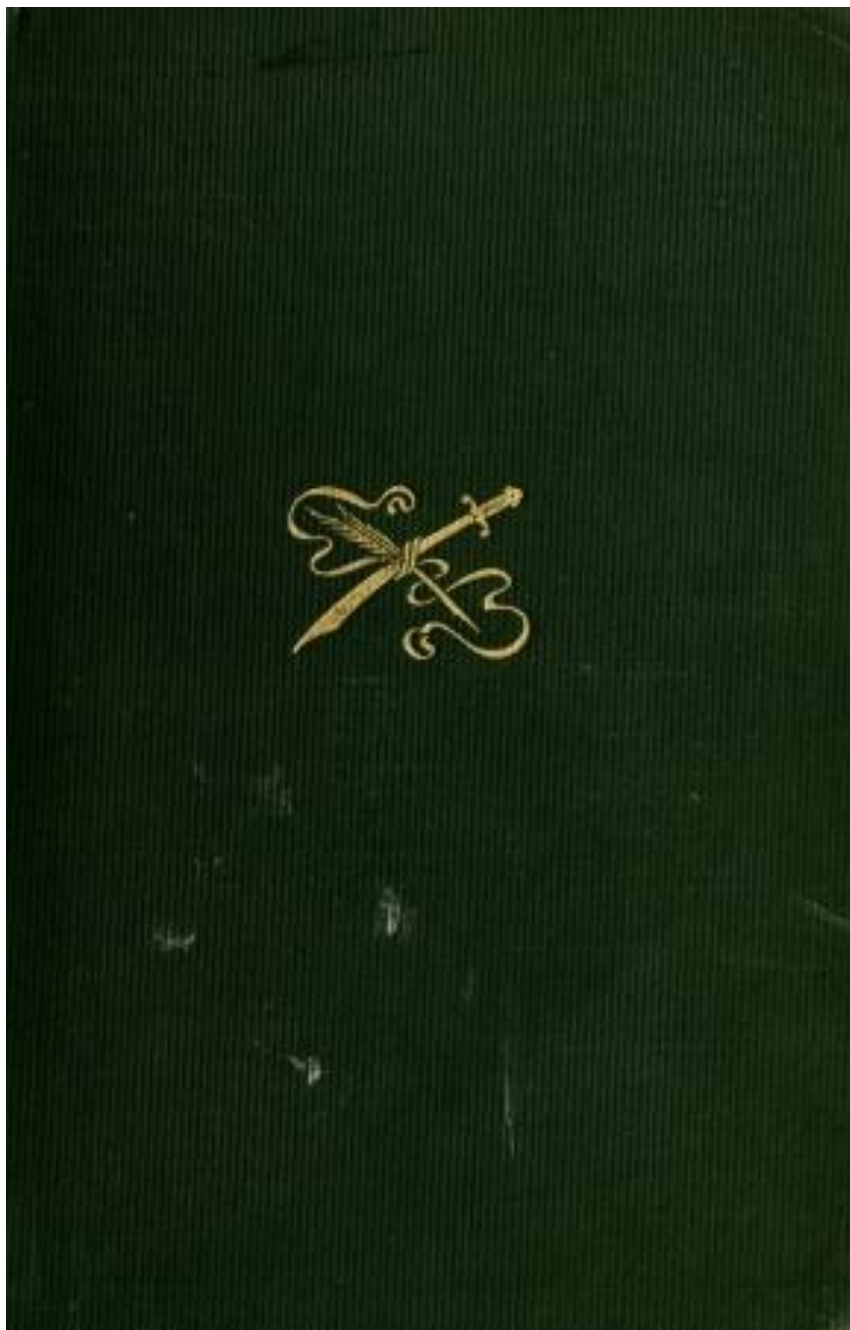

История наций. Португалия

Х. Морс Стивенс

Электронная книга проекта Гутенберга "История народов: Португалия"

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История народов: Португалия

Автор: Х. Морс Стивенс

Дата выхода: 4 мая 2014 г. [Электронная книга № 45581]

Последнее обновление: 24 октября 2024 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили Крис Карноу, Чак Грейф и команда <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных Интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЯ НАЦИЙ: ПОРТУГАЛИЯ" ***

Были предприняты все попытки воспроизвести оригинал в том виде, в каком он был напечатан.

Не было предпринято никаких попыток исправить или нормализовать написание или ударение португальских слов, многие из которых были англизированы.

Исправлены некоторые типографские ошибки; [после текста приводится список](#).

Некоторые иллюстрации перенесены из середины абзаца для удобства чтения.

В определенных версиях этого etext в определенных браузерах нажатие на этот символ или на само изображение вызовет увеличенную версию изображения.

[Содержание.](#)

[Генеалогические таблицы](#)

[Список иллюстраций.](#)

[Короли Португалии](#)

[Указатель.](#)

(примечание переписчика текста)

Истории народов

Серия исторических исследований, призванных представить в наглядной форме истории разных народов, занявших видное место в истории.

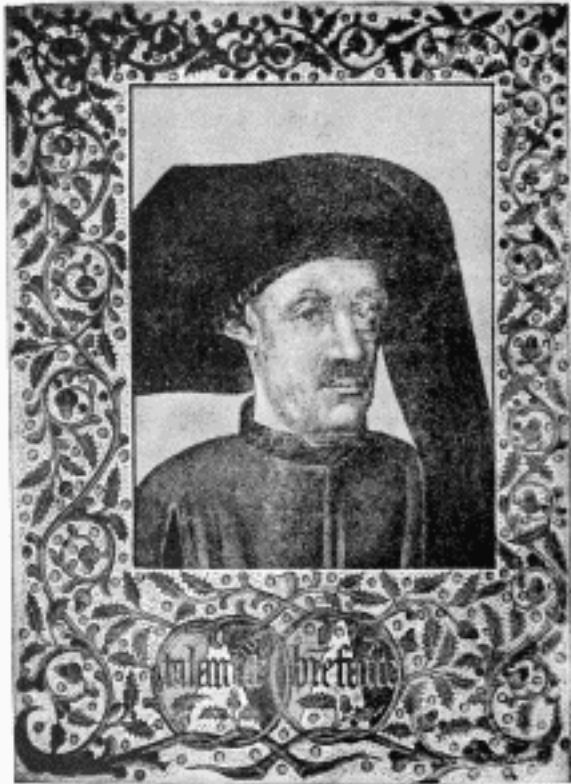
В форме рассказа отчетливо показано течение жизни каждого народа, а его живописные и заслуживающие внимания периоды и эпизоды представлены читателю в их философском отношении друг к другу, а также ко всеобщей истории.

12°, Иллюстрированный, ткань, каждый	по 1,50
доллара,	\$1.75
№ 62 и следующий за ним №	№ 62 и следующие за ним №
нетто по 1,35 доллара.... Каждый	(по почте) \$1,50
Наполовину кожаный, с позолоченным верхом, каждый	нетто за \$1,60
	(По почте) \$1.75

ПОЛНЫЙ СПИСОК СМОТРИТЕ В КОНЦЕ ЭТОГО ТОМА

Португалия

ПРИНЦ ГЕНРИХ ПОРТУГАЛЬСКИЙ.

(С гравюры миниатюры в рукописи “Открытие Гвинеи”, 1448 г.)

ИСТОРИЯ НАРОДОВ

Португалия

Х. МОРЗЕ СТИВЕНС

КОЛЛЕДЖ БАЛЛИОЛ, ОКСФОРД; ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ОКСФОРДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

АВТОР КНИГИ “ИСТОРИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ”

-

НЬЮ-ЙОРК

СЫНОВЬЯ Г. П. ПАТНЭМА

ЛОНДОН: Т. ФИШЕР АНВИН

1903

Авторское право, 1891 г.,

Г. П. Сыновья Патнэма

Внесено в Stationers' Hall, Лондон

Т. Фишером Анвином

Электротипировано, отпечатано и переплетено
издательством Knickerbocker Press, Нью-Йорк
Г. П. Сыновья Патнэма

ПРЕДИСЛОВИЕ.

ЭТОТ том написан по плану, отличному от плана, принятого в большинстве томов той же серии, которые предшествовали ему, и представляет собой попытку дать краткую хронологическую историю Португалии. Эпизодическая история, хотя и более интересная, чем последовательное повествование, поскольку в ней рассматриваются только самые яркие события, требует от читателя основы точных знаний. Это не приводится в отношении истории Португалии ни в одной книге на английском языке, с которой знаком автор. Данхэм, объединивший историю Португалии с историей Испании в пяти томах, опубликованных в *кабинетной циклопедии* Ларднера между 1838 и 1843 годами, основывал свой рассказ на *“Революциях Португалии”* Верто, впервые напечатанных в Париже в 1678 году, а современные английские стандартные справочники все еще используют Данхэма и содержат старые ошибки отождествления Португалии с Лузитанией, признания фиктивных кортесов Ламега в 1143 году, расценивания победы при Орике как "потрясающей" победы и т.д. , и т.д. Со времен Данхэма в Англии было опубликовано несколько книг, посвященных особым периодам португальской истории, таким как "Жизнь маркиза Помбала и герцога Салданьи", опубликованная Джоном Смитом, графом Карнота, и два тома *"Истории Португалии"* Э. Макмердо, работа над которыми продолжается; но не существует книги, содержащей полную и заслуживающую доверия историю, к которой можно было бы направить студентов.

Однако за последние пятьдесят лет история Португалии была полностью переписана. Современная школа историков, получившая свой первый импульс от Нибура и Ранке, нашла блестящего представителя в Александре Эркулано, который понял, что историю можно писать только после тщательного изучения современных документов, и который в своей *Истории Португалии*, опубликованной между 1848 и 1853 годами, развеял большую часть паутины легенд, окутывавшей раннюю историю его страны. Эркулано, несомненно, многим обязан Генриху Шеферу, который написал историю Португалии в *"Истории европейского государства"* под редакцией Херена и Укерта; но он пошел гораздо дальше Шефера, и история последнего сейчас совершенно устарела. Работы Эркулано и его последователей полностью

вытеснили истории Лемоса, Соузы Монтейру и Ж. Ф. Перейры, которые упоминаются здесь только как книги, которых следует избегать изучающим историю.

Не предполагается приводить полную библиографию работ современной португальской школы историков, но автор считает целесообразным сослаться на некоторые книги, которыми он пользовался и которые могут быть рекомендованы в качестве надежных руководств тем, кто, возможно, пожелает глубже изучить историю Португалии. Во-первых, что касается документов, то в *Сборнике документов по истории Португалии* под редакцией Корреа да Серра и в *Сборнике принципов аукционной деятельности по истории Португалии*, а также в *португальском историческом памятнике* под редакцией Эркулано собраны лучшие издания старых хронистов; при этом необходимо постоянно ссылаться на *Четырехтомник политических и дипломатических отношений Португалии* виконта де Сантарен, который был продолжен Ребелло да Силвой как "*Дипломатический корпус Португалии*" и содержит в тридцати шести томах, опубликованных между 1856 и 1878 годами, "*историю Португалии до 1640 года*", а также "*Собрание публичных выступлений знаменитостей в короне Португалии и основные возможности для 1640 года в настоящем времени*" под редакцией Дж. Феррейры Борхеса де Кастро и Дж. Джудис Байкер. В качестве последовательных повествований можно прочитать "*краткую историю Ж. П. Оливейры Мартинша*" и "*Иллюстрированную популярную историю*", которая является совместной работой Антонио Эннеса, Б. Рибейру, Э. Видаля, Г. Лобато, Л. Кордейру и Пинеиру Шагаса; но было бы гораздо лучше изучить более научные работы Александра Эркулано, "*История Португалии*", 4 тома., 1848-53, которые относятся к 1279 году, и "*Происхождение и установление инквизиции в Португалии*", 2 тома, 1854-57; в *Истории Португалии XVI века. e XVII. Seculos*, 5 томов., 1860-71, Л. А. Ребелло да Силва; *История Португалии до конца XVII века. Seculo até 1814*, 1874, Дж. М. Латино Коэльо; и *Historia da Guerra civil e do Estabelecimento do Governo Parlamentar em Portugal*, 6 томов., 1866-1881, С. Дж. да Луз Сориано. Среди особо интересных книг на разных языках можно отметить "*Воспоминания об истории и теории Кортесов*" виконта Сантарена, 1828; "*Лас Рауиньяш де Португалия*" Ф. да Фонсеки Беневидеса, 1878; "*История революций Португалии от основания этого королевства до 1677 года с письмами сэра Р. Саутвелла во время его посольства к герцогу Ормонду*", Р. Карт, 1740; "*Фальшивый дон Себастьян*", Мигеля Мартинса д'Антаса, Париж, 1866; "*Шевалье де Жан*"; "*Описания Франции и Португалии во времена Мазарини*" Жюль Тессье, Париж, 1877; и "*Жизнь принца Генриха Мореплавателя*" Р. Х. Мейджора, 1868. Переходя к истории нынешнего столетия, великой истории войны на полуострове, написанной генералом Дж. Сэр У. Ф. П. Нейпир по праву известен во всех странах, и он настолько хорошо известен, что в настоящем томе этому предмету было посвящено всего несколько страниц; но упоминались также "*История вторжения во Францию и Португалию*" Аккурсио дас Невеша; "*Исторические свидетельства о герре на полуострове*", "*Предшествующие события 1801 года, Руссильон и Каталония*" Клаудио де Шаби; и "*Веллингтон Делешу*. По истории гражданских войн лучшими авторитетными источниками являются "*Воспоминания по истории о временах захвата власти Домом Мигелем*" Ж. Л. Фрейре де Карвалью, 1841-43; "*История свободы Португалии*", Ж. Г. де Баррош и Кунья, 1869; *Делешу и корреспонденции Дуке де Палмеллы*, 1851-54; *Официальная переписка Конде де Карнейры с Дуке де Палмеллой*, 1874; *Мемуары герцога Салданы*, написанные графом Карнотой; *Войны за престолонаследие во Франции и Португалии*, Уильям Боллерт, том i, 1870, и *Гражданская война в Португалии и осада Порту*, написанные британским офицером гусар [полковником Бэдкоком], 1835. Много ценного исторического материала также скрыто в

журналах и трудах ученых обществ, и особую ссылку можно сделать на два особенно интересных эссе в *"Аннах науки нравов и политики"*, Дом Жуана II. e a Nobreza, by Rebello da Silva, and *Apontamentos para a Historia da Conquista de Portugal por Filipe II.*, by A. P. Lopes de Mendonça.

Помимо истории Португалии, португальская литература заслуживает изучения. В настоящем томе ей посвящено несколько страниц, а что касается ранней поэзии эпохи трубадуров, автор желает выразить свою признательность ученому Теофило Брага, который сам был поэтом немалого ранга, за его *"Португальскую антологию"*, 1876, и *"Португальский язык"*, 1878. Слава португальской литературы - Камозэнс, и нам повезло, что его великая поэма *"Лусиады"* наконец нашла адекватного переводчика. Я не знаю ни одного перевода какой-либо классики, который мог бы сравниться с переводом *"Лусиад"* сэра Ричарда Бертон. Благодаря своему глубокому знанию португальского характера не меньше, чем португальского языка, благодаря близкому знакомству с местами, которые описывает Камозэнс, и, прежде всего, благодаря своему темпераменту, который напоминал темперамент поэта-конкистадора, сэр Ричард Бертон был способен передать английскому народу мысли и слова величайшего португальского поэта. Каждый любитель Камозэнса, как и каждый любитель Гомера, испытывал искушение перевести его могучую поэму; но, наконец, как мне кажется, работа по переводу была сделана для Камозэнса раз и навсегда благодаря любовному труду сэра Ричарда Бертон, и англичане могут читать *"Лузиады"*, точно воспроизведенные на их родном языке, как по духу, так и по словам. То, что жизнеописание героя шестнадцатого века было достойно переведено героем девятнадцатого, кажется мне обстоятельством, которому должны радоваться и гордиться все любители литературы как в Англии, так и в Португалии.

В заключение хочу сказать, что написание этого тома было для автора трудом любви. В перерывах между внимательным изучением истории другого периода, Французской революции, он с удовольствием взялся за написание этой *"Истории Португалии"*. Он не смог поработать с первоначальными источниками так тщательно, как ему хотелось бы, из-за поглощающего характера его более важной работы, но он надеется, что придет время, когда ему удастся провести несколько лет в архивах Торре-дель-Томбо и более тщательно исследовать историю ранних отношений Англии и Португалии, а также португальцев на Востоке. Не слишком ли самонадеян он, надеясь, что более четкое знание о старой и испытанной дружбе английской нации с португальцами может в какой-то степени повлиять на отношение части английского народа к своему древнему союзнику в споре о размерах португальских владений в Африке?

Х. МОРС СТИВЕНС.

Оксфорд,
1 марта 1891 г..

Содержание.

И.

страницы

ранней истории

1

значение и особенности интерес к португальской истории—греки, Phœnicians, а римляне—Португалия не является древней Лузитании—влияние Рима вестготами—властью магометан—христианских князей начала их вторжения—Фердинанд “Великий” захватывает Коимбру—успехи Almoravides—формирование графства Португалия.

Второй.

Графство Португалия—Донна Тереза

20

характере Генриха Бургундского, первого графа Португалии—Графиня Тереза—ее политики—граф Генри бои в Испании—смерть—регентстве Тереза—дворянства и епископов—войн Тереза—Тереза стиле Инфанта—битва при Сан-мамеди—Тереза вводит религиозных военных орденов—смерть Донны Терезы.

Раздел III.

Португалия становится Королевства—период правления Афонсо Энрикеш

34

молодость Афонсо Энрикеш—героизм Эгаш Мониш—в галисийской войны—Афонсо принимает на себя титул царя—он признан папой—договор Замора—Майдан победил на галисийской войны—государство мавров—Афонсо первой войны с маврами—победа Орики—легенды о нем—захватнические войны—взятие Сантарена и Лиссабона—помощь английских крестоносцев—Захват Алкасер-ду-Сал—договор Селла Нова—Афонсо в плен в Бадахос—перемирие с маврами—дальше воевать—Великой Победы над маврами в Сантарем—смерть Афонсо Энрикеш.

Ив.

Португалия достигает своего европейского пределах

60

царствование Санчо И.—успехи мавров—Санчо внутренних дел—его ссоры с духовенством и папа—браки своих детей—правление Афонсо второй. “Толстяк”—Возвращение Алькасер—ду—Сала и разгром мавров—Прибытие монахов—Правление Санчо II.—Захват Эльваса—Его ссоры с епископами—Он низложен папой римским—Правление Афонсо III.—Его завоевание Алгарве—Его союз со своим народом—Кортесы—Его смерть.

Против

Консолидации Португалии

85

Правление Диниша—Орден Христа—Его внутреннее управление—Его поощрение литературы—

Португальская поэзия- Строфы Камозенса о Динисе-Аффонсо IV. “храбрый”—Победа Саладо—Дружба между Португалией и Англией—Убийство Инес де Кастро—Педро “Суровый”—Фердинанд “Красивый”—Королева Леонор—Бунт в Лиссабоне—Война между Португалией и Кастилией—Порочность королевы—Сальватеррский мирный договор—Португальское восстание под предводительством дома Иоанна Ависского—Защита Лиссабона—Дом Иоанн избран королем—Победа Альхубарроты—Виндзорский мирный договор и союз с Джоном Гонтом—Мир с Кастилией.

VI.

Португалия в эпоху исследований

115

Политика Иоанна “Великого”—Союз с Англией—Его внутреннее управление—Власть феодальной знати—Захват Сеуты—Сыновья короля—Рост португальской литературы—Правление Дуарте или Эдуарда—Экспедиция в Танжер—“Постоянный принц”—Спор о регентстве—Дом Педру регент—Свергнут в битве при Альфарробейре—Правление Афонсо V. “Африканский”—Его африканские экспедиции—Война с Кастилией—Поражение при Торо—Его покровительство из литературы.

VII.

Португальские исследователи

140

Принц Генри “Мореплаватель” и его работы—Важность прямого пути в Индию—Открытие Мадейры—История Роберта Мачина—Открытие Азорских островов—Пройден мыс Бохадор—Начало африканской работоторговли—Открытие Гвинеи и Зеленого Мыса Верде—Путешествие Кадамосто—Смерть принца Генри—Пересечение экватора—Открытие Конго—Достигнут и удвоен мыс Доброй Надежды.

VIII.

Героическая эпоха Португалии

158

Иоанн II. “Совершенный”—Свержение власти знати—Его внешняя политика—Тордесильяский мирный договор с Испанией—Дружба с Англией—Его поощрение исследований—Его двор—Эммануэль “Удачливый”—Изгнание евреев—Его политика и браки—Открытия португальцев—Семена упадка—Иоанн III.—Его политика—Оставление портов Марокко—Коррупция при дворе—Быстрое сокращение населения Португалии—Инквизиция и иезуиты—Смерть Иоанна III.

IX.

Португальцы в Индии и Восточных морях

185

Романтический интерес к истории португальцев в Индии—Путешествие Васко да Гамы—Государство Индия, когда он достиг его—Его возвращение—Путешествие Кабрала и победа Пачеко—Вице—королевства Алмейда и Альбокерке—Захват Гоа—Альбокерке основывает фабрику в Малакке и нападает на Аден—Политика Альбокерке—Правление его преемников—Их политика и характер их правления—Христианские миссионеры—С. Фрэнсис Ксавье—Вице—королевство Кастро—Его победа при Диу—Преемники Кастро—Поселения в Юго—восточной Африке—Португальцы в Малакке и на островах Пряностей—Их связи с Китаем и Японией—Карьера Мендеса Пинто—Необычайная энергия португальцев в Азии.

X.

Португальцы в Бразилии

220

Важность Бразилии для Португалии—Открытие страны Кабралом—Испания отказывается от своих притязаний—Коренные жители—Первые дни—Первые поселенцы и их правительство—Эмиграция из Португалии—Вице—королевство Томаса де Сузы—Иезуиты и их деятельность—Правительство Дуарте да Кошты—Неспособность французских гугенотов обосноваться в Бразилии.

XI.

Последние короли из Дома Авизов—Дом Себастьяна и кардинал Генрих 236

Быстрый упадок Португалии—Восшествие на престол Себастьяна—Регентство королевы Екатерины—Регентство кардинала Генриха—Характер Себастьяна—Его крестоносный пыл—Португальцы в Индии—Защита Гоа Атаидой—Себастьян решает вторгнуться в Марокко—Его просьбы об иностранной помощи—Его приготовления—Он высаживается в Африке—Поражение Алькасера Кибира—Смерть Себастьяна—Правление кардинала Генриха.

XII.

Португальская литература—Камоэнс 259

“Золотой век” португальской литературы—Возрождение классического образования—История Университета Коимбры—Хиль Висенте—Бернардин Рибейру—Са де Миранда—Феррейра—Камоэнс—Его жизнь—Его “Лусиады”—Жуан де Барруш—Другие писатели—Закат португальской литературы.

XIII.

Шестидесятилетний плен 278

Претендентов на португальскую корону—Поражение приора Крато—Филипп II. Испании признан королем Португалии—Дальнейшие усилия и смерть приора Крато—Лжедома Себастьяна—Правительство Испании и его катастрофические результаты—Правление Филиппа II.—Португальцы в Азии—Завоевание Канди—Миссионеры и инквизиция—Голландцы и англичане свергают португальскую власть в Азии—Голландцы в Бразилии—Граф Морис Нассауский—Результаты правления Испании.

XIV.

Революция 1640 г. 300

Недовольство португальцев правлением испанцев—Поощряемое Ришелье—Герцог и герцогиня Браганса—герцогиня Мантуанская и ее советники—Подготовка к восстанию—Лидеры—Революция 1 декабря 1640 г.—Герцог Браганса коронован как Иоанн IV.—Он получает помощь от Голландии и Франции—Заговор “Каминья”—Победа при Монтихо—Бразилия изгоняет голландцев—Война с Голландией—Король отчаивается и предлагает отречься от престола—Союзный договор с Францией—Смерть Иоанна IV.

XV.

Союз с Англией 326

Королева в качестве регента—Шомберг организует армию—Победа при Эльвасе—Женитьба английского короля Карла II на Екатерине Браганса—Аффонсо VI. объявляет себя совершеннолетним—Министерство Капель—Мельхора—Победы Португалии—Придворная революция—Дом Педру регента—Мир с Испанией—Правление Педру II. в качестве регента и короля—Его внешняя политика—Смерть Карла II. Испании—Метуэн договор и его результаты—Война за испанское наследство—Смерть Педру II.—Упадок португальского могущества в Азии—

Процветание Бразилии—Открытие там золота.

XVI.

Португалия в восемнадцатом веке—Маркиз Помбал

349

Португалия в восемнадцатом веке — Восшествие на престол Иоанна V.—Окончание войны за испанское наследство—Мирная политика короля—Его долгое и процветающее правление—Восшествие на престол Иосифа—Начало карьеры Помбала—Лиссабонское землетрясение—Помбал, премьер—министр—Он нападает на иезуитов—Заговор “Тавора”—Изгнание иезуитов—Короткая война с Испанией—Подавление иезуитов—Смерть Иосифа—Администрация Помбала—Его великие реформы—Восшествие на престол Педро III. и Мария I.—Позор Помбала—Правление Педру и Марии—Смерть Педру III.—Португальцы в Индии в восемнадцатом веке—Процветание Бразилии—Открытие там алмазов—Литература восемнадцатого века.

XVII.

Эпоха Французской революции—Война на полуострове

382

Французская революция—Преследование сочувствующих ей в Португалии—Дом Иоанн посылает помощь Испании в войне против Франции—Покинут Испанией по Базельскому мирному договору—Сан—Ильдефонсский мирный договор—Союз с Англией—Дом Иоанн объявлен регентом—Война 1801 года—Бадахосский мирный договор—Политика Наполеона против Португалии—Миссия Ланна—Фонтенблосский мирный договор 1807 года—Жюно вторгается в Португалию—Регент сбегает в Бразилию—Правление Жюно—Формирует правительство Португальский легион—Всеобщее восстание против него—Обращение Португалии к Англии—Победа при Вимейру и Конвенция Цинтра—Сульт оккупирует Порту—Изгнан Уэлсли—Бересфорд реорганизует португальскую армию—Регентство—Массена перед Торришем Ведрашем—Португальские войска во время войны на полуострове—Завершение войны—Смерть королевы Марии Франциски.

XVIII.

Современная Португалия — Гражданские войны и установление парламентского правления

409

г.

Иоанн IV. его королева и его сыновья Дом Педро и Дом Мигель—Порту и Лиссабон восстают против регентства—Конституция 1821 года—Бразилия объявляет себя независимой—Конституция отменена—Смерть Иоанна VI.—Влияние армии—Хартия 1826 года—Педро IV. отрекается от престола в пользу Марии II.—Дом Мигель, избранный регентом король—Правление Дома Мигеля—“Мигелитская” война 1830-34 гг.—Конвент Эвора Монте—Правление Марии да Глории—Гражданские войны и “произношения”—Эпоха мирного парламентского правления—Правление Педру V. и Луиша I.—Восшествие на престол Карлоса I.—Португальские поселения в Африке—Материальное процветание—Литературное возрождение—Уроки, преподанные историей Португалии—Заключение.

Индекс: A, B, C, D, E, F, G, H, I, J, K, L, M, N, O, P, Q, R, S, T, U, V, W, Y, Z

433

Генеалогические таблицы—

I. Потомки Иоанна “Великого” 139

II. Потомки Эммануила 279

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

	СТРАНИЦА
ПРИНЦА ГЕНРИХА ПОРТУГАЛЬСКОГО	<i>Фронтиспис</i>
ОБРАЗЕЦ РИМСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ	9
ВИД НА ПОРТУ И ВИЛЬЯ-НОВА ИЗ МОНАСТЫРЯ СЕРРА	16
КОИМБРА (СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ)	27
ВИД НА ДРЕВНЮЮ МАВРИТАНСКУЮ БАНЮ В ЦИНТРЕ	42
АРКА ЗАПАДНОГО ВХОДА В СТАРУЮ ЧАСОВНЮ В ЛЕЙРИИ	47
ВИД НА ЛИССАБОН	50
МОНАСТЫРЬ ХРИСТА В ТОМАРЕ	61
ГЛАВНЫЙ ФАСАД ИГРЕГА ДУШ ЖЕРОНИМУШ В БЕЛЕНЕ (СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ)	68
ВОРОТА И ОКНО МОНАСТЫРЯ БЕЛЕН	77
ФАСАД ЛИССАБОНСКОГО СОБОРА	82
ИНЕС ДЕ КАСТРО	96
ВИД НА ДВОРЕЦ В ЛИССАБОНЕ	108
ДВЕ СТОРОНЫ КОРОЛЕВСКОЙ ЧАСОВНИ МОНАСТЫРЯ БАТАЛЬЯ (СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ)	112
КОРОЛЬ ИОАНН ВЕЛИКИЙ	116
КОРОЛЕВА ФИЛИППА	123
ПОРТУГАЛЬСКИЕ ЗОЛОТЫЕ МОНЕТЫ	136, 137
ST. САЛЬВАДОР В ШЕСТНАДЦАТОМ ВЕКЕ	142
СТАТУЯ ПРИНЦА ГЕНРИХА	152
МОГИЛА ПРИНЦА ГЕНРИХА	155
КАРТА ГОА	166
ВАСКО ДА ГАМА	168

АЛЬБОКЕРКЕ, ИЗ СЛОУН МИСС	194
АЛЬБОКЕРКЕ, С ГРАВЮРЫ СИЛЬВЫ	202
ДОМ ЖУАН КАСТРО	210
ПРОЦЕССИЯ АУТОДАФЕ	232
ЛИССАБОН В ШЕСТНАДЦАТОМ ВЕКЕ	239
ВИД НА ДОРУ В НАПРАВЛЕНИИ ПОРТА	250
ЛУИС ДЕ КАМОЭНС	269
ЖУАН ДЕ БАРРОС	275
ФИЛИПП II.	282
ФИГУРЫ МУЖЧИН НА АУТОДАФЕ	293
ПОРТУГАЛЬСКИЕ ДЖЕНТЛЬМЕНЫ	310
ИОАНН IV.	322
ЕКАТЕРИНА БРАГАНСКАЯ	328
ПЕДРУ II.	335
ПОРТУ (СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ)	339
ОБРАЗЦЫ ПОРТУГАЛЬСКИХ И МЕДНЫХ МОНЕТ	344, 345
МАРКИЗ ПОМБАЛ	356
БУЛЛА БОЙ	366
ПОРТУГАЛЬСКОГО КУПЦА С ЖЕНОЙ И СЛУЖАНКОЙ	384
МАРШАЛА ЖЮНО, ГЕРЦОГА АБРАНТИША	394
ПОРТУГАЛЬСКИХ КРЕСТЬЯН	398
КРЕСТЬЯНКИ ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ КАЛДАШ-ДА-РАИНЬЯ	403

[Ряд видов, иллюстрирующих португальские пейзажи, взяты с фотографий; другие скопированы из книги У. М. Кинси “Portugal Illustrated”, Лондон, 1829; другие тома, снабженные иллюстрациями, - “Королевские дома Испании и Португалии”, Ла Хэй, 1720; “Путешествия по Португалии” Мерфи, 1798; “Принц Генри Мореплаватель” Мейджора и др.]

КОРОЛИ ПОРТУГАЛИИ

Бургундский дом.

	ДАТА
Афонсо Энрикеша (графа Португалии с 1114), короля	1140
Санчо I. “Градостроитель”	1185
года Афонсо II. “толстый”	1211
Санчо II.	1223
Аффонсо III. “из Булони” (Защитник королевства 1246)	1248
Диниз “Чернорабочий”	1279
Аффонсо IV. “Храбрый”	1325
Педро I. “Суровый”	1357
Фердинанд “Красивый”	1367
Дом Авиза.	
Иоанн I. “Великий”	1385
Эдуард	1433
Афонсо Против “Африканца”	1438
Иоанна II. “Совершенный”	1481
Эммануэль “Удачливый”	1495
Иоанн III.	1521
Себастьян	1557
Генрих “Кардинал”	1578
Испанские владения.	
Филипп I. (Филипп II. король Испании)	1580
Филипп II. (Филипп III. Испании)	1598
Филипп III. (Филипп IV, король Испании)	1621
Дом Браганса.	
Иоанн IV.	1640
г.Аффонсо VI.	1656
Педро II. (Регент 1667)	1683
Иоанн V.	1706
Джозеф	1750
Мария I. и Педро III.	1777
Мария I. одна	1786
Иоанн VI. (Регент 1799)	1816
Педро IV. отрекся от престола	1826
Мария II.	1826
(Мигель, 1828-1834)	

Мария II.	1834
Педро Против	1853
Луиса I.	1861
Карлоса I.	1889

ИСТОРИЯ ПОРТУГАЛИИ.

I.

РАННЯЯ ИСТОРИЯ.

История Португалии представляет особый интерес в силу того факта, что только своей историей страна обязана своим существованием как отдельной нации. Географически маленькое королевство является неотъемлемой частью Пиренейского полуострова, без естественных границ, которые отличали бы его от большей части полуострова, называемой Испанией; его жители происходят из того же племени, что и испанцы, и их язык лишь незначительно отличается от испанского. Его ранняя история сливается с историей остальной части полуострова, и, если бы не два великих человека, Афонсо Энрикеш, первый король Португалии, и Иоанн I., основатель дома Авизов, Португалия в наши дни не вошла бы в число независимых государств Европы. Первый из этих монархов превратил свои владения в королевства, подобные Леону, Кастилии и Арагону, а второй поощрял морские исследования, которые придали маленькой стране индивидуальность и национальное самосознание, которыми она по праву гордилась. Когда Филипп II аннексировал Португалию в 1580 году, португальцам было по меньшей мере на столетие поздно объединяться с испанцами. Затем они произвели на свет Васко да Гаму, Альбокерке и других великих капитанов и исследователей, которые показали Европе морской путь в Индию; и их язык был развит гением Камоэнса и Са де Миранды из романского диалекта, подобного тем, которые использовались в Галлии, Кастилии или Арагоне, в великий литературный язык. Сознвая свою национальную историю, Португалия снова отделилась от Испании в 1640 году и под защитой Англии сохраняла свое отдельное существование в течение восемнадцатого века. Существовала некоторая вероятность союза с Испанией в начале нынешнего столетия, когда после завершения войны на Пиренейском полуострове против Наполеона некоторые государственные деятели начали указывать на аномалию разделения Пиренейского полуострова на два отдельных королевства, но вскоре появилось поколение великих историков и поэтов, которые напомнили людям о днях португальского величия и о славе прошлого и сделали невозможным для современных португальцев потерю сознания своей индивидуальности как нации.

Но, хотя история Португалии представляет особый интерес, поскольку показывает, как одна небольшая часть Пиренейского полуострова сохраняла отдельное существование, в ней также представлено много романтических эпизодов, особенно в эпоху, когда она какое-то время была ведущей нацией Европы. Необычайная энергия, проявленная жителями этого маленького уголка Европы во второй половине пятнадцатого и первой половине шестнадцатого веков, наиболее примечательна. Португальские мореплаватели не только первыми поплыли вдоль западного побережья Африки на маленьких лодках, на которых современным морякам вряд ли бы понравилось пересекать Ла-Манш, но и осмелились обогнуть мыс Доброй Надежды и переплыть Индийский океан в Индию и на Цейлон. Оттуда они отважились обогнуть Сингапурский мыс и обосновались в Макао, откуда исследовали побережья Китая и Японии. В другом направлении, на запад, они пересекли Атлантику, открыли Бразилию и колонизировали ее. Лиссабон стал хранилищем и центром распространения товаров Востока и достиг высоты богатства и роскоши, не имеющей себе равных со времен Древнего Рима. История португальских “конкистадоров” в Индии в течение первых ста лет после открытия маршрута

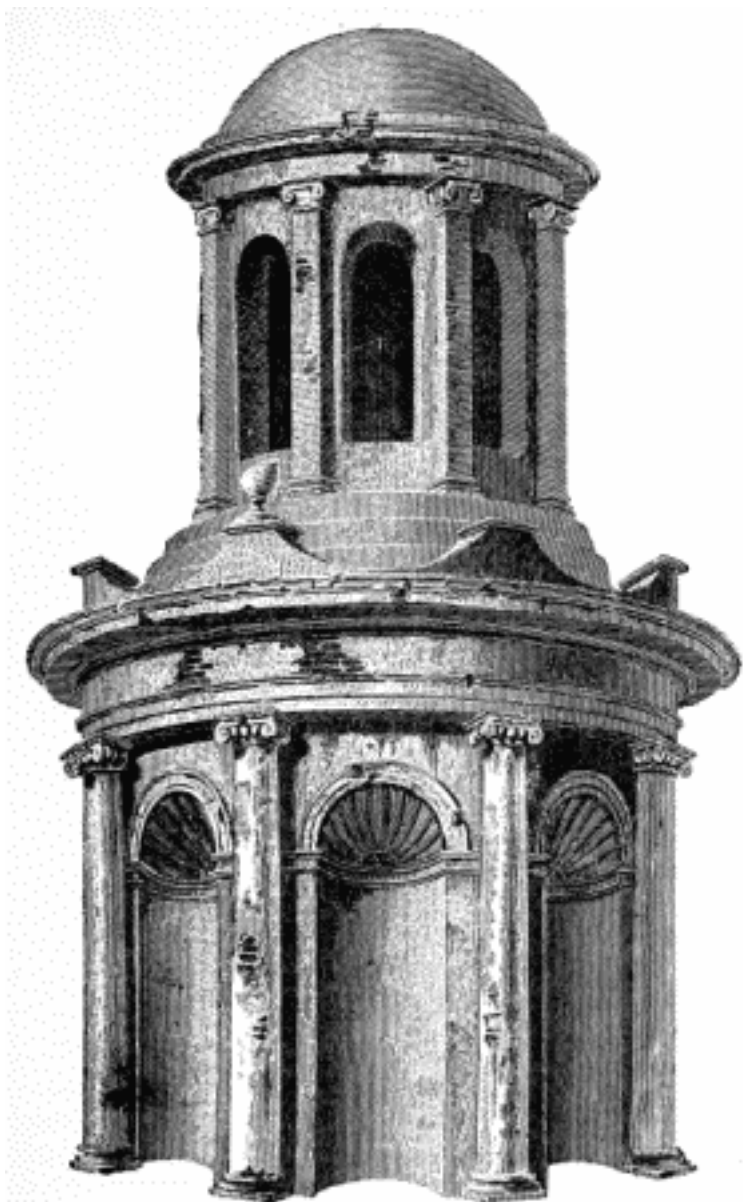
вокруг мыса Доброй Надежды - это один длинный роман; масштабность их замыслов, величие их подвигов и благородство характера их великих капитанов в совокупности составляют историю, представляющую исключительный интерес. И когда вспоминается, что солдаты и матросы этих великих первооткрывателей и завоевателей были жителями самой маленькой страны в Европе, их успех кажется тем более экстраординарным, а интерес к истории нации, воспитавшей португальских героев, становится тем более захватывающим. Как это неизменно бывает в героические эпохи национальной истории, литература и искусство процветали во времена, отличавшиеся военной и военно-морской доблестью, и поскольку Спенсер и Шекспир иллюстрировали елизаветинскую эпоху в Англии так же, как Дрейк и Роли, эпоха Васко да Гамы и Альбокерке в Португалии могла похвастаться также Жилем Висенте, Саа де Мирандой и Камоэнсом. Резкое падение Португалии с величия и богатства ее героического периода до незначительного места среди наций столь же полно великих уроков, которые преподает история, как и история ее роста. Точно так же, как рыцарство, вызванное постоянными боями с маврами, и вдохновение на великие подвиги, поддерживаемое свободой и хорошим правлением достойных королей, породили расу героев, так и рост роскоши и абсолютизма, которому способствовала ограниченность династии фанатиков, лишили Португалию высокого места, которое завоевали для нее герои. Это вещи, над которыми стоит поразмыслить, и уроки, которые стоит усвоить, ибо великая ценность изучения истории заключается в обучении таким истинам, как эти, — истинам, которые вечны, в то время как нации растут и убывают.

Ранняя история страны, получившей название Португалия от графства, образовавшего ядро будущего королевства, идентична истории остальной части Пиренейского полуострова, но заслуживает небольшого внимания из-за старого заблуждения, увековеченного в названии знаменитого эпоса о Камоэнсе и еще не полностью искорененного даже из современных представлений. Португалия, как и остальная часть полуострова, изначально была заселена людьми доисторических эпох, орудия труда которых часто находят в наши дни, а останки пещерных жителей были найдены по всей провинции Алемтеху, и особенно в большой пещере близ Алтер-ду-Чау. Однако самым известным доисторическим памятником является прекрасная "Анта-де-Гимараэнш", точной датой постройки которой португальские археологи очень озабочены. Эти доисторические люди были завоеваны и истреблены первыми волнами великой арийской расы, распространившейся по всей Европе. Кажется, нет никаких сомнений в том, что кельтам, первым арийским иммигрантам, предшествовала неарийская раса, которую разные авторы называют иберийской или эскальдунской нацией, но эта более ранняя раса быстро смешалась с кельтами, и из них вместе образовались пять племен, населявших Пиренейский полуостров, которые Страбон называет кантабрийцами, васконцами, астурийцами, галликанцами и лузитанцами. Страбон также упоминает о существовании греческих колоний в устьях Тежу, Дору и Минью, и любопытно отметить, что старое название Лиссабона, Олисипо, с древнейших времен отождествлялось с именем героя "Одиссеи" и интерпретировалось как означающее город Улисса. Иберийские кельты, несомненно, обладали элементами цивилизации, и с очень раннего периода они научились писать, и примечательным фактом является то, что формирование букв их алфавита прослеживается скорее от греческих, чем финикийских символов. Это тем более примечательно, если вспомнить, что финикийцы, а не греки, всегда упоминаются в истории как монополисты торговли Иберии. Карфагеняне, хотя у них были колонии по всему полуострову, установили свою власть в основном на юге и востоке от него, имея свою столицу в Картагене или Новом Картаго, и, похоже, пренебрегали более варварскими северными и западными провинциями.

Именно по этой причине римлянам было гораздо труднее подчинить эти последние провинции, чем овладеть первыми, которые карфагеняне уже завоевали. Римляне сначала были довольны этими провинциями, которые были переданы им после завершения второй Пунической войны, но в конце концов они начали распространяться на ранее заброшенные районы; и в 189 году до н.э. Луций Эмилий Павел разгромил лузитанцев, а в 185 году до н.э. Гай Кальпурний форсировал Тежу. Здесь нет необходимости обсуждать постепенное завоевание римлянами той части полуострова, которая включает современное королевство Португалия, но необходимо упомянуть о доблестном пастухе Вириате, который вел упорную войну против римлян с 149 года до н.э. до своего убийства в 139 году до н.э., поскольку его обычно называют первым национальным героем Португалии. Это утверждение было основано на предполагаемом отождествлении современной Португалии с древней Лузитанией, отождествлении, которое пустило свои корни глубоко в португальскую литературу и до недавнего времени было общепринятым.

Первым португальским писателем, отождествившим Португалию с Лузитанией, был дом Гарсия де Менесес, епископ Эворы, писавший в правление Иоанна II. в конце пятнадцатого века, хотя эти два термина отчетливо использовались ранними хронистами, такими как Лукас де Туи в его "Chronicon Mundi" и Мэтью де Пизано в его "Герра де Сеута". Ошибочное представление получило дальнейшее развитие во времена Возрождения науки и стало общепринятым к концу шестнадцатого века и преувеличено самим названием таких книг, как "Monarchia Lusitana" Бернардо де Брито и "De Antiquitatibus Lusitaniae" великого антиквария Андреа де Резенде. Фактически, португальские писатели той эпохи с удовольствием называли Португалию классическим именем Лузитания, и Камозэнс, величайший из них, названием своего знаменитого эпоса "Os Lusíadas" или "Лусиады" навсегда запечатлел эту ошибку в португальской литературе.

Это ложное отождествление имело важные исторические последствия. Современные авторы, основываясь на этом предположении, говорили о португальцах как об особой ветви кельтского населения Пиренейского полуострова, идентичной племени лузитанцев, о котором упоминает Страбон. Они также отождествили их с лузитанцами, которые так доблестно боролись против Римской республики под предводительством Пуника и Вириата; они нашли отрывки у латинских историков, описывающие лузитанцев, и морализировали над тем, каким образом черты древних лузитанцев вновь проявляются в современном португальском языке. Идентичность двух наций должна заключаться в доказательстве их совершенной преемственности в расовом или территориальном отношении, и ни в том, ни в другом отношении идентичность не может быть продемонстрирована в данном случае. Кельтское племя лузитанцев обитало, согласно Страбону, в районах к северу от Тежу, в то время как Лузитания латинских историков Республики, несомненно, находилась к югу от этой реки, хотя оно не использовалось в качестве названия провинции до времен Августа, когда старое разделение полуострова на Испанию Центральную и Испанию Дальнюю было заменено разделением на Бетику, Тарраконенсис и Лузитанию. Ни при этом разделении, ни при разделении полуострова на пять провинций Тарраконенсис, Карфагененсис, Бетика, Лузитания и Галлисия при Адриане провинция под названием Лузитания не была граничащей с современным королевством Португалия. Под каждым подразделением название было присвоено району к югу от Тежу и, следовательно, не охватывало современные провинции Энтре-Минью-э-Дору, Трасос-Монтес и Бейра.

ОБРАЗЕЦ РИМСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ.
(Замок К. Сертория в Эворе.)

Важно осознать результаты этого неправильного представления, поскольку оно подчеркивает тот факт, что история Португалии на протяжении многих веков сливается с историей остальной части Пиренейского полуострова, и объясняет, почему нет необходимости изучать войны лузитанцев с Римской республикой, как это часто делается в "истории Португалии". Как и остальная часть полуострова, Португалия была полностью латинизирована во времена Римской империи; римские колонии и муниципалитеты были основаны в местах, подходящих для торговли, таких как Лиссабон и Порту, и контролирующих большие дороги, такие как Ламего и Визеу; римские институты были широко приняты, и латинский язык вытеснил старые кельтские диалекты. Главным португальским городам, как и городам на остальной части полуострова, Веспасиан даровал "Латинское право", и все жители стали римскими гражданами согласно знаменитому указу Каракаллы. Влияние могущественного Рима оставило свои следы по всему

полуострову и в такой же степени в Португалии, как и в Испании. Португальское законодательство основано на древнеримском праве, так же как португальский язык основан на латыни; и многие португальские институты демонстрируют прямое влияние римского правительства. Примечательно, что это относится к муниципальным учреждениям; многие португальские города могут похвастаться особым существованием еще со времен Римской империи, *адумвири* и *бони хоминес* тех дней имеют своих коллег в муниципальном управлении наших дней. В эти дни мира и процветания Португалия также приняла христианскую религию и приветствовала ее так же сердечно, как Франция и Испания, и были основаны епископства, которые существуют до сих пор. В более материальных вещах владычество Рима оставило свои следы в дорогах и мостах, построенных этой расой инженеров, в прекрасных руинах Лейрии, в акведуке и руинах храма Дианы в Эворе.

Мирное существование под властью Рима продолжалось до начала пятого века, когда готы впервые форсировали Пиренеи. Во время первой варварской оккупации свевы захватили Галлицию и Тарраконенсис, аланы - Лузитанию и Карфаген, а вандалы - Бетику или Андалусию. Вторжение вестготов изменило это поселение; аланы и вандалы переправились в Африку, а свевы заняли Бетику и Лузитанию. Вестготская империя оставила в Португалии лишь незначительные следы, даже более слабые, чем в Испании, и португальская знать не претендует, в отличие от испанцев, неизменно на готское происхождение. Этнологически готический элемент в Португалии очень незначителен, хотя страна перешла под власть вестготов во время правления Атаульфа, который женился на сестре римского императора Гонория, и оставалась частью их владений в течение трех столетий. В то время как римское владычество оставило так много следов своего существования и полностью сформировало язык и цивилизацию Испании и Португалии, правление вестготов, просуществовавшее почти так же долго, практически не оставило никаких следов вообще. Причину следует искать в естественной ассимиляции расы, находящейся на низком уровне цивилизации, до статуса высшей расы. Число римлян, которые фактически поселились на полуострове, должно быть, было очень небольшим, однако кельты переняли их язык и цивилизацию, в то время как вестготы-завоеватели, с другой стороны, переняли религию и цивилизацию покоренного ими народа. Могущество вестготов достигло своего зенита в правление Эврика в конце пятого века, а затем неуклонно приходило в упадок, раздираемое внутренними раздорами, и особенно великой борьбой между знатью и правителями христианской церкви. Именно лидеры последней партии, граф Юлиан и архиепископ Оппус, пригласили мусульман из Африки в Испанию, и в борьбе с ними Родерик, последний вестготский король, был убит близ Хереса в битве при Гваделете в 711 году.

История мусульман на Пиренейском полуострове рассматривалась в другом томе этой серии,^[1] и здесь необходимо только отметить, что при мудром и терпимом правлении султанов Омейядов богатые равнины Испании и Португалии сохраняли процветание, которым они наслаждались при римских императорах и вестготских королях, и что старые римские *колонии* и *муниципалитеты* сохранили свое римское самоуправление, а Лиссабон и Порту выросли в богатстве и коммерческом значении. Хотя арабы были фанатичными завоевателями, Омейяды были просвещенными правителями, и христианская религия была защищена, хотя и не поощрялась, до тех пор, пока христианские епископы воздерживались от активных действий против мусульман. В Португалии также, из-за ее удаленности от Кордовы, обязанности правительства были почти полностью возложены на мосарабов, как называли многочисленных

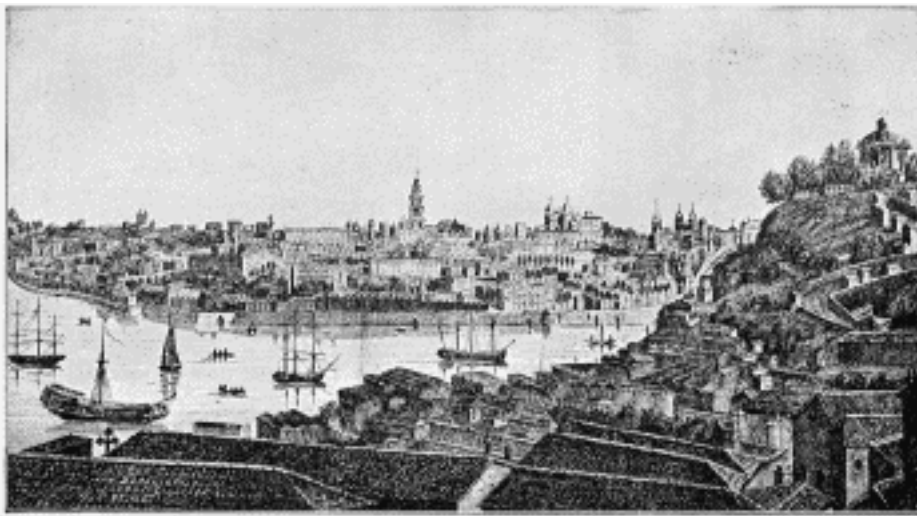
местных жителей, принявших ислам, людей, которые чувствовали важность предотвращения столкновений между приверженцами двух преобладающих религий.

Но такому мирному положению вещей суждено было продлиться недолго; Пиренейскому полуострову, который оставался процветающим при римлянах, вестготах и мусульманах, предстояли столетия ожесточенной войны, войне, которая должна была опустошить его поля и разрушить его города, но из которой его народу предстояло вырасти в расу отважных и рыцарственных воинов. Жители полуострова под властью иностранных государей стали мягкими и слабыми, занятыми только накоплением богатства, чтобы жить в комфорте и роскоши. Архитектурные остатки первой тысячи лет христианской эры показывают, какого уровня комфорта достигли люди, но легкие завоевания вестготов и мавров доказывают, что они ослабли от роскоши. В течение следующих пятисот лет должно было сложиться иное положение вещей. Земля и города Испании и Португалии должны были быть опустошены и уничтожены в ужасных войнах, и должна была возникнуть раса солдат, воспитанных по всем законам и обычаям рыцарства, — раса, которая, не найдя дальнейшего применения своей энергии дома, должна была распространить свою власть на Индию и на Новый Свет, еще неизвестный, по ту сторону Атлантики. Что лучше - жить в роскоши или стать воинами, - этот вопрос не задавался жителям Пиренейского полуострова; у них не было выбора в этом вопросе; но, наблюдая за постепенным развитием этой расы воинов в одной части полуострова, в Португалии, нельзя забывать, что когда она сформировалась, ей предстояло совершить великие дела для Европы и для продвижения более высокой цивилизации, чем та, что существовала в бурные века, в которые она возникла.

К концу десятого века, когда халифат Оммеядов ослабел, христианские князья вестготского происхождения, жившие в горах Астурии, начали более смело нападать на приходящую в упадок державу; и в 997 году Бермудо II, король Галисии, отвоевал у мавров первую часть современной Португалии, захватив Порту и оккупировав провинцию, ныне известную как Энтре Минью-э-Дору. В начале XI века великий мавританский халифат окончательно распался, и в каждом крупном городе утвердились независимые мусульманские эмиры, против которых христианские князья вели непрерывные и успешные войны. В этих войнах кельтские жители полуострова принимали лишь незначительное участие; мавританские армии состояли из мусульман, потомков свирепых воинов Абдера-Рахмана и нескольких мосарабов, в то время как христианские армии состояли только из феодального рыцарства северных гор.

В каждой армии преобладали свои обычаи; сила мавров заключалась в их совершенной военной дисциплине и абсолютном повиновении своим генералам; сила христиан - в новом импульсе к доблести, который давался каждому отдельному рыцарю законами рыцарства. Личные амбиции ни у одной из сторон не были лишены стимула; мавританские генералы надеялись стать эмирами, христианскими рыцарями, феодальными графами. Лучшие солдаты обеих армий были иностранцами на полуострове, будучи, с одной стороны, африканцами, с другой - либо готами по происхождению, либо цветком рыцарства северной Европы, которое отправилось завоевывать свои шпоры в войнах с неверующими, и особенно восхищалось сидом Родриго Диасом де Биваром и следовало за ним. Между этими двумя враждующими группами воинов несчастные кельтские жители средней полосы полуострова были раздавлены; жители северных гор были по феодальному обычаю вынуждены взяться за оружие, чтобы следовать за своими господами, а через столетие или два жители центра в силу необходимости тоже стали воинами и продолжили изгонять мавров обратно в Африку.

Сначала одиннадцатый век был отмечен большими успехами христиан, особенно на западе полуострова. В 1055 году Фердинанд “Великий”, король Леона, Кастилии и Галлии, вторгся в Бейру; в 1057 году он взял Ламего и Визеу; а в 1064 году Коимбру, где он умер в следующем году. Он организовал управление своими завоеваниями единственно возможным при феодальной системе способом, преобразовав их в графство, простиравшееся до Мондего, со столицей в Коимбре. Первым графом Коимбры был Сеснандо, вероломный арабский визирь, который посоветовал Фердинанду вторгнуться в его округ и помог в его легком завоевании. Он женился на христианке и был готов защищать свою новую религию и владения, которыми он владел при христианском короле, с еще большей энергией, зная, что мавританские эмиры и вали на юге считали его отступником. Но хотя графство Сеснандо Коимбра было большим пограничным графством Галлии и самым важным завоеванием Фердинанда “Великого”, королевство, которое должно было развиваться из его владений, получило свое название не оттуда. Среди графств Галлии было одно, называвшееся “comitatus Portucalensis”, потому что в его границах находился знаменитый город в устье реки Дору, известный в римские и греческие времена как Портус Кале, а в наши дни как Порту, или “Порт”. Этому графству Порту, или Португалии, было суждено дать свое название будущему королевству, и на момент смерти Фердинанда им владел Нуно Мендеш, основатель одной из самых известных семей в истории Португалии.

ВИД НА ПОРТУ И ВИЛЬЯ-НОВА ИЗ МОНАСТЫРЯ СЕРРА.
(По рисунку Гоудино.)

Фердинанду “Великому” наследовали в его трех королевствах Кастилия, Леон и Галисия трое его сыновей, Санчо, Альфонсо и Гарсия, последний из которых получил два графства Коимбра и Порту в качестве вотчин Галисии и сохранил Нуно Мендеш и Сеснандо в качестве своих феодалов. При них находилось множество феодальных баронов, которые владели своими землями на условиях военной службы. К счастью, нет необходимости вдаваться в историю войн между сыновьями Фердинанда; достаточно сказать, что второй из них, Альфонсо Леонский, в конце концов объединил все королевства своего отца в 1073 году как Альфонсо VI. Успехи христиан вызвали упорное сопротивление мавров; новая волна фанатизма захлестнула мусульман Африки и полуострова, и возникла новая династия Альморавидов, которая подчинила себе различных эмиров и вали, узурпировавших власть в различных частях старого Омейядского халифата, и еще раз объединила мавританскую власть. Новая династия собрала

большие мусульманские армии, и в 1086 году Юсуф Ибн Тешфин наголову разбил Альфонсо в битве при Залаке и отвоевал полуостров вплоть до Эбро. В этой битве участвовало все рыцарство мавров и христиан, и среди последних был Сеснандо, граф Коимбрский, сопровождаемый своими рыцарями. Альфонсо попытался компенсировать это поражение и потерю территории на востоке своих владений завоеваниями на западе, и в 1093 году он продвинулся к Тежу, взял Сантарен и Лиссабон и назначил Суэйру Мендеса графом нового округа. Но эти завоевания он удерживал недолго; альморавиды были в полном расцвете успеха, и их армии стали почти непреодолимыми благодаря новому фанатизму, вселенному в них. За их завоеваниями на востоке полуострова после битвы при Залаке последовали быстрые успехи на западе. В 1093 году Сейр, полководец альморавидского халифа Юсуфа, отобрал Эвору у эмира Бадахоса; в 1094 году он захватил сам Бадахос и убил эмира; и, отвоевав Лиссабон и Сантарен, пробился к Мондего. Чтобы противостоять этому возрождению мусульманской мощи, Альфонсо призвал на помощь рыцарство христианского мира. Среди рыцарей, присоединившихся к его армии, жаждающих получить свои шпоры и завоевать для себя владения, были граф Раймонд Тулузский и граф Генрих Бургундский. Первому Альфонсо подарил свою законную дочь Урраку и Галисию; второму - свою незаконнорожденную дочь Терезу и графства Порту и Коимбра с титулом графа Португалии.

История Португалии теперь отличается от истории остальной части полуострова, и именно с 1095 года начинается история Португалии. Сыном Генриха Бургундского был великий монарх Афонсо Энрикес, герой своей страны и основатель великой династии. До сих пор было невозможно отделить историю Португалии от истории Испании, но было необходимо указать на тот факт, что история двух стран до сих пор была идентичной, чтобы рассеять распространенное заблуждение, что испанцы и португальцы принадлежат к разным расам. Тот факт, что история Португалии начинается не ранее такой сравнительно недавней даты, преподает еще один важный урок: народы современной Европы не следует рассматривать как целостные образования с древнейших времен, но в некоторых случаях своей особой национальностью в наши дни они обязаны случайным обстоятельствам.

В 1095 году было образовано могущественное графство Португалия: теперь предстоит изучить его рост до королевства и расширение его владений за счет завоеваний мавров, а также его трудности в сохранении своей независимости среди других народов полуострова, прежде чем его можно будет рассматривать как ведущую нацию мира, идущую в авангарде европейской цивилизации.

II.

ГРАФСТВО ПОРТУГАЛИЯ.

ГРАФ ГЕНРИХ Бургундский, его жена Тереза и его сын Афонсо Энрикеш были тремя основателями Португалии, и все они были выдающимися личностями. Они были типичными фигурами своей эпохи, обладавшими любопытной смесью добродетелей и пороков, которая характеризовала эпоху рыцарства.

Граф Генрих был вторым сыном Генриха, который был третьим сыном Роберта, первого герцога Бургундии, и он был, как и его отец и дед, рыцарем старой французской школы, сочетавшим страстную любовь к приключениям и войне с амбициозным и своекорыстным темпераментом. Он прибыл в Испанию на помощь христианам, как с целью основать династию, так и из любви к войне, и с самого начала он больше думал о надежде стать преемником своего тестя Альфонсо VI по крайней мере в одном из его королевств, чем о том, чтобы создать для себя королевство из владений арабских халифов. Он получил свое графство Португалия, приданое своей жены Терезы, незаконнорожденной дочери Альфонсо VI., в качестве прямого феода короны Галлии, одного из трех королевств его тестя. Это королевство Альфонсо даровал, как феодал, а не как королевство, графу Раймонду Тулузскому, который женился на его законной дочери Урраке, и граф Генрих крайне не одобрял того, что он в какой-то мере был феодалом своего товарища-авантюриста. Поначалу ревность между Генрихом и Раймондом никак не проявлялась, поскольку графу Генриху приходилось упорно сражаться, чтобы защитить свои южные границы от вторжений мусульманского генерала Сейра. На помощь себе он призвал рыцарство Франции, и рыцари его родной страны стекались к нему на помощь, и он продвигал их на высокие военные должности и к феодальным сановникам. Битва следовала за битвой, ни одна из сторон не одерживала решающей победы, пока после семи лет упорных боев и христиане, и мавры не решили немного отдохнуть, чтобы оправиться от усталости.

Однако граф Генрих был слишком неугомонным рыцарем Средневековья, чтобы долго сохранять спокойствие. Поскольку его португальские воины были утомлены, а поле битвы на многие мили по обоим берегам Тежу было совершенно опустошено, он не мог больше сражаться в своей стране против неверующих и поэтому в 1103 году поспешил с Морисом, епископом Коимбры, сражаться с ними в Палестине. Два года он служил в экспедиции, известной как Второй крестовый поход, и когда вернулся, все еще был готов к новым боям дома. Его неугомонность была типична для его эпохи. Рыцари крестовых походов всегда были странствующими рыцарями, всегда искали приключений и никогда не пресыщались войной. Церковь поощряла этот дух, и пока альморавидский халиф Юсуф организовывал свои вооруженные силы для нового нападения на христиан, граф Генрих, с другой стороны,

отправился на поиски приключений за границу, оставив свое графство под управлением своей жены Терезы.

К счастью для Португалии, Тереза была исключительно способной женщиной. Красивая и образованная, кумир поэтов и музыкантов, способная внушить глубочайшую преданность, она отдалась сердцем и душой делу, от которого отказался ее неугомонный муж, и провела годы его отсутствия, готовя португальцев к новой борьбе. Она тоже обладала всеми недостатками и добродетелями своей эпохи; страстная во всех смыслах, она стала обожаемым божеством своей знати и во время этого краткого регентства подготовилась к более длительному регентству своего вдовства. Ее главной целью в это время, как и на протяжении всей ее бурной жизни, было заставить португальскую знать считать себя португальцами, а не галликанцами, и таким образом подготовить их к тому, чтобы сделать свою страну независимой. Но хотя ее главным стремлением было воспитать и воодушевить дух своей знати, она не пренебрегала другими классами своих подданных; она поощряла граждан своих городов в их идеях муниципальной независимости и убеждала их содержать свои укрепления в хорошем состоянии и быть готовыми отправиться на войну под командованием капитанов по их собственному выбору, а не под командованием наследственных лидеров из числа знати. Результатом этой политики стало то, что в следующем поколении военные вассалы знати, жившие в своих замках, отправились сражаться бок о бок со свободными гражданами под руководством их избранных лидеров, и что ее сын смог повести под свои знамена два различных класса солдат, которые соперничали друг с другом в доблести против иностранных врагов, в то время как дома они были сдерживающим фактором друг для друга и могли быть натравлены друг на друга в случае, если какой-либо класс становился опасным для их сюзерена.

Когда граф Генрих вернулся из Палестины в 1105 году, его объединило со своим бывшим шурином по оружию, графом Раймондом Галисийским, общее чувство ревности. Оба надеялись унаследовать часть владений короля Альфонсо и крайне опасались, что старый монарх отдаст предпочтение своему незаконному сыну Санчо, матерью которого была мавританская принцесса Заида, дочь Ибн Аббада, эмира Севильи. В своей неприязни к Санчо они поощрялись священниками, которым претила привязанность Альфонсо к мавританке, и между зятьями было заключено соглашение амбициозным французским монахом по имени Гуго Ключинский, впоследствии епископ Опорто, изгнать сына неверного. Это мирное соглашение не имело результата из-за смерти графа Раймонда в 1107 году, за которой последовала смерть молодого Санчо в битве при Уклесе с маврами в 1108 году и, наконец, из-за смерти Альфонсо VI. сам в 1109 году.

Смерть короля привела к катастрофе. Он оставил все свои владения своей законной дочери Урраке, в результате чего между Генрихом Бургундским, Альфонсо Раймундесом, сыном графа Раймонда Альфонсо I Арагонского и королевой Урракой продолжались пять лет ожесточенных боев, в течение которых Альморавиды спокойно укрепляли свою власть и готовились к новому нападению на христиан. Ничто так убедительно не доказывает, что дух крестоносцев часто был лишь прикрытием для личных амбиций, как эта ужасная междоусобная война, в которой принцы и знать переходили на другую сторону и нарушали данные ими обещания с безрассудством, которое, как предполагалось, было характерно для самого заброшенного века. Пока они сражались друг с другом, мусульмане продвигались вперед. Альморавид Али, сменивший своего отца Юсуфа в Испании и Марокко, отвоевал Талаверу и Мадрид и осадил Толедо, в то

время как его знаменитый полководец Сейр Ибн Аби-Бекр отвоевал восставших мавританских эмиров западных городов и в 1112 году осадил Сантарен, который тогда был самым южным форпостом графства Португалия. Однако прежде чем он взял его, Сейр умер, и граф Генрих, который был вынужден отправиться на юг, чтобы встретиться с захватчиками, снова вернулся, чтобы продолжить свои войны с христианскими князьями. Только один инцидент в походе графа Генриха против мусульман заслуживает упоминания, и это отказ граждан Коимбры впустить графа в свой город или следовать за ним на фронт, если он не подтвердит привилегии, предоставленные им донной Терезой, и не предоставит им некоторые новые уступки. Генрих был вынужден удовлетворить их, и после смерти Сейра он снова двинулся в Испанию и участвовал в дальнейших интригах. Это продолжалось недолго, ибо 1 мая 1114 года граф Генрих умер в Асторге, не без подозрения, что он был отравлен королевой Урракой, оставив свою жену Терезу регентом на время несовершеннолетия своего сына Афонсо Энрикеса, которому было всего три года.

Тереза, сделавшая древний город Гимараэс своей столицей, посвятила всю свою энергию превращению владений своего сына в независимое государство; и под ее правлением, в то время как христианские государства Испании были раздираемы междоусобной войной, португальцы начали признавать Португалию своей страной и перестали называть себя галликанцами. Это различие между Португалией и Галисией было первым шагом к формированию национального духа, который перерос в стремление к национальной независимости. Люди были одного происхождения и говорили на одном языке. Провинция Галлия как в римские, так и в готские времена распространилась на юг до Тежу, и до Альфонсо VI не делалось никакого различия между галликанцами севера и юга. подарил графу Генриху его обширные владения. Именно донна Тереза первой попыталась сделать различие более заметным. Граф Генрих рассматривал свое графство как шаг к наследованию королевства Галисия, если не двух королевств Леона и Галисии. Донна Терезия, с другой стороны, смотрела на Португалию как на независимую страну и скорее желала расширить свои границы за счет Галисии, чем унаследовать трон этого королевства.

В своих усилиях по укреплению единства Португалии и независимости Галисии донна Тереза пользовалась горячей поддержкой своего народа, и особенно жителей городов, которым она благоволила, в то время как среди правящих классов она пользовалась поддержкой духовенства и оппозицией большей части знати. Большинство ее знати владело большими поместьями как в Галисии, так и в Португалии, поскольку феодальные пожалования земель, отвоеванных христианами у мусульман, как правило, предоставлялись дворянам, которые приводили им на помощь большие контингенты. Эти дворяне, естественно, были против разделения Португалии и Галлии, которое сделало бы их феодалами двух разных лордов и часто обязывало их в случае споров между их сюзеренами пожертвовать одним из своих владений. С другой стороны, португальские епископы были суффраганами восстановленного архиепископства Брага и не подчинялись никакому галлийскому епископу; более того, они были особенно враждебны к самому богатому из них, могущественному епископу великого города паломников Сантьяго-да-Кампостелла. Было сказано, что многие христианские епископства продолжали существовать во время мавританской оккупации и имели непрерывную историю с момента первого обращения народа в христианство, но некоторые прекратили свое существование из-за бедности их епархий. Продвижение христианских князей, которое было обусловлено как религиозными, так и политическими мотивами, привело к восстановлению упраздненных епископств и увеличению жертвований тех, которые

продолжали существовать. Новые епископы занимали совершенно иную позицию, чем их предшественники. Они были не бедными пастухами бедных стад в стране, управляемой неверными, а могущественными баронами, владевшими большими поместьями на военной основе, которые сочетали влияние своего священного сана со своей светской властью. Митрополитом этих португальских епископов был архиепископ Браги, и, естественно, его политика заключалась в поддержке независимости графства Португалия, поскольку для него было лучше быть главой Церкви важного графства, чем просто одним из архиепископов королевства Галлия. Такой позиции придерживался первый великий архиепископ Браги Маурисио Бурдино, француз и спутник графа Генри в Палестине, который продвинул его из епископства Коимбры в митрополию. В этом его поддержал Хью, епископ Порту, самый богатый из его суфражисток, и история последующего столетия дает много примеров патриотизма португальских епископов и их усилий по продвижению и поддержанию независимости нового государства.

COIMBRA. (НЫНЕШНЕЕ СОСТОЯНИЕ.) (После фотографии.)

Регентство донны Терезии было отмечено множеством сражений, историю которых сейчас трудно проследить, но во всех них можно проследить растущее единство Португалии. Она проявляла живой интерес к политике Галлии, поскольку надеялась расширить свои границы на север, и в 1116 году лично повела свои войска на помощь Диого Гелмиресу, епископу Сантьяго-да-Кампостелла, и графу де Траве, который возглавил восстание, намеревавшееся свергнуть королеву Урраку и немедленно посадить на трон Галлии ее юного сына Альфонсо Раймундеса. В этой войне Тереза взяла города Туй и Оренсе, и графиня-воительница впервые встретила в ходе нее молодого идалго, дон Фернандо Переса де Траву, в которого она страстно влюбилась и чья история в будущем была связана с ее собственной. В 1117 году мавры под предводительством своего халифа Али лично вторглись в ее владения и осадили ее в Коимбре, но ей удалось отбить их, и последующие годы она провела в мире и тишине, в постоянном обществе своего возлюбленного, которого она сделала губернатором Коимбры и Порта и графом Трастамаре; в то время как его старшему брату, Бермудо Пересу де Траве, она отдала руку своей второй дочери от графа Генри, донны Уррака и губернаторство Визеу.

Но прекрасному правителю Португалии недолго было позволено наслаждаться покоем и любовью. Ее сводная сестра Уррака, королева Кастилии, Леона и Галисии, до сих пор была слишком увлечена борьбой со своим вторым мужем, Альфонсо I Арагонским, чтобы обращать на нее какое-либо внимание; но она тоже была принцессой-воином, и в 1121 году приказала Терезе сдать город Туй. Тереза отказалась, и Уррака повел против нее армию, которая разгромила португальцев при Туи, и в конце концов королева взяла графиню Португалии в плен после долгой осады замка Ланхоз. Казалось, что зарождающаяся независимость Португалии вот-вот будет раздавлена, но епископ Гелмирес пришел на помощь Терезе, которая так много сделала для его друзей и родственников, Де Травас, и пригрозил напасть на Урраку, если она не помирится со своей сводной сестрой. Уррака была вынуждена подчиниться, и мирный договор, который затем был подписан, знаменует собой еще один этап в становлении независимости Португалии, поскольку в нем донна Тереза именуется Инфантой и к ней относятся как к равной королеве Урраке, которая также пообещала уступить ей города и районы Торо, Самора и Саламанка.

В течение следующих нескольких лет карьеры сводных сестер были удивительно похожи. Королева Уррака осыпала милостями своего возлюбленного, дона Педро де Лара, пока ее юный сын Альфонсо Раймундес при содействии епископа Гелмиреса не восстал против нее; в то время как донна Тереза с такой же слепотой посвятила себя любви к дону Фернандо Пересу де Траве и таким образом вызвала ненависть своего мальчика-сына Афонсо Энрикеса и Пайо Мендеса, который в 1121 году сменил Маурисио Бурдино на посту архиепископа Браги. Ее ссора с Пайо Мендесом началась через год после того, как он стал архиепископом, и хорошо иллюстрирует отношение португальских епископов. Пока Тереза оставалась живым символом португальского единства и независимости, епископы следовали за ней, но как только она показала свою любовь к галлицийскому дворянину, они отвернулись от нее. Пайо Мендеш был вполне готов возглавить недовольных, поскольку он был братом графа Суэйру Мендеса из Порту по прозвищу Великий, который был главой чисто португальской, в противоположность смешанной португальской и галлицийской знати. В 1122 году архиепископ Пайо запротестовал против дарования дону Фернандо стольких важных постов, и гордая графиня немедленно бросила его в тюрьму. Через несколько дней она была вынуждена освободить его, опасаясь папского интердикта; но она нажила себе злейшего врага, которому вскоре представилась возможность отомстить.

Недовольство Терезой не проявлялось открыто до 1127 года, когда Альфонсо Раймундес, сменивший свою мать Урраку в предыдущем году и принявший титул Альфонсо VII, короля Кастилии, Леона и Галисии, вторгся в Португалию и вынудил Терезу признать его сюзереном и отказаться от своих притязаний на Туй и Оренсе. Граждане Гимараэнса, столицы графства, немедленно объявили Афонсо Энрикеса совершеннолетним и годным к царствованию; но Альфонсо VII выступил против города, и Эгас Монис, бывший наставник молодого графа, который был его губернатором, чтобы заключить мир, пообещал от имени своей бывшей ученицы утвердить покорность Терезы. Однако Афонсо Энрикес, хотя ему было всего семнадцать лет, категорически отказался признать покорность своей матери и наставника и в 1128 году собрал армию с объявленным намерением изгнать донну Терезу и ее любовника из страны. В этом движении мальчика поощряли архиепископ Пайо и его брат Суэйру Мендеш, один из его шуринов, Санчо Нуньес, его сводный брат Педро Афонсо, незаконнорожденный сын графа Генри, Эмигрио Монис и Гарсия Соарес. Донна Тереза также собрала армию, состоявшую в основном из галлийцев, но она потерпела поражение от своего сына в битве при

Сан-Мамеде, близ Гимараэнса, и была взята в плен, а вскоре после этого была изгнана вместе с доном Фернандо из графства, которым она так долго правила.

Так закончилось регентство донны Терезы. Она не добавила ни одного города к владениям своего сына, поскольку ее ранние завоевания были возвращены королевой Урракой и Альфонсо VII. Но она сделала для Португалии больше, чем просто совершала завоевания. Она отстаивала его независимость, и хотя редко называла себя королевой, она никогда не принимала титула ниже, чем Инфанта. Она также подготовилась к расширению Португалии на юг в конце своего регентства, поощряя поселение там орденов религиозных рыцарей. Рыцарям тамплиерам она даровала в 1128 году пограничный город Суре; рыцарям Гроба Господня С. Пайо де Гувейра, Лодейру и Пасосу де Пеналва; а рыцарям Госпиталя - город Леза. Эти начинания должны были принести великие результаты во время правления ее сына.

Последние годы жизни Терезы совершенно не соответствовали блеску ее регентства. После своего изгнания она скиталась по горам Галлии со своим возлюбленным до самой своей смерти в бедности 1 ноября 1130 года. Ее тело было перевезено в Португалию и похоронено рядом с телом графа Генри, ее мужа, в кафедральном соборе Браги, и современные португальцы почитают их обоих как основателей независимости своей страны. У нее странная история. К политическим инстинктам и способности управлять государством, которые ставят ее в ряд самых замечательных женщин всего периода Средневековья; к мужественному мужеству, которое вдохновило ее лично повести своих солдат в бой и позволило ей выдержать мавританскую осаду, она присоединила самое женское из качеств — беззаветную преданность мужчине, которого любила. Ее любовь к Фернандо Пересу, возможно, и заставила ее отклониться от пути, по которому она должна была следовать в качестве регента Португалии, но это не делает ее менее интересным персонажем в глазах потомков. Если она любила слишком сильно, то подвергалась суровому наказанию, и ее смерть в изгнании с лихвой искупала милость, которую она оказала своему возлюбленному. Задачу, начатую графом Генрихом и донной Терезой, суждено было выполнить тому, кто был более великим, чем кто-либо из них, - герою ранней истории Португалии Афонсо Энрикешу, который объединил неугомонную и рыцарскую доблесть своего отца с политическими способностями своей матери.

III.

ПОРТУГАЛИЯ СТАНОВИТСЯ КОРОЛЕВСТВОМ. ПРАВЛЕНИЕ АФФОНСО ЭНРИКЕША.

АФФОНСО ЭНРИКЕС, единственный сын графа Генриха и донны Терезы, который в возрасте семнадцати лет, после битвы при Сан-Мамеде, начал свое долгое и процветающее правление, был одним из героев Средневековья. Он стал преемником правительства Португалии, когда оно все еще считалось графством Галисия, несмотря на заявления Терезы, и после почти шестидесяти лет непрекращающихся сражений он завещал своему сыну могущественное маленькое королевство, независимость которого не подвергалась сомнению, и слава о котором распространилась по всему христианскому миру благодаря победам его первого монарха над маврами. История его ранних лет изобилует чудесными легендами и преданиями, подобными тем, что рассказывают о юности Артура и Карла Великого, которые, если и не заслуживают доверия сами по себе, интересны тем, что показывают чувства португальских хронистов и поэтов по отношению к нему. Его мальчишеские подвиги в горах вокруг Гимараэнса, в которых, как говорят, он сражался с волками, как впоследствии сражался с маврами, и история об огне, который играл у его колыбели, не причинив вреда и даже не напугав юного героя, отдают чудесами и, очевидно, были придуманы в последующие годы. Но, рассказывая историю его образования и воспитывая его биографов, они стояли на более твердой почве. Его отец умер, когда он был еще младенцем, а мать была слишком занята своим возлюбленным и заботами правительства, чтобы уделять ему много внимания. Он был полностью передан на попечение доблестного португальского дворянина Эгаса Мониша, губернатора Гимараэнса. Молодой граф показал себя искусным во всех рыцарских упражнениях; он стал искусным наездником и бесстрашным охотником; и добавил к этим достижениям умение читать и писать, редко приобретаемое в те времена кем-либо, кроме духовенства. По характеру он был рыцарем Средневековья; обладая величайшей личной храбростью, он обладал любовью к поэзии и романтике и восхищался рыцарскими рассказами, которые пели до него; и более того, он был типичным христианином того периода, объединявшим веру в суеверия, которые делали его фанатиком, с раскованностью в жизни, когда речь шла о любви к женщинам или романтических приключениях, что прямо противоречило его религиозным убеждениям.

Его посвящение в общественную жизнь началось в возрасте четырнадцати лет, когда его наставник и опекун отвез его в Самору, чтобы он получил рыцарское звание в кафедральном соборе от своего двоюродного брата Альфонсо VII. Таким образом, именно на праздник Пятидесятницы в 1125 году он посвятил свою жизнь рыцарству, принес свои обеты и всю ночь наблюдал за своим оружием в соборе со всем пылом своего возраста и темперамента. Ему

пришлось сражаться во многих войнах со своим двоюродным братом, который затем произвел его в рыцари; но ни один из них, хотя и не вел нравственной жизни, никогда не проявлял себя как благородный рыцарь. Афонсо вернулся в Гимараэнс вместе с Эгасом Монишем, и многие представители португальской знати сразу же предложили ему лично взять на себя управление своим графством и лишить свою мать регентства. Он был приучен к этой идее архиепископом Пайо Мендесом и его партией, и когда донна Тереза и Эгас Монис пообещали за него, что он подчинится Альфонсо VII, он отказался выполнить их обещания и объявил себя совершеннолетним в 1128 году. Он быстро победил свою мать в битве при Сан-Мамеде, а затем стал настоящим правителем своего графства. Своим поведением после такого поведения своего подопечного и ученика старый Эгас Мониш показал, насколько он годился на роль наставника героя. Когда старый дворянин понял, что Афонсо не подчинится королю Кастилии, Леона и Галлии, что он обещал от имени молодого графа, он отправился в Толедо со своей женой и детьми и сдался Альфонсо VII. Молодой король уважал верность старика своему слову и, вместо того чтобы наказать его, указал на него своим придворным как на образец для подражания и громко сказал: “Какие великие дела не сможет совершить ученик такого благородного рыцаря!”

Правление Афонсо Энрикеша можно разделить на четыре четко обозначенных периода — регентство донны Терезы; войны за расчленение, в результате которых была установлена независимость Португалии; захватнические войны с маврами, в результате которых была расширена южная граница страны; и период частичного упадка после поражения и тюремного заключения короля в 1166 году. Из этих четырех периодов был описан первый, но каждый из остальных заслуживает пристального изучения, поскольку каждый из них имеет особое значение в истории Португалии.

Четыре войны Афонсо Энрикеша с Альфонсо VII закончились признанием португальского героя королем и отказом от всякого вмешательства в дела Галлии. Первая галлийская война состояла из вторжения Афонсо Энрикеша в Галисию в 1130 году, в год смерти его матери, которое было вызвано желанием графа наказать Фернандо Переса, который готовил на своей стороне вторжение в Португалию. От этого вторжения Афонсо отвлекло известие о том, что брат Фернандо, Бермудо Перес, который женился на сестре Афонсо и был губернатором Визеу, поднял открытое восстание. Афонсо немедленно вернулся, захватил замок Сейя Бермудо, конфисковал его поместья и заставил его постричься в монахи; а галликанская партия в Португалии получила удар, от которого так и не оправилась. В 1135 году Афонсо совершил второе вторжение в Галисию, взял город Лимия и построил большой замок Цельмес. Альфонсо VII, который в этом году был избран императором и верховенство которого было признано не только во всей Испании, но и в Провансе, вероятно, не стал мириться с такой наглостью со стороны графа Португалии и быстро послал армию, которая захватила Цельм, а затем отступила. Афонсо не чувствовал благодарности за снисхождение, с которым к нему отнеслись, но в 1137 году совершил третье вторжение в Галисию по приглашению Гомеса Нуньеса из Туи и Родриго Переса из Лимии и наголову разбил графов, верных Альфонсо VII, во главе со своим старым врагом Фернандо Пересом и Родриго Велой, в упорной битве при Чернехе. Это поражение наконец взбодрило императора Альфонсо, который лично прибыл с мощной армией, чтобы наказать графа, или, как он теперь называл себя, инфанта Португалии. К счастью для Афонсо, две армии не подрались; священнослужители с обеих сторон утверждали, что для двух христианских князей было чудовищно сражаться друг с другом, а не с маврами, и при посредничестве архиепископа Браги и епископа Порту от имени Афонсо и епископов Туа,

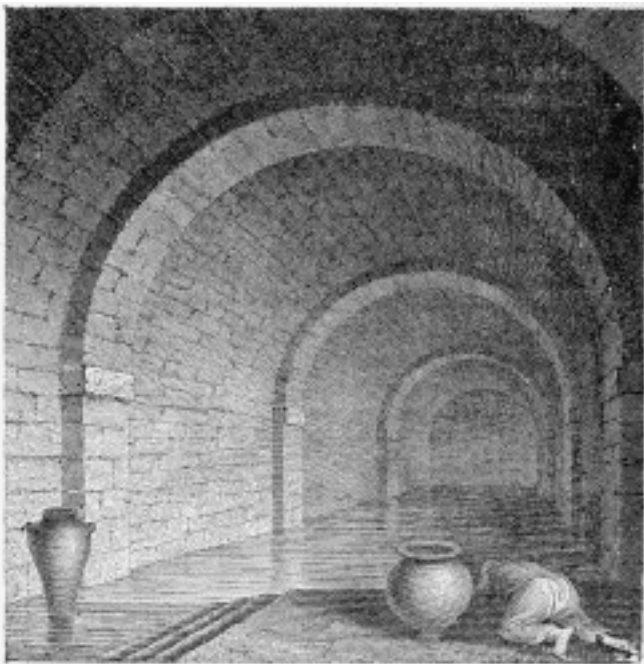
Сеговии и Оренсе от имени императора 4 июля 1137 года был подписан Туйский мир. Этим миром Афонсо Энрикес обещал отказаться от всякого вмешательства в дела Галлии и подчиниться императору в качестве вассала, и оба принца поклялись обратить свое оружие против мусульман. Но португальский принц не подчинился условиям Туйского мира, поскольку это делало его вассалом; и после одержанной им знаменитой победы над маврами при Орике в 1139 году он снова вторгся в Галисию, и в 1140 году состоялась последняя битва между сыновьями двух братьев по оружию, французских графов Раймона и Генриха. Афонсо Энрикеш был уязвлен, и было решено, в соответствии с идеями времени, передать великий вопрос о независимости Португалии на рассмотрение рыцарского состязания. В большом турнире, известном как “Турнир Вальдевесы”, португальские рыцари одержали полную победу над рыцарями Кастилии, и в результате их победы Афонсо Энрикеш принял титул короля Португалии.

Это поворотный момент португальской истории, и любопытно, что независимость Португалии от Галлии была достигнута победой на турнире, а не в войне. До 1136 года Афонсо Энрикес называл себя инфантом в подражание титулу, который носила его мать; с 1136 по 1140 год он называл себя принсипи, а в 1140 году впервые принял титул короля. Не сохранилось ни одного документа, в котором император признавал бы своего двоюродного брата сувереном ранее этой даты, и, действительно, соглашение известно только как “Перемирие Вальдевесы”, но он, очевидно, согласился с ним при условии, что Афонсо Энрикес откажется от всякой мысли о вмешательстве в политику Галлии или о расширении своих границ на север. Но прежде чем португальский принц смог получить допуск в священный круг христианских королей, необходимо было получить более важное согласие, чем согласие императора, и это было согласие папы Римского. Главой Церкви в этот период был Иннокентий II, который искренне желал способствовать распространению духа крестоносцев и был особенно огорчен самим существованием мавров в Испании. Он отправил кардинала Ги де Вико установить союз между тамошними христианскими князьями, и кардинал в 1143 году составил обычный мирный договор между императором и Афонсо Энрикесом в Саморе. По этому договору последний был признан суверенным монархом Португалии, и император также предоставил ему лордство Асторга в качестве феода, чтобы он мог таким образом осуществлять некоторый контроль над португальским королем. В награду за посредничество кардинала Афонсо Энрикес далее объявил себя в письме вассалом папы римского и пообещал выплачивать четыре унции золота в год, благодаря чему он перешел под защиту Духовного главы христианского мира и получил гарантию увековечения своей династии.

Португалия теперь была независимым королевством. Войны за расчленение закончились; их место теперь должны были занять войны за расширение и утверждение. Следующие двадцать пять лет правления Афонсо Энрикеса прошли в одном долгом крестовом походе против мавров и были полны происшествий и авантур.

Но прежде чем перейти к краткому описанию этих войн, которые распространили славу португальцев и их монарха по всей Европе, следует кое-что сказать о мавританских войнах, которые велись одновременно с войнами за расчленение. Эти галлийские войны были описаны первыми и сами по себе, из-за распространенной ошибки, согласно которой Афонсо Энрикес завоевал свою корону именно благодаря своим успехам против мавров. Эта ошибка давняя; ранние португальские хронисты всегда приписывали независимость своей страны успехам своего первого короля над неверными, и только после того, как в Португалии возникла

современная школа историков, которая изучала документы и не принимала на веру заявления своих предшественников, было ясно указано, что Афонсо Энрикеш завоевал свою корону благодаря долгой борьбе со своим кузеном-христианином, а не благодаря подвигам против мавров. Этот факт настолько важен, что он входит в число самых поразительных открытий, сделанных современной научной школой историков, и, чтобы привлечь к нему более пристальное внимание, первые годы войны с маврами до сих пор намеренно игнорировались; хотя не может быть сомнений в том, что подвиги великого португальского крестоносца сделали императора более готовым признать его независимым сувереном, а папу Римского - более стремящимся удовлетворить его желание быть принятым в число государей Европы. В качестве доказательства его признания здесь можно отметить, что Афонсо Энрикеш женился в 1146 году на дочери европейского принца Матильде Савойской, дочери Амадея II, графа Савойи, Морьенны и Пьемонта.

ВИД НА ДРЕВНЮЮ МАВРИТАНСКУЮ БАНЮ В ЦИНТРЕ.
(Из книги Мерфи “Путешествия по Португалии”, 1795)

Положение мавританской державы в Испании было особенно благоприятным для его первых предприятий в Галисии, поскольку оно оставило его сравнительно свободным от страха вторжения с юга и дало ему возможности одержать знаменательные победы. Волна мусульманского фанатизма, установившая династию Альморавидов в Испании и Марокко и разгромившая христианское рыцарство в битве при Залаке, утратила свою силу, и Альморавиды выродились.^[2] Независимые мусульманские династии снова утвердились в различных провинциях Испании, в то время как в Африке преемник Махди, Абд-эль-Мумин, разрушал власть Альморавидов новым фанатичным движением. Тринадцать независимыми эмирами, с которыми португальцам пришлось иметь дело, были альфагар, или алгарве, Аль-касп Ибн Аби Датчанин, в состав которого входили Бадахос, Эльвас и Эвора, и Белата, которая включала мусульманские владения к северу от Тежу с важными городами Лиссабон, Сантарен и Цинтра. Под властью этих эмиров находились многочисленные “вали” округов, “везиры” городов и “каиды” замков, которые были полунезависимыми; и поскольку не только эмиры, но и их

подчиненные постоянно воевали друг с другом и могли рассчитывать лишь на небольшую помощь от альморавидского халифа, вторжения португальцев, как правило, увенчивались успехом.

После своего прихода к власти Афонсо Энрикес в основном возложил обязанность беспокоить мавров на рыцарей-тамплиеров и рыцарей-госпитальеров, которые часто совершали экспедиции из своих штаб-квартир в Суре и Томаре, где они были основаны донной Терезой. Будучи занят своими планами обретения независимости, Афонсо мало что сделал, чтобы помочь этим монахам-рыцарям, за исключением строительства большого замка в Лейрии, который должен был одновременно прикрывать его столицу Коимбру и служить базой для экспедиций против Сантарена и Цинтры. Возведение этого замка встревожило мусульман Белаты и заставило их на мгновение прекратить свои ссоры друг с другом. Они собрали большую армию, и в 1135 году, в тот самый год, когда был построен замок Лейрия, они взяли его штурмом, убили 240 рыцарей, оставленных в качестве гарнизона, и разгромили христианскую армию при Томаре. Во время этих бедствий Афонсо находился в Галисии, но когда дела там были временно урегулированы Туй-ским миром, он приготовился предпринять большую экспедицию против мавров и собрал все рыцарство Португалии, чтобы последовать за ним.

Когда он собрал свою армию в мае 1139 года, он решил сделать больше, чем совершить одну из обычных экспедиций в разрушенные районы Белаты, и проложить себе путь к югу от Тежу, и таким образом перенести войну в сердце страны противника. Он знал, что противостояние будет не таким серьезным, как в предыдущие годы, потому что Тешфин, последний альморавидский халиф, сменивший своего отца в 1137 году, в 1138 году перевез цвет мусульманского рыцарства Испании через пролив в Африку, чтобы предпринять последнюю попытку подчинить растущую мощь альмохадов, или последователей Махди. Он также знал, что его двоюродный брат Альфонсо совершает свое второе вторжение в сердце Андалусии, и поэтому смело пересек Тахо и вступил в провинцию Аль-Каср Ибн Аби Данес, как называлась западная часть старого мусульманского эмирата Гарб. Эмир, Исмар или Омар, попытался собрать армию, но Афонсо быстро продвинулся вперед и наголову разбил его с четырьмя его "вали" в Орике или Орике в восьми лигах к югу от Беджи 25 июля 1139 года.

Это знаменитая победа Орики, которая, пока современные исследователи не изучили факты, считалась заложившей основы независимости Португалии. Хронисты, спустя два столетия после битвы, торжественно утверждали, что в этом случае потерпели поражение пять королей, что двести тысяч мусульман были убиты и что после победы португальские солдаты подняли Афонсо на своих щитах и приветствовали его как короля. Эта история абсолютно не подтверждается современными хрониками и является таким же вымыслом, как кортесы Ламего, которые были выдуманы как заседавшие в 1143 году и принимавшие конституционные законы, на которые Верто и другие авторы потратили так много красноречия. Возможно, следует с большим почтением относиться к легенде, повествующей о том, как распятый Христос явился Афонсо в его палатке вечером накануне битвы и пообещал ему победу, даже несмотря на то, что современной традиции, ссылающейся на это, нет; потому что утверждение Афонсо о том, что он видел такое видение, чтобы ободрить своих солдат, вполне соответствовало бы мистицизму средневековья. Эта традиция, безусловно, была актуальна спустя столетие после битвы, и короли Португалии по сей день носят пять главных ран Христа на своем гербе в память об этом.^[3] Все эти легенды заслуживают упоминания, хотя бы для того, чтобы показать, насколько велика была слава о победе Афонсо, скорее из-за его мужества проникнуть так далеко на

территорию противника, чем из-за его успеха в самой битве. Этим успехом была победа над пятью провинциальными вали в стране, ненавидевшей Альморавидов, в то время, когда цвет мусульманского рыцарства сражался в Африке, и не такими победами, а тяжелой борьбой со своим кузеном-христианином Афонсо добился независимости своей страны. Если и требовалось какое-либо другое дополнительное доказательство того, что победа была не такой, какой ее описывали поэты и более поздние историки, то его можно было бы найти в том факте, что уже в следующем году Исмар или Омар, эмир, потерпевший поражение при Орике, смог собрать свежую армию, с которой взял штурмом замок Лейрия.

АРКА ЗАПАДНОГО ВХОДА В СТАРУЮ ЧАСОВНЮ В ЛЕЙРИИ.

В течение многих лет после признания независимости Афонсо история его правления наполнена рассказами о войнах с маврами. Но война больше не состояла из одиночных экспедиций, подобных той, что увенчалась победой при Орике, а из неуклонного завоевания Белаты. Усилия португальцев сначала были направлены против городов и замков, а сельские районы были разорены и оставлены лежать в запустении. Весь район между Коимбарой и Тежу был одним большим полем битвы, и Афонсо делал все, что мог, чтобы взять и удержать города, и был вынужден оставить деревни в запустении. Население его первоначального королевства было недостаточно велико, чтобы колонизировать новые завоевания, и поэтому Афонсо ограничил свои усилия опустошением полей и размещением гарнизонов в городах, отнятых им у мавров, любыми солдатами, которых ему удавалось взять себе на жалованье. Следует отметить, что война не была войной на уничтожение; мусульманские и христианские солдаты сражались достаточно яростно, но кельтские жители городов и большое количество евреев, которые жили среди них, достаточно спокойно перешли из-под власти одной расы в руки другой. Война была войной солдат, и трудность Афонсо заключалась в том, чтобы набрать их достаточное количество, чтобы предпринять успешную попытку сохранить свои завоевания. Португальская знать с радостью последовала за ним со своими вассалами, а религиозные

рыцарские ордена оплатили ему своими услугами за щедрость, с которой донна Тереза приняла их, но ни один из этих источников военной мощи не был для него так ценен, как крестоносцы северной Европы. Он заручился их поддержкой двумя способами. Папа Иннокентий II. он объявил, что сражаться с неверными в Испании так же похвально, как и на Святой Земле, и многие крестоносцы выполнили свои крестоносные обеты, приехав в Португалию и поступив там на службу. Но большинство воинов креста предпочли отправиться в Палестину, и поскольку воины из Англии, Фландрии и северной Франции обходили ее морем и неизменно заходили в Порту, Афонсо смог убедить многих из них немного повоевать под его командованием против мавров, прежде чем продолжить атаку на сарацин в Святой Земле. Именно это он и сделал в 1143 году, когда вместе с несколькими французскими крестоносцами разорил окрестности Лиссабона.

История португальского завоевания Белаты имеет величайшее значение сама по себе, и примечательно, что первое вторжение Афонсо в страну, удерживаемую маврами после подписания Саморского мирного договора, состоялось по приглашению мавританского эмира. Ахмад Ибн Каси, эмир Мертолы, написал ему в 1144 году под именем и титулом Ибн Эррика, лорда Коимбры, и умолял его прийти на помощь против эмира Бадахоса. Но мавританские солдаты Ахмада Ибн Каси отказались сражаться в одном строю с христианами, и Афонсо попросили удалиться и нагрузили подарками. После этого он все больше чувствовал, что для него выгоднее завоевывать соседние города один за другим, чем совершать эти далекие экспедиции. Было очевидно, что его первая атака должна быть направлена против великого и красивого города Сантарен, который господствовал над верховьями Тежу и находился всего в одном дневном переходе от его столицы Коимбры. Абу Зекерия, “везир” Сантарена, был самым известным мусульманским воином в Белате и нанес сокрушительное поражение рыцарям-тамплиерам при Суре, и в его лице у Афонсо был достойный противник. Единственный способ взять его город состоял в том, чтобы застать его врасплох, и с этой целью португальский король тщательно подготовился. Он никому не говорил о своих истинных намерениях, кроме одного старого солдата, Мема Рамиреса, и первого португальского канонизированного святого, святого Теотонио, в то время настоятеля монастыря Санта-Крус в Коимбре. 2 марта 1147 года он повел свою армию вперед и, захватив город врасплох прежде, чем его “везир” успел снабдить его продовольствием, осадил на несколько дней, а 15 марта взял его штурмом при незначительном сопротивлении удрученного гарнизона.

ВИД НА ЛИССАБОН. (После фотографии.)

Этот ратный подвиг был превзойден в том же году еще более великим событием - взятием Лиссабона, важного города в устье Тежу, будущей столицы Португалии и порта, из которого португальским кораблям предстояло отправиться в свои исследовательские путешествия как на восток, так и на запад. Афонсо Энрикес давно хотел захватить этот великий город, потому что, если бы он владел им так же хорошо, как Сантареном, он смог бы защищать Тежу как свою южную границу и иметь гораздо лучшую базу для операций. Этот древний город, благодаря своему расположению на Тежу, был естественной столицей западного побережья Пиренейского полуострова и когда-то был древнегреческой колонией. Легенда о том, что он был основан Улиссом, который дал ему название Улисси́по, впоследствии преобразованное в Оли́сипо и Лиссабон, является древней; и это название, безусловно, сохранялось вплоть до времен Августа, когда там была основана римская колония, а ее название было изменено на Фелиситас Джулия. Его захват маврами в 714 году ознаменовал один из величайших этапов их продвижения, и он оставался столицей их провинции Белата более четырехсот лет. Он трижды захватывался христианами — в 792 году Альфонсо Целомудренным из Кастилии; в 851 году Ордонью I из Леона; и в 1093 году Альфонсо VI, тестем графа Генриха, но оставался в их владении всего двадцать лет после первого захвата и всего несколько месяцев во втором и третьем случаях. В этом случае Афонсо надеялся добиться постоянного успеха и сделать его столицей своего королевства.

Очень сомнительно, что португальский король решился бы на этот опасный ратный подвиг так скоро после взятия Сантарена, если бы до него не дошла весть из Порту о том, что там высадился большой флот крестоносцев и что епископ Порту убедил воинов креста начать их священную войну против неверных, оказав помощь во взятии Лиссабона, прежде чем они продолжат свой путь в Палестину. Основную массу этих крестоносцев составляли англичане, и поскольку недавно было обнаружено и опубликовано письмо, описывающее экспедицию и осаду одного из них,^[4] можно проследить всю историю этого важнейшего события в истории Португалии. Флот, вышедший из Дартмута, состоял из 164 кораблей под командованием нескольких капитанов, из которых наиболее важными были Арнольд Эршотский и Кристиан Гистелл, командовавшие немцами, фламандцами и людьми графства Булонь; Херви Гланвилл,

констебль людей Норфолка и Саффолка; Саймон Дуврский, “констебль всех кораблей Кента”; Эндрю Лондонский и Сахер де Арселлис. Английский крестоносец сообщает в своем письме, что предложение епископа Порту не было всеми хорошо воспринято и что двум “пиратам” по имени Уильям Витулус и Ральф, его брат, удалось на время увести прочь жителей Хэмпшира, Бристоля и Гастингса, чье сотрудничество, однако, вскоре было обеспечено красноречием Херви Гланвилла. Таким образом, северные крестоносцы, объединившись, отплыли к Тежу и, высадившись в устье реки, двинулись вверх, чтобы присоединиться к Аффонсо и его португальским рыцарям. Даже с таким большим подкреплением у короля Португалии не было достаточного количества солдат, чтобы блокировать великий город, и он сосредоточил все свои усилия в одном конкретном месте, куда, наконец, 24 октября он ворвался. Сопротивление, по-видимому, было не очень упорным; мавры Белаты были подавлены захватом Сантарена; жители южных провинций были либо отвлечены междоусобной войной, либо парализованы страхом перед альмохадами; и Аффонсо было позволено осуществить и закрепить свои завоевания.

Помимо своей внутренней важности, взятие Лиссабона заслуживает внимания из-за помощи, оказанной португальцам англичанами; это первый пример тесной связи между двумя нациями, которая продолжается вплоть до нынешнего столетия, связи, которая делает историю Португалии особенно интересной для англичан. После завоевания большинство крестоносцев отправились в Святую Землю, но португальский король щедрыми предложениями сумел убедить немногих поселиться в его владениях, некоторые из которых основали знатные семьи. Неудивительно, что Аффонсо был почти поражен собственным успехом. Цинтра, Палмелла, Мафра и Альмада сдались ему без единого удара в 1147 году; Алемкер, Обидуш, Торрес-Новас и Порто-де-Мос в 1148 году; и он оказался хозяином всей южной Бейры и Эстремадуры. Его большая трудность заключалась в том, как одновременно занять и обустроить свои новые владения и подготовиться к дальнейшему наступлению, и только явная нехватка людей остановила его завоевательную карьеру. Гилберт из Гастингса, англичанин, которого он сделал епископом Лиссабона, отправился в Англию проповедовать крестовый поход в Португалии с полного согласия короля Генриха II., но он привел с собой не так уж много людей, и Афонсо пришлось ждать десять лет, прежде чем он сделал свой следующий решающий шаг вперед. Он провел эти годы, укрепляя укрепления своих новых городов и привлекая в них жителей из своих старых городов; он также не забыл выразить свою благодарность Церкви, которая позволила своим присягнувшим солдатам помочь ему; в 1153 году он основал великолепный монастырь Алсобаса, будущее место упокоения королей Португалии и лучший образец средневековой архитектуры во всей стране. Все это время он с нетерпением ждал возможности сделать еще один шаг вперед и захватить богатый город Алькасер-ду-Сал. В 1152 году он был отбит при своем первом нападении на этот город; в 1157 году он снова был отбит, хотя ему помогали Тьерри Эльзасский и отряд крестоносцев; но, наконец, 28 июня 1158 года он добился успеха и достиг вершины своего величия и процветания.

В течение этих лет, когда он сражался с маврами, Аффонсо Энрикес соблюдал условия Саморского мирного договора и благоразумно избегал любого вмешательства в дела Испании; но смерть его двоюродного брата, императора Альфонсо, в 1157 году, которая сделала его старейшим и самым известным воином на полуострове, похоже, побудила его отказаться от этой благоразумной политики. Император разделил свои королевства, оставив Кастилию

своему сыну Санчо, а Леон и Галисию - своему сыну Фердинанду, разделение, которое также, по-видимому, побудило Афонсо поверить, что он может сыграть определенную роль в испанских делах. К его союзу стремились все стороны, и в январе 1160 года он обручил свою старшую дочь донну Матильду с Раймондом Беренгером, наследником престола Арагона; а чуть позже в том же году он пообещал свою вторую дочь, Донну Урраку, королю Фердинанду; и заключил Мирный договор в Селла-Нова, по которому было решено, что каждый монарх должен вести свои войны против мавров независимо, и что русло Гвадианы должно быть границей между их соответствующими линиями завоеваний. Этот договор, несомненно, был вызван тем фактом, что мавры в Африке снова объединились под властью халифа Альмохадов Абд-эль-Мумина и что следовало ожидать крупного вторжения мусульман в Испанию.

Это вторжение произошло уже в следующем, 1161 году. Абд-эль-Мумин пересек Гибралтарский пролив с восемнадцатью тысячами испытанных солдат-альмохадов и, подчинив независимых мусульманских эмиров, нанес Афонсо Энрикешу его первое настоящее поражение и отбросил его обратно в Лиссабон и Сантарен. Смерть Абд-эль-Мумина в 1163 году вновь изменила положение дел. Спорный вопрос о престолонаследии занимал воинов альмохадов в Африке, и независимые банды "сальтеадоров", которые были немногим лучше разбойников и вольных копейщиков, начали заявлять о себе как о мелких феодальных князьках в различных городах и округах Алемтехо, провинции к югу от Тежу, которая теперь стала полем битвы между христианами и маврами. Афонсо Энрикеш позволил им поступать, как им заблагорассудится; у него были большие амбиции, и, поскольку раньше он замышлял захватить Сантарен, Лиссабон и Алькасер-ду-Сал, теперь он обратил свой взор на великий город Бадахос, хотя тот находился на восточном берегу Гвадианы, которую он согласился оставить королю Леона. С этой целью он захватил Бежу в 1162 году, Трухильо и Эвору в 1165 году и Касерес в 1166 году, таким образом постепенно приближаясь к городу, которого он так жаждал. Король Фердинанд был не из тех, кто позволит этим нарушениям договора остаться незамеченными, и основал город Сьюдад-Родриго, чтобы командовать северо-восточными районами Португалии и угрожать им.

Но Фердинанд в это время был занят борьбой со своим племянником Альфонсо IX. король Кастилии, и Афонсо подумал, что может воспользоваться им. В 1167 году он снова занял Туй и Лимию, два приграничных галлийских города, которые он официально сдал по Заморскому мирному договору; а в 1169 году он осадил Бадахос. Это нарушение договора, естественно, привело в ярость короля Фердинанда, который собрал огромную армию и осадил своего тестя в его лагере. Испанцы добивались успеха во всех отношениях; португальцы повсюду терпели поражения; их монарх-воин, теперь уже в преклонных годах, сломал ногу и был вынужден капитулировать.

Фердинанд использовал свою победу сдержанно; он помнил, какие великие дела Афонсо сделал для христианского мира; и после двухмесячного плена он позволил португальскому королю вернуться в свою страну после сдачи им городов в Галисии и на левом берегу Гвадианы, которые он захватил в нарушение международных договоров. Но дух старого воина был сломлен; он больше никогда не мог сесть на лошадь, и примерно в 1172 году он присоединил к себе в правительстве Португалии своего сына Санчо, которому дал титул короля и возложил все военные обязанности и руководство португальскими армиями.

Однако в то время Санчо был всего лишь мальчиком, хотя впоследствии он показал себя достойным сыном своего отца, и Афонсо было необходимо принять другие меры против

мавров, которые теперь объединились под властью халифа альмохадов Юсуфа. Сначала он пообещал рыцарям-тамплиерам треть всего, что они смогут завоевать в будущем, если будут защищать Алемтехо. Но тамплиеры были слишком малочисленны, чтобы что-то предпринять, и Юсуф быстро отвоевал весь Алемтехо, а затем осадил Сантарем. Однако здесь ему помешали; оборона была укреплена со всем военным мастерством, известным в Средние века, и город был хорошо снабжен провизией. Юсуф был вынужден уйти в отставку, и когда он это сделал, Афонсо впервые за свою долгую карьеру заключил перемирие с неверными на семь лет.

Когда его сын Санчо, который в 1174 году женился на донне Дульче, дочери Раймона Беренгера, графа Барселонского, и Петрониллы, королевы Арагона, на долгие годы обрел благоразумие, он нарушил это перемирие; и в 1176 году он совершил вторжение в мавританскую Испанию до города Севилья и привез с собой много добычи. Это вторжение возродило постоянные бои с мусульманами, и на следующие несколько лет Алемтеджо снова превратился в большое поле битвы. В 1179 году, когда папа Александр III специальной папской буллой подтвердил независимость Португалии, мавры были отброшены от Абрантиша; в 1180 году они разрушили Корруче, а в 1181 году потерпели поражение при Эворе. Величайшая борьба была еще впереди. В мае 1184 года Юсуф пересек пролив с лучшей и лучше всего оснащенной мусульманской армией, которую Альмохады когда-либо приводили в Испанию; а в июне он во второй раз осадил Сантарен. Португальский город защищал Мор, и 4 июля 1184 года Санчо наголову разбил охваченную лихорадкой армию мавров в великой битве, в которой сам Юсуф был смертельно ранен. Легенда гласит, что Афонсо Энрикеса несли на носилках во главе подкрепления, что позволило Санчо одержать эту знаменательную победу, которая, независимо от того, присутствовал он сам или нет, стала достойным завершением правления великого короля-крестоносца.

В эти последние годы мавританских войн Афонсо сохранил всю живость ума, если не всю физическую активность своих ранних лет, и поскольку его сын Санчо всегда был на войне, он полностью посвятил себя своей последней оставшейся дочери, донне Терезе. Красоту этой принцессы воспевали трубадуры при всех дворах Европы, и ее руки страстно добивались многие женихи. В 1183 году старый король наконец принял ее предложение, и она покинула своего отца и свою страну, чтобы выйти замуж за Филиппа, богатого графа Фландрии. Поэты и хронисты сходятся во мнении, что уход этой дорогой дочери разбил сердце старого короля; однако он дожил до того, чтобы услышать о последней великой победе при Сантарене, даже если легенда о том, что он не присутствовал при этом, необоснованна, и он умер 6 декабря следующего, 1185 года, в Коимбре. Он был похоронен в церкви приората Санта-Крус, в том городе, из которого родом его друг С. Теотонио был настоятелем, и его могила по праву почитается как могила истинного основателя независимости Португалии.

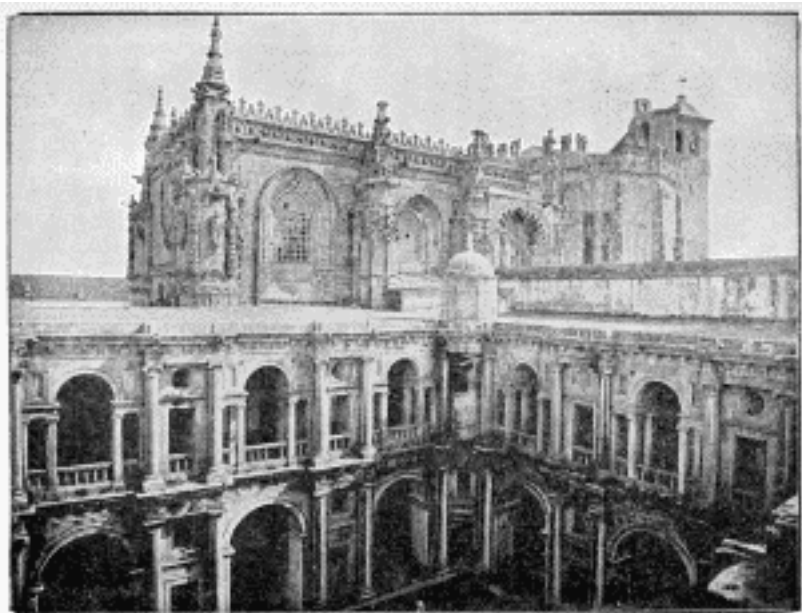
Редко бывает так, чтобы за время правления одного человека большое графство, не имеющее значения, превратилось в мощное компактное маленькое королевство, даже в средние века, и то, что новое королевство сохранилось до наших дней, не имеет аналогов в истории Европы. Именно это придает истории правления Афонсо Энрикеша такой необычный интерес и важность в целом, в отличие от португальской истории. Нет никаких географических или этнологических причин, по которым часть Пиренейского полуострова, называемая Португалией, должна была образовать независимое королевство, большее, чем Леон или Кастилия. Величие одного человека сделало ее независимой страной. Это первый урок, преподанный Историей Португалии, о том, что нации не всегда разделены естественными

географическими границами или расовыми различиями. Второй урок состоит в том, что нация, ставшая таким образом независимой, может при определенных обстоятельствах развить в себе ярко выраженную индивидуальность, которая придает ей характер, во всех отношениях отличающийся от ее соседей. Было показано, что случай, дальновидность донны Терезы и величие Афонсо Энрикеша сделали Португалию независимой; дальнейший ход истории покажет, как, в то время как другие королевства полуострова объединились в Испанию, Португалия оставалась независимой и развивалась отдельно. Испания и Португалия теперь - две отдельные страны с разными языками, литературами и национальными особенностями; было показано, как они начали разделяться; как они окончательно стали самостоятельными, теперь предстоит выяснить.

IV.

ПОРТУГАЛИЯ ДОСТИГАЕТ СВОИХ ЕВРОПЕЙСКИХ ГРАНИЦ.

МОНАСТЫРЬ ХРИСТА В ТОМАРЕ. (После фотографии.)

САНЧО I, Повоадор или градостроитель, уже при жизни своего отца завоевал репутацию воина, и его слава как короля основывается скорее на успехах его внутреннего управления своей страной. Но прежде чем у него появилось время удовлетворить свою склонность к более мирным обязанностям правительства, ему пришлось продолжить борьбу не на жизнь, а на

смерть с маврами. Великая победа, одержанная за год до его восшествия на престол, дала ему небольшую передышку, и в 1188 году он даже предложил принять участие в Третьем крестовом походе, к которому велись большие приготовления по всей Европе. Но мавры, вероятно, не забыли своего отпора при Сантарене, и в том же году Якуб, сын Юсуфа, нового халифа Альмохадов, высадился на полуострове и шел без остановки, пока его снова не прогнали от Сантарена под совместным влиянием эпидемии и храбрости португальских рыцарей. В следующем году король Санчо отомстил; он остановил в Лиссабоне сначала армию голландских, фризских и датских крестоносцев; затем отряд французских крестоносцев под командованием Жака д'Авенна, епископа Бове, и графа Бара; и, наконец, хорошо оснащенные силы лондонцев, направлявшихся в Святую Землю, - и с их помощью он не только подчинил себе весь Алемтеху, но даже взял Сильвеш, столицу далекого эмирата Альфагар, или Алгарве. Якуб был поражен этими успехами. Он собрал большую мусульманскую армию и снова переправился в Испанию. Но его наступлению сопутствовала неудача; его армия была плохо экипирована и плохо снабжена провизией; он был остановлен сотней молодых лондонских крестоносцев при нападении на Сильвеш; он был изгнан из Томара, штаб-квартиры рыцарей-тамплиеров, их великим магистром в Португалии Гвалдимом Паэсом; и в конце концов был вынужден прекратить осаду Сантарена из-за эпидемии, которую португальцы приписали Божьему посещению. Но великий халиф Альмохадов решил добиться большего успеха в следующий раз; он провел два года в Африке, проповедуя Священную войну против христиан, и в 1192 году переправился на полуостров с лучшей мусульманской армией, появившейся там со времен Альморавидов. Королю Санчо и его португальским рыцарям пришлось противостоять этому грозному вторжению без посторонней помощи, поскольку крестоносцы отправились в Палестину и сражались там под командованием Ричарда Львиного и Филиппа Августа Французского. Мусульманские солдаты двинулись триумфальным маршем; они легко отвоевали Сильвеш и Алгарве, а затем пронеслись через Алемтеху, быстро захватив Беджу, Алькасер-ду—Сал, с трудом завоеванный Афонсо Энрикеш и даже Палмеллу и Альмаду - города, которые прикрывали подходы к Лиссабону с юга. Санчо, видя, что сопротивление бесполезно, был только рад, когда ему разрешили заключить договор с маврами, который определил Тахо его южной границей, а огромная мусульманская армия вошла в Андалусию и наголову разбила Альфонсо VIII. из Кастилии в битве при Аларкос в 1195 году.

Король Санчо признал тот факт, что мавры, хотя и объединенные под властью своего великого халифа-альмохада, были слишком могущественны, чтобы он мог напасть на них, и поэтому он обратил свое внимание на споры между испанскими монархами и на вопросы внутреннего управления. К счастью, нет необходимости рассказывать историю войн Санчо со своими соседями-христианами. Независимость Португалии теперь была установленным фактом, и мельчайшие подробности различных войн, которые велись вплоть до 1200 года, не имеют особого значения или интереса, за исключением того, что они способствуют пониманию причин ссоры, которая возникла между Санчо и папой римским. Следует помнить, что старшая дочь Афонсо Энрикеса, Донна Уррака, вышла замуж за Фердинанда II, короля Леона, и что она была матерью Альфонсо IX. Этот монарх начал свое правление в дружеских отношениях с Афонсо Энрикесом и его преемником Санчо, и это дружелюбие достигло кульминации в 1191 году, когда Альфонсо IX Леонский женился на дочери Санчо, донне Терезе. Эта принцесса, чьи добродетели были таковы, что она была причислена к лику святых в 1705 году, таким образом, приходилась двоюродной сестрой своему мужу, а поскольку каноническое право было очень строгим против подобных браков, папа Целестин III. угрозами отлучения от церкви и интердикта

вынудила своего мужа отречься от нее и отправить обратно в Португалию в 1195 году. Это оскорбление не только привело к войнам с Леоном, о которых уже упоминалось, но и оставило в душе короля Санчо жгучую неприязнь к папству, которая позже нашла выход в его великой ссоре с папой Иннокентием III.

Его перемирие с маврами в 1192 году и его решимость прекратить всякое вмешательство в дела Леона и Галлии после 1200 года оставили королю Санчо время позаботиться о вопиющих нуждах своего народа. Он ясно осознавал, что нет смысла форсировать Тахо и завоевывать Алемтехо и Алгарве, когда маленькое королевство, которым он фактически правил, не было населено и наполовину. Во время правления его отца здесь не было ничего, кроме сражений, и, за исключением Порто и Лиссабона, где процветала торговля, чему способствовали частые визиты флотов крестоносцев с севера, и северных провинций Энтре-Минью-э-Дору и Трас-ос-Монтес, где сохранилось сельское хозяйство, немногочисленное население существовало в основном за счет добычи, добытой во время ежегодных вторжений на мусульманскую территорию. Население Бейры и северной части португальской Эстремадуры жило исключительно в городах или в деревнях, сгруппированных вокруг дворянских замков, и смотрело на войну как на единственное средство к существованию. Такой образ мыслей создал нацию воинов, но оставил землю необработанной. Между городами и деревнями простирались участки дикой природы, особенно в недавно завоеванных районах к югу от Коимбры, и теперь, когда перемирие с маврами лишило население основных средств к существованию, король Санчо увидел, что необходимо возродить сельское хозяйство.

Но, прежде всего, король Санчо посвятил себя восстановлению старых городских стен и основанию новых городов на господствующих стратегических позициях, за что получил прозвище “О Повоадор”, или градостроитель. Эта политика была продиктована угрожающим поведением мавров при Альмохадах; ибо Санчо, как и большинство его современников, не мог поверить, что мусульманскому владычеству на полуострове приходит конец, и он всячески готовился к отражению новых вторжений. Его первой заботой было позаботиться о том, чтобы все стены старых городов были тщательно отремонтированы гражданами и должным образом укомплектованы городским ополчением; затем он основал новые города, которые должны были контролировать важные дороги, везде, где они еще не находились в непосредственной близости от могущественных городов. Среди этих новых городов его любимым и впоследствии приобретшим наибольшее историческое значение была Гуарда, которая была основана к западу от угрожающей испанской крепости Сьюдад-Родриго. В вопросах городского управления Санчо мудро следовал примеру мусульман, продолжая старую римскую систему муниципального управления, которая оставляла все вопросы внутреннего управления полностью в руках граждан, и когда он предоставлял управление городом епископу, барону или военному ордену, он тщательно регулировал их функции и позволял им получать только фиксированную долю муниципальных доходов за выполнение определенных фиксированных обязанностей, таких как руководство городским контингентом на войне или ведение судов. К сельским округам он относился по другому принципу. Он предоставил большие участки дворянам, военным орденам и городам с четким условием, что они должны быть обработаны и заселены в течение установленного периода под страхом отзыва пожалований. Этот план оказался эффективным в Бейре и северной Эстремадуре, которые, как надеялся король Санчо, будут достаточно защищены от вторжения больших крепостей на Тежу, Лиссабоне, Сантарене и Абрантеше, но был совершенно неприменим к Алемтехо. Эту провинцию он, в подражание политике своего отца, полностью распределил между крупными военными орденами до того,

как ее вернул Якуб. Он не только подтвердил крупные гранты своего отца и бабушки тамплиерам, госпитальерам и рыцарям Гроба Господня, но и значительно увеличил их; он проявил особую благосклонность к португальскому рыцарскому ордену, рыцарям Святого Бенедикта Авиесского, основанному Афонсо Энрикесом; и он ввел из Испании орден Касереса, которому он даровал Алькасер-ду-Сал, Палмеллу и Альмаду, и орден Калатравы, которому он даровал Эвору, Альканеду и Джуруменху, привлекая таким образом к себе внимание королевство одних из самых известных воинов Испании. Это правда, что завоевания Якуба аннулировали действие этих даров, но рыцари смотрели на свои владения по ту сторону Тежу лишь как на временную оккупацию мусульман, и это чувство вдохновляло их с удвоенной готовностью защищать линию Тежу и с горячим желанием начать войну против мавров снова.

ГЛАВНЫЙ ФАСАД ЦЕРКВИ ИГРЕГА ДУШ ИЕРОНИМУШ В БЕЛЕНЕ. (СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ.)
(После фотографии.)

Последние годы правления Санчо ознаменовались его ссорами со своими епископами и папой римским, и это вполне естественно, поскольку папой римским был Иннокентий III. Эта борьба имеет большое сходство с противостоянием между Генрихом II, королем Англии и Папой Римским несколькими годами ранее, а также обладает собственной важностью. Главные моменты заключались в том, что Санчо настаивал на том, чтобы священники сопровождали свои паствы на битву и подчинили их гражданским судам. Эти идеи казались чудовищными папе Иннокентию III, который посылал легата за легатом требовать от Санчо отказа от этих притязаний и выплаты дани Святому Престолу. Но Санчо имел в своем канцлере Джулиана, великого государственного деятеля, который был первым португальцем, изучавшим возрождение римского права в Болонье, и который усвоил там широкие представления о масштабах папской власти; и он от имени короля утверждал верховенство королевской власти во всем и даже свое право вернуть поместья, принадлежащие Церкви в Португалии. Папа Иннокентий объявил эти представления еретическими, но король поддержал своего канцлера, который, в свою очередь, пользовался любой возможностью, чтобы поддержать королевскую власть. Низшее духовенство Португалии не отказывалось выполнять требования своего государя, и военные ордена поддерживали его как доблестного крестоносца; его главная

трудность заключалась в отношениях со своими епископами, и особенно с самыми богатыми среди них. Епископы Ламега, Визеу, Лиссабона и Гуарды были все бедны, у последнего даже не было кафедрального собора или дворца в его недавно учрежденной епархии; но архиепископ Браги и епископы Порты и Коимбры были церковными князьями, распоряжавшимися огромными доходами, и именно с ними король Санчо поссорился. Стоит отметить его ссору с епископом Коимбры, свидетельствующую о суеверном нраве даже монарха-крестоносца тех времен, поскольку она возникла из-за так называемой ведьмы, которую король настоял на том, чтобы держать в своем дворце. Его соперничество с Мартиньо Родригесом, епископом Порту, гораздо сложнее, но о нем не нужно подробно рассказывать. Достаточно сказать, что епископ оскорбил не только короля, но и его капитул и жителей его города, и что в конце концов он был заперт в своем дворце и осажден там на пять месяцев. Когда ему удалось бежать, он бежал в Рим к папе Иннокентию III. немедленно наложил интердикт на королевство Португалия. Какое-то время Санчо поддерживали его канцлер и низшее духовенство, которое отказывалось подчиняться интердикту, не обращало внимания на папу и продолжало строить города и замки, особенно Челорико и Линьярес; но, наконец, в 1210 году, чувствуя, что его здоровье ухудшается и что он близок к смерти, он подчинился, вернул епископа Порту в королевство и заплатил папе сто марок золотом. Затем он удалился в монастырь Алсобаса, где и умер 26 марта 1211 года, оставив репутацию воина и государственного деятеля, уступающую только репутации его отца.

Ничто так убедительно не доказывает надежного положения, достигнутого за столь короткое время маленьким королевством Португалия, как удачные браки, заключенные некоторыми дочерьми короля Санчо, и отношения, в которые он вступил не только с королями Испании, но и с более отдаленными князьями христианского мира. Было отмечено, что одна из дочерей Санчо, донна Тереза, вышла замуж за Альфонсо IX Леонского и была расторгнута по приказу папы римского, поскольку брак нарушал законы кровного родства. Такое же вмешательство по той же причине имело место в отношении ее сестры Донны Мафальды, или Матильды, которая вышла замуж за Генриха I Кастильского после смерти своего отца и была вынуждена покинуть его папой Иннокентием III. Красота португальских принцесс была настолько известна, что их руки добивались далекие короли. Король Англии Иоанн тщетно посылал посольство в 1199 году просить руки инфанты, а младшая дочь Санчо, Донна Беренгария, вышла замуж за короля Дании Вальдемара в 1213 году. Не менее блестящими были браки его сыновей. Старший, дон Афонсо, женился на донне Урраке, дочери Альфонсо VIII. Кастилии и Элеоноры Английской, сестры Бланш, знаменитой королевы Франции и матери Людовика IX, святого крестоносца; второй, дон Педро, женился на дочери графа Уржеля и стал сеньором Сегорбы; и третий, дон Фердинанд, женился на Джоанне, леди Фландрии, и сражался во главе фламандских войск на стороне Иоанна Английского в битве при Бувине. Эти союзы показывают, насколько рано Португалия была признана одним из королевств Европы, хотя после смерти Санчо ее южной границей был Тежу, и она потеряла все завоевания, сделанные Афонсо Энрикесом в Алемтехо.

Правление Афонсо II, "Толстяка", имеет первостепенное значение в конституционной истории Португалии и примечательно только одним памятным военным подвигом, взятием Алкасер-дус-Сал. После смерти своего отца молодой король, вероятно, по совету канцлера Жулиана, созвал "Кортес" или парламент, состоящий из епископов, "фидальго" и "рикос хоменс" королевства, который был первым регулярным собранием знати, когда-либо проводившимся в Португалии, поскольку кортесы Ламега, которые, как обычно утверждается, собрались в 1143 году, являются апокрифическими. В присутствии этого кортеса Афонсо II торжественно присоединился к окончательному соглашению, которое его отец заключил с Церковью, а затем он предложил

закон о смертной казни, составленный Хулианом, по которому религиозные фонды больше не могли получать землю в наследство, поскольку они не могли нести военную службу. Новый король оказался не таким воином, какими были его отец и дед, но он очень дорожил богатством и властью короны и отказался передать своим братьям большие поместья, которые король Санчо завещал им по своему завещанию. Это произошло только после долгой гражданской войны, в которой Альфонсо IX из Леона, Альфонсо VIII. Кастилии, и вмешался папа Иннокентий III, который передал своим сестрам их наследство, в то же время позаботившись о том, чтобы они стали монахинями; но его братья были вынуждены стать изгнанниками и вообще никогда не получали завещанных им поместий.

Хотя сам Аффонсо не был солдатом, португальская пехота показала, как могут сражаться свободные люди, в великой битве при Навас-де-Толоса в 1212 году, в которой Мохаммед Ан-Насир, преемник Якуба, потерпел полное поражение; и португальские государственные деятели, епископы и капитаны решили воспользоваться слабостью альмохадов после этого поражения, чтобы отвоевать Алемтехо. К счастью для их цели, в июле 1217 года в Лиссабон прибыл большой флот из английских, голландских и немецких кораблей, везущих крестоносцев в Святую Землю. Предводителями английских крестоносцев были графы Уайт и Холланд, оба друзья принца-изгнанника дома Фердинанда, который бежал к своей тете, донне Терезе, во Фландрию. Суэйру, епископ Лиссабона, предпринял попытку задержать эту мощную армию, и ему удалось убедить английскую дивизию остановиться, хотя восемьдесят фризских кораблей уплыли. Английские рыцари и латники высадились в Лиссабоне под командованием своих графов, и португальская армия, собранная не по королевскому призыву и не под командованием королевских офицеров, была возглавлена Суэйру, епископом Лиссабона, аббатом Алсобасы, Мартинью, командующим Палмеллой, и Педро Алвитисом, великим магистром португальских тамплиеров, чтобы присоединиться к ним. Две армии приступили к осаде Алькасер-ду-Сала, города, который Аффонсо Энрикеш отвоевал с таким трудом и который Санчо I был вынужден сдать. Оборона была самой упорной, и в сентябре 1217 года мусульманская армия из сорока тысяч пехотинцев и пятнадцати тысяч кавалеристов выступила на помощь городу под командованием *вали* Бадахоса, Севильи, Хаэна, Кордовы и Хереса. Христианская и мусульманская армии встретились в битве 12 сентября; последние были разбиты с огромными потерями и три дня преследовались тамплиерами; *вали* Кордовы и Хаэна были убиты; а 18 октября город Алькасер-ду-Сал сдался, и его доблестный защитник Абу-Абдаллах, восхищенный доблестью христиан, согласился принять крещение.

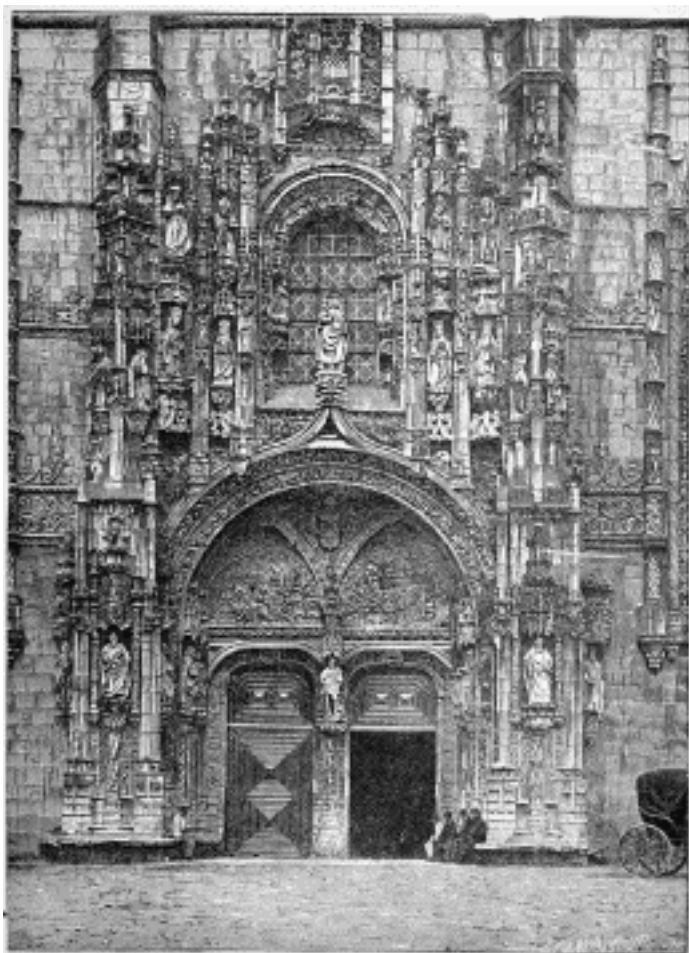
В этой экспедиции король не принимал участия; он был больше сосредоточен на пополнении своей казны, что вскоре снова привело его к конфликту с Церковью. Его канцлер Гонсало Мендеш, унаследовавший политику Жулиана, и высшие должностные лица его двора Педро Аннес, Мордомо Мор или лорд-распорядитель, и Мартим Фернандеш, Алфереш Мор или Великий знаменосец, поощряли его наложить лапу на большие поместья Эстевана Соареша да Силвы, благородного и ученого архиепископа Браги. Папа Гонорий III. сразу же встал на сторону архиепископа, отлучил короля от церкви и наложил интердикт на королевство, чтобы заставить Аффонсо возместить ущерб архиепископу и изгнать Педро Аннеса и Гонсало Мендеса из своего двора. Аффонсо отказался подчиниться, и он все еще находился под церковным запретом, когда умер 25 марта 1223 года. Этот алчный монарх посвятил себя увеличению богатства и могущества короны; этому следует приписать не только его ссоры с братьями и сестрами и с Церковью, но и великие конституционные меры, которыми отличалось его правление. Именно с этой целью он создал первые португальские кортесы, чтобы те одобрили его закон о “смертной

казни", и отправил по королевству первый "жесточкий запрос" для проверки под присягой титулов всех владельцев земельной собственности присяжными из числа жителей окрестностей, процедура, в точности аналогичная комиссиям, направленным Генрихом II. расследовать дела о "смерти танцора" и "представлении Даррейна". Однако правление этого нерелигиозного и отлученного от церкви короля ознаменовалось возрождением религии в Португалии. Суэйру Гомеш, один из первых последователей святого Доминика, был португальцем, и его учитель послал его основать отделения ордена монахов-проповедников в его родной стране, и, хотя Афонсо всячески сдерживал его, он добился больших успехов во всех крупных городах. Гораздо большим успехом пользовались монахи-францисканцы, которых ввела в Португалию Донна Санча, одна из сестер короля, принявшая постриг и канонизированная в 1705 году, и для которой королева Уррака построила два великолепных монастыря в Лиссабоне и Гимараэнсе. Орден пустил глубокие корни, и его слава была закреплена мученической смертью пяти монахов, отправленных святым Франциском Ассизским в Марокко, чьи тела были доставлены в Португалию домом Фердинандом, братом короля, и похоронены в Санта-Крус в Коимбре, где они были укрыты в самой священной усыпальнице Португалии.

Санчо II. ему было всего тринадцать, когда он наследовал своему отцу, и, как и следовало ожидать, находясь в меньшинстве, мятежная знать и интригующие епископы попытались свести на нет результаты усилий покойного короля по укреплению королевской власти. Старые государственные деятели и советники Афонсо II., канцлер Гонсало Мендеш, Педро Аннес и Висенте, декан Лиссабона, увидели, что необходимо снять интердикт, если мы хотим добиться мира во время несовершеннолетия короля, и благоразумно отошли на задний план, а Суэйру Гомеш, великий епископ Лиссабона, вышел на первый план и с помощью благочестивых инфантас, тетюшек короля, заключил мир с архиепископом Браги и с папой Гонорием III., который торжественно подтвердил корону королю. мальчик-король. Затем архиепископ стал самым могущественным человеком в королевстве, и Абриль Перес, новый Мордомо Мор, согласился с Альфонсо IX Леонским, что португальцы должны атаковать Эльвас в то же время, когда испанцы осадили Бадахос. Возможность была благоприятной; спорный вопрос о престолонаследии привел к гражданской войне между мусульманами как в Испании, так и в Марокко, и Эльвас был взят штурмом в 1226 году. Во время этой осады молодой король проявил чудеса доблести, и португальские рыцари и солдаты смотрели на него с восхищением как на достойного преемника Афонсо Энрикеша. Уверенный в любви и поддержке своего народа, юный Санчо, хотя ему было всего семнадцать, затем взял бразды правления в свои руки и призвал к власти друзей своего отца, сделав Висенте канцлером Педро Аннеса Мордомо Мора и Мартима Аннеса Алфереса Мора.

Эта смена власти сильно смутила партию епископов, которые начали интриговать с целью свержения молодого короля, но он мудро продолжал заниматься борьбой с мусульманами, хорошо зная, что ни один папа не осмелится напасть на монарха-крестоносца. Он старался во всем, в своем внутреннем управлении и в своем крестоносном рвении, подражать своему двоюродному брату Людовику IX Французскому, и эта мудрая политика обеспечила ему защиту папы римского, который в 1228 году отправил легата Иоанна Аббевильского, кардинала Сан-Сабины, со всеми полномочиями и с приказом осудить португальских епископов. Легат сделал все возможное, чтобы уладить давние раздоры в Церкви, и особенно между Мартиньо Родригесом, епископом Порту, старым противником Санчо I., и его капитулом, и продемонстрировал свое одобрение советникам короля, назначив канцлера Висенте

епископом Гуарды. Легат также выразил свое удовлетворение благосклонным отношением короля к монахам и военно-религиозным орденам, а поскольку епископы все еще интриговали против него, он убедил папу Григория IX. чтобы сделать им суровый выговор в энциклике. Народ, монахи и особенно военные ордена в то время просто обожали своего молодого монарха, и невозможно было предвидеть катастрофу, которая должна была печально положить конец его правлению. Самыми выдающимися военными орденами того времени были рыцари-госпитальеры, чей приор Афонсо Перес Фаринья был величайшим воином своего времени и который в 1231 году захватил важные города Мура и Серпа; и рыцари Сантьяго, чей доблестный приор Пайо Перес Коррейя в 1234 году взял Альджустрел. Но сам король был самым ярким крестоносцем из всех, а его младший брат, дом Фердинанд, который из Серпы каждый год опустошал районы, удерживаемые мусульманами, вскоре завоевал репутацию, уступающую только его собственной. В эти безмятежные дни король Санчо II. подражал своему деду в попытках заселить и возделывать земли Алемтехо на тех же принципах, на которых Санчо I. действовал в Нижней Бейре и Эстремадуре, в то время как поддерживался мир с соседним королевством Леон, где, действительно, величайшие люди того периода были португальского происхождения, а именно Дом Педру, дядя короля, который был Мордомо Мором этого королевства, и Мартин Санчес, незаконнорожденный сын Санчо I., который был главным генералом его армий.

ВОРОТА И ОКНО МОНАСТЫРЯ БЕЛЕМ.

Тем временем мудрые советники юности Санчо II постепенно угасли, и его двор наполнился веселыми молодыми рыцарями и трубадурами, которые наполняли его тщеславием и поощряли на глупые поступки. Первым результатом отстранения его старых советников стала серьезная ссора с Церковью. Когда после смерти Суэйру Гомеша, знаменитого епископа Лиссабона, в 1237 году королевский кандидат не был избран его преемником, король отправил своего брата дона Фердинанда в город, где тот сжег дом кандидата от оппозиции, Жоау декана, и убил нескольких священников; а дядя короля, Родриго Санчес, действовал во многом таким же своевольным образом в Порту. Такое поведение недопустимо было даже для монарха-крестоносца, и на королевство был наложен папский интердикт; но быстрое подчинение со стороны Санчо и поездка его брата, дома Фердинанда, в Рим для торжественного покаяния за свое недостойное поведение послужили искуплением, и интердикт был снят. Затем король снова обратил свое оружие против мусульман и вторгся в Алгарве, захватив Мертолу и Аямонте в 1239 году, Каселло в 1240 году и Тавиру в 1244 году.

К сожалению, в промежутке между этими двумя последними кампаниями король Санчо нанес визит ко двору Кастилии, где влюбился в донну Менсию Лопес де Аро, вдову кастильского дворянина Альвареса Переса де Кастро, на которой, вероятно, женился. Эта женщина стала злым гением его жизни; король стал ленивым и чувственным, а его Двор превратился в рассадник порока и интриг. Эта связь была крайне неприятна народу Португалии и давала возможность епископам и недовольной феодальной знати свергнуть Санчо, которого они всегда ненавидели, если бы только им удалось найти лидера и заручиться помощью папы римского. Даже его брат, дон Фердинанд, с отвращением покинул его и стал вассалом Кастилии, а его никчемные придворные и фавориты, подталкивая его к деспотизму и порочным пристрастиям, делали его все более и более непопулярным. Папа Иннокентий IV, которого император Фридрих II вынудил бежать из Рима во Францию, жаждал продемонстрировать свою духовную власть над каким-нибудь монархом, и португальские епископы легко убедили его, что Санчо одновременно нечестив и труслив. Найти лидера было нетрудно, и в 1245 году следующий брат короля, Афонсо, поселившийся при дворе Бланш Кастильской, матери Людовика IX, и женившийся там на наследнице графства Булонь, предложил себя недовольным в качестве кандидата на трон Португалии. Затем папа Римский издал буллу “*Grandi non immersito*”, термины которой использовались в качестве прецедентов при низложении наиболее важных монархов в более поздние времена, и Жуан Эгаш, архиепископ Браги, Тибурсиу, епископ Коимбры, и Педро Сальвадорес, епископ Порто, отправились в Париж и предложили Афонсо Булонскому корону Португалии на определенных условиях, которые он принял и поклялся соблюдать. Гражданская война разразилась еще до прибытия Афонсо в Лиссабон в 1246 году, когда он объявил себя защитником королевства; Донна Менсия вела себя самым позорным образом по отношению к королю, которого она разорила; Санчо и кастильские войска, которые он привел к себе на помощь, потерпели поражение, и несчастный монарх, чьи ранние годы были так многообещающи, удалился в Толедо, где умер, покинутый и несчастный, 8 января 1248 года.

С таким началом можно было бы ожидать начала правления Афонсо III. это был бы период гражданской войны и внутренних раздоров или, по крайней мере, полного подчинения Церкви и феодальной знати; но, напротив, с конституционной точки зрения это было самое важное из всех ранних царствований, а также то время, когда Португалия завершила свою войну с мусульманами на полуострове и достигла своих европейских пределов. Короче говоря, Афонсу III событиями своего правления доказал, что по сути своей является политическим королем, если

не человеком высоких помыслов. После смерти своего брата он сменил свой титул “visitador” или “curador” королевства на титул короля, и, чтобы утвердить свою славу воина и крестоносца, он сразу же приготовился завершить завоевание Алгарве, где находилась большая часть приобретений Санчо II. был потерян маврами во время гражданской войны. С помощью своего дяди, дома Педро, и рыцарей-госпитальеров под командованием Гонсало Переса Магро он быстро добился успеха, взяв Фаро, Албуфейру, которую он даровал рыцарям Ависа, и Порчес, который он передал своему канцлеру Эстевану Аннесу в 1249 году, и Аямонте, Каселло и Тавиру в 1250 году. Такое расширение португальской территории ни в коем случае не было приемлемо для Альфонсо X. “Мудрого”, который теперь был королем Кастилии и Леона, а после короткой войны - для Афонсу III. согласился жениться на незаконнорожденной дочери Альфонсо, донне Беатрис де Гусман, хотя графиня Булонская была еще жива, и владеть Алгарве только в узуфрукте.

Затем Афонсо обратил внимание на свое собственное положение в Португалии и решил обуздать власть епископов, несмотря на свою клятву в Париже. Понимая, что это может быть сделано только с помощью значительной части его народа, он созвал большой кортес в Лейрии в 1254 году, на который были избраны представители городов королевства, чтобы заседать вместе с дворянами и высшим духовенством. Этот кортес имеет величайшее значение в конституционной истории Португалии, и его состав показывает, что Афонсу III понимал, подобно Симону де Монфору и Эдуарду I. в Англии, что только союзом с народом он может обуздать власть феодализма и жречества. Его политика была вознаграждена; епископы признали необходимость подчинения; и с согласия кортесов Афонсо снял запрет, наложенный на королевство в связи с его вторым браком, и вынудил духовенство продолжать свои функции. За границей он поддерживал мир благодаря своему союзу с Альфонсо Мудрым и, наконец, по ходатайству ныне покорных прелатов Португалии, папы Урбана IV. узаконил второй брак короля и узаконил его сына Диниза в 1262 году. Он был повсюду почитаем и успешен, и в 1263 году Альфонсо X передал ему полный суверенитет Алгарве, когда тот принял титул короля Португалии и Алгарве.

ФАСАД ЛИССАБОНСКОГО СОБОРА. (После фотографии.)

Самая старая церковь в городе, как гласит пословица, “Velho Como a Sé”.

Теперь народ начал давать о себе знать в кортесах, и Афонсо вскоре пришлось расплачиваться за помощь, которую они ранее оказывали ему. На кортесе в полном составе, состоявшемся в Коимбре в 1261 году, представители городов смело осудили привычку короля вмешиваться в чеканку монет и вынудили его признать принцип, согласно которому налоги взимаются не по неотъемлемому праву короля, а по свободному согласию народа. Как популярный король, он полностью подчинял себе епископов, несмотря на их способности и образованность, и в этой работе ему во многом помогали приказы и постановления, специально изданные Педро Испано, великим португальским ученым и богословом, который был другом короля, когда был архиепископом Браги, и который стал кардиналом, а затем на короткое время папой римским, как папа Иоанн XXI. После процветающего и успешного правления Немезида обрушилась на Афонсо III. за его поведение по отношению к своему брату во время восстания его сына Диниза в 1277 году, который оставался при оружии до 1279 года, когда король умер в состоянии отчаяния и горя из-за неблагодарности своего сына.

Во времена правления Санчо I, Афонсо II, Санчо II и Афонсо III Португалия достигла своих европейских границ и встала на путь превращения в великую, свободную и богатую нацию. Период войн и территориального расширения полуострова теперь закончился, и наступал период цивилизации. Территориально и конституционно Португалия теперь была состоявшимся королевством; ей оставалось стать цивилизованной и полностью однородной, прежде чем начнется великий героический период исследований и азиатских завоеваний. Королевство и его народ прошли стадию детства; теперь должна была наступить его волнующая юность, в которой должны были быть воспитаны и развиты замечательные качества португальцев, прежде чем период славной зрелости ознаменует вершину его величия.

Против

КОНСОЛИДАЦИИ ПОРТУГАЛИИ.

Нельзя было найти лучшего правителя, чем Диниз, или Денис, для страны, которая после столетий войны нуждалась в периоде мира и покоя. Он был поэтом и любил литературу; он был великим администратором и любил справедливость; он был государственным деятелем и избегал иностранных войн; он был дальновидным человеком и подготовился к распространению португальской энергии за море, поощряя торговлю; и, прежде всего, он видел необходимость сельского хозяйства и искусства мира, чтобы заменить непрекращающиеся войны, и во всех отношениях он благородно заслужил прозвище “Ре Лаврадор”, или “Рабочий Дени”. Со всех этих точек зрения его правление имеет огромное значение в истории Португалии, поскольку знаменует превращение народа в независимую нацию, но, как и все мирные периоды тихого прогресса, оно не ознаменовано многими яркими событиями.

За гражданской войной, которую Диниз вел со своим отцом, после его восшествия на престол последовала ожесточенная борьба между Динизом и его братом Афонсо, оспаривавшим его легитимность, которая закончилась компромиссом. Затем, в 1281 году, он женился на донне Изабель, дочери Педро III. Арагонского, которая впоследствии была канонизирована за свою чистую и бескорыстную жизнь. Его правление отмечено только одной войной с Санчо IV. и Фердинанд IV Кастилии и Леона, который был расторгнут в 1297 году союзным договором, согласно условиям которого Фердинанд IV женился на Констанции, дочери Диниша, в то время как Афонсо, наследник португальского престола, женился на Беатриче Кастильской, сестре Фердинанда, но тем не менее его репутация была очень высока на полуострове, о чем свидетельствует то, что в 1304 году он был избран совместным арбитром с королем Арагона между Фердинандом Кастильским и его двоюродным братом Фердинандом Ласерд. Еще более интересны отношения короля с Эдуардом I английским, с которым он обменялся многими письмами, главным образом на коммерческие темы, и с которым он заключил торговый договор в 1294 году. Он также много переписывался с Эдуардом II, и в частности, в 1311 году согласился с английским королем в том, что рыцари-тамплиеры были сильно оклеветаны. Когда этот знаменитый орден был упразднен папой Климентом V. в соответствии с пожеланиями французского короля Филиппа Красивого, дом Диниз избрал курс, который продемонстрировал его политическую мудрость. Он помнил о великих услугах, которые военные ордена ранее оказали Португалии, и помнил об их влиянии и мощи, и поэтому он основал Орден Христа совместно с папой Иоанном XXII в 1319 году и передал ему все имущество тамплиеров, таким образом, сразу подчинившись папе и избежав серьезных беспорядков дома. Он проявил ту же мудрость по отношению к рыцарям Сантьяго в Португалии, которых он убедил папой Николаем

IV. освободить от контроля великого магистра ордена в Кастилии и утвердиться на независимой основе.

Эти несколько строк касаются всех важных событий, касающихся иностранных дел, которые произошли за время долгого правления Дома Диниша, но они не дают представления о прогрессе Португалии за этот почти пятидесятилетний период. Монарх очень поощрял сельское хозяйство, основав сельскохозяйственные школы и дома для сирот фермеров, а также образцовые фермы. Он много сделал, оказывая уважение сельскому хозяйству, чтобы возвысить его в глазах своей знати, и он пытался отучить свой народ в целом от представления о том, что война - единственное занятие, достойное свободного человека. Он сам провел несколько важных сельскохозяйственных экспериментов, основал фермеров во все еще бесплодной провинции Алемтехо, уделял особое внимание выращиванию виноградных лоз на севере и посадил большой сосновый лес Лейрии, с помощью которого он надеялся восстановить песчаные районы по соседству. Он также был великим строителем и много сделал для благоустройства трех королевских городов - Лиссабона, Коимбры и Сантарена, в которых раньше проживал Двор, а также построил города Сальватерра и Вилья-Реаль. В административных вопросах феодальная система, при которой управлялись сельские округа, осталась почти нетронутой, как и хартии и привилегии крупных городов, и единственными важными мерами, принятыми кортесами в 1286 и 1291 годах, были еще более строгие смертные законы, направленные против Церкви, чем те, что были приняты в 1250 году. Самые масштабные реформы были проведены именно в сфере отправления правосудия. Период великих канцлеров, которые были скорее государственными деятелями, чем юристами, который начался с Жулиана и включал Гонсало Мендеса, Висенте и Эстевана Аннеса, закончился, и был назначен новый класс канцлеров. Эти люди неизменно были священнослужителями и рассчитывали на епископство в награду за свои заслуги. По сути, они были юристами, сведущими в римском праве, которое они изучали в Падуе и Болонье; и применив принципы своих исследований к общему праву Португалии, которое в значительной степени было основано на вестготских идеях, они начали создавать систему португальского права, важность которой стала очевидна позже. Диниз не решился упразднить феодальные суды, хотя он пресек их злоупотребления, и среди других реформ он назначил королевских "коррехидоров" в каждом городе, принадлежащем короне, которые должны были выступать в качестве апелляционных судей феодальных и городских судов, а также возглавлять полицию. Его мудрое поощрение торговли проявилось в его торговом договоре с Англией и в создании королевского военно-морского флота под командованием нового должностного лица, носящего титул "Альмиранте Мор", или лорда верховного адмирала, должность которого впервые была предоставлена выдающемуся генуэзскому моряку Эммануэлю Пессанье.

Но величайшим достоинством Дома Диниза для суверенитета страны, у которой наконец появилось время научиться искусству мира и стать цивилизованной, была его любовь к литературе и поощрение образования. Именно Диниш в 1300 году основал первый португальский университет в Лиссабоне, который после многих переездов между этим городом и Коимброй нашел свой постоянный дом в последнем городе и стал центром литературного влияния в Португалии. Король также был поэтом с изысканным вкусом, и по количеству, красоте и разнообразию своих песен он зарекомендовал себя величайшим поэтом своего Двора. Воспитанный Эймериком д'Эбраром из Каора, которого он сделал епископом Коимбры, он демонстрирует в своих стихах влияние трубадуров, а не труверов, которые толпились при дворе его отца. Он унаследовал поэтическое чувство и силу выражения от своего отца, Афонсо III.,

который был неплохим поэтом и, как говорят, написал мощную “сирвенту” против Альфонсо X. Но его отец во время своего долгого пребывания в Париже был впечатлен поэзией северной Франции и пригласил трувера только к своему двору. Дом Диниз, как по образованию, так и по чувствам, принадлежал к другой школе и предпочитал более мягкие темы и методы трубадуров. С появлением “Дворов любви”, которые он ввел в Португалии, национальный восьмисложный метр был заменен лимузенским десятисложным, и древние формы затерялись в хитросплетениях “ритурнели”. Но лучшая услуга, оказанная Динишем и его поэтическими придворными, заключалась в превращении португальского диалекта в красивый и гибкий литературный язык. Король пошел дальше; став старше, он сбросил оковы провансальских форм и, осознав красоту лирики своего народа, написал несколько причудливых и изящных “пасторелл”, вдохновленных их влиянием, которые полны поэтической жизни и правды. Последствия влияния Дома Диниша, по словам одного из недавних авторов, на португальскую литературу, “пронизывают всю португальскую поэзию; ибо он не только был в своих ‘пасторелях’ предшественником великой пасторальной школы, но и, освятив для литературного употребления национальную сокровищницу песен, он увековечил среди своего народа, вплоть до наших дней, лирические формы великой красоты”.^[5] Литературное совершенство и рост национальной поэзии являются естественным продолжением достижения национальной независимости; и интересно отметить, что король, мирно объединивший португальское королевство, был основателем португальской литературы. Камозэнс с радостью передает в паре строф характерные черты своего правления.

Смотрите, следующим приходит Диниз, в котором виден истинный и достойный отпрыск “храброго Афонсу”; которым могущественные хвастаются, когда были безвестны, хвала линии либерала Александра:
Под его скипетром расцветает безмятежная земля
(уже наполненная божественным золотым Миром)
С конституцией, обычаями, законами и правами,
лучшими и ярчайшими огнями спокойной страны.

Первым был он, кто заставил Коимбру владеть великодушным упражнением
Паллады-Минервы;
он созвал хор муз с Геликона
, чтобы пройти по следам Мондего:
Что бы хорошего ни сделали Афины,
здесь гордый Аполлон хранит каждую награду:
здесь дарит он гирлянды, сплетенные из золотых лучей,
из душистого нарда и вечно зеленого залива”.^[6]

Распутный лично, как показывает природа большей части его поэзии и его поощрение трубадуров и их Дворов Любви, истории, рассказанные о Дворе Дома Диниша, далеки от назидательных. Тем не менее, некоторые из них полны романтического интереса и

демонстрируют более постоянную любовь к югу, чем к воздушным фантазиям Прованса. Из этих историй, пожалуй, самая романтическая - история донны Бранки или Бланш, сестры Диниша и настоятельницы Лорвана и Уэльгаса, которая любила скромного плотника Педро Эстевеса и была матерью сына Жуана Нуньеса ду Прадо, который стал магистром ордена Калатравы и был обезглавлен Педро Жестоким из Кастилии. Именно эта история легла в основу сюжета одной из самых ярких современных португальских драм Алмейды-Гаррета “Донна Бранка”.

Благосклонность короля к своим бастардам, Жуану Афонсо и Афонсо Санчесу, которых он последовательно сделал Мордомо Мором, и Педро Афонсо, которого он сделал Алфересом Мором и графом Барселлос, вовлекла его к концу правления в ожесточенные споры со своим единственным законным сыном Афонсо. Наконец-то между домом Динисом и его предполагаемым наследником разразилась открытая война, и ожесточенное сражение удалось предотвратить только благодаря тому, что в 1323 году святая Изабелла проехала между армиями и заключила мир между своим мужем и сыном, который продолжался до смерти великого мирного монарха, “Ре Лаврадора” в 1325 году.

Сразу же после своего восшествия на престол Афонсо IV, преемник Дома Диниша, дал полный выход своему гневу против своих сводных братьев и с согласия и при содействии португальской знати обезглавил Жуана Афонсо и конфисковал все его земли, а также земли Афонсо Санчеса, бежавшего в Кастилию. Этот акт мести, или правосудия, как он это называл, завершился, он стал достойным преемником своего отца и поощрял все планы Диниша по развитию Португалии. Он также продолжил политику своего отца по установлению мира с Кастилией и заключил официальный союз с этой страной в 1327 году, когда выдал свою дочь Донну Марию замуж за Альфонсо XI. король Кастилии. Этот брак не оказался счастливым; король пренебрег своей молодой женой ради Леоноры де Гусман и обращался с ней так плохо, что в 1336 году Афонсо IV. вторгся в Кастилию. Надвигалась ужасная война, когда святая Изабелла вновь сыграла роль миротворца. Покинув монастырь бедных Кларисок в Коимбре, куда она удалилась после смерти мужа, она поспешила в Эстремоз, где две армии стояли друг против друга, и заключила мир между враждующими монархами. Альфонсо XI пообещал лучше относиться к своей жене, и младенец Дом Педру, единственный оставшийся в живых сын короля Португалии, был отдан за руку Констанции Мануэль, дочери герцога Пенафиэля. Сила нового союза вскоре была испытана, ибо в 1340 году Абу-л-Хасан, король Марокко, пересек пролив, чтобы прийти на помощь королю Гранады с большой армией. Альфонсо XI. послал свою жену просить помощи у португальского рыцарства, и Афонсо охотно подчинился. В великой битве при Саладо 29 октября мавры потерпели сокрушительное поражение, и двумя генералами, наиболее заметными на стороне христиан, были Афонсо IV. из Португалии, получивший прозвище Афонсо “Храбрый”, и дон Педро Фернандес де Кастро, Мордомо Мор из Кастилии. Эта победа также знаменует собой прогресс в португальской поэзии, поскольку на ее основе был написан первый португальский эпос Афонсо Хиральдеса, предшественника Камоэнса.

Интересно отметить, что в период этого правления между Португалией и Англией установилась тесная близость, которая должна была привести ко многим важным результатам.

Непосредственно при вступлении на престол Афонсу IV. преисполненный решимости поддерживать дружеские отношения, которые завязал Диниз, в 1325 году он направил посла с предложением заключить брачный союз с английской королевской семьей, вероятно, с целью заключения брака между его старшей дочерью Донной Марией и молодым принцем Уэльским, впоследствии Эдуардом III. Английский двор, находившийся в то время под влиянием королевы Изабеллы, ответил, что посол недостаточно высокого ранга, чтобы его прошение было принято.

Соответственно, в следующем году Афонсо отправил своего лорда верховного адмирала дона Мануэля Пессанью и дона Родриго Домингеса с той же миссией, но их посольство не привело ни к какому результату, вероятно, из-за беспокойного положения дел в Англии, и донна Мария вышла замуж, как уже было сказано, за короля Кастилии. Тем не менее дружеские связи между Португалией и Англией продолжались, и в 1344 году Эдуард III. отправил двух послов, Генриха, графа Ланкастера, и Ричарда, графа Арундела, для составления союзного договора с Афонсо IV. За этим последовала миссия Эндрю Оксфордского, Ричарда Сахамского и Филипа Бортон просить руки донны Леоноры, младшей дочери короля Португалии, для Эдуарда, принца Уэльского, более известного как Черный принц. Брак был заключен, и в 1347 году Роберт Стрэттон и Ричард Сахамский прибыли, чтобы назначить день прибытия инфанты в Англию. Но в этот момент для каждой из высоких договаривающихся сторон заключались брачные союзы, имевшие более важное политическое значение, и в том же году донна Леонора вышла замуж за короля Педро IV. из Арагона, а Черный принц - Прекрасной деве из Кента. Разрыв этой брачной схемы не разрушил дружбу двух королев, оба из которых считали, что богатство можно получить для своих стран и для них самих, поощряя торговлю. Деловые отношения между двумя странами вскоре стали очень тесными, и португальское вино свободно обменивалось на длиннополые ткани Англии. 25 июля 1352 года Эдуард III издал королевскую прокламацию, приказывающую своим подданным никогда не причинять никакого вреда португальцам, а 20 октября 1353 года в Лондоне Афонсо Мартиншем Алхо было подписано любопытное продолжение торгового договора 1294 года. Этот молодой виноторговец был направлен в Англию в качестве представителя купцов приморских городов Португалии, и договор, который он заключил с гражданами Лондона, гарантировал взаимную добросовестность во всех вопросах торговли, со многими другими техническими пунктами, относящимися к особым направлениям бизнеса. Сам факт подписания этого договора или соглашения является доказательством не только тесной связи между Португалией и Англией, но и высокой степени богатства, интеллекта и деловых способностей, которыми обладают купцы обеих стран.

INES DE CASTRO.

Последние годы правления Афонсо IV. были отмечены страшной эпидемией и печальной трагедией. В 1348 году чума, или, как ее чаще называли, Черная смерть, пройдя через Европу, достигла Португалии и более чем истребила жителей Лиссабона. 7 января 1355 года донна Инес де Кастро была убита на улицах Коимбры. История различных династий Португалии полна романтических историй, некоторые из которых имеют нелепый, а другие - трагический финал, которые иллюстрируют не только характеры соответствующих монархов, но и тенденции их разных эпох. Была рассказана история донны Бранки, принцессы, которая любила плотника, с комментарием, что ее сын стал великим магистром богатого ордена Калатравы; романтическая история жизни дома Педро закончилась более трагично. Дом Педро был единственным сыном Афонсо IV. и Беатриче Кастильской, который пережил свой первый год. Он родился в 1320 году и женился в 1336 году, чтобы укрепить союз своего отца с Кастилией, на донне Констанции Мануэль, дочери герцога Пенафиэля. В ее свите в качестве фрейлины находилась донна Инес де Кастро, дочь Педро Фернандеса де Кастро, Мордомо Мора Кастильского, героя битвы при Саладо, и сестра Альваро Переса де Кастро, первого констебля Португалии. Дон Педро влюбился в прекрасную кастильскую леди, и хотя при жизни своей жены он всегда относился к своей жене с величайшим вниманием и был от нее отцом дома Фердинанда, впоследствии короля Португалии, и донны Марии, впоследствии королевы Арагона, при португальском дворе было хорошо известно, что любовь сердца дома Педро была сосредоточена на донне Инес. При этом распутном дворе мало обращали внимания на поведение принца; принцы в те дни были привилегированными особами, и, кроме того, было известно, что у него была еще одна возлюбленная, донна Тереза Лоренсу, которая была матерью Жуана, впоследствии короля Португалии. Только после смерти его жены стало ясно, что любовь дома Педро к донне Инес была чем-то большим, чем обычная фантазия принца, и была всепоглощающей страстью. Из любви к ней он отказался жениться ни на одной из иностранных принцесс, предложенных ему отцом, и вполне вероятно, что он заключил с ней какую-то форму брака после смерти своей

первой жены. Как бы то ни было, король Афонсо решил положить конец увлечению своего сына, убив объект страсти, и по его указанию Донна Инес была убита на улицах Коимбры тремя придворными: Альваро Гонсалвесом, “Мейринью Мор” или лордом-камергером Педро Коэльо и Диого Лопесом Пачеко. Это трагедия, которую Камозэнс воспел в бессмертном отрывке,^[7] и которая с тех пор стала общей темой для драматургов мира, хороших, плохих и безразличных; и можно сказать, что не столько в самом убийстве, сколько в событиях, которые последовали за ним, можно найти самую романтическую часть истории. Дом Педро отсутствовал в своих поместьях на юге, когда услышал об убийстве Инес. Он сразу же собрал своих вассалов и приготовился напасть на своего отца, но, как это уже случалось во времена Святой Изабеллы, вмешалась королева Беатриче Кастильская, и был достигнут компромисс, по которому отец и сын согласились больше не видаться и отказаться от активных боевых действий, и этот договор просуществовал до смерти Афонсо “Храброго” в 1357 году.

Первым поступком дома Педро при восшествии на престол было наказание убийц Инес де Кастро, и он убедил короля Кастилии выдать ему Альваро Гонсалвеса и Педро Коэльо. Пачеко бежал в Англию, и его не смогли найти, и таким образом он избежал участи своих сообщников, которых медленно пытали до смерти перед королевским дворцом в Коимбре на глазах у дома Педро. Четыре года спустя король провел странную церемонию, которая известна гораздо лучше, чем обстоятельства его романа с донной Инес. 24 апреля 1361 года, либо чтобы показать свою вечную привязанность к ней, либо чтобы подтвердить историю о своей женитьбе и узаконении от нее своих детей, он приказал вскрыть ее тело в Коимбре и перевезти в монастырь Алсобаса, где оно было торжественно короновано, а затем похоронено. Обычно о монастыре Алсобаса говорят так, как будто он был местом захоронения всех королей и королев Португалии до этого времени. Это было не так; только Афонсу II. и Афонсо III. и их королевы были похоронены там. Граф Генрих и донна Тереза нашли свое последнее пристанище в кафедральном соборе Браги, Афонсо Энрикес и Санчо I. и их королевы в монастыре Санта-Крус в Коимбре, Диниз - в монастыре Одивелаш близ Лиссабона, Св. Изабелла - в монастыре бедных Кларисок в Коимбре, Афонсо IV. и его королева в Лиссабонском соборе, и жена донна Педро, Констанс Мануэль, в монастыре Святого Франциска в Сантареме.

Дух сурового, мстительного правосудия, который ознаменовал начало короткого правления дома Педро, продолжал проявляться во всех административных делах; король любил вершить правосудие лично, и суровость, с которой он обращался со всеми виновными, дворянами и священниками, а также купцами и бродягами, снискала ему титул “Педро Суровый”. Такая суровость не была неприятна народу, и сохранилось много рассказов о визитах короля *инкогнито* в суды и о его суровом наказании несправедливых судей. Многие из известных историй, рассказанных в “Тысяча и одной ночи” халифа Гарун-ар-Рашида, также рассказаны о доме Педро, и в них его канцлер Васко Мартинс де Суза сыграл роль визиря, как компаньона и приклада. В вопросах политики дом Педро пошел по стопам своего отца и деда, избегая вмешательства в дела других королевств полуострова и поддерживая тесные политические и коммерческие связи с Англией. Его правление было слишком коротким, чтобы оставить большой след в истории Португалии, поскольку он умер в 1367 году в Эштремоше и был похоронен в Алсобасе рядом с Инес де Кастро.

Восшествие на престол Фердинанда, прозванного “Красивым”, единственного сына дома Педру от Констанции Мануэль, знаменует кризис в истории португальской монархии. Как естественный результат долгой эпохи мира и процветания, последовавшей за окончательным

завоеванием Алгарве, народ Португалии стал более богатым, более культурным и более осознающим свою национальность, чем почти любой другой народ в Европе, в то время как Двор становился все более и более распутным и все больше не соответствовал чувствам народа. Если португальская монархия хочет продолжать существовать, было очевидно, что она должна снова стать по-настоящему национальной монархией, какой она была во времена Афонсо Энрикеша и Диниша, которая должна проложить путь к поиску новых выходов для растущей энергии народа, и что короли должны помнить о своих обязанностях, а не думать только о своих удовольствиях. Привязанность народа к дому Педро, который ни в коем случае не был хорошим королем, а скорее деспотом восточного типа, была доказательством того, что они были готовы с благодарностью признать усилия справедливого монарха, и их энергию теперь, когда благодаря длительному миру они стали самой богатой нацией на полуострове, нужно было только направить. Ни духовенство, ни знать не проявляли никакого желания сдерживать распущенность Двора. Епископы утратили свое прежнее командное влияние, поскольку папство, от которого они зависели, пришло в упадок, а знать, теперь, когда у них больше не было войн, которые могли бы их занимать, либо стала придворными и пособниками пороков королей и принцев, либо жила в своих феодальных поместьях и подражала им. Народ теперь не имел доли в правительстве. Власть, которую кортесы получили во время правления Афонсо III, это было отложено, потому что король не нуждался в его помощи против своих епископов и знати, но это было только отложено и готово снова вспыхнуть в новой жизни.

Жизнь и правление Фердинанда “Красивого” отмечены, как и у его отца, романтической любовью, которая, если и не была столь трагичной, как история Инес де Кастро, имела гораздо большее политическое значение. Фердинанд был слабым и легкомысленным, но амбициозным королем, который, взяв на себя обязательство жениться на Леоноре, дочери короля Арагона, внезапно удивил всех, заявив права на троны Кастилии и Леона в 1369 году, после смерти Педро “Жестокого”. Это право было унаследовано от его бабушки, Беатрис Кастильской, которая была хорошей невесткой, и дом Фердинанд был благосклонно принят в Сьюдад-Родриго и Саморе. Но большинство кастильцев, как знатных, так и плебейских, не имели желания видеть португальского монарха на своем троне и поэтому поддерживали дело незаконнорожденного Генриха Трастамарского как Генриха II Кастильского и Леонского. Последовавшая за этим война обернулась в пользу кастильского претендента, и состязание закончилось в 1371 году вмешательством папы Григория XI, когда Фердинанд согласился отказаться от своих притязаний на трон Кастилии и жениться на Леоноре, дочери Генриха II. Однако, вопреки воле папы, этот договор так и не был выполнен, поскольку при женитьбе своей сводной сестры Беатриче, дочери дома Педро и Инес де Кастро, на Санчо графе Альбокерке король Фердинанд увидел и страстно влюбился в донну Леонор Теллес де Менезес, дочь дворянина из Трас-ос-Монтес и жену Жуана Лоренсу да Кунья, сеньора Помбейру. Эта страсть погубила короля, ибо объектом ее была некая португалька Лукреция Борджиа, о которой рассказывают ужасные истории, которые, как к сожалению, показали исторические исследования, слишком хорошо обоснованы. В тот самый период, когда она впервые встретила короля, она не делала попыток отвергнуть его ухаживания, хотя была замужней женщиной и испытывала непреодолимое чувство мести своей сестре, донне Марии Теллес, за ее попытки дать отпор влюбчивому монарху. Несмотря на усилия своей сестры, донне Леонор удалось пленить короля, который, будучи без ума от нее и подчиняясь велениям своего честолюбия, отказался жениться на дочери Генриха II Кастильского. Этот отказ привел в ярость жителей Лиссабона, которые знали, что кастильцы не потерпят покорно такого оскорбления, и в городе вспыхнули массовые

волнения. История этого бунта была превосходно рассказана главным современным историком Португалии Александрой Эркулано в одном из его исторических романов, и это дает поразительный пример политической дальновидности народа и его убежденности в грядущей революции. Популярным лидером был портной по имени Фернан Васкес, под командованием которого толпа ворвалась во дворец в Лиссабоне, тщетно искала донну Леонор и заставила короля Фердинанда поклясться жениться на кастильской инфанте уже на следующий день. Но Фердинанд той же ночью сбежал в Сантарен и, оказавшись там со своей возлюбленной, забыл о своей клятве и послал все войска, которые смог собрать, наказать лиссабонских бунтовщиков. Они оказали лишь небольшое сопротивление, будучи не готовы к тому, что их государь не поверил данному им слову, и портной Фернан Васкес и его главные последователи были обезглавлены. Подвергнутый этому жестокому наказанию, король отправился в Порту и там обвенчался с донной Леонор в церкви госпиталя Сан-Жуан-ду, хотя ее первый муж был еще жив. Это показывает, до какой глубины деградации опустилась португальская знать, что вся знать, за исключением Дома Диниша, одного из сводных братьев короля, согласилась на этот двоеженский брак и признала донну Леонор королевой. Во главе тех, кто подчинился, были дом Жуан или Джон, старший сын покойного короля от Инес де Кастро, и дом Джон, известный как “Бастард”, магистр рыцарей Ависа, и сын Педро от Терезы Лоренсу.

Жители Лиссабона были правы, полагая, что кастильцы расценят брак Фердинанда с донной Леонор как смертельное оскорбление их инфанты. Генрих II. немедленно вторгся в Португалию и осадил Лиссабон; Фердинанд тем временем спокойно жил в Сантарене со своей королевой и не предпринимал никаких попыток вмешаться; и война закончилась бы плохо для Португалии, если бы не вмешался кардинал Ги Булонский, который случайно оказался в Испании в качестве легата, и, используя весь авторитет Церкви, принудил Генриха II. уйти в отставку и заключить мирный договор с Фердинандом в Сантарене. Даже после этого доказательства могущества Кастилии и после страданий, понесенных жителями Лиссабона во время осады, Фердинанд отказался поддерживать мир. Он не поверил бы, что Генрих II. он прочно утвердился на троне и в 1373 году вероломно возобновил переговоры, которые он начал годом ранее с Джоном Гонтом, герцогом Ланкастерским. Этот сын Эдуарда III. претендовал на трон Кастилии для своей жены Констанции, дочери Педро “Жестокого”, и Фердинанд подписал союзный договор с Эдуардом III через своих послов, Жуана Фернандеса Андейро и Васко Домингеса, по которому он согласился поддержать притязания английского принца. Но донна Леонора не одобрила союз с Англией, и в 1374 году Фердинанд, как обычно, нарушил данное слово и снова заключил мир с Кастилией.

Теперь королева была верховной властью; ее слабый и колеблющийся муж был ее рабом, а тирания, которую она осуществляла, была до крайности отвратительной. Ее богатство было велико, поскольку король в своем безумном увлечении предоставил ей в личное пользование владения многими наиболее важными городами, принадлежащими короне, включая Вилья-Висоса, Абрантеш, Альмада, Цинтра, Саккавем, Алемкер, Обидуш, Торрес-Ведрас и Пинхель, и она получила большие поместья для своих братьев, из которых старший, Жуан Аффонсо Теллес де Менезеш, стал графом Барселлос, а младший, Гонсало, графом Нейва. Ее бывший муж, Жуан Лоренсу да Кунья, попытался отомстить за потерю своей жены, попытавшись отравить короля; она немедленно конфисковала его земли и приказала казнить его, чего он избежал только благодаря своевременному бегству в Галисию. Ее месть своей сестре Марии Теллес де Менезес, которую она так и не простила за то, что та воспротивилась ее браку с королем, была ужасна по своей жестокости и служит неоспоримым доказательством ее жестокосердного характера.

Мария, такая же красивая, как и ее сестра, и гораздо более добродетельная, пробудила настоящую страсть в сердце дома Джона, сводногобрата короля и старшего сына Инес де Кастро. Молодая пара поженилась в 1376 году и была настолько счастлива, насколько они того заслуживали. Разгневанная их счастьем, тем более что у них родился маленький сын, тогда как ее собственные сыновья оба умерли в детстве, королева, подобно Яго, принялась за дело, чтобы внушить молодому мужу страсть ревности. Вскоре ей это удалось, и дом Джон собственноручно убил свою жену в своем дворце в Коимбре, пока она тщетно доказывала свою невиновность. Когда дело было сделано, королева предстала перед своей покойной сестрой и со смехом сообщила несчастной женоубийце, что обвинения не соответствуют действительности. Услышав эту насмешку, дом Джон хотел убить ее, но, когда ему помешали ее охранники, он бежал в Кастилию. Донна Леонор не имела даже той заслуги, что была постоянна по отношению к своему могущественному супругу, но вела открытую интригу с Жуаном Фернандешем Андейру, бывшим послом в Англии, которого она убедила короля сделать графом Оурема. Инес Аффонсо, жена Гонсало Ваз де Азеведу, первого великого маршала Португалии, случайно услышала признание королевы в любви своему возлюбленному, и она сообщила об этом дому Джону "Бастарду", магистру рыцарей Ависа. Какой-то шпион донес королеве, и она немедленно решила избавиться от этой пары. У нее было подделанное письмо, якобы написанное ими королю Кастилии, полное предательских пассажей, и на основании этого она получила приказ короля об их аресте. Когда они благополучно оказались в тюрьме, она попыталась убедить своего мужа подписать приказ об их казни без суда. Король Фердинанд, испытывавший настоящую привязанность к своему сводному брату, отказался, и вслед за этим донна Леонор подделала его подпись под приказом немедленно обезглавить их. К счастью для Португалии, губернатор замка Эворы, где они были заключены в тюрьму, Васко Мартинш де Меллу, отказался подчиниться, и будущий спаситель Португалии сбежал.

Удивительно, что португальский народ так долго подчинялся этой тирании, и это показывает, насколько глубоко он чувствовал долг перед своими великими монархами, такими как Аффонсо Энрикеш и Дом Диниш, что они не предприняли попытки свергнуть их недостойного потомка. Их приверженность принципу наследования была настолько сильна, что на большом кортесе, состоявшемся в Лейрии в 1376 году, единственный оставшийся в живых ребенок королевы, донна Беатриче, была признана наследницей трона. Эта декларация имела величайшее значение, поскольку она определяла будущий порядок наследования в королевстве; и, объявляя женщин способными наследовать престол, отвергала хорошо известный салический закон, который преобладал во Франции и других странах. Королева неуклонно поощряла стремление короля взойти на трон Кастилии, и когда после смерти Генриха II его надежды возродились, она еще раз убедила его отправить ее любовника, графа Оурема, послом в Англию. Ричард II. принял его сердечно, и Эдмунд, граф Кембриджский, ближайший брат Джона Гонта и более известный под своим последующим титулом герцога Йоркского, согласился оказать военную помощь Фердинанду. В 1381 году граф Кембриджский прибыл соответствующим образом с двумя тысячами английских латников, и, как и предполагал граф Оуремский, его старший сын Эдуард, впоследствии второй герцог Йоркский, был торжественно обручен с донной Беатриче, наследницей португальского престола. Слабый Фердинанд, как обычно, отказался сдержать слово и, напуганный приближением кастильской армии, дезертировал от англичан, которые немедленно начали опустошать местность вокруг их лагеря близ Порту, в то время как он заключил мир с Иоанном I Кастильским в Сальватерре. По этому договору, который был подписан 2 апреля 1383 года и в котором ясно видна рука донны Леонор,

было решено, что Иоанн I женится на донне Беатриче, которой было всего одиннадцать лет, и что Леонор будет регентом Португалии в случае смерти Фердинанда, пока старший сын Беатриче не достигнет совершеннолетия. На свадьбе, которая состоялась сразу же, Фердинанд был слишком болен, чтобы присутствовать: но королева и ее любовник были там вместо него и вели себя с таким неподобающим весельем, что многие представители португальской знати во главе с Нуно Альварешем Перейрой, который впоследствии войдет в историю Португалии как “Святой констебль”, не смогли удержаться от открытого выражения своего отвращения. Шесть месяцев спустя, 22 октября 1383 года, король Фердинанд умер, и донна Леонор приняла регентство от имени своей маленькой дочери, королевы Кастилии.

ВИД НА ДВОРЕЦ В ЛИССАБОНЕ.

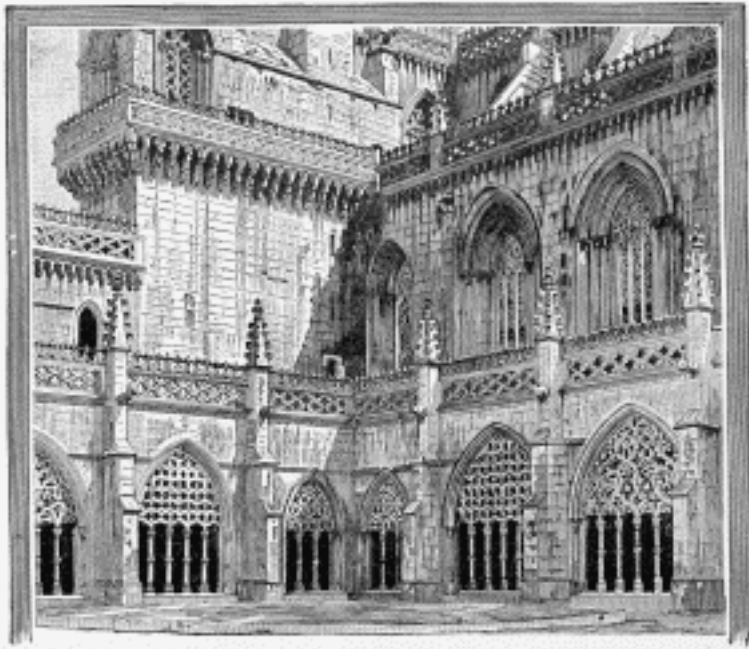
(From “Les Royaumes d’Espagne et Portugal.” La Haye, 1720.)

Но она продержалась недолго. Весь португальский народ возненавидел ее, и их национальный дух был возмущен предполагаемым объединением их короны с короной Кастилии. Дом Джон “Бастард”, магистр ордена Авиза, разделял как их личную ненависть к королеве, которая пыталась лишить его жизни, так и их политическое стремление к независимости; и 6 декабря он возглавил восстание в Лиссабоне и собственноручно убил любовника королевы, Андейру, графа Оурема, в самом дворце. Люди повсюду аплодировали его поступку и нападали на друзей королевы; в Лиссабоне архиепископ Мартинью и аббат Гимараэнша были убиты в один и тот же день, и примеру последовали в провинциях, где среди других известных убийств настоятельница бенедиктинских монахинь была убита в Эворе, а лорд-верховный адмирал Лансароте Пессанья - в Беже. Леонора, к недостаткам которой нельзя было отнести недостаток мужества, бежала в Сантарен и не только призвала на помощь своего зятя Иоанна Кастильского, но и начала набирать армию из числа вассалов своих собственных приверженцев. При этих новостях дом Джон почувствовал минутный приступ слабости и заговорил об отъезде в Англию, но жители Лиссабона устами популярного лидера, бондаря Афонсо Аннеса, так красноречиво умоляли его не покидать их в такой опасности, а остаться и быть их правителем, что 16 декабря он согласился остаться и назначил двух своих самых мудрых сторонников, Жуана даш Реграса и Нуно Альвареш Перейра, на должности канцлера и констебля.

Затем дом Иоанн присвоил себе титул Защитника Королевства; но он знал, как мало шансов у Португалии против Кастилии без какого-либо могущественного союзника, и поэтому послал сначала Томаса Даниэля и Лоренсу Мартинса, а затем своего канцлера и магистра рыцарей Сантьяго просить помощи у Англии. Долгожданная помощь казалась запоздалой, и дом Иоанн приступил к переводу Лиссабона в состояние обороны и отправил “Святого констебля” собирать армию в северных провинциях. В 1384 году Иоанн Кастильский медленно вторгся в Португалию с большой армией и присоединился к донне Леонор в Сантарене. Но вскоре союзники поссорились из-за будущего правительства страны, которую они оба считали уже завоеванной, и донна Леонор порекомендовала своим приверженцам присоединиться к дому Джону. Не удовлетворившись этим, она планировала отравить своего зятя; но ее намерение было вовремя раскрыто, и злая королева была отправлена Иоанном Кастильским в монастырь Тордесильяс, в его владениях, где она закончила свои дни в 1386 году. Свершив этот акт правосудия, король Кастилии осадил Лиссабон. Соппротивление было достойно цели, которая на самом деле заключалась в продолжении существования Португалии как независимой страны. Священники сражались во главе своих прихожан; архиепископ Браги вел себя как доблестный рыцарь; а дом Иоанн показал свою пригодность быть монархом воинственного народа. Страшная эпидемия, разразившаяся в лагере осаждающих, принесла больше вреда, чем храбрости осажденных, и Иоанну Кастильскому пришлось отступить в замешательстве. Но отражение атаки одной испанской армии мало что дало; относительные размеры Португалии и Кастилии делали очевидным, что борьба будет ожесточенной; на карту была поставлена независимость Португалии, и португальцы сражались так, как мужчины борются за свое существование как нации. Героический констебль закрепил урок успешной обороны Лиссабона своим поражением кастильцев при Атолейросе, но было сочтено необходимым принять еще более решительные меры, если война должна закончиться триумфом.

Первой из этих мер была легализация положения дома Джона, доблестного лидера народа. Великий кортес был созван на заседание в Коимбре, и на нем Жуан дас Реграс объявил трон Португалии выборным 6 апреля 1385 года. Это предложение было одобрено путем аккламации, и после того, как канцлер представил папскую буллу, объявляющую детей донна Педро от Инес де Кастро незаконнорожденными, кортесы единогласно избрали донна Джона “Бастарда” королем Португалии. Эта мера узаконила должность магистра рыцарей Ависа, который принял титул Иоанна I. и известен в португальской истории как Иоанн “Великий”; и люди поверили, что эта мера получила санкцию небес, когда пришло известие, что святой констебль одержал великую победу над испанцами при Транкозу, в ходе которой были убиты четыреста кастильских рыцарей. Дух португальцев еще больше поднялся после высадки пятисот знаменитых английских лучников под командованием трех оруженосцев на службе Джона Гонты по имени Нортберри, Моубрей и Хенцель; но эта помощь была уравновешена прибытием двух тысяч французских рыцарей, перешедших на сторону короля Кастилии. Две армии встретились при Альжубарроте 14 августа 1385 года, и именно там была обеспечена независимость Португалии, а Дом Ависов подтвердил свои права на трон. Святой констебль командовал авангардом; мем Родригес де Васконселлос - справа, а Антао Васкес де Альмада - слева; в то время как дом Иоанн переезжал с места на место и никогда не упускал случая оказаться на опасном посту. Было использовано десять единиц боеприпасов, что стало их первым появлением в военной истории полуострова; английские лучники несли службу йоменов и повторили славу Креси и Пуатье, и после упорной борьбы испанцы в замешательстве бежали. Тогда Иоанн I действительно почувствовал себя королем; и он воздвиг на том месте, где была одержана его

победа, великолепный монастырь Баталья, который своим названием напоминает знаменитое Боевое аббатство, возведенное на поле Гастингса. За этой победой последовала другая при Вальверде, а затем пришло известие, что Джон Гонтский уже в пути с мощной английской армией. Португальцы чувствовали, что они заново обрели свою независимость.

ДВЕ СТОРОНЫ КОРОЛЕВСКОЙ ЧАСОВНИ МОНАСТЫРЯ БАТАЛЬЯ. (СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ.)

9 мая 1386 года был подписан Виндзорский мирный договор, по которому королевства Португалии и Англии были объявлены отныне объединенными теснейшими узами дружбы и союза; и он оказался краеугольным камнем политики Дома Авизов. 20 июля 1386 года Джон Гонт достиг Ла-Коруньи с двумя тысячами английских копейщиков и тремя тысячами лучников в сопровождении своей жены Констанции Кастильской и двух своих дочерей, Филиппы и Екатерины. Он триумфально прошел по Галлии; и в Порту 2 февраля 1387 года англо-португальский союз был скреплен браком короля Иоанна с Филиппой, дочерью Джона Гонта от его первой жены Бланш Ланкастер. За этим браком последовал другой, Екатерины, единственного ребенка Джона Гонта от Констанции Кастильской и Генриха, принца Астурийского и наследника кастильского престола. Эти браки установили мир на полуострове, поскольку, заключив их, Джон из Гонта отказался от своих притязаний на Кастилию и настоял в качестве одного из условий на перемирии между двумя своими зятями. Это перемирие продолжалось до 1411 года, когда, наконец, был признан титул Иоанна как короля Португалии и торжественно объявлен мир между Кастилией и Португалией.

Король Иоанн "Великий" теперь прочно восседал на своем троне; попытка его сводного брата Диниса, младшего сына Инес де Кастро, свергнуть его в 1398 году полностью провалилась, и иностранные монархи поспешили признать его власть. Благодаря этому герою и расе героев, сражавшихся под его началом, была обеспечена независимость Португалии, и перед ее народом открылась новая карьера. Эпоха консолидации закончилась; должна была начаться эпоха иностранных открытий и азиатских завоеваний.

VI.

ПОРТУГАЛИЯ В ЭПОХУ ОСВОЕНИЯ КОСМОСА.

КОРОЛЬ ИОАНН ВЕЛИКИЙ.
(Из его лежащей статуи над его могилой в Баталье.)

Правление Иоанна I, прозванного “Великим”, и двух его преемников длится почти столетие, в течение которого Португалия училась становиться величайшей нацией Европы. Это была эпоха исследований и открытий, в течение которой самые острые умы и самые смелые натуры Португалии мечтали о новом маршруте в Индию и пытались его открыть. Это была эпоха расцвета, изобиловавшая государственными деятелями, мореплавателями и хронистами, которым предстояло иметь своих преемников в слишком короткий, но бессмертный период португальского величия, в лице таких людей, как Альбокерке, Васко да Гама и Камозэнс. История этих морских исследований и открытий, болезненного и медленного продвижения вдоль западного побережья Африки и великих планов и усилий принца Генриха “Мореплавателя” станет предметом отдельной главы; но сначала целесообразно изучить историю португальского народа и монархии на родине в этот период и увидеть, как с правления Иоанна I. новый дух проявился одинаково среди королей, купцов и солдат, кульминацией которого стала слава героической эпохи.

Король Иоанн, после того как победа при Альхубарроте прочно усадила его на трон, считал необходимым предоставить Португалии такой же период мира после огромных усилий, затраченных на кастильские войны, какой дал король Диниш после прекращения войн с маврами. Этот мир был обеспечен мудрой внешней политикой, ключевыми принципами которой были тесный союз с Англией и систематическое невмешательство в дела Испании. Он видел ценность помощи Англии в последних муках своей борьбы с Кастилией, и английские монархи на своей стороне чувствовали преимущество наличия такого союзника, как Португалия, который выступал бы занозой в боку Кастилии, если бы испанцы пришли на помощь французам. Государственная идея Генриха II. когда он поддержал предложение графа Фландрии о руке дочери Афонсо Энрикеса, что этот брак должен скрепить неписанный союз Англии, Фландрии и Португалии против Франции, Шотландии и Кастилии, по-видимому, было в умах английских государственных деятелей четырнадцатого и пятнадцатого веков. Точно так же, как Шотландия предоставила Франции удобную базу для военных или политических операций против Англии, так и Португалия предоставила англичанам аналогичную позицию для действий против Кастилии, и последующая история Португалии показывает, как великодушно и мудро Англия обошлась со своим южным союзником. Народы двух стран с радостью поддерживали политические идеи своих монархов и правителей. Каждая страна могла поставлять то, что хотела другая. Из Португалии английские купцы могли получать фрукты и вина, которые находили готовый рынок сбыта, и лондонцы, не удовлетворяясь только внутренним спросом, распространяли эти южные продукты среди стран севера, и особенно в тех, что расположены вокруг Балтийского моря, Швеции, Дании, Померании и Литве. С другой стороны, португальцы не имели мануфактур и охотно брали в обмен на продукцию своей плодородной земли ткани не только английских, но и фландрских ткацких станков, которыми торговали лондонские купцы.

Этот союз сохранялся, несмотря на династические перемены и политические революции в двух странах. В 1389 году имя короля Португалии было внесено в Парижский мирный договор как союзника короля Англии; в 1398 году Ричард II. послал отряд английских лучников под командованием Эдмунда Арнольда Дартмутского для оказания помощи в отражении вторжения в Португалию сына Инес де Кастро и нескольких испанских рыцарей; а в 1400 году Иоанн I признал своего шурина Генриха Ланкастерского Генрихом IV. Англии и был произведен им в рыцари ордена Подвязки, став первым иностранным монархом, удостоенным этой чести. В 1403 году Генрих IV. торжественно ратифицировали Виндзорский мирный договор, и в следующем году незаконнорожденная дочь Джона I. от Инес Пирес была выдана замуж за Томаса, графа

Арундела, одного из предводителей английской знати. Этот брак рассматривался как еще одно скрепление союза и был отпразднован в 1405 году в Англии с величайшей пышностью. Столь же дружественные отношения поддерживались с Генрихом V. и с правителями Англии во время несовершеннолетия Генриха VI.; Генрих V. отправил провизию и войска для экспедиции в Сеуту в 1415 году, а в 1428 году сильный отряд из 144 копейщиков был отправлен на соединение с королем Португалии. Этот английский союз был ключевой нотой политики Иоанна I. И он сохранялся без каких-либо нарушений с момента прибытия Джона Гонта в 1386 году до смерти великого португальского монарха в 1433 году.

Внутреннее правление короля Иоанна I. в одном отношении было затруднено до такой степени, что свело на нет эффект его великих административных реформ. Следует помнить, что он был избран королем кортесами, и за ним последовали на поле битвы при Альхубарроте все классы португальского народа. Тем не менее, по какой-то причине он не доверял людям, которые любили его, но, полагая, что обязан своим успехом дворянам, которые поддерживали его, он начал свое правление с обширных пожалований земель и привилегий своим главным сторонникам благородного происхождения. Возможно, было бы чересчур ожидать политических знаний государственного деятеля девятнадцатого века от короля четырнадцатого, но потомкам кажется, что король Иоанн сильно переоценил помощь своей знати и что он чрезмерно вознаградил их, подарив им почти все старые королевские владения королей Португалии. Можно полагать, что он боялся отхода своей знати к кастильской партии и что он думал, что они могут забрать с собой своих вассалов, но какова бы ни была причина, он предоставил им такие огромные субсидии, которые серьезно ослабили королевскую власть. Эти субсидии, однако, не обеднили казну, которая в большей степени наполнялась за счет поступлений от таможенных пошлин, источника дохода, который увеличивала его мудрая торговая политика, чем за счет ренты с землевладений. Он стал настолько богатым, что оставил свой след в стране своими грандиозными постройками; помимо великолепного монастыря Баталья на поле Альжубаррота, он построил не менее четырех дворцов в Цинтре, Алмейриме, Джебимбре и Лиссабоне. Последний упомянутый город был его любимым местом жительства; под его опекой он стал официальной столицей Португалии вместо Коимбры и вскоре превзошел по богатству Порту как коммерческий город. Жители Лиссабона относились к нему так же, как жители Лондона относились к Эдуарду IV. столетие спустя они никогда не забывали его доблестного поведения во время великой осады, и в любое время были готовы повиноваться ему и платить ему справедливую десятую часть своего богатства. В одном отношении король Иоанн особенно удовлетворил чаяния религиозной части лиссабонцев, получив санкцию папы Римского на превращение епископства Лиссабона в архиепископство.

Неудивительно, что король Иоанн любил жить в Лиссабоне и наблюдать за ежедневным плаванием кораблей вверх и вниз по Тежу, которые превращали его столицу в крупный торговый центр, если вспомнить, насколько незначительной была его фактическая власть над большей частью своего королевства. Другие города действительно управлялись довольно хорошо благодаря тому, что у них были древние хартии от королей, епископов или лордов, предоставлявшие им систему муниципального самоуправления, но сельские районы управлялись строжайшими феодальными законами и обычаями, и король был бессилен вмешаться. Теперь стало ясно, какой вред нанесли монархи, отвоевавшие Алемтехо и Алгарве у мусульман, распределив свои завоевания в виде поместий между военными орденами и частными лицами. Результатом стало разделение этих провинций на огромные феодальные графства и сеньории, опасно большие для владений подданных такого маленького королевства,

как Португалия. Состояние Бейры было немного лучше, и две северные провинции Энтре-Минью-э-Дору и Трас-ос-Монтес были, как и сейчас, родиной крепких португальских крестьян, которые дали португальским армиям и флотам своих самых храбрых и стойких солдат и матросов. Иоанн Великий горько раскаивался в ошибке, которую он совершил, предоставив большие пожалования португальской знати, и в своей последующей неспособности исправить самые вопиющие пороки феодальной системы. Однако в начале своего правления у него было несколько мудрых и способных советников: святой констебль, Лоренсу, храбрый архиепископ Браги, и его великий канцлер Жуан дас Реграс. С помощью последнего ему удалось добиться принятия в кортесах нескольких ценных законов, затрагивающих уголовный процесс и юрисдикцию, с помощью которых он в некоторой степени контролировал феодальные методы ведения судов, не сильно оскорбляя крупную знать, но он не осмеливался идти дальше в этом направлении и был вынужден позволить многим злоупотреблениям, присущим феодальной системе, продолжать существовать. Во всех других отношениях его администрация была чрезвычайно хорошей; его города росли в богатстве; его военно-морской флот увеличивал количество кораблей; его моряки прославились своей отвагой; и в незначительных вопросах было проведено много реформ, таких, например, как введение использования португальского языка в судах и изменение эры Августа на эру Христа, что сделало дату года созвучной дате остального христианского мира.

В таких трудах прошли первые тридцать лет после битвы при Альжубарроте, и Португалия и ее великий король прославились на всю Европу. В этот период выросло новое поколение, сыновья мужчин Альхубарроты и Транкозо, и молодая знать горела желанием доказать, что они достойные сыновья своих отважных отцов. В своих устремлениях их возглавляли принцы Португалии. Союз старинной королевской семьи Португалии, представленной королем Иоанном, с кровью английских плантагенетов в лице его королевы Филиппы Ланкастерской произвел на свет пять знаменитых принцев, чьи имена занимают видное место в истории пятнадцатого века. Трем старшим сыновьям Джона и Филиппы, дому Дуарте или Эдуарду, дому Педро и дому Генри, было в 1414 году соответственно 23, 22 и 20 лет; они страстно желали получить рыцарские шпоры и показать себя достойными кузенами Генриха V Английского. Король Португалии не хотел сдерживать их пыл; он чувствовал необходимость занять энергию своей юной знати; и поскольку дома у него не было врагов, он согласился с желанием своих сыновей напасть на старых врагов Португалии, мавров, в Марокко. Таким походом против мусульман молодые принцы показали бы себя крестоносцами и нашли бы противников, достойных их мечей, не вызвав ревливой настороженности короля Кастилии. Сеута была городом Африки, выбранным для нападения не только потому, что это был главный порт мавров в северо-западной части Африки и угрожал югу Испании, но и потому, что это была штаб-квартира многочисленных корсаров и пиратов, которые охотились на и без того растущее сообщение Португалии с западным побережьем Африки, а иногда совершали набеги на португальскую провинцию Алгарве. Экспедиция отплыла из Лиссабона в 1415 году; за тремя принцами последовал цвет португальского рыцарства, а также их два младших брата, дом Джон, которому было всего пятнадцать, и дом Фердинанд, которому еще не исполнилось тринадцати; со смертного одра королева послала свое благословение, и в июне месяце экспедиция благополучно высадилась на африканском побережье. Мавры храбро сражались на своей родной земле, и только 24 августа город Сеута был взят штурмом после осады, в ходе которой сыновья Иоанна Великого показали себя доблестными солдатами и благоразумными вождями. Это завоевание имело значение в двух отношениях; это было первое завоевание,

совершенное португальцами за пределами их собственной страны, и, следовательно, было доказательством их энергии и расширения их власти; но, с другой стороны, оно указывало в ложном направлении и было первой из серии африканских экспедиций, которые не принесли прибыли стране, даже в случае успеха, и которые закончились великой катастрофой, связанной с именем Дома Себастьяна.

КОРОЛЕВА ФИЛИППА.

(Из ее лежащей статуи над могилой в Баталье.)

Завершив завоевание Сеуты, старшие принцы посвятили свои необычайные силы ума и тела занятиям, достойным кузенов английского короля Генриха V. Дом Эдвард, названный так в честь своего прадеда, Эдуарда III. старший сын короля Англии, женился на донне Леоноре Арагонской и помогал своему отцу в исполнении государственных обязанностей. Он оказался способным учеником канцлера Жуана даш Реграша и, посвятив много времени изучению права, составил первый кодекс португальского права. Дом Педро, следующий брат, который был создан своим отцом герцогом Коимбрским после штурма Сеуты, путешествовал по всей Европе, по очереди пользуясь гостеприимством Генриха V, короля Англии, императора и папы Римского, и поражая этих монархов своими способностями. Он доказал свою доблесть, сражаясь бок о бок с тевтонскими рыцарями против литовцев на крайнем востоке цивилизованной Европы, а свой литературный вкус - благодаря просвещенному покровительству литераторов во всех частях континента. В 1428 году он завершил свои путешествия и, поселившись в Лиссабоне, женился на донне Изабель, дочери графа Уржельского, и помогал своему отцу и старшему брату в исполнении государственных обязанностей, проявляя особый интерес к прогрессу литературы и участвуя во всех различных

проектах развития Португалии. Третий брат, дом Генри, созданный своим отцом, герцогом Визеу, и назначенный магистром ордена Христа и губернатором королевства Алгарве, оставил свой след в мировой истории как принц Генри “Морепоплавателъ”. Этот принц отклонил все предложения папы Римского, императора и Генриха V. посетить их дворы и обосновался в 1418 году в Сагре, чтобы посвятить себя и свое состояние делу открытия непрерывного морского пути в Индию, который должен был принести португальцам торговлю с Азией и ее прибыль. Его усилия и открытия, которыми он руководил, составляют тему отдельной главы, но следует помнить, что во всех его усилиях ему помогали отец и старшие братья. Четвертый брат, дон Джон, магистр ордена Сантьяго, женился на своей племяннице Изабель, дочери графа Барселлоса, и в конечном итоге стал третьим констеблем Португалии. Пятый брат, дом Фердинанд, получивший титул “Постоянного принца” в последующие годы, был магистром ордена Святого Бенедикта Авизского, каким был его отец до своего восшествия на престол; его набожность была настолько хорошо известна, что его попросили войти в Церковь, и папа пообещал кардинальскую шапку, но он отказался от этой чести, стремясь скорее к славе крестоносца, чем к влиянию священнослужителя, и в конце концов получил мученический венец. Их сестра Изабелла была так же известна своей красотой, как и ее братья своей доблестью, мудростью и благочестием, и была замужем за Филиппом “Добрым” Бургундским, основателем ордена Золотого руна. Чтобы разрушить единство этой прославленной и одаренной семьи, существовал сводный брат Афонсо, сын короля Иоанна от Инес Пирес, рожденный до брака с Филиппой Ланкастерской, который ревновал к своим законным братьям и в конечном итоге оказался злым гением их судьбы. Этот сын пользовался особой благосклонностью своего отца, который заключил его брак с донной Беатрис Перейра, дочерью и наследницей святого Коннетабля, и сделал его графом Барселлос.

Последние годы счастливого правления короля Иоанна “Великого”, длившегося почти полвека, были отмечены не только открытиями принца Генриха “Морепоплавателя”, но и превращением португальского языка в литературный многими талантливыми авторами. Упоминались стихи португальских трубадуров, которые пели во времена правления Диниша, и первый португальский эпос о битве при Саладо, который предвосхитил “Лузиады” Камоэнса. Но литературный язык формируется не столько поэзией, сколько прозой; ранняя поэзия Португалии мало чем отличалась от галисийской, в то время как ее проза развивалась в самостоятельном направлении. Первым португальским прозаическим произведением сколько-либо продолжительного характера был знаменитый роман “Амадис де Галл”, написанный Васко де Лобейрой, умершим в 1403 году. Этот роман породил множество подражаний, а вкус к романам получил дальнейшее развитие благодаря популярности “Пророчеств Мерлина” и сказок об Артуре, знания о которых пришли в Португалию вместе с союзом с Англией. Сам король поощрял это литературное возрождение; “Книга охоты”, один из лучших образцов ранней португальской прозы, была написана для него под его руководством, и среди его сыновей дом Педру писал стихи, а дом Эдуард - два превосходных прозаических произведения: “Наставления по верховой езде” и “Верный советник”. Более важно обратить внимание на труды первых великих португальских хронистов. Хроники ранних событий португальской истории были написаны в монастырях и имеют собственную ценность, но эти произведения немногим лучше летописей, записываемых год за годом и не претендующих на литературную форму. Следующей по порядку стоит анонимная “Хроника конкисты Алгарве”, представляющая переход от летописца к хроникеру, причем в правление Иоанна I. под особым покровительством монарха и его сыновей первый великий португальский хронист Фернан Лопес, которого

называют Фруассаром Португалии, написал свои хроники правления Педру “Сурового” и Фердинанда “Красивого”, а Мэтью де Пизано написал свою “Герра де Сеута”, историю знаменитой экспедиции 1415 года. Эти люди были предшественниками великих хронистов пятнадцатого века Азуары, Руи де Пина и Дуарте Гальвао.

После правления, которое считается одним из самых славных в истории Португалии, прославившегося морскими открытиями и литературным прогрессом, оставившего после себя достойных сыновей, способных вести людей по пути цивилизации к богатству и процветанию, Иоанн I, по праву прозванный “Великим”, скончался в своем дворце в Лиссабоне 14 августа 1433 года, пережив свою жену Филиппу Ланкастерскую почти на двадцать лет.

Вопреки ожиданиям его подданных, правление короля Эдуарда было весьма коротким, и ознаменовалось оно лишь сигнальной катастрофой. Его собственные выдающиеся качества и обещание, которое он дал быть хорошим и великим королем, помогая своему отцу, объединились, чтобы пробудить самые высокие надежды, которым было суждено жестоко разбиться вдребезги. Взойдя на трон, он счел себя достаточно сильным, чтобы предпринять шаг, намеревавшийся помешать сохранению власти в руках феодальной знати, что часто обсуждалось между его отцом, его братом Домом Педру, Жуаном дас Реграсом и им самим, и в 1434 году он созвал полный состав кортесов в Эворе. Там он выдвинул “Лейтмотив”, или положение, которое, как предполагалось, имел в виду король Иоанн, когда предоставлял свои обширные земельные наделы знати, а именно, что они могут происходить только по прямой мужской линии от первоначального получателя гранта и должны вернуться к короне в случае отсутствия таких наследников. Закон был проведен под влиянием братьев короля, несмотря на естественное противодействие знати, которая никогда не прощала сторонников этой меры. В других вопросах Эдуард просто следовал примеру своего отца. Он продолжил союз с Англией, ратифицировал Виндзорский мирный договор и был произведен в рыцари Подвязки в комнате своего отца; он придерживался благоразумного нейтралитета по отношению к Кастилии; он поощрял литературное движение, представленное Фернаном Лопесом, и проявлял разумный интерес к планам своего брата, дома Генри.

Но, к сожалению, жизнь короля была сокращена, а исследования дома Генриха на время пресекла роковая экспедиция в Танжер в 1437 году. Эта экспедиция была естественным продолжением экспедиции в Сеуту и была предпринята вопреки совету папы римского и дома Педро. Это было полностью результатом искренних просьб любимого брата короля, дома Фердинанда. Этот благочестивый молодой принц горел энтузиазмом крестоносца; его единственным желанием в жизни было сражаться с неверными, и он не мог оценить тот факт, что дом Генри совершал гораздо большую работу для мира, исследуя побережье Африки, чем убивая мусульман. Пыл дома Фердинанда победил, и король Эдуард собрал флот и армию в Тежу и отплыл к побережью Африки. Объектом нападения был Танжер, и выбран он был самым глупым образом. Сеута находилась на морском побережье, и португальские солдаты могли использовать свой флот в качестве оперативной базы и могли отступить к нему в случае необходимости; в то время как Танжер находился в трех милях от побережья. Как и можно было предсказать, когда король Эдуард со своими восемью тысячами португальских солдат начал осаду Танжера, мавры сразу же перекрыли его сообщение с флотом, и за три дня португальская армия была доведена до крайности. Только благодаря тому, что дом Фердинанд добровольно пожертвовал собой в качестве заложника, войскам было позволено вернуться на свои корабли и найти обратный путь в Лиссабон. Эта катастрофа и пленение его любимого брата так сильно

повлияли на короля Эдуарда, что он умер в 1438 году. Его смерть была более счастливой, чем смерть дома Фердинанда, который после долгого и жестокого заключения, перенесенного с таким героическим терпением и образцовым благочестием, что заслужил титул “Постоянного принца”, умер в Фесе в 1443 году.

Благородное поведение дома Фердинанда, который предпочел смерть в плену безопасности, купленной сдачей Сеуты, единственной альтернативе, которую приняли бы мавры, также имеет свое место в великом эпосе, в котором увековечены все благородные деяния португальских героев. Говоря о короле Эдуарде, Камозэнс говорит:

“В плену он увидел своего брата, хайта Фернана,
Святого, устремленного ввысь с отважной целью,
который, будучи заложником в руках Са'сен,
предал себя войску своей лиги, чтобы спасти.
Он жил на чистом вера в Отечество
жизнь благородной Ladye продал раба,
дабы не купил с ценой Ceita мощный город,
К Д благосостояния предпочтительнее его собственного.

Кодр, дабы враги не победили, добровольно предпочел
отдать свою жизнь и, победив себя, умереть;
Регул, дабы не потерять свою руку в бою,
навсегда потерял все надежды на свободу;
это ради того, чтобы Испания могла спокойно отдыхать,
выбрал пожизненное рабство, вечный плен;
ни Кодр, ни Курций с присущим людям благоговением перед мидом,
ни лояльные Деции никогда не осмеливались на такой поступок ”.[8]

Преемнику короля Эдуарда, его старшему сыну Афонсо V., впоследствии прозванному “африканцем”, было всего шесть лет, когда он взошел на трон, и его правление началось со спора о регентстве. По своему завещанию Эдуард оставил регентство своей жене, Леоноре Арагонской, но это соглашение совсем не устраивало народ, и великий кортес в Торрес-Новасе отменил завещание и назначил дома Педро, герцога Коимбрского, “защитником” королевства со всеми государственными обязанностями, графа Аррайолоса - министром юстиции, а королеву Леонору - опекуном ее сына, молодого короля, с большим содержанием. Это соглашение показывает, насколько велики были полномочия кортесов, и еще более важным свидетельством их признанного влияния является предложение дома Генри о том, чтобы ежегодно избирались три члена кортесов для проживания в резиденции правительства в те месяцы, когда кортесы не заседали. Это соглашение было крайне неудовлетворительным для королевы, которая ожидала стать единоличной регентшей в соответствии с условиями завещания короля Эдуарда, и при содействии недовольной знати, возглавляемой графом Барселушем и архиепископом Лиссабона, она напала на дома Педру и попыталась силой свергнуть договоренности, достигнутые кортесами Торрес-Новаш. Борьба была недолгой; жители Лиссабона в массовом порядке восстали, чтобы поддержать сына своего любимого

монарха Иоанна I. В котором они увидели административные способности его отца и любовь к коммерции, и королева и архиепископ были вынуждены отправиться в изгнание. Результатом этого движения стало прочное закрепление за домом Педро титула регента и опеки над мальчиком-королем.

Регентство дома Педро, более известного под титулом герцога Коимбрского, отмечено теми же чертами, что и правление его брата Эдуарда; в нем проявляются те же последовательные попытки обуздать могущество феодальной знати и то же мудрое поощрение торговли. Еговнешняя политика следовала тем же принципам, и он сохранял тот же нейтралитет по отношению к Испании и тот же тесный союз с Англией. В 1439 году регент торжественно подтвердил Виндзорский мирный договор от имени молодого короля и был произведен в рыцари ордена Подвязки, и такой же чести был удостоен дом Генри, герцог Визеу, в 1444 году, и дом Альваро Ваз де Альмада, лорд-верховный адмирал Португалии и граф Арроншский, в 1445 году. Дом Педру также поощрял морские исследования дома Генри и литературное возрождение, которые прославили имя Португалии по всей Европе, и его могущество, казалось, было на пике, когда в 1447 году его дочь Изабелла вышла замуж за своего двоюродного брата, короля Афонсо V.

Но великий регент не считался с враждебностью феодальной знати, возглавляемой его собственным сводным братом, графом Барселлос, который был создан молодым королем герцогом Браганса. Этот дворянин всегда завидовал законным сыновьям Иоанна I. И, несмотря на доброе обращение дома Педро, он ненавидел регента. Эту ненависть он вселил в сознание Афонсо V., который был довольно беспокойным под контролем своего дяди, и в конце концов он убедил молодого короля, что его дядя и тесть отравили и его отца, короля Эдуарда, и его мать, донну Леонору. Афонсо V. поверил этой клевете и приказал великому регенту покинуть Двор. Дом Педро повиновался, но месть герцога Браганса еще не была удовлетворена, и он с радостью повел армию арестовывать герцога Коимбры в его поместьях. Дом Педро, покинутый всеми своими старыми друзьями и подхалимами, за исключением лорда верховного адмирала, все же был полон решимости сражаться, и он победил герцога Браганса при Пенелле. Затем Афонсо V. объявил своего бывшего опекуна предателем и призвал на свою сторону феодальную знать. Дворяне были только рады помочь ему, и в ожесточенной битве при Альфарробейре друзья регента потерпели поражение, а дом Педро, дом Хайме, его единственный сын и лорд верховный адмирал были убиты 21 мая 1449 года.

Афонсо V. в начале своего личного правления поддался влиянию герцога Браганса и его сыновей, которые потакали его стремлению к рыцарской славе и его мечте воссесть на трон Кастилии и получили в свое распоряжение обширные пожалования королевской собственности. Среди них они получили господства в старом королевском городе Гимараэнс, родине Афонсо Энрикеса, и даже в Порту, втором городе королевства; но последним они так и не овладели из-за ожесточенного сопротивления горожан. Главной идеей молодого короля в то время было снискать славу рыцаря и крестоносца, и, к сожалению, эта прихоть привела его в страну, которая должна была стать усыпальницей его династии. Именно для сбора средств на экспедиции, которые принесли ему титул "африканца", Афонсо впервые выпустил красивые монеты, известные как *crusados*, и на собранные таким образом деньги оплатил расходы на свои три экспедиции. В первом из этих приключений, в 1458 году, он взял Алькасар-эс-Сегир, или Алькасер-Сегье; во втором, в 1464 году, он потерпел неудачу; и в третьем, в 1471 году, он взял Анафе, Танжер и Арзилу. Именно в этих экспедициях он бесполезно истощил силы своих

людей, но, тем не менее, работы по исследованию моря продолжались быстрыми темпами, хотя и с меньшей энергией после смерти дома Генри “Морепоходителя” в 1460 году.

От растраты мощи своего королевства в африканских войнах Афонсо V перешел к еще более пагубному занятию - осуществлению своей мечты сесть на трон Кастилии. Уроки правления его деда остались для него незамеченными; он не смог понять, что две страны развивались по разным линиям и не могли объединиться, и не видел, что в противостоянии Португалии, из-за ее меньшего населения, должно было достаться самое худшее, если только война не была национальной и рассчитана на то, чтобы пробудить дух энтузиазма, а не просто династический. Его семья сейчас была на пике славы — его тетя Изабелла была герцогиней Бургундской; его старшая сестра вышла замуж за императора Фридриха III; его младшая сестра вышла замуж за Генриха IV. Кастилии; а его оставшуюся сестру, Екатерину, хотел выдать замуж сын короля Арагона и Эдуарда IV. Англии. Его первая жена Изабелла, дочь великого регента дома Педро, умерла в 1455 году, родив принца, который должен был стать Иоанном II., и только после своей третьей экспедиции в Африку он задумался о новом браке, который должен был дать ему право на наследование престола Кастилии.

С этой идеей Афонсо V. женился на своей собственной племяннице Джоанне, старшей дочери Генриха IV. из Кастилии (хотя всего лишь тринадцатилетней девочкой) в 1475 году, и он провозгласил королевство Кастилия от ее имени. Но кастильцы предпочли инфанту Изабеллу, вышедшую замуж за Фердинанда, короля Арагона, и они были так же полны решимости помешать португальскому королю сесть на их трон, как столетием ранее португальцы были против объединения их страны с Кастилией. Кастильцы, борясь за свою независимость, нанесли португальцам такое же сокрушительное поражение при Торо в 1476 году, какое португальцы нанесли им при Альхубарроте в 1385 году. Афонсо поспешил во Францию, чтобы просить помощи у Людовика XI.; но его мольбы остались без внимания, и в 1478 году он оказался вынужден подписать Алькантарский мирный договор, по которому он соглашался отправить свою новобрачную в монастырь. Он оставался безутешен из-за провала своих планов и попеременно отрекался от престола и возвращался на трон вплоть до своей смерти в 1481 году.

“Ré Cavalleiro”, или король-рыцарь, таким образом, сделал все возможное, чтобы расстроить результаты мудрой политики своего деда, Иоанна “Великого”. К счастью, он не причинил большого вреда, а его сын и преемник Иоанн II доказал, что способен сделать больше, чем компенсировать ошибки своего отца. Но не следует считать, что Афонсу V был никчемным королем типа Фердинанда “Красивого”; он был скорее беспокойным рыцарем на манер графа Генриха Бургундского. У него также были литературные вкусы; он много и умело писал на различные темы и демонстрировал большие знания о том, каким должен быть король — возможно, почерпнутые из “Киропедии” Ксенофонта, которая была специально переведена для его обучения по приказу герцога Коимбрского. Он был щедрым покровителем литераторов и назначил Дуарте Гальвана “Хрониста Мор до Рейно”, или генеральным летописцем королевства; и он назначил Азуару, другого летописца, библиотекарем и хранителем архива в Торре-дель-Томбо. Он собрал огромную библиотеку в Эворе и основал Орден Башни и Меча; но, возможно, самый верный признак величия, которое где-то присутствовало в его характере, можно найти в его ответе хронисту Асенгейру, который спросил, как ему следует писать хронику своего правления, когда он просто сказал: “Говори правду”.

Итак, это были короли, правившие Португалией в эпоху Великих географических открытий. Настало время оценить природу, масштабы и ценность этих открытий, которые проложили путь к героической эпохе португальской истории.

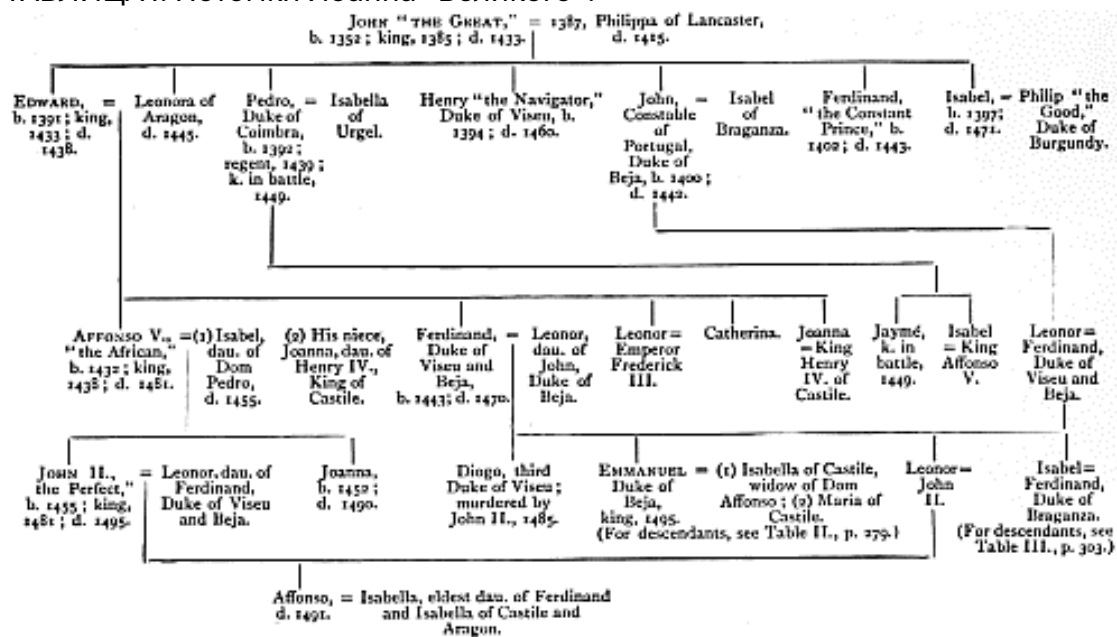
ПОРТУГАЛЬСКИЕ ЗОЛОТЫЕ МОНЕТЫ.

- (1) Корона Иоанна V. (2) Крузадо (400 реалов) стоимостью = 2 цента.
- (3) Крусадо ново.
- (4) Восемь тостов (80 реалов).
- (5) Квартиньо д'Оуро (1200 реалов).
- (6) Шестнадцать тостов, стоимость = 8 шилл. 10долларов.
- (7) Половинка муидора.

- (8) Половинка мойдора Марии. 1777.
- (9) Мойдор Иоанна V. 1724.
- (10) Золотая монета в 77 тостонов, стоимостью 1 156 фунтов стерлингов.
- (11) Монета в два с половиной мойдора, стоимостью 3 2 фунта стерлингов.
- (12) Добран Иоанна V., стоимостью 3 11 фунтов стерлингов.
- (13) Монета в пять мойдоров, стоимостью 6 5 фунтов стерлингов.

ТАБЛИЦА I. Потомки Иоанна "Великого".

VII.

ПОРТУГАЛЬСКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ.

Внутренняя история Португалии при правлении Иоанна “Великого”, его сына Эдуарда и внука Афонсо V. представляет особый интерес, однако наиболее важное развитие португальской энергетики следует воспринимать не дома. Какими бы великими ни были услуги, оказанные Португалии королем Иоанном, они не знаменуют собой такого этапа в развитии Европы, как достижения его сына дома Генриха. Вокруг имени этого принца лучше всего можно сгруппировать открытия португальских мореплавателей, поскольку он был руководящим духом этих искателей приключений и одинаково вдохновлял их и вознаграждал.

Генрих, герцог Визеу, великий магистр ордена Христа и губернатор Алгарве, был третьим сыном Джона “Великого” и Филиппы Ланкастер, и после того, как он завоевал большую славу при взятии Сеуты, в 1418 году он поселился в своей резиденции в Сагре, недалеко от мыса Сент-Винсент, и посвятил себя морским исследованиям. Его отец и братья помогали ему, но они признавали его особую пригодность для этой работы, и поэтому, хотя и поощряли его как можно больше, они не вмешивались в его проекты и не предпринимали попыток оспорить его заслуженный титул принца Генриха “Мореплаватель”. [9] Принц был слишком мудр, чтобы пренебрегать научными знаниями, и поэтому призвал к себе на помощь ученых математиков и астрономов со всех концов Европы. Обладая огромным состоянием, он основал обсерваторию и школу навигации в Сагре, где нанял ученых для составления карт и, прежде всего, для улучшения работы компаса. Это была теоретическая сторона его работы; практическая была не менее важна. Он собрал всех самых отважных капитанов и мореплавателей, каких только смог найти, и год за годом отправлял их в исследовательские путешествия вдоль западного побережья Африки. Он никогда лично не участвовал ни в одной из этих экспедиций, но все люди науки и моряки, получавшие от него жалованье, признали его своим мастером и руководящим гением.

СВЯТОЙ САЛЬВАДОР В ШЕСТНАДЦАТОМ ВЕКЕ.

(Из книги Брауна и Хоэнберга "Civitates orbis terrarum", 1574.)

Идея в голове принца Генриха заключалась в том, что можно обогнуть Африку и добраться до Индии и, таким образом, напрямую торговать с Востоком, и он умер после более чем сорока лет усилий, так и не осуществив своей мечты. В старину существовали легенды, которые он хорошо знал, о том, что южный континент можно обогнуть, легенды, вероятно, основанные на рассказах карфагенских моряков, но ни один географ того периода не мог утверждать, что эти легенды основаны на фактах. Если бы это было правдой и корабли могли плавать прямо из Лиссабона в Индию, то легко было бы понять, какие огромные прибыли должны были получить люди, которые нашли этот маршрут и пошли по нему. В то время товары с Востока доставлялись долгим и опасным путем в Венецию, откуда распространялись по Европе. Их нужно было либо доставить по суше до самого Леванта, либо поднять по Красному морю и перевезти через Египет. В любом случае расходы и риск были огромными, а цены на товары Востока - пропорционально высокими. Если бы был открыт прямой морской путь, было очевидно, что этих рисков и расходов удалось бы избежать и что Лиссабон занял бы место Венеции в качестве поставщика сокровищ Востока в Европу. Дом Генри понимал это и, побуждаемый патриотизмом, а также горячим рвением к делу исследования, посвятил свое богатство и время открытию этого прямого морского пути. Как уже было сказано, ему самому не удалось достичь этой великой цели, но он многое сделал для ее достижения, и мореплаватели, добившиеся успеха, Васко да Гама и Педро Альварес Кабрал, были людьми, проникнутыми его идеями, и в некотором смысле его учениками. Говоря об исследователях времен принца Генриха, слово "корабль" не следует понимать как относящееся к сравнительно хорошо построенным и оснащенным судам конца шестнадцатого века. Современные моряки были бы невысокого мнения о знаменитом корабле Дрейка "*Пеликан*", однако по размерам и оснащению он намного превосходил жалкие парусные лодки первых исследователей пятнадцатого века. Предприятие дома Генри многое сделало для улучшения кораблестроения португальцев, и к концу его жизни их суда могли перевозить до шестидесяти человек, но в начале его карьеры его корабли были немногим лучше полупалубных парусных лодок с экипажем не более тридцати шести матросов.

Простой отчет об открытиях, список названий мест вдоль негостеприимного западного побережья Африки, может быть, сам по себе монотонен; но если принять во внимание скудные средства этих первых португальских мореплавателей и величие цели, к которой они стремились, возникает новый интерес к изучению карты Африки. Первыми плодами исследовательского рвения принца Генриха стали открытия острова Порто-Санто Бартоломеу Перестрелло в 1419 году и более важного острова Мадейра Жуаном Гонсалвешем Зарко и Тристаном Вазом в 1420 году. Эти успехи обрадовали принца Генриха и его отца, и Иоанн "Великий" немедленно передал два острова ордену Христа, великим магистром которого был его сын. Принц Генрих немедленно вознаградил своих капитанов и передал Порто-Санто в аренду Перестрелло, а Мадейру в равных долях двум ее первооткрывателям. Провинции более крупного острова были названы Фуншал, от "фунчо", португальского слова, обозначающего фенхель, которым там изобилуют, и Мачико, которое, как говорят, произошло от имени англичанина Роберта Мачина. Первой попыткой принца Генриха, прежде чем продолжить свои исследования, была колонизация этих двух островов. С Порто-Санто он не добился успеха, поскольку кролики, завезенные Перестрелло, съели всю продукцию острова; и, похоже, та же участь ожидала Мадейру, где местная растительность была почти полностью уничтожена сильным пожаром, длившимся семь лет. Однако он не отчаивался, и именно дом Генри ввел на Мадейре сахарный тростник и виноградную лозу, которые и по сей день являются главными источниками ее богатства.

Справедливости ради следует отметить, что многие авторы считали эти великие открытия всего лишь повторными открытиями. Некоторые люди утверждают, что Мадейра действительно была открыта Эммануэлем Пессаньей, первым лордом-адмиралом Португалии, в 1351 году, во время правления Афонсу "Храброго", и, похоже, есть больше оснований для истории Роберта Мачина, которая, во всяком случае, относится к глубокой древности. История гласит, что Роберт Мэчин, сын купца из Бристоля, любил и был любим дамой благородного происхождения, родственники которой отказались поддержать его и бросили в тюрьму. Примерно в 1370 году, выйдя на свободу, он обнаружил, что его возлюбленная вышла замуж за богатого барона, но он продолжил свое ухаживание, и она согласилась сбежать с ним. Он взял ее с собой на борт корабля, намеревавшегося отправиться во Францию, но поднялся шторм, и корабль, тринадцать дней гнавший его на юг, налетел на остров. Они нашли остров необитаемым и очень красивым, и Мачин с несколькими своими спутниками поселились на нем и построили хижины под ветвями раскидистого дерева. Здесь они жили очень счастливо, пока однажды шторм не сорвал корабль с якоря, что так опечалило леди, что она умерла в отчаянии при мысли о том, что никогда больше не увидит своей родной земли. Ее похоронили под деревом, и Мачин вскоре последовал за ней к могиле, предварительно установив крест с краткой надписью, повествующей о его приключениях, и умоляя всех христиан, которые могли бы приехать на остров, воздвигнуть церковь на том месте, где покоились ее останки. После его смерти те из его товарищей, которые остались, решили попытаться спастись на корабельной шлюпке, но их захватил мавританский крейсер и продал в рабство. Находясь в плену в Марокко, один из англичан рассказал всю историю своему товарищу по плену испанцу по имени Хуан Моралес, и этот Моралес, впоследствии взятый в плен Жуаном Гонсалвешем Зарко, рассказал эту историю своему похитителю и принцу Генри. Моралес, согласно этой легенде, был пилотом Зарко и Тристана Ваза в их исследовательском путешествии, и далее в истории говорится, что была обнаружена могила двух английских влюбленных, и что предсмертное желание Мачина было исполнено, и над их останками воздвигнута церковь. Какова бы ни была правда в этой легенде и высаживался ли Мачин когда-либо на Мадейре или нет, факт остается фактом: первое заселение острова и его нанесение на карту были обязаны предприимчивости принца Генриха.

Открытие этих островов не входило в планы принца Генриха. Его желанием было совершить кругосветное плавание по Африке; все экспедиции Перестрелло, Зарко и Тристана Ваза были направлены на то, чтобы плыть на юг и обогнуть мыс Бохадор, и, безусловно, именно в попытке достичь этой цели Перестрелло был изгнан в море на остров Порто-Санто. Прошло много лет, в течение которых мыс Бохадор оставался большим препятствием для португальских мореплавателей. Год за годом принц Генрих отправлял флотилии из двух или трех кораблей одновременно, которые иногда совершали важные открытия среди островов у северо-западного побережья Африки, но они никогда не огибали большой кейп. Среди этих открытий наиболее важными были Канарские и Азорские острова. Что касается первой группы, португальцы столкнулись с предварительными претензиями со стороны Кастилии; и после спора, в подробности которого нет необходимости вдаваться, Иоанн Великий в соответствии со своей последовательной политикой поддержания мира с Испанией и по просьбе отца Генриха, который не желал растрачивать свои силы на оккупацию островов, передал Канарские острова Кастилии. Португальцы, однако, успешно сохранили свои притязания на Азорские острова, которые по-прежнему принадлежат им. Впервые эта группа была затронута Бартоломеу Перестрелло, первооткрывателем Порто-Санто, в 1431 году; а в следующем году Гонсало Велью Кабрал открыл остров Санта-Мария. Этому капитану была поручена задача дальнейшего

исследования и заселения этой группы островов; и в 1444 году он открыл остров Сан-Мигель или Сан-Майкл, где основал красивый маленький городок, который получил свое название от апельсинов Святого Михаила.

Усилия принца Генриха увенчались частичным успехом, хотя и не в правление его отца, поскольку в 1434 году Хиль Эннес обогнул мыс Бохадор, а в 1436 году Афонсо Гонсалвес Бальдаия достиг Рио-д'Оуру. Внимание “Морепоплавателя”, однако, вскоре было поглощено развитием политических дел на родине, и ему пришлось на время отказаться от своих исследовательских планов. Он с отличием участвовал в неудачной экспедиции в Танжер, а затем сыграл важную роль в событиях, которые закончились утверждением власти его брата дома Педру, герцога Коимбрского, в качестве регента Португалии. Этот просвещенный принц проявлял величайший интерес к исследованиям Африки и помогал принцу Генриху с еще большим рвением, чем король Иоанн или король Эдуард. Это были самые успешные годы в карьере принца Генриха. В 1441 году Антан Гонсалвеш прошел на сотню лиг дальше Рио-д'Оуру, и в том же году Нуно Тристан, величайший и отважнейший из всех капитанов принца Генриха, достиг мыса, который замыкает на юге своего рода выступ, образованный Северо-западной Африкой, и назвал его Кабо-Бранко, или Белый мыс. Он сделал нечто большее; он привел домой нескольких пленников, в том числе местного принца. Захват был встречен с энтузиазмом, и с этого времени действительно началась работорговля на побережье Африки.

Странно, что принц Генри “Морепоплаватель” должен был стать основателем африканской работорговли, но так оно и было, и причины найти нетрудно. Провинции Алемтехо и Алгарве никогда не были полностью заселены с момента их завоевания, и знатные лорды и религиозные военные ордена, владельцы этих районов, так и не смогли должным образом их возделывать. К рабству не относились с современным чувством отвращения; это была естественная участь военнопленных, и оно широко процветало в соседней стране Марокко. Принц Генрих и герцог Коимбрский ощущали потребность в рабочей силе для обработки южных провинций, и им казалось вполне естественным увозить несчастных дикарей с африканского побережья. Эта идея произвела большое впечатление на португальскую знать проникательностью принца Генриха; они не поняли его планов по открытию прямого пути в Индию, но высоко оценили введение дешевой принудительной рабочей силы. Начало работорговли в значительной степени способствовало прогрессу португальских морепоплавателей; они больше не возвращались домой с пустыми руками, и исследования стали делом прибыльным и полным приключений. В 1444 году Лансароте с флотом из восьми кораблей отправился в экспедицию по захвату рабов и привез домой двести пленников, которых отправили работать на владения Ордена Христа в Алгарве, а в 1445 году тот же капитан отплыл с флотом из четырнадцати кораблей из Лагоса и привез домой еще большее количество несчастных рабов. С этого времени работорговцы внимательно следили за следами, оставленными исследователями. Торговля, центр которой находился в Лагосе, приносила большие прибыли, и трудом пленников были быстро обработаны обширные поместья южной Португалии. Использование рабского труда должно было иметь серьезные последствия в ближайшем будущем; но в тот период, при жизни дома Генри, оно еще не начало вытеснять беднейший класс португальцев с работы в поле и вынуждать их прибегать к более ненадежным способам зарабатывания средств к существованию.

Здесь нет необходимости делать что-то большее, чем просто отмечать начало работорговли; гораздо важнее проследить прогресс исследователей.^[10] В 1445 году Нуно Тристан доплыл до

реки Сенегал, и в том же году Диниз Диаш, его самый смелый соперник, открыл Гвинею и впервые увидел по-настоящему черных негров. Это продвижение, как покажет взгляд на карту, значило многое; португальские исследователи теперь полностью научились обходить негостеприимный выступ Северо-западной Африки; мыс Бохадор и Кабо-Бранко их не пугали, и их надежды достичь Индии укрепились, обнаружив, что побережье резко поворачивает на восток. Страна тоже сильно отличалась от той, которую они так медленно осматривали; плодородная земля Гвинеи с ее могущественными неграми, ее пряностями и слоновой костью, а также перспективой добычи золота ободрили их, и по возвращении проникательные лиссабонские купцы не замедлили открыть торговлю с новооткрытой страной. К несчастью, работорговля сопровождала предприятия лиссабонских купцов, и белые люди, вместо того чтобы подружиться с неграми, без колебаний хватали их и продавали в рабство. Церковь не предпринимала никаких усилий, чтобы ограничить эту торговлю; чернокожие были язычниками, и поэтому им было выгодно попасть в христианскую страну для работы и, возможно, для обращения.

Следующие два года были отмечены наибольшей активностью. В 1446 году Динис Диас достиг Зеленого Мыса, который он назвал так из-за его зеленого вида; и в том же году Нуно Тристам был убит в погоне за рабами, а Альваро Фернандес, племянник Жуана Гонсалвеша Зарко, который открыл Мадейру, отправившись с этого острова, прошел на сто лиг дальше Зеленого Мыса и оставил Жуана Фернандеса по его собственной просьбе среди негров. Станным комментарием к смерти Нуно Тристана является то, что Жуан Фернандеш смог семь месяцев оставаться среди негров в безопасности, изучая их язык и обычаи. Это показывает, что между белыми и черными не было глубоко укоренившейся антипатии и что последние нападали на христиан только тогда, когда те показывали себя врагами, и пытались отнять у них свободу. Жуан Фернандеш был благополучно вывезен Антамом Гонсалвешем в 1447 году и засвидетельствовал принцу Генриху, что чернокожие, хотя и язычники, были не чудовищами, а людьми мирного и любящего нрава.

За этим занятием последовала еще одна пауза. Дом Генри был глубоко потрясен свержением своего брата дома Педро, а его племянник, Афонсо V., не смог оказать ему той моральной и материальной поддержки, которую он получал ранее. То, что он не приложил больше усилий, чтобы помочь великому регенту, и то, что его не было рядом с ним в Альфарробейре, действительно ложится пятном на репутацию "Мореплавателя". Следующее десятилетие отмечено в истории морских исследований только открытиями Луиджи Кадамосто, венецианца, поступившего на службу к дому Генри и ставшего его правой рукой как картографа, так и исследователя. О путешествиях Кадамосто было много споров. Некоторые авторы, опираясь на некоторые его заметки, утверждают, что он открыл Гамбию еще в 1445 году, а острова Зеленого Мыса - в 1446 году; но современные исследователи полагают, что он значительно опередил свои открытия, чтобы приумножить собственную славу. Сейчас принято считать, что во время своего знаменитого путешествия в 1455 и 1456 годах ему удалось миновать Сенегал и открыть Гамбию, а острова Зеленого Мыса были открыты в 1460 году Диого Гомесом. История о том, что Кадамосто дошел до Рио-Гранде, совершенно дискредитирована и кажется сама по себе, если не считать свидетельств, совершенно невероятной.

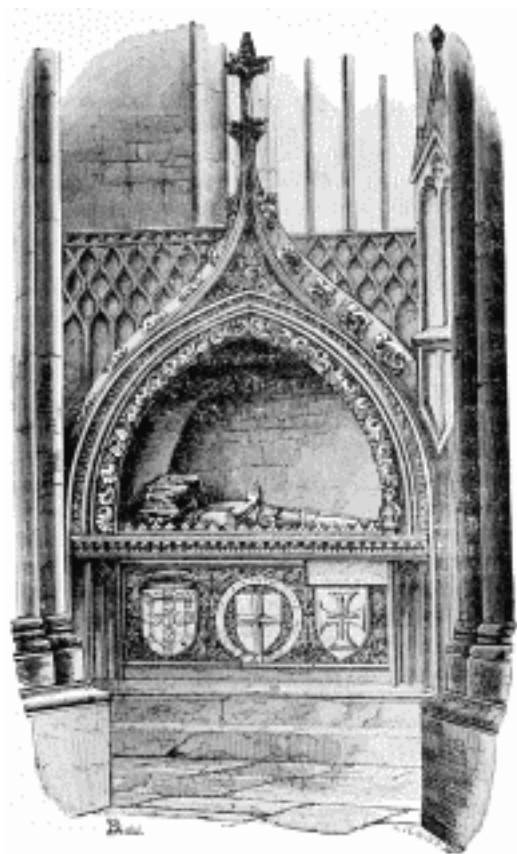

СТАТУЯ ПРИНЦА ГЕНРИХА.

(Из “Принца Генриха Мореплавателя” мейджора.)

Период открытий, сделанных под руководством и вдохновением принца Генриха “Мореплавателя”, подошел к концу, поскольку он умер в Сагре 13 ноября 1460 года. То, что он сделал, лучше видно при изучении карты, чем при любом количестве слов. Он не открыл прямого морского пути в Индию, но проложил его, и было совершенно очевидно, что, если бы он существовал, доблестные капитаны, обученные им, вовремя нашли бы этот маршрут. Его заслуги неоспоримы, и хотя он не оставил преемника для продолжения этой работы, он придал ей такой импульс, что завершить ее оставалось только самим морякам. Он никогда не был женат, но ему наследовал в качестве герцога Визеу, сеньора Бежи и Мадейры и великого магистра ордена Христа его племянник дом Фердинанд, второй сын короля Эдуарда и брат Афонсо V. Которого он усыновил. Этот принц также стал великим магистром ордена Сантьяго благодаря браку со своей двоюродной сестрой донной Леонор, дочерью дома Джона, четвертого сына Джона “Великого”, от которого он был отцом дома Мануэля, или Эммануэля, который правил под титулом Эммануэля “Удачливый”, и должен был пожинать плоды открытий Васко да Гамы и Педро Альвареса Кабрала.

Смерть принца Генриха во многом приостановила морские исследования ради самих исследований и с целью открытия прямого пути в Индию; но работоторговля и общая торговля с побережьем Гвинеи приобретали все большее значение, и результаты трудов первых португальских мореплавателей не были забыты. Афонсо V был больше увлечен своими мавританскими экспедициями и своими планами относительно короны Кастилии, чем морскими открытиями; но, тем не менее, за время его правления было сделано нечто важное для усиления влияния португальцев на уже известную часть африканского побережья и уточнения их топографической информации. То, что сделал Афонсо, было сделано скорее для улучшения торговли или ее защиты в интересах его собственной казны, чем из любви к исследованиям. Именно по этим причинам он построил форт на острове Аргуин, недалеко от Кабо-Бранко, который стал базой для торговли с Гвинеей, и в конце концов он предоставил монополию на торговлю с африканским побережьем Фернану Гомесу за пятьсоткрестовых походов в год. Этот предприимчивый торговец нанял способных капитанов, главными из которых были Жуан де Сантарен, Педро Эскобар и Лопе Гонсалвеш, которые продвинулись дальше вдоль побережья; и в 1471 году, когда Фернандо По открыл острова Сент-Томас, Фернандо Бом и Анно Бом, они пересекли экватор и исследовали мыс Святой Екатерины.

МОГИЛА ПРИНЦА ГЕНРИХА.

(Из книги майора “Принц Генрих Мореплаватель”.)

Иоанн II, преемник Афонсо V., положил начало трудам принца Генриха. Именно он построил форт Эльмина и принял титул сеньора Гвинеи; и именно в его правление Диого Као, или Кам, открыл Конго в 1484 году, а Бартоломеу Диас достиг залива Альгоа в 1486 году и обогнул мыс, который он назвал Cabo Tormentoso, или Бурный мыс, из-за ветров, которые он встретил там, но

который его государь, предвещая этим удачным плаванием будущую славу своей страны, назвал мысом Доброй Надежды. Иоанну II, как и принцу Генриху, было суждено не увидеть осуществления своих самых заветных надежд, и только через три года после окончания XV века Васко да Гама отправился из Лиссабона в Каликут.

В то время как в период политической жизни и коммерческого процветания народ Португалии чувствовал себя как дома, становясь все более цивилизованным, более сдержанным и богатым в течение пятнадцатого века, его моряки становились все более смелыми и предприимчивыми. В шестнадцатом веке португальцы должны были получить свою награду. Лиссабону предстояло занять место Венеции в качестве хранилища всех товаров Востока; торговля с Персией, Индией, Китаем, Японией и островами Пряностей должна была перейти в их руки; они должны были произвести на свет великих полководцев и писателей и должны были стать самой богатой нацией в Европе. Но тому же шестнадцатому веку суждено было увидеть падение могущества Португалии и исчезновение независимости, завоеванной Афонсо Энрикешем и поддерживаемой Иоанном "Великим"; Португалии, которая была величайшей нацией своего времени, суждено было увидеть, как ее слава угасла, и она стала простой провинцией Испании. Рука об руку с ростом богатства пришли коррупция и депопуляция, и в течение всего столетия после эпохального путешествия Васко да Гамы португальский народ, укрощенный инквизицией, не проявлял никаких признаков своей былой стойкости. Это урок, который преподает История Португалии шестнадцатого века: величие нации зависит не от ее богатства и коммерческого процветания, а от мускулов и мужественных сердец ее народа.

VIII.

ГЕРОИЧЕСКАЯ ЭПОХА ПОРТУГАЛИИ.

ИОАНН II по прозвищу “Совершенный”, единственный сын Афонсо V. сменил своего отца на посту короля Португалии в 1481 году, и его короткое правление было отмечено событиями чрезвычайной важности на родине, а также великими открытиями Диого Кама и Бартоломеу Диаса. Он показал себя доблестным солдатом в последней африканской экспедиции своего отца, когда был посвящен в рыцари, и в битве при Торо, а также способным правителем в качестве регента во время отсутствия Афонсо V. во Франции и во время частых периодов отречения этого короля. Он видел глупость своего отца в том, что он растрачивал свои силы в африканских экспедициях и в бесплодных войнах с Кастилией, и поэтому он вернулся к мудрой политике своего прадеда, Джона “Великого”, избегавшего всякого вмешательства в испанские дела и поддерживавшего тесный союз с Англией. Он также, как уже было сказано, с энтузиазмом воспринял все планы принца Генриха “Мореполавателя” и трудился над открытием морского пути в Индию. Он обладал всеми наследственными способностями принцев дома Авис к литературе и прививал дух Возрождения в Португалии в изучении классических языков, развитии науки и поощрении искусства. Он был человеком широких взглядов, терпимым, с идеями, во многих отношениях намного опережавшими его возраст, и обладал одновременно негибкой волей и замечательной мягкостью характера.

Но Иоанн II. это было нечто большее; он был политиком и государственным деятелем первого ранга и открыто называл себя учеником Макиавелли и верующим в теорию абсолютного правления. Он подражал Людовику XI, королю Франции, точно так же, как один из его предшественников, Санчо II, подражал Людовику IX, и в своей политике и в том, как ее проводить, он показал себя способным учеником своего коварного учителя. Первой великой задачей, которую он поставил перед собой, подражая этому монарху, было сокрушить власть феодальной знати Португалии. При этом он справедливо полагался на помощь народных масс, которые за время последнего правления научились ненавидеть и бояться почти неограниченной власти знати.

Происхождение огромных поместий, которыми владела португальская знать, уже указывалось, упоминалась также попытка короля Эдуарда ограничить накопления “лейбористов”; но это постановление имело лишь незначительный эффект из-за чрезмерной расточительности Афонсо V. Этот монарх даровал почти все наследство короны; и Иоанн II справедливо сказал, что его отец оставил ему “только королевские дороги Португалии”. Эта щедрость держала Афонсо в бедности, несмотря на растущее богатство его народа, и его расточительность была такова, что он был официально осужден кортесом, состоявшимся в Гуарде в 1465 году, и был вынужден пообещать поправку. Под влиянием этого своевольного монарха и его фаворитов зло, присущее феодальной системе, угрожающе возросло; преступления в сельской местности карались только штрафами, и использовались все средства, которые могла предложить алчность, чтобы выжать деньги из обедневшего арендатора, в то время как богатство крупных землевладельцев увеличилось за счет улучшения обработки их земель вследствие большого ввоза рабов. Иоанн II был полон решимости сокрушить могущественную и буйную феодальную знать и вернуть часть ее богатств в королевскую казну, и с этой целью он созвал большой кортес на встречу в Эворе в 1481 году, в год своего восшествия на престол. В этом кортесе он

предложил провести “жеральное расследование” всех прав собственности на земельную собственность и чтобы королевские коррехидоры были единолично уполномочены вершить уголовное правосудие по всей стране. Обе меры были одобрены, но дворяне решили сопротивляться проверке своих титулов и потере прибыльной привилегии вершить уголовное правосудие, и они объединились, чтобы выступить против короля под руководством герцога Браганца.

Фердинанд, герцог Браганса, был самым богатым и могущественным дворянином не только в Португалии, но и на всем полуострове. Он был внуком Афонсо, графа Барселлос, незаконнорожденного сына Иоанна “Великого”, которого Афонсо V сделал герцогом Брагансы, и он унаследовал обширные владения своего деда и своей бабушки, дочери святого констебля. Эти владения были увеличены благодаря щедрости Афонсо V., который осыпал милостями первого и второго герцогов Браганса. Фердинанд владел пятьюдесятью городами, поселками и замками и почти третью частью земель королевства; он был покровителем ста шестидесяти каноников и религиозных учреждений; он содержал королевский двор и носил титулы герцога Брагансы и Гимараэнса, маркиза Вилья-Висозы, графа Барселлоса, Оурема, Аррайолоса и Нейвы, а также сеньора Монталегре, Монпорто и Пенафиэля. Его братья были почти такими же могущественными, как и он сам. Старший, Жуан, был маркизом Монте-Мор и констеблем королевства; второй, Афонсо, был графом Фаро; а младший, Альваро, занимал важный пост канцлера. В правление Афонсо V. этот знатный человек яростно поссорился с Иоанном II, в то время законным наследником, но он считал, что обеспечил свою безопасность, женившись на сестре будущей королевы, поскольку и принц Джон, и он сам были женаты на дочерях Фердинанда, герцога Визеу и Бежи, брата Афонсо V. и наследника богатства принца Генриха “Мореппавателя”. Герцог Браганса взял на себя ведущую роль в противодействии королевским указам, принятым кортесами Эворы и Иоанна II. был рад этому не только потому, что жаждал богатства и земель семьи Браганса, которые затмевали величие короны, и из-за их прежних ссор при жизни покойного короля, но и потому, что помнил, что он был по линии своей матери внуком великого регента Педро, герцога Коимбры, который был разбит при Альфарробейре этим самым герцогом Браганса и его отцом. По всем этим причинам Иоанн II решил нанести внезапный и решительный удар, который должен был сразу восстановить власть короны и парализовать феодальную знать террором, и поэтому он приказал арестовать герцога Браганса и казнить после очень короткого судебного разбирательства в Эворе 22 июня 1483 года.

Дворяне, однако, еще не были побеждены, и они продолжали интриговать против власти короля под руководством его еще более близкого родственника, Диого, герцога Визеу и Бежи, старшего сына дома Фердинанда и внука короля Эдуарда, шурина как короля, так и казненного герцога Браганса. Но Иоанн II. это не смутило его: подражая Людовику XI, королю Франции, он решил не щадить своих родственников и 23 августа 1484 года собственноручно заколол герцога Визеу в его дворце в Сетубале. За этим убийством он последовал решительно: он приказал сбросить епископа Эворы, одного из фаворитов своего отца, в колодезь; и он казнил, с судом или без суда, около восьмидесяти ведущих дворян страны. Этими средствами Иоанн II навсегда сломил власть феодальной знати, и, как это произошло во Франции при Людовике XI и в Англии при Генрихе VII, за падением знати последовал абсолютизм монарха. Теперь, когда знать потеряла свою власть, а корона разбогатела благодаря конфискации их имущества, Иоанн II больше не нуждался в поддержке народа, представленного в кортесах, и он стал деспотом, хотя и доброжелательным. Но тяжесть этого деспотизма еще не ощущалась, ибо Иоанн II. обладал

всеми политическими способностями своих дедов. Он пытался найти средства для поощрения своей знати, теперь, когда они были напуганы изменой, заняться морской разведкой, начатой принцем Генрихом. Находясь дома, он завоевал любовь своего народа, реорганизовав правительство королевства, и оказался настолько хорошим администратором, что португальцы присвоили ему титул “Идеального короля”.

Было сказано, что в своей внешней политике Иоанн II. следовал курсу, установленному перед ним Иоанном Великим. С великими монархами, правившими тогда в Испании, Фердинандом Арагонским и Изабеллой Кастильской, он неизменно поддерживал дружеские отношения, и в 1490 году его единственный законный сын Афонсо был женат на Изабелле, старшей дочери этих государей. Смерть этого сына в следующем году, не оставив детей, была для него страшным ударом, но тем не менее он сохранил дружбу с Фердинандом и Изабеллой и в 1494 году заключил с ними Тордесильянский мирный договор. По этому договору, который был подтвержден Буллой, изданной папой Александром VI., предел будущих владений испанцев и португальцев в регионах, исследованных и открытых их мореплавателями, составлял 370 лиг к западу от Зеленого Мыса, и было решено, что испанцы должны были иметь полное право на все земли, открытые к западу от этой линии, а португальцы - на все к югу и востоку. Каким любопытным комментарием является этот договор к договору Челла-Нова, заключенному триста лет назад между португальским королем Афонсо Энрикешем и Фердинандом Леонским, по которому эти два монарха согласились использовать Гвадиану в качестве линии, отделяющей их будущие завоевания от мавров. Теперь обе нации развились; энергия обеих, усиленная долгой борьбой с мусульманами, стремилась к новым полям и, распространившись далеко за пределы Европы, должна была проявить себя, в одном случае в Мексике и Перу, а в другом - в Индии и странах Востока.

В другом кардинальном пункте политики Иоанна “Великого”, поддержании тесного союза с Англией, Иоанн II тщательно следовал примеру основателя дома Авизов. Афонсо V не пренебрег этой важной традицией и даже пообещал свою сестру донну Екатерину Эдуарду IV в 1461 году, брак, расстроенный только смертью принцессы в 1463 году; и английский монарх торжественно ратифицировал Виндзорский мирный договор в 1471 году, и снова после битвы при Барнете в 1472 году, и он также включил имя короля Португалии как союзника Англии в свой договор с Людовиком XI Французским в 1475 году. Иоанн II еще больше укрепил узы дружбы и отправил важные посольства к трем королям Англии, которые быстро сменяли друг друга в этой стране. В 1482 году Эдуард IV. ратифицировал Виндзорский мирный договор в присутствии послов Джона II и признал его новый титул “лорд Гвинеи”, а в 1484 году Ричард III. сделал то же самое. В 1485 году король Португалии на кортесе, проходившем в Алкобасе, предложил выдать его единственную сестру Джоанну замуж за Ричарда III., но принцесса, которая славилась своим благочестием и хотела стать монахиней, к счастью для себя, отказалась от союза, как впоследствии отказалась от руки французского короля Карла VIII. Генрих VII не питал вражды к Иоанну II. из-за своей дружбы с Ричардом III, но, напротив, проявил всяческое расположение помочь ему в его борьбе со знатью и в 1488 году зашел так далеко, что арестовал графа Пеннамакора, одного из мятежных португальских дворян, бежавших в Англию, и заточил его в Тауэр. Именно в этом году последний торговый договор между Англией и Португалией, предшествовавший знаменитому договору Метуэна в 1703 году, был заключен в Лиссабоне Ричардом Нанфраном и Томасом Сэвиджем, которые были посланы с этой целью и для инвестирования Иоанна II. как кавалера Ордена Подвязки.

КАРТА ГОА. (Из рукописи Слоуна MS. 197, лист 248.)

Но Иоанн “Совершенный” был любим своим народом не только из-за подавления власти феодальной знати и его мудрой мирной политики, но и потому, что он показал себя достойным преемником принца Генриха “Мореполавателя” в продвижении исследований и посвятил все свои силы открытию прямого пути в Индию. Упоминались два знаменитых путешествия Диого Кама и Бартоломеу Диаса, которые привели к открытию Конго и мыса Доброй Надежды, но оригинальность ума, отличавшая Иоанна II, была скорее в других направлениях. проявил себя. Он был первым европейским монархом, который подумал, что если можно достичь Индии по морю, обогнув Африканский континент, то также можно найти дорогу в “Китай”, обогнув европейский континент на северо-восток. С этой миссией он отправил Мартина Лопеса, который проплыл мимо мыса Северный в доселе неисследованные регионы и открыл большой остров к северу от России, который до сих пор носит название, которое он ему дал, - Новая Земля. Иоанн II. также были идеи проложить новые маршруты в Индию по суше или, по крайней мере, исследовать сухопутные маршруты, чтобы исправить распространенные географические ошибки. С этими идеями он отправил вперед двух первых европейских исследователей внутренних районов Африки, Педро де Эвору и Гонсало Аннеса, которым удалось добраться до Тимбукту. Еще более важными были миссии, которые он отправлял по суше в Индию на поиски того мифического христианского властелина, пресвитера Иоанна. Двумя путешественниками, которых он отправил, были Жуан Перес де Ковильян и Афонсо де Пайва. Первый из этих предприимчивых людей благополучно добрался до Индии, следуя обычным торговым путем и сопровождая караваны. Он посетил и Гоа, и Каликут, и хотя ему было отказано в проезде до Кейптауна, ему удалось найти обратный путь в Аравию и, в конечном итоге, в Абиссинию, где он стал главным советником и почти премьер-министром короля, в столице которого умер. Другой путешественник, Афонсо де Пайва, отправился напрямую в Абиссинию, где, как предполагалось, правил мифический пресвитер Иоанн, и тоже умер там.

VASCO DA GAMA. (Из книги Слоуна MS. 197, фолио 18.)

Энергия Иоанна II. они были настолько всецело поглощены этими экспедициями на Восток, и он был настолько уверен, что находится в правильном направлении, пытаюсь достичь Индии восточными путями, что совершил большую ошибку в 1493 году, отстранив Христофора Колумба от своего двора как провидца. Он терпеливо выслушал все доводы великого первооткрывателя, но не согласился с его выводами о том, что можно достичь Индии, плывя на запад через Атлантику, и поэтому упустил возможность увековечить свое имя и царствование более великим открытием, чем открытие Васко да Гамы, - открытием огромного континента Америки. В других отделах его энергия нашла полный размах. Он значительно усовершенствовал искусство кораблестроения и поощрял иммиграцию квалифицированных корабелов из Англии и Дании; он много сделал для совершенствования огнестрельного оружия и основал пушечный цех и артиллерийский корпус, первым генеральным инспектором которых он назначил Диого де Азамбужу; и, прежде всего, он покровительствовал литературе и поощрял Ружа де Пина, величайшего из всех португальских хронистов. Его двор изобиловал великими людьми, основателями великих семейств и отцами грядущего поколения героев, среди которых, помимо его мореплавателей Диого Кама, Бартоломеу Диаса и Лопо Инфанте, можно отметить и его знаменитых путешественников, только что упомянутых, его лордов-верховных адмиралов Педро де Альбюкерке и Лопо Ваз де Азеведо; его лордов-распорядителей Диого Соареса де Альбергария, Педро де Норонья и Жуана де Менезеша; его конюшего Афонсо де Альбюкерке; его секретаря - Генерал Ружа Гальван; и его канцлер, проницательный юрист и самый яркий сторонник деспотической власти короля Ружа де Граа.

Однако правление Иоанна “Совершенного”, как ни полно оно было великих событий и как ни велико его значение в истории Португалии, было сравнительно коротким. Его счастье было омрачено печальной смертью его единственного сына, дома Афонсо, в 1491 году, через год после того, как он женился на инфанте Изабелле, старшей дочери Фердинанда и Изабеллы, которые тогда правили Испанией, и он с отвращением чувствовал, что его преемником на троне должен быть Мануэль, или Эммануэль, герцог Бежи, брат убитого герцога Визеу, человек, в котором он не видел подходящих качеств для осуществления своих собственных великих планов. Чтобы свергнуть с престола Иоанна II. думал узаконить своего незаконнорожденного сына от Анны де Мендонса, дома Хорхе, или Джорджа, которого он сделал великим магистром орденов Сантьяго и Ависа, но мысль о том, что после его смерти страну, которую он так любил, будет раздирать гражданская война, удержала его, и он не стал вмешиваться в закон о престолонаследии. В последние дни своей жизни “Совершенный король” был усердно занят оснащением флота, который под командованием Васко да Гамы должен был осуществить его самую заветную мечту, и он был еще в расцвете сил, когда умер в Алворе, в провинции Алгарве, 25 октября 1495 года.

Четверть века, в течение которых правил преемник Иоанна II, Эммануэль “Удачливый”, - это великий героический период португальской истории, и в течение него были совершены великие деяния, которые делают историю Португалии важной частью истории Европы и всего мира. Открытия и отважные ратные подвиги отличали почти каждый год этого поистине счастливого правления, а со славой великих португальских генералов, капитанов и путешественников может соперничать только слава поэтов и литераторов. Поскольку прогресс португальцев на Востоке и Западе и их великое литературное развитие будут рассмотрены в трех разных главах, здесь будет возможно только рассказать о событиях правления Эммануила в Португалии и показать, как в период наибольшей славы страны приближалась эпоха ее быстрого упадка. Причины этого упадка были многообразны и обычно относят к правлению преемника Эммануила, но семена каждой из них появились в правление самого “удачливого” монарха.

Сам Эммануил внес весьма незначительный вклад в сияние славы, которое иллюстрирует его правление. Он посылал огромные флоты и армии в отдаленные уголки мира и невозмутимо принимал богатства, которые их открытия и усилия приносили в его казну; но у него была только одна твердая идея, старая безумная мечта, которая принесла несчастье Фердинанду “Красивому” и Афонсо V. Страстное желание воссесть на трон Испании и объединить королевства полуострова под своей властью. Для достижения этой цели он предложил жениться на инфанте Изабелле, старшей дочери короля Фердинанда Арагонского и королевы Кастилии Изабеллы, вдове несчастного Афонсо, единственного сына Иоанна II., и чтобы быть признанным наследником королевств Испании, он пообещал изгнать евреев и некрещеных мавров из Португалии.

Ни один класс не сделал больше для содействия коммерческому процветанию, которого достигла Португалия, чем португальские евреи. В другом томе этой серии [11] Мистер Лейн-Пул говорит: “Куда бы ни проникло оружие сарацин, мы всегда обнаружим, что евреи преследуют нас по пятам”, и ни в одной части полуострова они не собирались в большем количестве, чем в крупных городах Португалии, особенно в Лиссабоне, Сантареме и Эворе. Эти евреи принадлежали по большей части к сефардам и по всем интеллектуальным качествам превосходили ашкеназов, или немецких и польских евреев; находясь под защитой мавров, они

выросли в богатстве и могуществе, и когда они попали под власть Афонсо Энрикеса, этот великий монарх проявил к ним такую же терпимость. Его преемники последовали его примеру, и при монархах с коммерческими устремлениями, таких как Диниз и Иоанн “Великий”, евреи были не просто защищены, им оказывали благосклонность. Несмотря на то, что они подвергались преследованиям в других странах, они пользовались постоянной защитой в Португалии и признавали щедрое отношение, которое к ним оказывали, расширяя торговлю в приютившей их стране. Португальские евреи обладали высокой репутацией во всей Европе за богатство, честность и коммерческую сметку, и имели деловые агентства и банки в каждой стране, которые вносили свой вклад в богатство страны, которая на протяжении веков была их домом. Таков был богатый и трудолюбивый класс граждан, которых Эммануил согласился изгнать из своих владений, отчасти в угоду фанатизму Фердинанда и Изабеллы, которых он надеялся сменить, а отчасти для того, чтобы поглотить, как в конечном итоге сделала португальская корона, всю предстоящую торговлю с Востоком. Эти несчастные семьи были вынуждены покинуть страну, которая была их родиной, и города, которые были их домами, из поколения в поколение, имея всего шесть месяцев на подготовку к изгнанию; они были вынуждены с убытком ликвидировать свой процветающий бизнес и начать все заново в мире, чтобы найти новые занятия и новые дома. Вряд ли стоит удивляться, что многие евреи предпочитали креститься и становиться нерешительными христианами, а не эмигрировать сами, но у этих “новых христиан”, как будет видно, не было причин радоваться несколько лет спустя своему отступничеству. Вместе с евреями были изгнаны и многие некрещеные мусульмане, особые враги Фердинанда “католика”. Этот класс стал многочисленным после взятия Гранады в 1492 году, когда многие из них бежали из Испании в Португалию и были любезно приняты Иоанном II. Следует отметить, что самые католические монархи, убедившие Эммануила предпринять такие суровые меры против евреев и мусульман, которые были готовы честно зарабатывать на жизнь как свободные люди, не протестовали против тысяч негритянских рабов, которых ежегодно ввозили в Португалию, и оставили свою веру в суеверия, гораздо более унижительные, чем религии евреев или мусульман.

За этот указ о высылке, принятый против законопослушных граждан Португалии, Эммануэль получил свою награду, поскольку в 1497 году он женился на инфанте Изабелле. Но проклятие евреев преследовало его, и он так и не сел на трон Испании. В то время как королевские невеста и жених проезжали через города Кастилии в качестве наследников испанских престолов, королева Изабелла заболела и скончалась в Толедо 24 августа 1498 года. У нее остался маленький сын Дом Мигель, при рождении которого она умерла, но он не дождался того, чтобы осуществить надежды своего отца, и умер в 1500 году. Даже эти две смерти не положили конец планам Эммануэля, и в том же 1500 году он женился на донне Марии Кастильской, сестре своей покойной жены. Этот брак, скорее всего, не способствовал его успеху, чем первый; поскольку, в то время как инфанта Изабелла была старшей дочерью Фердинанда и его королевы, инфанта Мария была всего лишь третьей дочерью, а у дочери между ними, инфанта Джоанны, был сын, который, как законный наследник своих бабушки и дедушки, должен был унаследовать троны Испании и в конечном итоге стать императором Карлом V. От своей второй жены у Эммануила было не менее шести сыновей, но то, что было названо “проклятием евреев”, преследовало их, и его потомки вскоре потерпели неудачу по прямой линии. До последнего им владела та же дикая фантазия, и в 1518 году, через год после смерти его второй жены, он женился снова, и на этот раз также с целью стать преемником Карла

V. Поскольку он женился на своей собственной племяннице, сестре императора. Она пережила его и впоследствии вышла замуж за Франциска I Французского.

От этих беспокойных стремлений к соседним тронам и низменных замыслов португальского монарха с облегчением можно обратиться к деяниям португальских героев. Об их деяниях мы расскажем отдельно, но после бесплодных интриг Эммануэля будет уместно упомянуть в хронологическом порядке главные открытия его капитанов. В 1497 году, Васко да Гамы обогнули мыс Доброй Надежды и добрался до Индии морским путем; в 1500 году Педру Алвариш Кабрал открыл Бразилию, и Гашпар Кортес-Реал, Лабрадор; в 1501 году Жуан да Нова Кастелла открыл острова Св. Елены и Вознесения; и в том же году и в 1503 году Америго Веспуччи впервые посетил Рио-де-Жанейро и Парагвай; в 1506 Тристао да Кунья открыл острова, который носит его имя; и Руй Перейра Коутинью изучил Мадагаскар и Маврикий; в 1507 году Лоуренсу ди Алмейда задел на Мальдивских островах; в 1509 году Диогу Лопиша де Секейра заняли Малакку и исследовали остров Суматра; в 1512 году Франсишку Серрана открыли Молуккские острова; в 1513 году Педру Ди Машкареньяша в первый раз прикоснулся в Иль-де-Бурбон или собрании; в 1516 году Дуарте Коэльо прошел свой путь до берегов Коконинхины и изучил Сиам; в 1517 году Фернан Перес де Андраде зарекомендовал себя в Кантон, и тот же исследователь сделал свой путь в Пекин в 1521 году, а в 1520 имени (Магеллан), португальский моряк, хотя на испанской службе, прошел через пролив, который носит его имя и повел в Тихий океан.

Эти подвиги составляют список достижений, которыми может гордиться любая страна; их простой перечень, без каких-либо эпитетов, оправдывает описание правления Эммануэля “Удачливого” как героической эпохи португальской истории. Было показано, что король мало способствовал этому величию, и было замечено ошибочное направление его внешней политики. Теперь остается выяснить, как были посеяны семена быстрого упадка. Эммануил был далеко не плохим человеком, хотя и не показывает себя в выигрыше по сравнению с такими монархами, как Иоанн “Великий” и Иоанн “Совершенный”; он был нравственным и благочестивым человеком, — слишком благочестивым, о чем ясно свидетельствует его изгнание евреев; его вряд ли можно обвинять в его расточительности и пристрастии к роскоши, если учесть огромное богатство португальской короны; и он потратил большую часть этого богатства на искусство и архитектуру, о чем свидетельствует строительство великолепного дворца Белем близ Лиссабона по сей день. На взгляд эксперта-архитектора, у этого великолепного здания может быть много недостатков, но обычному уму оно кажется едва ли не самым великолепным сооружением в мире. Что касается внутреннего управления, Эммануил не причинил большого вреда; колеса правительства были приведены Иоанном II в такой идеальный порядок, что административная машина работала хорошо и без помех. Но Иоанн II. совершил одну большую ошибку, плоды которой проявились в правление Эммануила и его преемника; он превратил монархию Португалии из патриотической и зависимой от доброй воли народа в абсолютную монархию, в которой воля короля была всем. Свержение знати и богатство короны сделали короля независимым от поддержки своего народа, представленного в кортесах. Знать, лишенная власти у себя дома, с энтузиазмом посвятила себя восточным открытиям и завоеваниям, и почти все великие герои того периода принадлежали к знатным семьям. Эммануил признал величие этих людей и осыпал их почестями; но в следующем поколении фатальный результат деспотизма стал очевиден, и знать, вместо того чтобы думать о своей стране и ожидать одобрения своих сограждан в качестве награды, обратилась скорее к королю и сделала своим руководящим принципом верность человеку, а не своей стране. Эта привязанность к королю поощрялась богатством короны, которое позволяло государю

назначать большие пенсии и выплачивать огромное жалование, и португальское дворянство начало превращаться из дворянства патриотов в дворянство придворных. Это необычайное богатство короны было связано с поглощением ею торговли с Индией, поскольку богатства Востока доставлялись в Лиссабон на королевских кораблях и забирались оттуда предприимчивыми торговцами из других стран. Именно тогда ошибка Эммануэля в изгнании евреев становилась все более очевидной, поскольку Португалия только привозила продукты из Азии в Европу, но не распространяла их по всей Европе. Именно в этих отношениях были посеяны семена упадка - потери общественного духа и поглощения короной всего богатства, завоеванного доблестью народа. Однако эти шаги к упадку поначалу не были заметны ни иностранным государствам, ни самим людям. Слава Португалии распространилась за границу, а богатство ее монарха и его величие вошли в поговорку. Великое литературное движение, которое в это царствование представляли Хиль Висенте, Айрес Барбоза, Гарсия де Резенде и Бернардин Рибейро, будет обсуждаться в другой главе, но здесь следует отметить в отношении Эммануэля, что, хотя он и изгнал евреев, он был достаточно широкомыслящим, чтобы быть покровителем литературы, и что в этом отношении он превосходил фанатичного фанатика, сменившего его.

Эммануил, разбогатев, пожаловал своим сыновьям большие уделы, в то время как его дочерей искали замужества величайшие князья христианского мира. Его старший сын Дом Джон женился на Екатерине Австрийской, сестре Карла V. Трое других его сыновей — дом Луис, дом Фердинанд и дом Эдвард — были созданы соответственно герцогами Бежа, Гурда и Гимараэнш, в то время как двое других приняли священный сан и стали кардиналами. Из двух его оставшихся в живых дочерей старшая, донна Изабелла, вышла замуж за императора Карла V. А младшая, донна Беатриче, божество, которому поэт Бернардин Рибейро адресовал свои песни, вышла замуж за Карла III, герцога Савойского. С таким количеством сыновей казалось маловероятным, что через несколько коротких лет мужская линия дома Авизов исчезнет, и Эммануэль “Удачливый” умер в своем прекрасном дворце в Белеме 12 декабря 1521 года с чувством гордости за свое богатство и твердой уверенностью в продолжении своего рода.

Правление Иоанна III. именно в это время быстрый упадок Португалии наиболее заметен. Все зачатки упадка, появившиеся в правление Эммануила, получили развитие во время правления его сына, к концу которого, хотя суверен Португалии был самым богатым в Европе, не исключая самого императора, величие страны явно пошло на убыль. Естественному росту этого упадка способствовал фанатизм Иоанна III, который был фанатиком самого ярко выраженного типа и который сильно способствовал угасанию величия страны, введя инквизицию. Хотя лично он был набожным и уважаемым человеком, он был абсолютно неспособен предпринять какие-либо шаги, чтобы остановить падение величия своей страны, и считал, что величайшая слава его правления будет связана с учреждением инквизиции и введением ордена иезуитов. Самая большая заслуга, которую можно ему отдать, это то, что он уберег свою страну от всех европейских осложнений, задача, сравнительно облегченная его тесным союзом с величайшим монархом Европы, императором Карлом V. Этот союз был скреплен тремя браками; ибо король Иоанн был женат на инфанте Екатерине, сестре Карла V. Его единственный сын Дом Иоанн был женат на инфанте Джоанне, дочери Карла V. А его единственная дочь Донна Мария была первой женой Филиппа, принца Астурийского, старшего сына Карла V. а впоследствии короля Филиппа II. Эти браки тесно скрепили союзнические узы между правящими домами Испании и Португалии, и мощный португальский флот под командованием брата короля, дома Луиша, герцога Бежи, помогал в испанской экспедиции против Туниса в

1535 году. И все же борьба с маврами, казалось, утратила свое очарование для португальского народа, поскольку в течение следующих десяти лет все главные города, удерживаемые Португалией в северной Африке, Азамор, Кафим, Кабу-ду-Сул и даже Арзила и Алькасер-Сегье, захваченные Афонсо “Африканским”, были оставлены, чтобы вся мощь страны могла быть сосредоточена в ее индийских и бразильских владениях.

Этот тихий отказ от всех североафриканских владений, за исключением Сеуты и Мазагона, служит еще одним доказательством перемены в характере португальской знати и их суверена. Они больше не желали сражаться со старым наследственным врагом христианской религии, как крестоносцы, - Иоанном III. не был “Ре Каваллейро”, как Афонсо V., но предпочитал искоренять ересь дома борьбе с неверными за границей; и король, и знать в равной степени соглашались, что лучше растратить свою власть в богатой Индии, чем в бесплодной Африке. Дворяне становились все более и более зависимыми от короны и тратили всю свою энергию на интриги ради “моралиас” или пенсий от двора, а также для богатых правительств за границей. Абсолютизм короля и использование толп придворных-льстецов распространили коррупцию во всех правительственных ведомствах, и чиновники всех мастей, как в Португалии, так и в Индии, спешили сколотить состояние любыми доступными им средствами, честными или нет. “Личное преклонение перед королем”, по словам талантливого португальского писателя, “съело патриотизм”, [12] и хотя такого человека, как Дом Жуан де Кастро, можно назвать образцом великодушного португальского дворянина самого изысканного типа, большая часть знати опустилась до придворных лакеев или жадных охотников за приданым, и даже знаменитый мореплаватель Фернан де Кастро стал придворным лакеем. Магальяйнш покинул свою страну и поступил на службу в Испанию, потому что ему не была назначена пенсия, которой он желал. Следует настаивать на том, что азиатская торговля была монополией короны и лишь косвенно приносила прибыль обычным торговым классам, а в погоне за богатством сельским хозяйством пренебрегали.

Однако была более серьезная причина упадка могущества Португалии, чем абсолютизм короны, недостаток патриотизма у знати или даже коррумпированность чиновников, и это была быстрая депопуляция страны. Алемтехо и Алгарве никогда не были полностью заселены, поскольку разрушения, причиненные мавританскими войнами, было нелегко исправить; и, хотя усилия Диниса “Труженика” превратили Бейру в сад всего Пиренейского полуострова, часть королевства к югу от Тахо оставалась либо в руках военно-религиозных орденов, либо разделилась на крупные феодальные владения. Великие открытия конца пятнадцатого и начала шестнадцатого веков в значительной степени сдержали естественный прирост населения. Большинство молодых людей не только с радостью пошли добровольцами на флот и службу в армиях Индии и Востока, но и целыми семьями эмигрировали на Мадейру, а после 1530 года - в Бразилию. Португальцы, по сути, авантюрная нация, любящая путешествия и полная предприимчивости, и не возникло никаких трудностей с укомплектованием огромных индийских флотов и набором персонала в армии Альбокерке и его преемников. Из тысяч тех, кто устремился в Азию, но мало кто когда-либо вернулся. Случаи непрекращающихся войн и вредный климат унесли жизни большинства людей, а из тех, кто выжил, многие женились на туземках и поселились в Индии. Даже из тех, кто все-таки остался в Португалии, мало кто остался в своих родных усадьбах, занятых сельским хозяйством; большинство перебралось в Лиссабон, где потребности восточной торговли обеспечивали работой всех. За восемьдесят лет население столицы утроилось, несмотря на крайне антисанитарное состояние и периодические эпидемии, которые ее опустошали. Короля, знать и военные ордена, однако,

совершенно не беспокоила эта обширная эмиграция и быстрое сокращение численности населения, поскольку их обширные поместья гораздо дешевле обрабатывались африканскими рабами, которые были завезены в таком количестве, что Алгарве были почти полностью заселены ими, а в самом Лиссабоне к середине шестнадцатого века их было больше, чем свободных людей. В этом отношении положение Португалии напоминало положение Италии во времена упадка Римской империи, поскольку богатство Лиссабона напоминало богатство Императорского Рима, в то время как крайняя коррупция и угнетение чиновников в индийских поселениях слишком сильно напоминали казнокрадство и коррумпированность римских проконсулов и прокураторов.

В то время как португальская нация демонстрировала эти признаки быстрого упадка, к религиозному рвению Иоанна III добавился еще один фактор упадка, который с момента своего восшествия на престол стремился ввести инквизицию в Португалии. Римская церковь вряд ли могла воспрепятствовать его благочестивому желанию, но в течение нескольких лет “новахристианам”, или неохристианам, как называли нерешительных новообращенных из евреев при условии, что они останутся в Португалии, удавалось отражать удар. Но в конце концов искреннее желание короля было удовлетворено, и в 1536 году в Португалии был учрежден трибунал Святой канцелярии во главе с Диогу да Силвой, епископом Сеуты, в качестве первого великого инквизитора, которого вскоре сменил брат короля, кардинал Дом Генри. Инквизиция быстро уничтожила все, что осталось от старого португальского духа, и так эффективно подавила возрождение португальской литературы, что, в то время как к концу шестнадцатого века остальная Европа развивалась в цивилизации под влиянием эпохи Возрождения, Португалия отступила, и ее литература стала нема. За учреждением инквизиции в 1540 году последовало введение ордена иезуитов, которые быстро получили контроль над национальным образованием и тщательно контролировали интеллектуальное развитие. Король получил награду от Папы Римского за свои заслуги перед католицизмом; ему было разрешено объединить Великое магистерство богатых орденов Христа Сантьяго и Авиза с короной и основать новые епископства Лейрии, Миранды и Порту-Алегри в Португалии и архиепископство Гоа в Индии.

Не следует думать, что правление Иоанна III. его современникам это определенно казалось эпохой упадка; ни один король не был богаче, ни один народ не был более лояльным, и ни один человек не был более почитаемым. Его правление, как и правление Эммануила, изобилует великими именами и событиями, и случайный наблюдатель не смог бы заметить семян упадка. Помимо Жуана де Кастро, тогда жили многие великие индейские герои и воины, такие как Нуно да Кунья, Антонио де Сильвейра, Жуан де Маскаренхас и Луис де Атаиде; именно во время этого правления Франсиско Коутиньо, граф Редондо, завоевал Цейлон, а Фернан Мендеш Пинту совершил свои знаменитые визиты в Японию, и было основано нынешнее португальское поселение Макао. Литературная слава правления сторонника инквизиции еще больше, поскольку в это время Камозэнс написал “Лусиады”, Феррейра - свои драмы, Жуан де Барруш - свою историю, а Са де Миранда - свои стихи, все произведения, которые, кажется, не отмечают упадок страны. В искусстве, и особенно в архитектуре, король не проявлял низкого вкуса, и его дворец в Томаре и большой монастырь в Белене показывают, что в этом отношении он был достойным преемником короля Эммануила и что португальские мастера достигли немалого мастерства в декоративных работах.

Однако, несмотря на всю эту славу, героическая эпоха Португалии закончилась, и немногим более чем через двадцать лет после смерти Иоанна III страна, так долго сохранявшая свою независимость, была поглощена Испанией. Этого следовало ожидать от упадка, причины которого были проанализированы, но окончательная катастрофа была ускорена смертью наследника престола, дома Жуана, в 1554 году, что привело к смерти Иоанна III. в 1557 году на престол взошел трехлетний ребенок, злополучный Дом Себастьян. Достаточно было сказано о Португалии в героический век португальской нации; теперь пришло время изучить подвиги людей, которые своей доблестью и отвагой сделали эпоху героической.

IX.

ПОРТУГАЛЬЦЫ В ИНДИИ И ВОСТОЧНЫХ МОРЯХ.

Нет предмета, который так требовал бы внимания историка, как история португальцев в Индии в шестнадцатом веке. Португальских авторитетов предостаточно, поскольку, обладая живым восприятием живописного, многие из величайших писателей золотого века португальской литературы посвятили себя этому увлекательному предмету. Жуан де Баррош, португалец Ливий и современник великих индийских вице-королей, написал историю первых полувековых португальских завоеваний в Индии в нескольких томах, полную интереса и очарования; Фернан Лопес де Кастанеда, Диого ду Куто и Манозель де Фариа-и-Соуза работали в одной области, и жизни двух величайших португальских вице-королей проливают полный свет на них в Комментариях Афонсо де Альбокерке,^[13] опубликованный его сыном, и "Прекрасная жизнь дома Жуана де Кастро" Хасинто Фрейре де Андраде, которая является образцом идеальной биографии. Лидеры возрождения изучения истории также не пренебрегли научным подходом к этому предмету; за последние пятьдесят лет появилось много ценных монографий и переизданий ценных документов, и многие материалы все еще остаются непереверенными и не упорядоченными в архивах Торре-дель-Томбо. И все же этот период, несмотря на всю проделанную над ним работу, все еще остается без историка, обладающего глубокими знаниями как индийской истории, так и состояния цивилизации в Индии в рассматриваемый период, чтобы выделить характерные и интересные моменты первого прямого контакта между современной Европой и современной Азией, между Востоком и Западом.

И все же это работа, которая вполне заслуживает того, чтобы быть выполненной. Прескотт, великий американский историк, проявил интерес к первому конфликту между испанским рыцарством и ацтеками Мексики и инками Перу; но когда же появится историк, способный достойно рассказать историю контакта героев Португалии с более цивилизованными жителями Индостана? Помимо очарования этой стороны вопроса, остается тот факт, что в течение столетия сношения между Азией и Европой оставались в руках португальцев. История

голландцев и англичан в Восточных морях имеет свой особый интерес, но они не находили своего пути в этом направлении до тех пор, пока народы Востока в течение целого столетия не вступили в контакт с европейцами и пока этот контакт не сильно изменил их отношение. Кроме того, голландцы и англичане отправились на Восток как торговцы, а не как завоеватели, колонизаторы и проповедники. Совсем иными были намерения португальцев. Несмотря на небольшой размер и малочисленное население их родины, они мечтали не о чем ином, как о завоевании могущественных империй Востока и навязывании им христианства, если понадобится, острием своих мечей. Каким бы грандиозным ни было это намерение и какой бы непоследовательной ни казалась идея современному взгляду, который видел, с каким трудом Англии с ее многочисленным населением удавалось удерживать свою власть над Индией, даже несмотря на то, что она препятствовала обращению в веру и защищала местные религии, есть что-то благородное в уверенности португальских воинов в своем Боге и в их вере в то, что с их помощью Он распространит христианство по всему Востоку. Ибо амбиции португальцев не ограничивались Индией; португальские авантюристы действительно пришли к власти в некоторых частях Аравии, в Бирме и в районе Читтагонг в верховьях Бенгальского залива; португальские эмиссары добрались до Пекина и Японии, за ними последовали миссионеры Римской церкви; и именно на пути к обращению миллионов китайцев в христианство святой Франциск Ксаверий, апостол Индии, расстался с жизнью. И, наконец, следует помнить, что коэффиценты португальцы воевали и пытались обращать в свою веру в Азии: на многих месяцев плавания из своих домов и базой операций; только в состоянии дойти до места своего назначения после плавания на утлых ремесло круглый вряд ли известно, неизведанные и опасные побережья Африки; лишены современных знаний, так приливов и ветров, и из средств стимулирования существования в тропическом климате; они приехали в окружении враждебных миллионы вооруженных только неуклюжие пищалей, а их мечи; и все же при всех этих недостатках, они были победителями во многих трудных боев против более сильных армий, чем их европейские последователи на Востоке когда-либо встречал. Конечно, на этой благородной истории много пятен, рассказов о коррупции и угнетении, а также о предпочтении коммерческих сделок, которые приносили состояния, более жесткому *режиму* честности и прямоты; но, несмотря на все это, история отмечена достижениями доблести и авантурной отваги, не имеющими аналогов нигде в мировой истории. Неудивительно, что Португалия была измотана ее усилиями; единственное чудо заключается в том, что ее сыновья когда-либо совершали хотя бы десятую часть этих славных подвигов или прилагали хотя бы десятую часть того, что они делали. Эту историю португальцев в Индии невозможно адекватно изложить в одной главе. Здесь может быть дано только *резюме* с самым кратким описанием, но если оно вдохновит любого читателя обратиться, например, к истории Де Барроса, он найдет там записи о многих деяниях, которые оправдают эти замечания и вызовут его интерес и восхищение.

В июле 1497 года флотилия из четырех кораблей, которым суждено было обогнуть мыс Доброй Надежды и найти путь прямо в Индию, отплыла из Лиссабона. Король Эммануил, который, осуществляя этот проект и отправляя эту эскадру, лишь выполнял план, составленный Иоанном II., выбрал для командования Васко да Гаму, дворянина из своего дома и сына опытного моряка по имени Эстефан да Гама, который был кандидатом Иоанна II. на этот пост; и два способных капитана, Пауль да Гама, брат Васко, и Николас Коэльо, вызвались сопровождать его. Опасности этого знаменитого путешествия были описаны Камозэнсом в бессмертных строфах; здесь достаточно сказать, что португальский флот благополучно обогнул мыс Доброй Надежды и начал прокладывать себе путь к юго-восточному побережью Африки. Правители Мозамбика и

Момбасы не проявили ни малейшего желания помогать португальскому адмиралу в его попытках найти лоцмана, который провел бы его через Индийский океан; напротив, они проявили активную враждебность, и фальшивый лоцман, которого дал ему вождь Мозамбика, под враждебным влиянием, по словам Камозенса, Бахуса, который опасался, что его слава *Виктора Индикуса* будет превзойдена, дезертировал с флота в Момбасе. Однако Васко да Гама продвигался на север, и в маленьком городке Мелинда, к северу от Занзибара, он нашел дружественного монарха, который дал ему опытного лоцмана. Но опасности экспедиции еще не миновали; это было неподходящее время года для пересечения Индийского океана, и только после того, как португальские герои столкнулись со страшными штормами, они бросили якорь у города Каликут 20 мая 1498 года, после почти одиннадцатимесячного путешествия.

Индия, которой достиг Васко да Гама, находилась в совершенно ином состоянии, чем Индия Великих Моголов, которая вступила в отношения с первыми голландскими и английскими авантюристами. В нем не было императора, обладавшего почти всеобщей властью, но было множество независимых королевств. “Афганец из династии Лоди был тогда на троне Дели, а другой афганский король правил Бенгалией. Ахмадабад был резиденцией династии мухаммедов в Гуджарате. Пять независимых мусульманских королевств Ахмаднагар, Биджапур, Элличпур, Голконда и Бидар разделили Декан. Но индуистский раджа Виджаянагара все еще правил как верховный на юге и был, возможно, самым могущественным монархом, которого можно было найти в то время в Индии, не исключая династию Лоди в Дели”.[14] Правителем города, в который Васко да Гама впервые прибыл, был индуистский раджа, носивший титул Заморин, слово, происходящее, по мнению некоторых авторов, от традиции, согласно которой первые границы поселения определялись расстоянием, на котором можно было услышать крик петуха с вершины храма Тали. Но, хотя сам Заморин был индусом, самыми важными подданными Заморина были фанатичные моплы, потомки некоторых арабских и мусульманских поселенцев на Малабарском побережье. Эти люди значительно расширили владения заморинов Каликута и были самыми богатыми жителями побережья, поскольку держали в своих руках торговлю Малабарского побережья с Аденом, а следовательно, и с Красным морем, Египтом и Европой. Поэтому неудивительно, что, хотя индус Заморин принял португальского мореплавателя с учтивостью, моплы оказали ему самое ожесточенное сопротивление и отвергли идею прямой торговли с Европой, которая привела бы к их собственному разорению. Это противодействие помешало Васко да Гаме осуществить свое намерение оставить несколько поселенцев для создания торгового предприятия в Каликуте, и после круиза вдоль Малабарского побережья он начал свое путешествие обратно в Европу.

Путешествие домой было не менее опасным, чем отплытие, и только 29 августа 1499 года Васко да Гама бросил якорь в порту Лиссабона, взяв с собой только пятьдесят пять из 148 товарищей, отправившихся вместе с ним в это полное приключений путешествие. Благочестивый мореплаватель сразу же отправился в церковь Пресвятой Богородицы в Белеме, где перед своим отъездом вознес молитвы о помощи. Покончив с молитвами, Васко да Гама торжественно въехал в Лиссабон, где был встречен всеобщим энтузиазмом, равным тому, который встретил Христофора Колумба по возвращении с открытия Америки. Король Эммануил принял титул “Повелителя завоеваний, мореплавания и торговли Эфиопии, Аравии, Персии и Индии”, который был подтвержден за ним Буллой папы Александра VI в 1502 году, и он воздвиг великолепную церковь Белем в знак благодарности небесам. Король оказал Васко да Гаме заслуженные почести; ему было разрешено четвертовать королевский герб своим собственным и присвоена должность адмирала индийских морей с большим доходом, взимаемым с

индийской торговли; ему и его братьям было предоставлено право использовать приставку *Дом* или *Лорд*, а немного позже, когда важность его путешествия стала более очевидной, он был произведен в графы да Видигейра.

Когда ликование закончилось, король Эммануил решил посмотреть, какие выгоды можно извлечь из открытия дома Васко да Гамы, и отправил Педро Альвареса Кабрала с флотом из тринадцати кораблей, на борту которых находилось тысяча двести отборных солдат, основать “фабрики” на Малабарском побережье для сбора самых ценных продуктов Востока, которые должны были ежегодно доставляться в Португалию на королевских кораблях. И здесь необходимо еще раз настаивать на том факте, что португальская торговля с Индией была королевской монополией. Португальские предприятия в Индии не были, как это было в отношении Голландии, Англии и Франции в более поздние годы, сформированы компаниями частных торговцев, которые рассматривали индийскую торговлю как спекуляцию, а были королевскими фабриками, управляемыми королевскими офицерами и обслуживаемыми королевским флотом. Частная торговля была невозможна и даже не снилась, потому что считалось необходимым, чтобы эти заводы защищались войсками и обслуживались мощным флотом, который стоил денег, которые не могла предоставить ни одна частная фирма. Но эти королевские фабрики предназначались не только для налаживания и охраны торговли, но и для распространения христианства, и для этой цели в их состав с самого начала входили не только солдаты, но и священники-миссионеры. Неблагоприятные погодные условия загнали Педро Альвареса Кабрала к побережью Бразилии, каковой страной он завладел от имени своего государя, а затем продолжил следовать курсом, проложенным Васко да Гамой, и благополучно достиг Каликута. Он немедленно основал в этом месте фабрику, но моплы проявили то же недружелюбное отношение, которое они раньше проявляли к Васко да Гаме, и сразу же убили всех колонистов. Затем Кабрал обстрелял Каликут из пушек и направился к Каннаноре и Кочино, в обоих этих местах его приняли благосклонно, поскольку их индуистские раджи были невольными данниками Заморина Каликута и его мопла; и после приобретения больших запасов перца и других индийских товаров португальский адмирал оставил заведения в этих двух местах, чтобы открыть торговлю, и вернулся домой. В 1502 году Васко да Гама во второй раз прибыл к Малабарскому побережью с двадцатью кораблями и, снова обстреляв Каликут и уничтожив все суда в порту, укрепил фабрики в Кочине и Каннаноре и вернулся. После своего отъезда Винсенте Содре, один из оставленных им офицеров, дезертировал с завода и стал пиратом в Аравийских морях, став первым из тех португальских искателей приключений в восточных морях, чьи истории читаются как романтические. В 1503 году три отдельные португальские эскадрильи под командованием соответственно Франсиско де Альбокерке, Афонсо де Альбокерке и Антонио де Салданья достигли Индии, и первый из этих капитанов оказал эффективную помощь раджам Кочина, которые подверглись нападению со стороны заморинов за то, что они приветствовали португальцев, и были осаждены на острове Вайпин. Франсиско де Альбокерке подоспел как раз вовремя, и, чтобы избежать подобных крайностей в будущем, он построил в Кочине сильный форт, охраняемый артиллерией, и когда три капитана дерасстались, они оставили там гарнизон из девятисот человек под командованием Дуарте Пачеко. Этот офицер совершил первый великий ратный подвиг, который иллюстрирует историю португальцев в Индии; со своим небольшим гарнизоном, ослабленным болезнью, он не только отбросил огромную армию, которую Заморин послал против Кочина, но и наголову разбил пять тысяч его лучших войск в открытом бою. Эта победа укрепила репутацию португальцев в Индии как солдат; фабрики теперь без труда закупали все необходимые товары по разумной цене; и,

что было более важно, слава Пачеко распространилась за границей, и он смог отправить послов во внутренние районы Индии, которые везде были благосклонно приняты и обычно возвращались нагруженными подарками. Успех Пачеко вдохновил португальского монарха идеей, что он может не только поглотить индийскую торговлю, но и завоевать Индию, и Эммануэль решил, что на Малабарском побережье должно быть создано могущественное имперское правительство, а не изолированные фабрики.

АЛЬБОКЕРКЕ. (Из рукописи Слоуна MS. 197, лист 11.)

Первым вице-королем, которого он выбрал, был дом Франсиско де Алмейда, португальский дворянин высокого ранга, который обучался военному искусству под руководством Гонсалво да Кордовы, более известного в испанской истории как “Великий полководец”, и был фаворитом короля Иоанна II. Флот, с которым он отплыл из Белема 25 марта 1505 года, состоял из шестнадцати кораблей и шестнадцати каравелл и вез полторы тысячи солдат, не считая многих чиновников нового ведомства. По пути в Индию дом Франсиско де Алмейда занял Квилуа и Момбасу на юго-восточном побережье Африки, и возвел форты, которые должны были сделать их безопасными местами отдыха португальского флота; а по прибытии в Каннаноре 22 октября он принял титул вице-короля Кочино, Каннаноре и Квилона. Великий португальский вельможа смотрел на положение дел в Индии с совершенно иной точки зрения, чем Кабрал, Васко да Гама и Пачеко; он не рассматривал торговлю как единственную цель португальских учреждений на Востоке, и вместо того, чтобы пытаться открыть торговлю, как это делал Пачеко, и защищаться только при нападении, первый вице-король провел энергичную политику активного вмешательства в дела местных государств, прозелитизма и наступательной войны.

Он основал резиденцию своего правительства в Кочине и посылал экспедиции вдоль Малабарского побережья, которые обычно вступали в стычки с мусульманскими купцами, которые с ужасом видели, что их торговля с Египтом через Красное море скоро прекратится. Его главным командиром был его сын, дом Лоренсу де Алмейда, юноша в летах, но герой в бою. 19 октября 1505 года молодой Лоренсу обстрелял из артиллерии и почти разрушил Конлан, современный Квилон; 18 марта 1506 года он почти уничтожил флот Заморина Каликута, состоящий из восьмидесяти четырех кораблей и ста двадцати прахов, всего одиннадцати судов, и получил чек в Дабуле, современном Дабхоле; в 1507 году он открыл Мальдивские острова и с помощью Тристан-да-Кунья разграбил порт Понани, а в 1508 году молодой герой был убит при Чаул в бою против египетского флота, который был послан мамлюкским султаном для изгнания португальцев из Индии под командованием адмирала по имени Эмир Хосейн. Но надвигалась более серьезная опасность; эти нападения вызвали гнев мусульманских монархов, чьи владения простирались до северо-западных побережий, и особенно королей Биджапура и Гуджарата, и они собрали мощные флоты и присоединились к эмиру Хосейну. Вице-король Индии, ничуть не обескураженный, отплыл на север, чтобы отомстить за смерть своего сына, всего с девятнадцатью кораблями, и после разграбления Дабхола он полностью разгромил мусульманский флот из более чем ста кораблей 2 февраля 1509 года у острова Диу. Пока первый португальский вице-король проводил эти операции, его назначенный преемник Афонсо де Альбокерке, с которым он поссорился, и адмирал Тристан да Кунья исследовали Индийский океан и, остановившись на некоторое время на острове Сокотра, взяли штурмом богатый город Ормуз в устье Персидского залива. Эти исследования принесли важнейшие результаты, и Афонсо де Альбокерке был рад, когда в конце 1509 года для него настало назначенное время возглавить правительство Индии в качестве второго вице-короля.

Афонсо де Альбокерке был величайшим из всех португальских героев, служивших в Индии, и своей славой он обязан не только своим ратным подвигам, какими бы многочисленными и славными они ни были, но мудрости и справедливости своего гражданского правительства, а также тому факту, что он был великим и дальновидным государственным деятелем, а также храбрым воином. Как и Франсиско де Алмейда, он был фаворитом и близким другом короля Иоанна II, в правление которого он занимал придворную должность конюшего. Он начал свое наместничество с нового нападения на Каликут, штаб-квартиру моплас. Ему удалось сжечь дворец Заморина и разрушить город, но затем население восстало и загнало португальцев обратно на их корабли, убив многих их лидеров, включая маршала Португалии Дом Фернандо Коутинью. Затем Альбокерке предпринял более важный шаг; вскоре он понял, что Кочин находится слишком далеко к югу, чтобы служить штаб-квартирой торгового или политического владычества португальцев, и что для столицы необходимо занять какое-нибудь более центральное место на Малабарском побережье. Местом, которое он выбрал, был Гоа, порт, находившийся во владении мусульманского короля Биджапура. Туда он отплыл с двадцатью кораблями и тысячей сотнями человек; и один ратный подвиг, совершенный Антонио де Норонья при Панджике, в устье реки Гоа, где расположена нынешняя столица португальских владений в Индии, открыл перед ним город. Горожане, обескураженные пророчествами святого нищенствующего о том, что они вот-вот будут завоеваны чужеземным народом из далекой страны, сразу же сдались; восемь предводителей дали Альбокерке ключи от ворот, и португальский вице-король с триумфом въехал в город 17 февраля 1510 года. Но он удерживал его недолго, поскольку 15 августа Юсуф Адиль-шах, король Биджапура, отбил город после

ожесточенных боев. Альбокерке не отчаивался; он получил подкрепление из Португалии, и 25 ноября он взял город штурмом, убив более двух тысяч мусульман, и прочно обосновался там.

Но Альбокерке не был удовлетворен завоеванием подходящей столицы для Португальской Индии, он решил сделать свою страну верховной во всех Восточных морях. С этой идеей он предпринял две знаменитые экспедиции на восток и на запад. Первые португальские поселенцы на Малабарском побережье узнали от местных торговцев, что специи и другие продукты из Азии можно достать дешевле дальше на восток, и эти истории были переданы королю Эммануилу, который решил отправить экспедицию на эти “Острова пряностей” под командованием Диого Лопеса де Секейры. Этот капитан благополучно достиг Малабарского побережья и был благосклонно принят вице-королем Франсиско де Алмейдой, который нашел для него опытного лоцмана и дал ему шестьдесят закаленных солдат под командованием Франсиско Серрана и Фернана де Магальяйнша, которому под именем Магеллан предстояло оставить свой след на карте мира. Лоцман умело руководил флотом, и 11 сентября 1509 года Диого Лопес де Секейра бросил якорь у берегов города Малакка, где малайский вождь разрешил ему основать фабрику. По возвращении в Индию он доложил Альбокерке о богатствах Малакки и острова Суматра, а также о том, что специи там лучше и дешевле, чем в Индии. Великий вице-король сразу же решил увидеть эти богатые страны своими глазами, и после нескольких ожесточенных боев с малайцами он установил португальскую власть в этом квартале на прочной основе и вернулся в Гоа. Его экспедиция на запад оказалась не столь успешной. Во время своей предыдущей кампании, в ходе которой он взял Ормуз, он заметил, что большая часть азиатской торговли, которая все еще следовала старыми путями, шла не через Персидский залив, а через Красное море, и что крупным *перевалочным пунктом* был город Аден. Поэтому для того, чтобы обеспечить себе полную монополию на восточную торговлю по новому португальскому маршруту вокруг мыса Доброй Надежды, было необходимо оккупировать Аден. С этим намерением Альбокерке отплыл на запад в 1513 году и в канун Пасхи прибыл в город. В день Пасхи он яростно атаковал его силами численностью более двух тысяч солдат, но потерпел неудачу и был вынужден довольствоваться уничтожением судов в порту. Затем он исследовал Красное море и вернулся в Гоа в последний раз.

Было сказано, что Альбокерке был великим государственным деятелем, а также великим воином, и лучшего доказательства этому нельзя привести, чем его обращение с индийскими принцами. Он единственный из португальских вице-королей признал тот факт, что индуистам не нравилось правление мусульман и что они гораздо скорее оказались бы под властью европейцев, если бы только были справедливы. Португальцы столкнулись с таким ожесточенным сопротивлением со стороны мусульманских держав, со стороны мопла Каликута и короля Биджапура, и если бы преемники Альбокерке только осознали этот факт, им не составило бы труда повести индусов против приверженцев ислама. Тогда они вели бы против мусульман в Индии ту же самую беспощадную войну, которую их предки вели у себя на родине, и могли бы без особых трудностей установить протекторат над индусами. Широкую терпимость, которую Альбокерке проявлял в своих контактах с индуистскими князьями, он проявлял и в деталях управления. Он поддерживал деревенскую систему, которая, как он обнаружил, существовала в Гоа во время его завоевания, и избегал любых видимых новых налогов с такой же тщательностью, как современный английский сборщик налогов. Экспедиция в Аден была последней, которую он когда-либо предпринимал, и 16 декабря 1515 года этот поистине великий человек скончался в Гоа и был похоронен там по его собственному указанию в костюме командора ордена Сантьяго. “Память о нем пользовалась таким почитанием, что индусы и даже

мусульмане имели обыкновение приходить к его могиле и там высказывать свои жалобы, как будто в присутствии его тени, и взывать к Богу избавить их от тирании его преемников”.^[15] Что может быть лучшим доказательством качеств, которые принесли ему титул Альбокерке “Великий”, чем это!

Скульптура Дж. К. Сильвы. Олисип. тип. 1774.
Альбокерке. (По гравюре Сильвы.)

Тирания преемников Альбокерке была сильно преувеличена, и, приводя обвинения против них, следует помнить, что португальские вице-короли и губернаторы считались у себя дома пришедшими к власти по двум причинам: во-первых, для того, чтобы ежегодно отправлять домой большие флотилии, груженные азиатскими товарами, закупленными по такой низкой цене, что это приносило королю солидную прибыль для его казны, а во-вторых, для распространения христианской веры. Ни одна из этих причин португальского владычества, вероятно, не была сочтена туземцами Индии удовлетворительной. Приказы директоров Английской Ост-Индской компании Уоррену Гастингсу позаботиться о том, чтобы у них были хорошие дивиденды для объявления в Англии, были не более настоятельными, чем приказы короля Эммануила и короля Иоанна III. португальским губернаторам, чтобы флотилии, тяжело груженные азиатскими товарами, были отправлены в Лиссабон, не требуя от них никаких денег из дома за свои покупки. Этого самого по себе было достаточно, чтобы сделать требования португальских вице-королей к туземцам деспотичными, и следует также помнить, что люди не покидают свою родину, чтобы жить в нездоровом климате ради собственного удовольствия, и что португальский чиновник в шестнадцатом веке испытывал такое же сильное искушение “потрясти дерево пагода” для собственной выгоды и использовать для этого свою власть, как

английский государственный служащий в восемнадцатом веке. И все же эта погоня за наживой не была полностью низменной, и период между смертью Афонсо де Альбокерке и приходом к власти величайшего из его преемников, дома Жуана де Кастро, отмечен многими доблестными деяниями.

Правление Лопо Соареша де Альбергария с 1515 по 1518 год было в основном примечательно его постройками в Гоа и его успехом в открытии торговли с Цейлоном путем основания фабрики истроительства форта в Коломбо; а его преемник, Диого Лопес де Секейра, первооткрыватель Малакки и четвертый губернатор, многое сделал для ускорения развития этой торговли. Пятому губернатору, Дуарте, или Эдуарду де Менезесу, пришлось столкнуться со столькими трудностями и подавить столько восстаний в Ормузе, Малакке и на Цейлоне, что он искренне просил освободить его от должности; и в 1524 году Иоанн III решил снова отправить Васко да Гаму с титулом и полномочиями вице-короля, которые не присваивались со дня смерти Альбокерке. Но великий мореплаватель был уже стариком и так и не добрался до Гоа, чтобы занять свой пост. Однако он все-таки добрался до побережья Индии, которое впервые увидел четверть века назад, и умер в Кочине на Рождество 1524 года. Его тело было похоронено в главной часовне францисканского монастыря в Кочине, но оставалось там недолго, так как в 1538 году оно было перевезено в Португалию и, наконец, похоронено в Белене. Энрике де Менезес, сменивший Васко да Гаму на посту губернатора, сумел подавить большинство восстаний, и после короткого периода правления Лопо Ваз де Сампайо Нуно да Кунья, сын великого мореплователя Тристана да Кунья, унаследовал губернаторство в 1526 году. Его правление было отмечено более важными событиями, чем любое другое со времен правления Альбокерке, поскольку он расширил влияние Португалии вдоль Малабарского и Коромандельского побережий и основал поселения в Диу, у побережья Катхиавара на западе, и в Хугли, в устье Ганга, на восточном побережье Индии. Португальцы еще со времен Франсиско де Алмейды желали завладеть островом Диу, который можно было легко укрепить и который стал бы хорошим центром их торгового и политического влияния на северо-западном побережье Индии. Но все их усилия были напрасны до 1535 года, когда Бахадар-шах, мусульманский король Гуджарата, разрешил им построить на острове крепость и укомплектовать ее гарнизоном из их собственных войск. Это он сделал потому, что на него оказывал сильное давление Хумайун, император Моголов и отец Бабара. Но мусульманский монарх вскоре пожалел, что предоставил португальцам такой важный плацдарм в своих владениях, и именно после визита, который он нанес тамошнему Нуно да Кунья, он был убит в драке при высадке с португальского корабля. Его преемник, Мухаммед III. Гуджаратский, расценил убийство своего дяди как доказательство предательства со стороны португальцев и сразу же осадил Диу с моря и суши. Но крепость была благородно защищена; португальские женщины соперничали с мужчинами в храбрости, и, доведенный до крайности, комендант Антонио де Сильвейра отбил нападавших. Другим важным событием правления Нуно да Куньи стало основание португальской фабрики в Хугли, в устье Ганга, во владениях короля Бенгалии, которая впервые подключилась к торговле этой самой богатой провинции. Эти великие заслуги за время его долгого двенадцатилетнего правления не защитили Нуно да Кунью от злонамеренных обвинений, выдвинутых против него в Лиссабоне; против него поступали преувеличенные сообщения о его жестокости и коррумпированности его правительства, и в 1538 году его сменил вице-король дом Гарсия де Норонья. Нуно да Кунья умер на обратном пути в Португалию, и отсутствие его сильной руки вскоре почувствовалось в Индии. Гарсия де Норонья, бывший офицер Альбокерке, умер почти сразу после своего прибытия, а его

преемники на посту губернаторов Эстеван да Гама и Мартин Афонсо де Соуза отличили свои правительства экспедицией в Красное море, во время которой Да Гама потерпел поражение от турок при Суэце, и поражением Де Соузы при Тебеликави. Эти проверки сильно повлияли на прибыль индийской торговли, и Иоанн III решил предпринять новый шаг, отправив в Индию дом Жуана де Кастро, героя старого португальского типа и близкого друга своего дяди, дома Луиша, герцога Бежи.

Подводя таким образом краткий итог истории португальцев в Индии, следует отметить только ее политический и коммерческий аспект. Именно по чисто коммерческим причинам принц Генрих “Морепоплаватель” стремился найти прямой морской путь в Индию, и успех Васко да Гамы сначала рассматривался просто как открытие индийской торговли; идея доминиона тогда не приходила в голову португальцам, и только после того, как стало очевидно, что торговые станции или фабрики придется охранять, были отправлены войска, а также факторы. Успешная оборона Дуарте Пачеко от армии заморина Каликута показала, насколько легко португальцам было бы сделать больше, чем просто защитить свои фабрики в случае нападения, и Франсиско де Алмейда начал наступательную войну, напав на местных властителей, которые отказались позволить создавать фабрики в своих владениях. Афонсо де Альбокерке выдвинул идею натравить индуистских князей на агрессивных мусульман, но ни один из его преемников не последовал его политике в этом отношении. Не следует, однако, думать, что португальцы имели какую-либо идею о создании такой империи в Индии, какую создали англичане за последнее столетие. Их великая система заключалась в том, чтобы оккупировать, при необходимости силой, все важные центры торговли вдоль побережья и возвести там мощные города и крепости, куда местные торговцы могли привозить свои товары для покупки и размещения на борту португальских кораблей для переправы в Лиссабон. Они не предпринимали попыток силой проникнуть в глубь страны, а только посылали послов к местным князьям, чтобы обеспечить защиту местным торговцам, прибывающим в их порты. Они действительно занимали небольшие сельские округа вокруг своих наиболее важных станций, таких как Гоа и Диу, которыми они управляли в соответствии с модой, принятой Альбокерке в Гоа, рассматривая деревенские общины как единицы и регулируя налогообложение соответствующим образом. Если принять во внимание эти факты, рассказы о португальской тирании и угнетении рушатся, поскольку единственными туземцами, которых они могли угнетать, были торговцы, доставлявшие товары в порты, и жители, которые предпочитали жить в пределах португальских границ. Торговцы действительно страдали, потому что им приходилось продавать свои товары в таких масштабах, которые сокращали их прибыль гораздо больше, чем им хотелось, а жителями городов управляли как низшими, которые были обязаны подчиняться европейцам во всех отношениях. Португальские судьи, естественно, благоволили к своему народу и, таким образом, во многих случаях обращались с туземцами несправедливо, но можно указать, что ни одного торговца нельзя было заставить спуститься в порты и что ни одного туземца нельзя было заставить жить в португальских городах против его воли. Эти соображения, соединенные с воспоминанием о неизбежных обвинениях, всегда выдвигаемых покоренным населением против расы иностранных правителей, имеют тенденцию доказывать, что обвинения в тирании и угнетении, выдвинутые против португальцев, были сильно преувеличены, и совершенно очевидно, что с индусами так же плохо, если не хуже, обращались их мусульманские завоеватели.

Только в одном отношении они имели право жаловаться, а именно в том, что португальцы, не удовлетворившись расширением своих коммерческих операций, попытались также

ниспровергнуть местные религии, точно так же, как это сделали мусульмане. Ибо португальские завоеватели были не только торговцами, но и ревностными христианами, твердо убежденными в истинности своей религии и полными решимости распространять ее. Эскадрилья под командованием Педро Альвареса Кабрала, отправленная в Индию сразу после возвращения Васко да Гамы, перевозила нескольких монахов-францисканцев, которые были оставлены в Кочине в 1500 году проповедовать свою религию. За ними быстро последовали другие миссионеры, в основном доминиканские и францисканские монахи, число которых увеличилось после того, как столица португальского владычества была перенесена в Гоа. Там возникли большие монастыри, имиссионеры начали свою работу с проповедей в соседних округах, которые были разделены на приходы по европейскому образцу и считались церковными единицами. Слава миссионеров Гоа значительно возросла после обнаружения или притворного обнаружения костей святого апостола Фомы в месте, которое долгое время привлекало всеобщее поклонение мусульман, индуистов и местных христиан, недалеко от Мадраса, где, как сообщалось, он принял мученическую смерть. Эти кости были привезены в Гоа в 1522 году, во времена правления Дуарте де Менезеса, и с большой помпой похоронены в священном раку церкви Святого Фомы в Гоа, где они остаются по сей день. Эти первые португальские миссионеры были рады обнаружить в Индии коренных христиан, когда они прибыли, и обнаружить, что они представляют собой могущественную военную касту. Сначала они не слишком подробно интересовались доктринами и обрядами этих христиан, принадлежавших к несторианской церкви, и были далеки от того, чтобы преследовать их с особым рвением, как это было позже, они рассматривали само существование этих христиан как доказательство жизнеспособности их собственной веры. После обнаружения костей святого Фомы миссионеры во все большем количестве устремились в Индию не только из Португалии, но и из самого Рима; и в 1539 году Гоа стал резиденцией римско-католического епископства, а Жуан де Альбокерке был рукоположен в сан первого епископа. Но величайшим импульсом, приданным делу распространения христианской веры, стало прибытие в Индию святого Франциска Ксаверия в 1542 году, во время правления Мартима Афонсо де Сузы. Этому великому проповеднику и человеку не пришлось долго ждать, чтобы произвести глубокое впечатление на уроженцев Индии, и известие об обращенных, которых он обратил за пределы португальских поселений, привлекло толпу последователей. Общество иезуитов, одним из основателей которого он был, уделяло особое внимание этой области миссионерской работы, и прогресс христианства становился все более и более быстрым. Это был золотой век усилий по обращению в свою веру; индуисты терпеливо выслушивали христианских миссионеров и еще не начинали их преследовать, а инквизиция, которая должна была оказать столь сильное влияние на родную Церковь христиан-несторианцев, не применяла насильственных методов обращения до 1560 года.

DOM JOÃO DE CASTRO.

(После копии, предоставленной г-жой Педро Баррато де Резенде с оригинального портрета во Дворце вице-королей в Гоа.)

Имя святого Франциска Ксаверия наводит на мысль о его прославленном друге, доме Жуане де Кастро, который соперничал на поле боя со славой Франсиско де Алмейды, Афонсо де Альбюкерке и Нуну да Кунья, но который выделялся среди них благородной чистотой своей жизни. Де Кастро был близким другом дяди короля, дома Луиса, герцога Бежского, у которого он получил образование и завоевал свои шпоры и восхищение императора Карла V. Своим поведением в экспедиции в Тунис. Он с отличием служил под командованием Гарсии де Норонья и Эстевана да Гамы в Индийских морях, а по возвращении домой был задействован в выполнении сложной задачи по эвакуации различных португальских баз в Марокко, которые было решено оставить. Он был известен чистотой и даже аскетизмом своего характера, и именно по этой причине в 1545 году он был назначен вице-королем Индии. Ситуация там была сложной, поскольку турецкий султан, как говорят, по просьбе венецианцев, которым было неприятно терять свою прибыльную торговлю с Востоком, послал мощный флот в Красное море для уничтожения португальцев в Индии. Когда Жуан де Кастро прибыл в Гоа, он услышал, что Диу снова осажден Мухаммедом III. из Гуджарата. Новость оказалась правдой, и, несмотря

надоблестную защиту дома Жуана де Маскареньяса, осажденные были доведены до крайности. Вице-король немедленно отправился туда и не только освободил крепость, но и нанес поражение королю Гуджарата в жестоком сражении под стенами. Эта победа, величайшая из одержанных португальцами в Индии, возвысила славу генерала, которая еще больше усилилась после того, как он разгромил огромный турецкий флот. После этих побед Жуан де Кастро обратился к вопросам внутренних реформ и, проводя политику, напоминающую политику лорда Корнуоллиса в Бенгалии в более поздней истории, установил жалование различным гражданским чиновникам и попытался положить конец системе коррупции и казнокрадства, с помощью которой они грабили как королевскую казну, так и местных жителей. С особой неприязнью он взидал на разгульную и безнравственную жизнь, которую вели португальцы в Гоа, и строго препятствовал их роскоши, которую, как он заявлял, можно было оплатить, только лишив короля его податей. К сожалению, Жуан де Кастро, хотя и положил начало реформам, прожил недостаточно долго, чтобы увидеть их осуществление, ибо он умер в 1548 году, на третьем году своего вице-королевства, на руках своего друга, святого Франциска Ксаверия, и во славу этого рыцаря древнего типа записано, что, несмотря на свои возможности, он умер бедным и завещал своему сыну только свой меч, “украшенный”, по словам его биографа, “несколькими камнями небольшой ценности, но с бесценной славой”.

Непосредственные преемники дома Жуана де Кастро, Гарсия де Са, Хорхе Кабрал, Афонсо де Норонья и Педро де Маскареньяс, не столкнулись с большими опасностями, поскольку победа при Диу на какое-то время повергла мусульман в ужас, и никто из них не оставил сколько-нибудь важных следов в истории португальцев в Индии. Правление дома Константину де Браганса, отпрыска самого благородного дома Португалии после королевской семьи, ознаменовало возвращение к системе дома Жуана де Кастро, которому он подражал не только в его внутренних реформах, но и в его отваге на местах. Именно он взял и оккупировал Даман, который вместе с Гоа и Диу по сей день остается владением Португалии. Он все еще находился на своем посту, когда умер Иоанн III. оставил корону Португалии несовершеннолетнему, и величие его страны и даже ее независимость были на грани исчезновения.

Но португальское влияние в Азии не следует рассматривать как ограниченное Индией, хотя Гоа оставался ее штаб-квартирой и центром, из которого отправлялись флотилии, направлявшиеся домой. Следует помнить, что Афонсо де Альбокерке совершал экспедиции как на восток, так и на запад; а его преемники в течение столетия португальской монополии на азиатскую торговлю поддерживали и расширяли свои коммерческие операции в обоих направлениях. Но прежде чем коснуться этих расширений, следует обратить внимание на тщательность, с которой величайшие португальские губернаторы содержали учреждения на юго-восточном побережье Африки. Мозамбик, который все еще принадлежит Португалии, Момбасса и Мелинда были укреплены по последнему слову науки того времени, поскольку флотилии, следовавшие домой и за границу, всегда останавливались в том или ином месте или во всех этих местах до или после встречи с опасностями Индийского океана, чтобы переоснастить их и пополнить запасы провизии. Опасности плавания вокруг мыса Доброй Надежды также были достаточно серьезны, чтобы нуждаться в отдыхе или подготовке, ибо, если упомянуть только о двух катастрофах, Франсиско де Алмейда, первый вице-король Индии, потерпел крушение в заливе Салдандья и погиб там на обратном пути от своего командования; а через несколько лет после этого произошло крушение, заточение среди дикарей и смерть дома Мануэля де Сузы и его жены, которую Камозэн увековечил трогательными словами.^[16] Более важным, чем эти африканские поселения, был город Ормуз в устье Персидского залива, который стал штаб-квартирой

персидской торговли с Европой посредством португальского флота. Было замечено, что Аден был слишком силен, чтобы Альбокерке мог его захватить; один из его преемников, Афонсо де Норонья, добился большего успеха в 1551 году, но он удерживал ключ к Красному морю всего один год, после чего он был отбит турками.

Гораздо более ценным было поселение Малакка, которое было поставлено Альбокерке на надежную основу. Он стал центром крупной торговли с Явой, Суматрой и островами Пряностей, и отсюда Фернан де Магальяйнш и Франсиско Серран продолжали свои открытия на Молуккских и Целебесских островах. История этого поселения полна интереса; оно неоднократно подвергалось нападениям со стороны ачинцев и других туземцев, и некоторые из его осад столь же знамениты, как осады Диу, хотя и не проводились против таких цивилизованных противников. Но Малакка была не только центром торговли с островами пряностей, но и портом, из которого осуществлялись исследования на север. Именно с Малакки Дуарте Коэльо начал исследовать побережье китайской провинции Кочин и совершил свое авантюрное путешествие в Сиам, а также с Малакки Фернан Перес де Андраде начал открывать торговлю с могущественной и густонаселенной китайской империей. Согласно самому выдающемуся португальскому историку, не может быть никаких сомнений,^[17] что посольство, которое король Эммануил отправил в 1517 году императору Китая, было вызвано знанием о путешествиях Марко Поло и интересом, вызванным его рассказом о далекой империи Катай. Во всяком случае, Фернан Перес де Андраде был отправлен в Китай с письмами и подарками в качестве посла от одного монарха к другому, а не как завоеватель. И сам факт этого посольства наводит на сомнение, стали бы португальцы когда-либо действовать так, как они действовали в Индии, если бы там был монарх, обладающий такой властью, какой, по слухам, обладал император Китая, или удовлетворились бы только торговлей. Де Андраде благополучно добрался до Кантона через Малакку в 1518 году, но, несмотря на его письма и подарки, его надолго задержали там, и ему не разрешили отправиться в Пекин до 1521 года. Когда китайцы окончательно поняли, что португальцы пришли сюда только торговать, а не завоевывать, они разрешили вновь прибывшим основать фабрику, сначала в Лиумпо; а в 1549 году в Чин Чи; и, наконец, в 1557 году, в год смерти Иоанна III. по просьбе китайского правительства португальцы вывели свои другие фабрики и обосновались на острове Макао, в устье реки Кантон. Здесь они вели процветающую торговлю, и в 1583 году получили разрешение вершить правосудие на своем острове, а в 1587 году были признаны там независимыми.

Первое сообщение португальцев с Японией еще более любопытно и связано с историей одного из тех отважных путешественников, которые смело пересекли самые отдаленные земли Азии задолго до того, как англичане или голландцы отважились посягнуть на португальскую монополию. Фернана Мендеса Пинту на протяжении поколений считали типичным лжецом, и в Англии в это обвинение обычно верят из знаменитой реплики Конгрива в “Любви за любовь” (акт ii. сцена v.). “Мендес Пинто был всего лишь прообразом тебя, ты лжец первой величины”.

Но современные исследования показали, что, хотя он, несомненно, преувеличивал и делал странные выводы, его любопытные “Перегрины”, или Путешествия, которые были впервые опубликованы в 1614 году и переведены в семнадцатом веке на английский, французский и испанский, содержат, по сути, правдивый рассказ о его приключениях. Его карьера типична для многих других португальских авантюристов на Востоке. Впервые он отправился в Азию в 1537 году и за время своих странствий пять раз терпел кораблекрушения, тринадцать раз попадал в плен и семнадцать раз продавался в рабство. На обратном пути он был взят в плен между

Сокотрой и Персидским заливом и продан в рабство в Мокко, где оставался до тех пор, пока португальский губернатор Ормуз не потребовал за него выкуп. После множества дерзких приключений, отдающих пиратством, в 1542 году он участвовал в странной экспедиции в Калемпин, недалеко от Пекина, которую он организовал для разграбления тамошних гробниц семнадцати китайских императоров. На обратном пути после этой кощунственной попытки он потерпел крушение у берегов Китая и приступил к ремонту Великой Китайской стены. Находясь там, он попал в плен к татарам во время одного из их вторжений, а после того, как присутствовал при татарской осаде Пекина, был увезен в Татарию. После различных приключений ему удалось вернуться в Китай, и тогда он совершил свой первый визит в Японию. Его рассказ о богатствах японских островов взволновал умы португальских чиновников на китайском побережье, и под его командование в Нинпо был направлен флот из девяти кораблей с приказом открыть торговлю с Японией. Неудача снова преследовала его; восемь его кораблей затонули, а тот, на котором он сам плавал, потерпел крушение у островов Лоо-Чу. Не обескураженный всеми своими неудачами, он продолжал представлять богатство Японии своему начальству в Китае и на Малакке, а в 1548 году основал фабрику по соседству с Иокогамой. Здесь он сослужил хорошую службу и, помимо открытия торговли японскими товарами, сколотил себе большое состояние. С этим состоянием он возвращался в Португалию в 1553 году, когда священнослужители Гоа воздействовали на его религиозные чувства, которые, как и у других португальских авантюристов, должны были быть очень глубокими, хотя они, похоже, не повлияли на него в его отношениях с азиатами, и убедили его посвятить почти все свое состояние созданию семинарии в Гоа для обучения миссионеров в Японии.

Карьера Мендеса Пинту иллюстрирует необычайную энергию и неукротимое мужество португальцев в Азии, и это повод для удивления, как одна маленькая страна, одно из самых маленьких европейских государств, смогла произвести на свет не только великих правителей и завоевателей, таких как Франсиско де Алмейда, Афонсо де Альбокерке, Нуно да Кунья и Жуан де Кастру, и их лейтенантов; и военных героев, таких как Дуарте Пачеко, Антонио де Сильвейра и Жуан де Маскареньяс, и их солдат; но и отважных авантюристов, таких как Франсиско де Алмейда, Афонсо де Альбокерке, Нуно да Кунья и Жуан де Кастру, и их солдат. Дуарте Коэльо, смело проникший в глубь Сиам, и Мендес Пинто. Эти люди, от высших до низших, по-видимому, были безгранично уверены в себе, и, как будет видно позже, два португальских авантюриста, практически без какой-либо поддержки, Себастьян Гонсалес и Филипп де Брито, утвердились в Аракане как практически независимые принцы. Было показано, что эта необычайная энергия и предприимчивость истощили королевство Португалия. Из тысяч тех, кто покинул свои дома в Европе, лишь бесконечно малая часть когда-либо вернулась. Ни один из первых губернаторов Португальской Индии не умер в Португалии до времен дома Константино де Браганса; они либо умерли в Индии, как Альбокерке, Васко да Гама и Норонья, либо по пути домой, как Алмейда и Нуно да Кунья. Истощение энергии народа было огромным, и удивительно не то, что Португалия вскоре была истощена, а то, что она вообще когда-либо проявляла такую жизненную силу. Величием португальцев в Индии они были обязаны мужеству и героизму португальского народа, и этими качествами они были обязаны череде великих королей, которые приучили народ к свободе, уверенности в себе и постоянству; если бы не такие великие короли, как Джон “Великий” и Джон “Совершенный”, и такие великие принцы, как Педру, герцог Коимбрский, и принц Генри “Мореплаватель”, португальская нация никогда бы не сделала того, что она сделала, и История Португалии преподает полезный урок о том, что народ, приученный к возвышенным мыслям и высокому пониманию долга, никогда не смог бы сделать то, что он

сделал. будет уверен, что найдет простор для своей энергии и продемонстрирует результат своего обучения в благородных поступках.

Х.

ПОРТУГАЛЬЦЫ В БРАЗИЛИИ.

История португальцев в Южной Америке сильно отличается от истории роста их могущества в Азии; в Америке они не нашли богатых городов и цивилизованных народов, только бедных туземцев, и неудивительно, что их главные усилия в шестнадцатом веке были направлены на развитие прибыльной восточной торговли и освоение Азии. Если бы кто-нибудь сказал королю Эммануилу, что страна, которую Педро Альварес Кабрал открыл совершенно случайно по пути в Азию, окажется более ценной для Португалии, чем поселения в Индии, этот монарх ему бы не поверил. И все же так оно и было. В то время как в настоящее время португальские владения в Азии сократились до поселений Гоа, Даман и Диу в Индии и острова Макао, которые представляют очень малую ценность для метрополии, великая республика Бразилия расширилась до независимого государства с населением четырнадцать миллионов человек, или более чем в три раза превышающим население Португалии.^[18] Это правда, что правительства Португалии и ее процветающей дочери по ту сторону Атлантики разделены и что они политически независимы друг от друга, тем не менее Бразилия по-прежнему находится в тесном союзе с Португалией и принимает из метрополии толпы стойких иммигрантов, которые неуклонно расширяют ресурсы величайшей страны Южной Америки. Бразильцы так же гордятся великими деяниями своих европейских предков, как и сами португальцы, и даже

превосходят жителей метрополии в своем восхищении Камозэнсом и усердном изучении его произведений. История заселения и постепенной колонизации Бразилии не может соперничать по романтическому интересу с историей португальских подвигов в Азии, но, тем не менее, поучительно изучать медленный рост колонии, которая теперь превратилась в могущественную империю.

24 апреля 1500 года Педро Альварес Кабрал, адмирал, командовавший флотом, отправленным королем Эммануилом в Индию, получив известие об успешном плавании Васко да Гамы, увидел неизвестную страну на западе. Он вышел в море после прохождения островов Зеленого Мыса или, согласно некоторым источникам, был выброшен в море штормом и вообще не ожидал увидеть сушу, так что открытие, оказавшееся чрезвычайно ценным для Португалии, было результатом случайности, а не преднамеренного исследования. Сначала он не смог приземлиться из-за прибоя, и только достигнув 15 ° северной широты, смог найти гавань, которой дал название Порто-Сегуру, или Безопасный порт. Он высадился и вступил во владение новой страной от имени короля Португалии и, установив крест, дал ей название Санта-Крус, которое оставалось ее официальным названием в течение многих лет, прежде чем было принято популярное название Бразилия, которое было дано ей из-за количества произрастающих в ней бразильских деревьев. Кабрал обнаружил, что страна плодородна и хорошо орошаема, а также населена мягким и безобидным народом, который позволил ему немного исследовать местность и взять на борт фрукты и воду. Он сразу же осознал ценность своего открытия и отправил один из своих кораблей в Лиссабон с информацией о нем и с одним из жителей на борту для обучения португальскому языку. Он также оставил двух своих людей в стране для изучения языка местных жителей и исследований, а затем продолжил свой путь в Индию.

Король Эммануил отправлял различные экспедиции для исследования этой новой страны, в частности две под руководством Америго Веспуччи в 1501 и 1503 годах, и этот трудолюбивый исследователь посетил и нанес на карту большую часть береговой линии вплоть до реки Плейт. Но ни Веспуччи, ни первые колонисты, отправленные из Португалии, не сообщали о существовании более чем плодородной страны, и португальский народ, будучи в то время в полном восторге от своих первых завоеваний в Азии и открывавшейся там богатой торговли, почти не обращал внимания на новые владения по ту сторону Атлантики. Вскоре выяснилось, что среди жителей Бразилии не было богатых городов или могущественных династий, таких, с которыми Кортес встречался в Мексике, а Писарро в Перу, и, казалось, было мало перспектив на прибыльную торговлю. Действительно, так мало было известно о природных богатствах Бразилии, что Испании, хотя бы благодаря Булле Александра VI, стало известно об этом. Она имела право на все открытия в этой части земного шара, согласилась уступить Португалии бесспорное владение всей береговой линией Бразилии от реки Маранхам до Ривер Плейт.

О коренных обитателях этой огромной страны первыми португальскими исследователями были написаны любопытные рассказы. Сообщалось, что они вели частично кочевой образ жизни и питались главным образом рыбой и фруктами, а также дичью, которую они убивали в своих лесах с помощью луков и стрел. Они почти не носили одежды и обычно раскрашивали свое тело, а некоторые племена мазали себя жевательной резинкой и приклеивали к себе красивые перья, что издали делало их больше похожими на больших птиц, чем на людей. Они не выращивали кукурузу, но пекли лепешки из корня маниоки и пили либо выжатый фруктовый сок, либо опьяняющий напиток, приготовленный из меда. Они умели прясть, ткать и строить хижины;

они были заядлыми курильщиками табака и обладали некоторыми знаниями о пользе лекарственных трав и снадобий, которыми изобилует Бразилия. Их страна, хотя и плодородная, казалась лишенной всего ценного для европейцев, и поначалу считалось, что открытие Кабрала никоим образом не поспособствует богатству или процветанию португальского народа.

В это верили так твердо и так были поглощены король, знать и народ Португалии своими азиатскими исследованиями и завоеваниями, что в течение многих лет не предпринималось никаких попыток основать поселения в Южной Америке и исследовать внутренние районы континента. Только два королевских корабля в течение длительного времени отправлялись в Бразилию каждый год, чтобы вывезти и высадить там осужденных каторжников и женщин с дурным характером, а также привезти обратно попугаев и различные сорта древесины, в частности бразильскую древесину, которая дала новой стране ее популярное название. Несколько семей поселенцев, частично с Мадейры, частично из северной Португалии, также уехали за свой счет и обосновались в различных избранных местах, где они занялись сельским хозяйством и тщетно пытались заставить туземцев работать на них в качестве рабов. Португальский монарх не предпринимал никаких попыток контролировать эти зарождающиеся поселения или установить какую-либо форму правления для заблудших колонистов и каторжников, которые делали то, что казалось хорошим в их собственных глазах, и во многих случаях обращались с туземцами с предельной суровостью. В то время как солдаты, губернаторы и чиновники в большом количестве отправлялись в Азию, об Америке не думали; и в качестве одного из примеров того, как обошлись с Бразилией, можно упомянуть, что импорт имбиря из этой страны был запрещен, чтобы не нарушать индийскую монополию.

Это пренебрежение внезапно прекратилось примерно в 1530 году, когда по Португалии распространился слух, что Бразилия изобилует золотом, серебром и драгоценными камнями. Местные жители не пытались разрабатывать рудники, поскольку не придавали этим товарам никакой ценности, но знание о том, что драгоценные металлы в изобилии содержатся в Перу, заставило людей поверить, что они существуют и в других частях южноамериканского континента. Открытие золота в небольших количествах и слухи об Эльдорадо во внутренних районах вскоре привлекли толпы авантюристов со всех концов Европы; тогда многим семьям из Португалии было предложено эмигрировать, чтобы уравновесить этих авантюристов, и таким образом всерьез началось заселение новой страны. Король Иоанн III. известие об открытии золота взволновало его не меньше, чем его придворных и народ, и в 1531 году он отправил в Бразилию первого королевского губернатора Мартима Афонсо де Соузу с инструкциями утвердить королевскую власть над быстро растущим населением колонистов и авантюристов и организовать будущее правительство страны. Мартин Афонсо де Соуза, который впоследствии стал генерал-губернатором Португальской Индии, был мудрым и осмотрительным государственным деятелем; хотя без поддержки каких-либо солдат он добился своего рода королевского продвижения по Бразилии, и он настоятельно посоветовал королю позволить стране развиваться самой, без вмешательства извне. Что касается правительства, то он посоветовал утвердить форму управления, сложившуюся в различных населенных районах, и не вмешиваться в нее. Эта форма правления была просто объединением всех жителей каждого поселения в своего рода маленькое государство, которое избирало офицера по имени капитан, который осуществлял своего рода патриархальную власть и руководил мерами защиты либо от туземцев, либо от других колоний поселенцев. Эти капитаны не имели королевских полномочий, и не взимали налогов; каждый человек мог делать практически все, что ему заблагорассудится, в своем собственном доме, и каждым поселением управлял не закон, а

общее настроение общества. Эти капитаны не имели никакой власти, кроме той, которую они получали от добровольного повиновения поселенцев, и каждый капитан пользовался большей или меньшей властью в соответствии со своим личным характером. Мартин Афонсо де Соуза увидел преимущества такой системы для новой колонии и посоветовал королю не высылать королевских чиновников из дома, авторитет которых, вероятно, был бы проигнорирован, а утвердить этих капитанов в их полномочиях и чтобы уже заключенные соглашения были признаны “капитанствами”. Это было сделано соответствующим образом; король был только рад, что ему не пришлось посылать солдат в Америку, поскольку он хотел собрать все, что мог, для Азии, и он санкционировал меры, принятые его представителем. Но далее он разделил страну на три обширных “главных капитанства”, которые он предоставил Жуану де Баррошу, португальскому историку о португальцах в Азии, Айресу да Кунья и Фернау Альварешу де Андраде, с инструкциями искать золотые прииски и осуществлять общий надзор за правительством страны.

Колонисты, которые в то время стекались в Бразилию из Португалии, были совсем другого типа, чем португальцы, которых отправили в Азию. Последние были в основном солдатами, матросами и чиновниками, отправленными в Индию и поселения на Востоке на королевских флотах в качестве слуг короны, которые, хотя и признавали себя слугами короля, все же отправились на Восток с идеей сколотить собственное состояние и в конечном итоге вернуться домой в Португалию, в то время как бразильские колонисты отправились за свой счет со своими женами и семьями и построили свои дома в принятой ими стране. Эти люди были бесценны для новой страны; они ушли без намерения когда-либо возвращаться домой, но с силой и желанием трудиться своими руками. На протяжении шестнадцатого века непрерывная череда португальских эмигрантов направлялась в Бразилию либо из-за благоприятных отзывов о ее климате и ресурсах, которые они получали от своих друзей или родственников, уже обосновавшихся там, либо для того, чтобы избежать несчастий, надвигавшихся на их собственную страну, и особенно тяжелой руки инквизиции. Упоминался массовый ввоз рабов в Португалию; такое использование негритянского труда оставило без работы ряд сельскохозяйственных рабочих, которые не хотели записываться в солдаты на Восток и не могли зарабатывать на жизнь в городах, и из этого класса прибыли многие из первых колонистов в Бразилию. Определенный вес также следует придавать авантюрной натуре португальцев; и эта сторона их характера, проявившаяся в отдельных людях на Востоке, привела к тому, что мужчины, которые любили семейную жизнь больше, чем войну, нашли дорогу на западный континент. Колонизация Бразилии была по существу народной; она не была инициирована королем, священниками или знатью; и иллюстрирует крайнюю уверенность в себе и смелость, которые сделали Португалию такой великой в тот период. Единственным пятном на карьере этих первых поселенцев было их обращение с туземцами. Привыкшие к существованию рабства у себя на родине, они пытались заставить туземцев работать на них, и эта попытка вызвала ожесточенную ненависть между расами аборигенов и иммигрантами, которая проявилась в убийствах и резнях. Постоянный прилив эмиграции в Бразилию в то время не способствовал увеличению богатства метрополии; напротив, его следует отметить как одну из главных причин той депопуляции Португалии, о которой говорили как о зародыше упадка португальского могущества.

Было сказано, что некоторыми эмигрантами из Португалии в Бразилию двигал страх перед инквизицией, и они надеялись спастись от нее, отправившись в Новый Свет. Особенно это касалось числа “новых христиан”, или наполовину обращенных евреев. В этот класс входили

многие богатые и влиятельные семьи, которые, увидев быстрое приближение преследований, в массовом порядке переехали в Бразилию. В новой стране они считали себя свободными, и к ним присоединились многие из их необращенных братьев, которые были изгнаны королем Эммануилом. Как обычно, даже будучи небогатыми, эти люди смогли собрать деньги, и они принесли в новую колонию то, в чем она больше всего нуждалась, - капитал. Многие из величайших семей Бразилии ведут свое происхождение от этих трудолюбивых колонистов, которые, как и в любом другом месте, дали невиданный ранее импульс торговле и промышленному развитию. Именно благодаря их проницательности сахарный тростник, величайший источник бразильского богатства, был завезен в колонию с Мадейры в 1548 году, и они начали прямую торговлю рабами с Гвинейским побережьем, признавая как невозможность низведения коренных народов до состояния рабства, так и преимущества негритянского труда. По всем этим причинам к середине шестнадцатого века Бразилия превратилась в богатую колонию, владевшую многими густонаселенными и хорошо возделанными районами на морском побережье, окружавшими различные порты и гавани, где возникли процветающие города, из которых в настоящее время можно отметить Пернамбуку, Тамакару, Ильеос, Порто-Сегуру и Сент-Винсент.

Процветание Бразилии привлекло внимание Иоанна III, и он, наконец, решил основать там вице-королевство, вместо того чтобы предоставить колонистам управлять самостоятельно, и в качестве первого генерал-губернатора он выбрал талантливого и опытного дворянина, дома Томаса де Суза. В то же время король отменил свой указ о создании трех "главных капитанств" и предоставил своему представителю все полномочия по созданию новой системы управления. В 1549 году дом Томас де Суза прибыл в Бразилию с флотом из шести военных кораблей, многими чиновниками нового правительства, сильным отрядом солдат и первым отрядом иезуитов, которые были отправлены с особой целью обращения местных жителей. К счастью для Бразилии, Томас де Суза был великим государственным деятелем; он не пытался чрезмерно усиливать свои полномочия; он тщательно избегал вмешательства в подчиненные капитанства и оставил систему местного самоуправления, установленную в каждом из них, без изменений; он не пытался взимать налоги или вмешиваться в свободы народа и даже избегал расквартировывать своих солдат в любом из существующих городов. Он понял, что слабым местом существующей администрации было то, что капитанства были слишком независимы друг от друга, разбросанные по побережью, как маленькие государства, и поэтому он решил основать столицу и учредить центральное правительство, которое, не вмешиваясь в местные свободы, должно было стать апелляционным судом и регулировать власть над ними. Место, которое он выбрал для своей столицы, находилось в верховьях залива Всех Святых, более известного как залив Баия, где он воздвиг город Сан-Сальвадор. Этот город он сделал штаб-квартирой своих войск и резиденцией центрального правительства, и отцы-иезуиты также сделали его своим отправным пунктом. Самым важным вопросом, с которым пришлось столкнуться Томасу де Сузе, было обращение с племенами аборигенов. Попытки португальских поселенцев обратить их в рабство натолкнулись на упорное сопротивление, и вдоль всех сухопутных границ капитанств бушевала хроническая война. Местные жители не часто нападали на поселения европейцев, но они сопротивлялись любому продвижению вглубь страны, и небольшие группы португальцев, пытавшихся обосноваться во внутренних районах, часто подвергались резне. Дом Томас де Суза решил остановить эту непрерывную партизанскую войну как военными, так и мирными мерами. Он посылал свои войска и сам руководил ими против племен, совершивших какой-либо конкретный акт жестокости, и сурово

наказывал их, и в то же время он оказывал всю возможную помощь мерам иезуитов по их цивилизованности.

История иезуитов в Бразилии гораздо более славная, хотя и менее интересная, чем история иезуитов в Индии. В Америке им приходилось бороться не с тренированным и тонким интеллектом индусов, которые были способны и готовы противостоять им в самых сложных философских спорах, а с простодушными дикарями, желающими, чтобы их учили. Успех знаменитого Общества был безграничен; учение христианства сделало гораздо больше для успокоения коренных жителей, чем мечи солдат Де Сузы, и за сравнительно короткий промежуток времени либо иезуиты, либо обученные ими местные эмиссары проникли на многие мили в глубь континента. Быстрое обращение и цивилизованность местных племен привели ко многим удачным результатам: обширные владения Португалии в Южной Америке были избавлены от многих ужасных войн с дикарями, которыми отмечена история английских поселенцев в Северной Америке; но, с другой стороны, мир между двумя расами привел к смешанным бракам и породил *классметисов*, или полукровок, которые сейчас составляют около четверти населения. Это обращение в христианскую религию не было ускорено и никоим образом не сопровождалось страшной властью инквизиции. Этому институту, который так много сделал для ослабления влияния христианства в Индии своими *аутодафе* и преследованиями христиан-несторианцев, так и не позволили укорениться в Бразилии, и зверства Гоа не подражали в Сан-Сальвадоре или Рио-де-Жанейро. Было приведено много причин для отказа от учреждения инквизиции, но главная заслуга, несомненно, принадлежит дому Томасу де Суза, который был хорошо осведомлен об услугах, оказанных Бразилии “новыми христианами” и другими лицами, чья ортодоксальность могла быть подвергнута сомнению, и который настаивал в Лиссабонском суде, что было бы невозможно создать такой ненавистный институт, как инквизиция, против воли народа капитанства без помощи мощной армии, и поскольку король хотел, чтобы все его солдаты отправились в Индию, он отказался от этой идеи. о создании ответвления Святой канцелярии в Америке.

ПРОЦЕССИЯ АУТОДАФЕ. (From “Les Royaumes d’Espagne et Portugal.” La Haye, 1720.)

Учреждение ордена иезуитов в Бразилии, основание центральной власти для надзора, но не преследования капитанов, и проведение устойчивой и единообразной политики по отношению к местным жителям - вот те моменты, которые отличают правительство дома Томаса де Сузы. Деятельность его преемника Дуарте да Кошты была менее важной, чем деятельность его предшественника. Он последовал примеру Де Сузы, и процветание Бразилии стало настолько очевидным, что эмиграция из несчастливой и приходящей в упадок Португалии продолжилась до такой степени, что за время его правления число европейцев в колонии удвоилось. Один момент его правления заслуживает внимания, а именно, что он заменил старые земляные укрепления вокруг главных городов стенами и возвел форты для охраны наиболее важных гаваней, оснащенные артиллерией. Эти меры предосторожности показывают, что существовал страх перед иностранной агрессией; другие европейские нации слышали о богатстве и плодородии Бразилии и жаждали ее обладания, а в следующем столетии голландцы предприняли систематические попытки вытеснить или покорить португальцев. Однако в шестнадцатом веке только одна нация, французы, пыталась основать поселение в Бразилии, и их усилия заслуживают краткого упоминания.

Хорошо известно, что Франция в шестнадцатом веке была раздираема религиозными войнами, и именно одному из лидеров гугенотов Николя Дюрану, сьеру де Вильеганьону и вице-адмиралу Бретани впервые пришла в голову идея эмигрировать и основать колонию со своими единоверцами в плодородной стране Бразилии. Адмирал де Колиньи горячо поддержал этот план и получил разрешение Генриха II. привести его в исполнение. Соответственно, были зафрахтованы три больших судна, и несколько будущих колонистов отплыли из Гавра в Бразилию в мае 1555 года под командованием Вильеганьона. Они достигли Южной Америки в ноябре и, даже не пытаясь получить согласие ни короля Португалии, ни властей капитанства, в котором они высадились, намеренно обосновались в подходящем месте и для защиты как от туземцев, так и от португальцев построили форт Колиньи. Вильеганьон немедленно доложил о своем успехе адмиралу, который отправил свое письмо Кальвину в Женеву. Кальвин выразил свое удовлетворение идеей создания протестантской колонии в этой части Нового Света, и с его одобрения женевец по имени Дюпон и два министра, Ришер и Шартье, собрали вместе еще триста французских гугенотов и присоединились к первоначальным поселенцам в 1557 году в форте Колиньи. Вскоре между Вильеганьоном и Риче вспыхнули ожесточенные религиозные распри, и новоприбывшие колонисты сначала переселились на берега Рио-де-Жанейро, а затем вернулись во Францию, где яростно поносили Вильеганьона. Он вернулся во Францию, чтобы ответить на их обвинения, и португальцы под руководством своего губернатора Эммануэля де Са воспользовались его уходом, чтобы снести форт Колиньи и изгнать французских поселенцев. Так закончилась первая попытка французов обосноваться в Бразилии.

В следующем столетии португальские владения Бразилией подверглись гораздо более опасному оспариванию со стороны голландцев, и единственная причина, по которой они не потеряли свои американские владения, как они потеряли свои азиатские, заключается в методе, с помощью которого была заселена колония. То, что было лучшего в старой Португалии, не обязательно самого храброго, но самого лучшего и трудолюбивого, ушло в Бразилию; колонистами там управляли наиболее мудро и осмотрительно; мудрая политика осмотрительных губернаторов позволила им развиваться без каких-либо ограничений; и результатом этого свободного развития стало то, что бразильцы в душе остались португальцами. Они отбивали попытки голландцев и даже, когда могли выстоять в одиночку,

предпочитали держаться за метрополию. Поэтому, когда в восемнадцатом веке португальские владения в Азии были лишь утечкой из казны королевства, Бразилия стала главным источником богатства португальской короны. Кабрал или король Эммануил вряд ли думали, что Бразилия будет гораздо более ценным владением для Португалии, чем Кочин, или Гоа, или Малакка, и что это было так из-за способа ее заселения; ибо колонии, процветание которых основано на мужественных сердцах и трудолюбивых руках, представляют непреходящую ценность для их метрополии, в то время как владения, завоеванные и удерживаемые силой оружия, представляют лишь фиктивное преимущество и преходящую ценность для расы завоевателей.

XI.

ПОСЛЕДНИЕ КОРОЛИ ИЗ ДОМА АВИЗОВ — ДОМ СЕБАСТЬЯН И КАРДИНАЛ ГЕНРИХ.

Зародыши быстрого упадка Португалии уже были замечены при обсуждении царствований Эммануила и Иоанна III.; страна, истощенная своими усилиями завоевать Азию и колонизировать Бразилию и лишенная свободы мысли из-за смертоносного влияния инквизиции, быстро теряла свою былую жизнеспособность; а те португальцы, которые остались в Португалии, были либо истощены роскошью высших классов и придворными рабами, либо нищими низших слоев населения, живущими на милость короля и Церкви. Португальцы из высших классов, сохранившие старый португальский дух отваги, были в Азии; самые стойкие крестьяне из низших классов нашли свой путь на Мадейру или в Бразилию. Выращенное в основном рабами, подчиненное абсолютистскому и фанатичному двору и населенное в основном рабами, священниками и нищими, неудивительно, что проницательные наблюдатели, такие как голландец Клейнартс, заметили, что под внешностью кажущегося процветания португальское королевство прогнило насквозь. Лиссабон действительно был центром торговли с Востоком; именно с Тежу приходили корабли из остальной Европы за муслином из Бенгалии, парчой из Гуджарата, “ситцем” из Каликута, специями с “Островов пряностей”, перцем с Малабарского побережья, а также чаем и шелками из Китая. Лиссабон был торговой столицей мира; король Португалии был самым богатым монархом в Европе. Но, несмотря на богатство, роскошь и всеобщее уважение, Португалия была гниющей державой, и одного удара было достаточно, чтобы свергнуть страну с ее места ведущей нации Европы, нации героев, и оставить ее беззащитной перед иностранными врагами.

Этот шок был вызван африканской экспедицией дома Себастьяна и ее катастрофическим результатом, и Португалия тогда стала легкой добычей амбиций Филиппа II Испанского. Таким образом, правление дома Себастьяна представляет трогательный интерес для потомков: романтический характер молодого короля, его доблесть и смерть на поле битвы, а также

внезапный конец дома Авизов, который казался таким могущественным, способствовали тому, что это правление стало одним из самых известных изучающим всеобщую историю во всех анналах Португалии. Современникам этот внезапный крах королевства, который несколько лет назад казался таким великим, казался не чем иным, как чудесным, и политические философы никогда не уставали размышлять об этом исчезновении и находить для него причины. Оголтелые протестанты утверждали, что во всем виновата инквизиция; гуманитарии соглашались, что это было наказанием за своевольное поведение португальских “конкистадоров” на Востоке; близорукие историки полностью приписывали это поражению дома Себастьяна в Африке. Но более тщательное расследование показало, что семена упадка были посеяны давно и что падение Португалии с ее высокого положения произошло из-за истощения ее жизненной энергии и быстрой депопуляции ее территории в Европе. Ни одна страна не может продолжать существовать и быть державой, которая направляет все свои лучшие силы в чужие страны и на чужие континенты и истощается дома; с таким же успехом можно ожидать, что человек должен быть бодрым, когда его сердце безнадежно больно.

Таким образом, Португалия уже стремительно приходила в упадок, когда ее монархом стал трехлетний младенец. Трижды за всю ее историю несовершеннолетние вступали на престол, но в каждом случае страной правили мудрые регенты, и меньшинства были отмечены прогрессом, а не регрессом. Первому королю Португалии Афонсо Энрикешу было всего три года, когда он унаследовал трон своей страны; но мудрость его матери, донны Терезы, во время его несовершеннолетия проложила путь к его последующему успеху. Санчо II. был всего лишь мальчиком, когда стал королем; но великий епископ Лиссабона своим самоотречением сделал свое меньшинство триумфом. Афонсо V тоже был малолетним государем, но его дядя, великий герцог Коимбры, правил так мудро, что совершеннолетие короля оказалось катастрофой, а не преимуществом для страны. Но для меньшинства дома Себастьяна таких регентов не существовало: его бабушка была испанкой до мозга костей и любила Испанию больше, чем Португалию; его предполагаемым наследником был его двоюродный дед дом Генри, кардинал и великий инквизитор королевства.

ЛИССАБОН В ШЕСТНАДЦАТОМ ВЕКЕ. (Из книги Брауна и Хоэнберга "Civitates orbis terrarum", 1574.)

У юного короля не было никого, кто мог бы ему помочь. Его отец Дом Жуан, единственный сын Иоанна III, умер за пятнадцать дней до рождения своего единственного ребенка, а его мать, донна Джоанна, дочь императора Карла V. Немедленно уехала в Испанию, оставив ребенка на попечение бабушки и дедушки. После смерти Иоанна III в 1557 году его королева донна Екатерина, сестра Карла V. Приняла регентство от имени своего внука. С самого начала португальский народ, от высшего до низшего, не одобрял ее правления; она была настолько агрессивно испанской по речи, манере держаться и внешности и так упорно отказывалась отождествлять себя со своей приемной страной, несмотря на долгое пребывание там, что все считали, что она замышляет обеспечить в конечном итоге наследование короны Португалии ее любимым племянником Филиппом II Испанским. Ее фанатизм и поощрение инквизиции не способствовали ее популярности, и национальные предрассудки решительно заявили о себе против нее. И все же она была неплохой правительницей; она поддерживала старых слуг Иоанна III, и механизм управления, хотя во многих местах и был поражен коррупцией, работал без сбоев, и ей даже удалось направить достаточно мощную армию на помощь Мазагону, когда тот был осажден маврами. Однако на протяжении всего своего пятилетнего пребывания у власти королева-регентша сталкивалась с интригами кардинала Генриха, который, как наследник престола, считал, что должен быть на ее месте, и в конце концов она решила отказаться от борьбы и в 1562 году удалилась в Испанию.

Затем кардинал Генрих удовлетворил свое честолюбие и стал регентом королевства, в котором ему предстояло на короткое время стать несчастным монархом, и во время его правления управление страной полностью перешло в руки двух братьев, которые проявили себя очень заметными в интригах, приведших к отставке королевы Екатерины. Из этих братьев старший, Луис Гонсалвеш да Камара, был способным иезуитом, которого назначили духовником и наставником молодого короля, в то время как младший, Мартин, был премьер-министром и выполнял административную работу во время регентства кардинала Генриха. Оба брата были людьми значительных способностей, и, хотя они не предпринимали попыток инициировать реформы или остановить упадок Португалии, им удавалось, насколько это было возможно, скрывать ее гнилость от глаз Европы. В 1568 году дом Себастьян был объявлен Камара совершеннолетним, хотя ему было всего пятнадцать лет, и с этого времени они лишили своего бывшего хозяина, кардинала, даже подобия власти. Такое поведение не обеспечило им продолжения пребывания на своем посту, поскольку, как только молодой король начал проявлять активный интерес к делам, он отправил братьев в отставку и передал главную власть в руки честного дворянина, дома Педру де Альсасова Карнейро.

Характер дома Себастьяна был одним из важнейших факторов окончательного свержения Португалии и поэтому заслуживает некоторого изучения, тем более что природа португальской монархии теперь была полностью абсолютистской благодаря богатству, принесенному в личную казну короля азиатской торговлей, и его последующей независимости от кортесов. Молодой король был скорее немцем, чем португальцем, с голубыми глазами и светлыми волосами, с лицом, обезображенным габсбургской губой, и в его натуре было много от тевтонской мечтательности и любви к чудесному, которые побуждали его принимать участие в

опрометчивых начинаниях.^[19] Он любил уединение и строительство воздушных замков, в которых он всегда появлялся как христианский герой, истребляющий мусульман. Ибо со своей немецкой мечтательностью он соединял истинно испанский фанатизм. Его наставник, Луис Гонсалвеш да Камара, сделал из него фанатика, а его губернатор, дом Алейшо, или Алексис де Менезес, научил его смотреть на военное предприятие как на главную цель карьеры монарха, и двойное обучение вдохновило его на крестоносный пыл. Он, вероятно, не был удовлетворен, как его дед Иоанн III, демонстрацией своего рвения к христианству строгой ортодоксальностью и систематическими преследованиями дома, но скорее стремился объединить войну с религией и распространять христианство, подобно святому Людовику Французскому, своим мечом. К фанатизму и воинственным амбициям он добавил упрямство и властность характера, которые сделали его тираном. Готовя себя с детства к войне, он решил также обучить свой народ, издав роскошный указ о том, что ни один из его подданных не может готовить более двух блюд, притом самых простых, забывая, что ни один указ не может изменить повседневную жизнь его народа. Наконец, с этими характеристиками он соединил дух глубочайшей меланхолии, которая очевидна в его портретах и во всех его действиях, меланхолии, которая, казалось, предвещала его раннюю и трагическую смерть, и на это указывает девиз, который он выбрал для себя:

“Un bel morir tutta la vita honora.”

Такой монарх был не тем человеком, который мог бы остановить упадок Португалии; только практичный человек, который должен был стараться бережно относиться к ресурсам нации, мог бы взяться за такую задачу, и даже ему пришлось бы столкнуться с трудностями, которые вполне могли показаться непреодолимыми. Но практические меры по реформированию, такие как систематическая попытка регулировать расходы королевства и попытка обуздать коррупцию, выросшую во всех департаментах государства, потребовали серьезного и длительного труда, на который мечтательный король был мало склонен тратить время; он считал, что сделал достаточно, издав свой роскошный эдикт, и больше не обращал внимания на зло, подтачивавшее силу его королевства. Однако с одной стороны он заслуживает большой похвалы. Не обращая внимания на рабов в Португалии и рассматривая негров как расу, созданную для рабства, он, тем не менее, под влиянием иезуитов издал указ, имеющий величайшее значение для бразильской колонии, которым предписывалось, что в будущем никто из бразильских аборигенов не должен быть публично продан или отправлен в рабство для работы на плантациях, за исключением пленных, взятых в ходе справедливой войны. Даже в высшей области внешней политики, в отличие от внутреннего управления, он не предпринимал попыток блюсти интересы Португалии. Его ранний брак был делом первостепенной важности для королевства, поскольку единственным наследником мужского пола дома Авизов был его двоюродный дед, кардинал, и за смертью дома Себастьяна и дома Генри, не имевших прямых наследников, неизбежно последовала бы гражданская война, возникшая из-за спора о престолонаследии. Это соображение мало что значило для романтического монарха, который после нерешительной попытки в 1570 году добиться руки прекрасной принцессы Маргариты, сестры французского короля Карла IX, знаменитой “королевы Марго”, при посредничестве дома Луиса де Торреса отказался от идеи брака и посвятил себя своим планам борьбы с мусульманами.

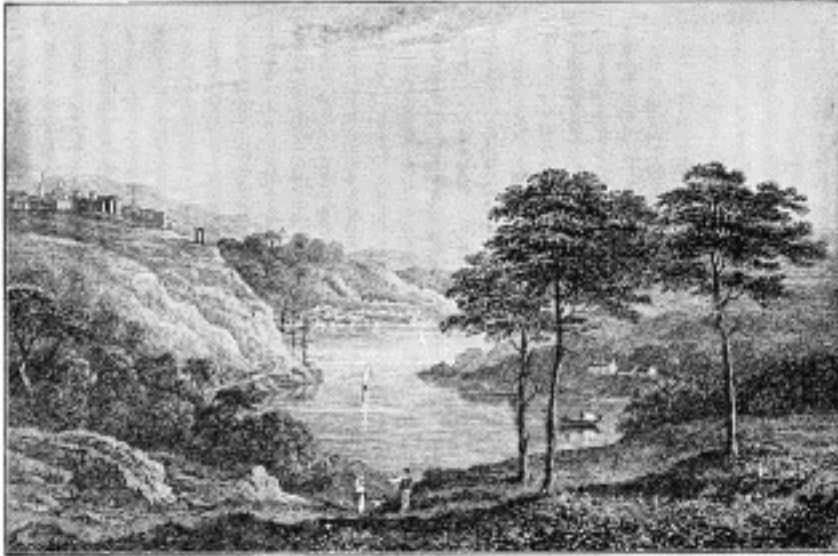
Времена были на редкость неподходящие для войны с неверными. Пыл крестоносцев давно угас, и хотя папа Пий II. (Эней Сильвий Пикколомини) в предыдущем столетии пытался сформировать коалицию против турок, а в 1571 году дон Иоанн Австрийский сокрушил их военно-морскую мощь при Лепанто, пыл папы и военно-морской флот принца были направлены против турок не потому, что они были неверующими, а потому, что они были расой завоевателей и угрожали Западной Европе. Экспедиции императора Карла V. против Туниса в 1535 году и Алжира в 1541 году были продиктованы скорее военно-морскими и коммерческими, чем религиозными соображениями, и Иоанном III. действовал с полной санкции Церкви, самым смиренным приверженцем которой он был, покидая небольшие города, удерживаемые Португалией в Марокко. Однако дом Себастьян настаивал; он хотел быть крестоносцем, а не политиком, и он был полон решимости бороться с мусульманами. Его первой идеей было лично отправиться в Индию и встать там во главе португальских войск; но министр Педру де Алсасова Карнейру указал на трудность поиска регента для управления во время его отсутствия, и его бывший наставник Алейшо де Менезеш обратил свои мысли к Африке. Он был воодушевлен славой своего предка, Афонсу V. “Африканца”, и решил растратить те силы, которые еще оставались у истощенной португальской нации, на бесполезные экспедиции в бесплодные районы северо-западной Африки, где нельзя было получить ни малейшего преимущества для Португалии. Преисполненный желания вернуть бесполезные места, которые покинул его дед, такие как Алькасер Сегье, Азамор, Арзила и Кафим, король Себастьян на двадцатом году жизни, в 1574 году, внезапно решил отправиться в Африку. Экспедиция носила скорее характер *рекогносцировки*, чем серьезной кампании. Король говорил только о визите в Танжер и внезапно отправился со своей охраной и придворными на охоту, приказав герцогу Авейру следовать за ним с отрядом в четыреста кавалеристов и тысячу двести пехотинцев. С этими войсками дом Себастьян совершил несколько набегов и продемонстрировал свое личное мужество, бесполезно подставляя свою персону, и вернулся, более чем когда-либо увлеченный великой войной в Африке, которая должна была закончиться португальским завоеванием Марокко и приобретением вечной славы ее предводителю как храброму “солдату Креста”.

Прежде чем перейти к истории этой экспедиции, которая должна была закончиться столь катастрофически и нанести последний удар по ослабевающему могуществу Португалии, было бы неплохо посмотреть, как обстояли дела с португальским владычеством в Азии во время регентства королевы Екатерины и кардинала Генриха, а также в начале правления самого Себастьяна. Дом Константино де Браганса, друг поэта Камоэнса, сменил Франсиско Баррето, врага поэта, в 1558 году, через год после смерти Иоанна III, и отличился наместничеством при Дамане. Он был поистине великим губернатором, хотя и разрешил учредить инквизицию в Гоа, и его высокий ранг давал ему власть, которой не обладали предыдущие вице-короли. Его поведение было настолько безупречным, а власть - столь мудро реализованной, что королева-регентша умоляла его принять пост вице-короля пожизненно. Он отказался, и по истечении трех лет своего пребывания на этом посту подал в отставку, и его сменил дом Франсиско Коутиньо, граф Редондо, дворянин с высокой репутацией, который умер на своем посту, и его сменил сначала Жуан де Мендонса, а затем дом Антонио де Норонья, который штурмом взял важный город Мангалор. Во время его вице-королевства в 1565 году произошла битва при Таликоте, в результате которой могущественное индуистское королевство Виджаянагар, охватывавшее большую часть Южной Индии, было свергнуто мусульманскими королями Ахмадабадом, Бидаром и Биджапуром, и был подготовлен путь для распространения мусульманской власти на Южную Индию. Следующий вице-король, дом Луис де Атайде, был специально избран самим

королем Себастьяном в 1568 году, и он, безусловно, оправдал выбор мальчика-короля и его советников. Мусульманские короли Декана были в восторге от своей великой победы при Таликоте, а Али Адил Шах, король Биджапура, верил, что сможет изгнать португальцев из своих владений. С этим намерением он собрал огромную армию в сто тысяч человек, набранную из различных авантюристов мусульманской религии, и осадил Гоа в 1570 году. Город был опустошен эпидемией, но, тем не менее, оборона была доблестной — последний великий ратный подвиг португальцев в Индии. Осада длилась десять месяцев и закончилась замешательством осаждающих и их окончательным поражением в ожесточенном сражении под стенами Гоа, когда была одержана победа, уступающая только победе дома Жуана де Кастро при Диу двадцать пять лет назад. По возвращении в Португалию дом Луис де Атайде был принят с величайшей благосклонностью королем Себастьяном, который присвоил ему титул графа Атугии, а также жителями Лиссабона, которые оказали ему самый большой прием, какого удостоивался любой индийский губернатор по возвращении на протяжении многих поколений. Затем король Себастьян внес важные изменения в управление своими азиатскими владениями. До сих пор все мелкие губернаторы от мыса Доброй Надежды до Японии подчинялись генерал-губернатору или вице-королю в Гоа, что создавало множество серьезных неудобств. В 1571 году эта обширная территория суши и моря была разделена на три отдельные провинции. Новый вице-король, дом Антонио де Норонья, должен был быть верховным от мыса Гуардафуи до Цейлона со столицей в Гоа, в то время как Франсиско Баррето должен был управлять юго-восточным побережьем Африки со своей штаб-квартирой в Мозамбике, а Антонио Мониз Баррето должен был править от Пегу до Китая со столицей в Малакке. Антонио Монис Баррето стал вице-королем в 1573 году, а дом Диого де Менезес - в 1576 году; а в 1578 году, в тот самый год, когда король Себастьян встретил свою судьбу, его верный слуга дом Луис де Атаиде стал вице-королем во второй раз, и говорят, что поражение его государя разбило сердце защитника Гоа и стало причиной его безвременной кончины.

Экспедиция, которая должна была закончиться столь катастрофически, давно замышлялась Себастьяном, но ее отправку ускорило положение дел в самом Марокко, которое казалось королю наиболее благоприятным для успеха его предприятия. Империя Марокко была разделена между двумя братьями-шерифами, как называли правителей этой страны, в начале шестнадцатого века. Младший из братьев, Маула^[20] Мохаммед обезглавил своего старшего, Маулу Ахмеда, и, в свою очередь, был убит в 1556 году. Наследник престола, Маула Абдаллах, убил двух своих братьев, и ему наследовал его незаконнорожденный сын, Маула Ахмед ибн Абдаллах, "Мули Хамет" древнеанглийских писателей. После этого брат покойного Маулы Абдаллаха, Абд-эль-Мелик, широко известный как Мулей Молох, бежал в Константинополь и с помощью турок сверг своего племянника Маулу Ахмеда. Затем побежденный узурпатор решил обратиться за христианской помощью, и когда Филипп II, король Испании, отказал ему в убежище, он обратился к дому Себастьяну. Это была возможность, о которой мечтал молодой король, и когда Маула Ахмед пообещал сохранить корону Марокко в качестве вассала короля Португалии, Себастьян с энтузиазмом приветствовал его и пообещал помощь. Более мудрые государственные деятели Португалии указывали, что сила Португалии в людях и вооружении находится в Азии и что такое предприятие, как вторжение в Марокко, невозможно осуществить без иностранной помощи. Поэтому Себастьян отправил посольства с просьбой о помощи к папе римскому и к своему дяде Филиппу II Испанскому. Папа Григорий XIII. послал ему стрелу Святого Себастьяна и ничего больше, кроме договоренностей с Филиппом II. были более важными. Министр Педро де Альсасова Карнейро был отправлен лично к королю Испании просить войска

и корабли, в знак признания чего дом Себастьян женился бы на испанской инфанте. Филипп решительно возражал против этого проекта, но в конце концов пообещал пять тысяч человек и пятьдесят галер для оказания помощи в нападении на Лараш (Эль-Арайш), предложение, от которого он впоследствии отказался, когда герцог Альва заверил его, что потребуется по меньшей мере пятнадцать тысяч солдат-ветеранов. В декабре 1576 года Себастьян лично беседовал со своим дядей, когда Филипп II снова выступил против безумной идеи своего племянника, и, как сообщается, когда его усилия оказались тщетными, он сказал: “Если он победит, у нас будет хороший зять; если он проиграет, у нас будет хорошее королевство”.

ВИД ВВЕРХ ПО ДОРУ В НАПРАВЛЕНИИ ПОРТУ. (По рисунку Дж. Гиббса из Бата.)

Затем дом Себастьян решил присвоить себе всю славу завоевания Марокко, и его надежды достигли апогея, когда Мауле Ахмеду удалось выкупить Каид Арзила и передать это место, одно из тех, что были сданы Иоанном III, португальскому монарху. Маула Абд-эль-Мелик, у которого было плохое здоровье, пытался отговорить своего опрометчивого противника от нападения на него и в письме указывал, что он является законным шерифом Марокко. Он даже пошел дальше и предложил молодому королю округа в десять миль вокруг каждого из португальских городов — Танжера, Сеуты, Мазагона и Арзила, — если тот откажется поддерживать узурпатора. Никогда избитая строка Горация не была процитирована с большей справедливостью, чем в отношении опрометчивого молодого христианского монарха:

“Quem Deus vult perdere, prius dementat.”

Никакое сопротивление не могло сдержать пыл короля; он считал, что уже превзошел в славе и Джона “Великого”, и Афонсо “Африканского”, и продолжал собирать деньги всеми возможными способами. Казна была почти пуста из-за казнокрадства и плохого управления, и ее пополнили за счет введения новых налогов, дальнейшего преследования обращенных евреев и частичного банкротства. Поскольку в стране почти не осталось людей, королю пришлось нанимать наемников, принадлежащих к разным нациям, которые не были должным образом экипированы, и он, казалось, никогда не понимал разницы между экспедицией по захвату приморского города и вторжением в могущественную империю. Если Афонсо V столкнулся с

трудностями при взятии Танжера, то как Себастьян мог надеяться проникнуть в Фес, расположенный в семидесяти милях вглубь страны? Дом Себастьян слишком доверял обещанной помощи Маулы Ахмеда; он полагал, что другие города сдадутся так же быстро, как Арзила; и изгнанный узурпатор полностью убедил его, что его дядю Маулу Абд-эль-Мелика не только ненавидят в Марокко, но и ослабевают от болезни; и что его предложения мира были продиктованы страхом.

Приготовления, сделанные к кампании, были в высшей степени нелепыми; все самые опытные генералы и самые испытанные португальские солдаты находились в Индии, а португальские войска, которые были зачислены, состояли из нескольких старых ветеранов, срок службы которых истек в Азии, имолодых необученных рекрутов. Эти последние не отличались ни малейшей дисциплиной, и ими командовали молодые придворные, которые, возможно, были храбры и, безусловно, неопытны. Сам король намеревался лично принять командование, и вместо того, чтобы составлять планы ведения кампании и присматривать за своими войсками, он потратил свое время на то, чтобы позаимствовать меч короля Афонсо Энрикеса из монастыря Санта-Крус в Коимбре и изготовить знамя, на котором герб Португалии впервые был увенчан императорской короной. Это знамя было торжественно освящено архиепископом в кафедральном соборе Лиссабона 14 июня, и тогда король счел, что все готово.

24 июня 1578 года король Себастьян отплыл с флотом из пятидесяти военных кораблей и примерно девятисот транспортов под командованием адмирала Португалии дома Диого де Союза, на борту которого было пятнадцать тысяч пехотинцев, две тысячи четыреста кавалеристов и тридцать шесть орудий. Из этой армии только около десяти тысяч были португальцами, остальные состояли из испанских и немецких добровольцев и наемников, а также из девятисот итальянцев под командованием доблестного англичанина сэра Томаса Стакли. Этот хорошо известный английский католик, получивший от папы римского титул маркиза Лейнстера, был остановлен Себастьяном со своими солдатами, когда тот направлялся поднять восстание в Ирландии против Елизаветы. Несмотря на отчаянную спешку, в которой он отправлялся в путь, Себастьян не сделал ни малейшей попытки ускорить свой переход и испытать эффект неожиданности. Сначала он остановился в Лагосе в Алгарве, затем в Кадисе, где его роскошно принимал герцог Медина Сидония, и прибыл в Танжер только 6 июля. Там его встретил его союзник-мусульманин Маула Ахмед, который передал своего сына в качестве заложника, но привел с собой только восемьсот мавров вместо обещанной армии. Себастьян сначала развлекался охотой, пока его противник концентрировал свои силы, а затем отбил нескольких мавров в стычке, которую он превратил в победу. Из Танжера он внезапно повел свою армию в Арзилу, где разбил лагерь под стенами и зря потратил время. Наконец он решил созвать военный совет, чтобы решить, каким способом армия должна атаковать Лараш; Маула Ахмед мудро предложил идти морем, чтобы иметь преимущество в удобном пути отступления к кораблям, но Себастьян ответил мавританскому принцу так грубо, что тот покинул совет, и король решил выступить по суше. Даже в этот последний момент Маула Абд-эль-Мелик предложил Себастьяну уступить Лараш, если тот прекратит свои военные действия, но опрометчивый молодой король вообще ничего не ответил, и шериф Марокко, обнаружив, что все его попытки добиться мира потерпели неудачу, решил сокрушить захватчика.

29 июля марш вглубь страны, подальше от прохладных бризов с моря, начался под раскаленным небом африканского лета; солдаты вскоре обезумели от голода, жажды и жары, а также от непрекращающихся атак мавританских стрелков; и армия была подавлена еще до того,

как состоялось сражение. Эти страдания продолжались пять дней, до 3 августа, когда португальцы добились некоторого успеха в перестрелке, и дом Себастьян занял, по его мнению, сильную позицию недалеко от маленького городка Алькасер Кибир, или, правильнее сказать, Эль-Каср-эль-Кебир. Позиция была с военной точки зрения совершенно незащищенной, поскольку оба фланга были открыты, и Маула Абд-эль-Мелик, который теперь стоял лицом к лицу с христианами с армией в сорок тысяч кавалеристов и пятнадцать тысяч пехотинцев, увидел, что португальский король погиб. На рассвете 4 августа 1578 года сражение началось с нескольких блестящих атак португальцев, но через короткое время фланги мавританской армии, которые полностью состояли из кавалерии, перекрыли небольшую христианскую армию, и в течение четырех часов армия дома Себастьяна была вынуждена защищаться. Результат продолжающихся атак мавританской кавалерии не вызывал сомнений, и к концу четырехчасового боя почти вся христианская армия была разбита вдребезги. Мавританский монарх Маула Абд-эль-Мелик находился в предсмертных муках, когда началась битва, и умер в своих носилках от напряжения, пытаясь вскочить на коня при первой атаке христиан, приложив палец к губам в знак того, что его смерть какое-то время следует держать в секрете. Его соперник, Маула Ахмед, утонул при переправе через реку Веди-М'Хассан, а его брат, Ахмед ибн Мухаммед, был провозглашен солдатами королем в конце битвы. Резня была ужасной; было убито более девяти тысяч христиан, а все остальные, за исключением примерно пятидесяти, попали в плен. Сэр Томас Стакли, доблестно защищаясь, был убит вместе со многими высокопоставленными португальскими вельможами и прелатами, включая дома Хайме, брата шестого герцога Браганса, герцога Авейру, командовавшего кавалерией, и епископов Коимбры и Порты, в то время как среди пленных были герцог Барселлос и дом Дуарте де Менезеш, генерал-квартирмейстер армии.

Дом Себастьян на протяжении всего сражения вел себя как доблестный рыцарь, хотя и не был благоразумным генералом, и когда удача отвернулась от него, он решил также расстаться с жизнью. Приводится много свидетельств о его смерти. Одно предание гласит, что он был взят в плен какими-то маврами, которые лишили его оружия и начали ссориться из-за него, и что мусульманский генерал прискакал к ним верхом и, крича: “Что, вы, собаки, когда Бог даровал вам такую славную победу, вы хотите перерезать друг другу глотки из-за пленника”, немедленно сразил короля Португалии, не зная его ранга. Другая история гласит, что король встретил дома Луиса де Брито с освященным знаменем, обернутым вокруг него, и сказал: “Держи его крепко, дай нам умереть на нем”; и что когда после ожесточенного боя Брито был взят в плен со знаменем, он увидел, что король уезжает без преследования. Дом Луис де Лима также утверждал, что он видел, как король невредимым направлялся к реке. Согласно наиболее достоверному сообщению, Кростован де Тавора, королевский конюший, поднял флаг перемирия и предложил сдаться с пятьюдесятью всадниками, которые все еще оставались при короле, когда Себастьян внезапно бросился на мавританскую кавалерию, которая, раздраженная таким нарушением веры, мгновенно убила его, а также храброго конюшего, последовавшего за своим господином. Во всяком случае, достоверно, что новый шериф Ахмед ибн Мухаммед послал Себастьяна де Резенде, камердинера, обнаружить труп короля, и что было принесено обнаженное тело, покрытое ранами, в котором португальские пленники сразу признали тело злополучного дома Себастьяна. Тело было временно похоронено во дворце Алькасер-Кибир, а в сентябре следующего года перевезено в Сеуту по просьбе кардинала Генриха. В конце концов, в 1582 году по приказу Филиппа II он был перевезен в Португалию и с большой помпой похоронен в церкви Святого Иеронима в Белене.

Важно подчеркнуть важность этого вопроса, потому что в течение многих лет низшие классы португальского народа отказывались верить в то, что их суверен мертв, и эта вера была подкреплена хитростью раненого дворянина вечером роковой битвы, который пытался получить доступ в город Танжер, утверждая, что он король. Именно эта вера привела к принятию сменявших друг друга лжедомов себастьянов, которые сыграли свою роль в последующие полвека, и это оказало еще большее влияние на все будущее португальского народа. То, что “Принсипе Энкуберто” или Скрытый принц снова появится, стало религией, а секта себастьянистов превратилась в могущественную организацию фанатиков. Их вера поддерживалась принцами Дома Браганса как патриотическая, и всякий раз, когда Португалия испытывала сильное напряжение, себастьянисты всегда выходили на первый план. Даже в наши дни они не вымерли, и сэр Ричард Бертон утверждает, что встречался с ними во внутренних районах Бразилии. Именно эта твердая вера придала смысл замечанию лорда Тайроули в английской палате лордов в 1763 году: “Что вообще можно сделать с нацией, одна половина которой ожидает Мессию, а другая - своего короля, дома Себастьяна, который умер двести лет назад?”

Весть об ужасной катастрофе при Алькасер-Кибире была принесена в Лиссабон адмиралом домом Диого де Соуза и вызвала самые страстные стенания. Не было ни одной знатной семьи, которая не потеряла бы больше одного своего представителя, ни одного патриота, который не увидел бы, что разруха грозит его стране в лицо. Лишенная солдат, ресурсов и репутации одним ударом, португальская нация, казалось, была ошеломлена масштабами своего бедствия. Даже в Индии чувствовалась такая же тревога, и говорят, что храбрый вице-король дом Луис де Атайде умер от разрыва сердца, узнав об этом. Кардинал Генрих был торжественно коронован, но это был немощный шестидесятишестилетний старик, которого нужно было кормить, как младенца, и он был совершенно неспособен справиться с ситуацией. Он категорически отказался признавать какого-либо преемника или выражать какое-либо мнение по этому вопросу, и когда он умер 31 января 1580 года, кортесы, которые были созваны для решения этого важного вопроса, все еще заседали в Лиссабоне. С ним на время прекратилось отдельное существование португальской нации, и знаменательно и интересно отметить, что Камозэнс, великий национальный поэт Португалии, поэт, обессмертивший ее героическую эпоху, умер в больнице полуголодной смертью за несколько месяцев до или после кардинала-короля. Хорошо, что он не прожил дольше, потому что Португалия вступала в период своего “Шестидесятилетнего плена”, и ее гордые сыновья, в сердцах которых был патриотизм Камозэнса, не смогли бы вынести бремени подчинения иностранному королю.

XII.

ПОРТУГАЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА—КАМОЭНС.

В истории нации, которая может похвастаться золотым веком, всегда было так, что эпохой ее величайшей славы была та, в которую ее литература в основном процветала. Энергия нации, находящейся в зените своего могущества, не может быть ограничена самыми масштабными планами завоевания, она развивается и в других направлениях. Так было и с Португалией. Эпоха, ставшая свидетелем карьеры ее знаменитых полководцев и завоевателей, была также эпохой ее величайших поэтов и прозаиков. Установление инквизиции вскоре остановило прогресс португальской литературы, но до того, как ее роковая сила успела основательно подавить свободомыслие, и до катастрофы при Алькасер-Кибире, и аннексии страны Филиппом II, королем Испании, Португалия смогла произвести на свет многих великих писателей, и Луиса де Камозенса, одного из самых в высшей степени одаренных поэтов, которых когда-либо видел мир.

Упоминалась привязанность, которую первые принцы дома Авизов испытывали к литературе, и особенно к чисто национальной литературе, и естественный результат этого можно увидеть в произведениях ранних поэтов и красноречивых хронистов пятнадцатого века. Честь, оказанная этими князьями литературному творчеству, повысила его значимость в глазах народа и повысила общий уровень образования. Поэтому португальцы были готовы воспользоваться запасами знаний, открывшимися в результате возрождения классического обучения, и извлечь из этого большую выгоду. Айрес Барбоза, уроженец Авейру, был первым, кто внедрил изучение древнегреческого языка на полуострове; он слушал лекции Политиана и его современников во Флоренции, и после преподавания "гуманитарных наук" в Университете Саламанки около двадцати лет, начиная с 1495 года, он вернулся в Португалию в качестве наставника младших сыновей короля Эммануила. Однако его самым выдающимся португальским учеником был антиквар Андреа де Резенде, который был одним из профессоров Университета Коимбры в эпоху его наибольшей известности и хорошо известен как друг и корреспондент Эразма.

Этот университет,^[21] в котором получили свое образование самые известные авторы и государственные деятели Португалии, заслуживает здесь небольшого внимания. Король Диниш основал университет в Лиссабоне в 1300 году, но буйство студентов и их постоянные ссоры с горожанами вынудили его перенести его в Коимбру примерно в 1308 году. В четырнадцатом веке место обитания португальского университета было перенесено из Коимбры в Лиссабон в 1338 году, из Лиссабона в Коимбру в 1354 году и из Коимбры обратно в Лиссабон в 1377 году. Иоанн "Великий" уделял большое внимание университету, как и любому ценному учебному заведению в королевстве; и в 1400 году он полностью реконструировал его, создав штат из

четырнадцать региональных профессоров, четверо из которых должны были преподавать грамматику, три римского права, три канонических права, два логических, один медицинский и один теологический. На этой основе португальский университет просуществовал до 1537 года, когда Иоанн III, поняв, что суэта шумной столицы вряд ли способствует спокойной учебе и получению знаний, окончательно перенес его в прекрасный город Коимбра и еще раз изменил его конституцию. В 1547 году король вызвал Андреа Говеа обратно на родину и попросил его привести с собой других ученых людей. Андреа Говеа и его братья были известны как ученые по всей Европе, даже во времена, которыми мог похвастаться Скалигер; все они были уроженцами Бежи и получили образование в Париже; Мартиал Говеа, старший, написал одну из самых ранних латинских грамматик, опубликованную в Париже в 1534 году; Антонио Говеа отстаивал интересы Аристотеля против Рамуса, редактировал Вергилия и Теренция и считался самым грозным соперником Кужаса как представителя римского права; в то время как Андреа был директором колледжа Сен-Барбе, ректором Университета Сан-Франциско. Париж, а затем директор Гиенского колледжа в Бордо, и Монтень назвал его “le plus grand principal de France”. [22] Андреа Говеа привез с собой в Коимбру, как и просил, многих своих друзей и коллег, в том числе Джорджа Бьюкенена, величайшего ученого, которого когда-либо создавала Шотландия, Патрика Бьюкенена, его старшего брата Арнольда Фабрициуса и Элиаса Винетуса, образованных французов, и своих соотечественников Диого де Тиве, Жуана да Кошту и Антонио Мендес. Однако эта блестящая группа недолго оставалась единой, поскольку Андреа Говеа умер в 1548 году, и за его смертью последовали преследования Джорджа Бьюкенена инквизицией. Знаменитого ученого обвинили в том, что он ел мясо во время Великого поста и написал стихотворение против францисканцев, а после заключения в монастырь он был только рад сбежать из негостеприимной страны. Хотя смерть Говеа и преследование Бьюкенена лишили реконструированный университет его самых известных преподавателей, там все же оставалось достаточное количество таких преподавателей, как Джеронимо Осорио, епископ Силвешский, Андреа де Резенде и Педро Нуньес, математик, чтобы сделать этот период золотым веком Университета Коимбры; и наставления, которые они давали, глубоко впечатлили умы их самых многообещающих молодых португальских учеников, таких как Феррейра и Камоэнс.

Знакомство с шедеврами классической литературы должно было оказать большое влияние на развитие португальской поэзии и прозы, но прежде чем обратить внимание на результат этого влияния в произведениях “классицистов” во главе с Саа де Мирандой и Феррейрой, а также в эпосе Камоэнса, необходимо уделить немного места жизни и творчеству величайшего португальского драматурга Хила Висенте. Многогранность португальского народа в героический период лучше всего иллюстрируется тем фактом, что в их стране появился первый современный драматург, почти за столетие до Шекспира или Кальдерона. Дата рождения Хила Висенте неизвестна, но говорят, что он происходил из хорошей семьи, и впервые его пристроили ко двору Эммануэля как драматического автора. Он начал с написания “авто”, или религиозных пьес, напоминающих по своему характеру пьесы о чудесах, распространенные в то время по всей Европе, и первая, привлекавшая внимание короля Эммануила, была написана в честь рождения его старшего сына, впоследствии Иоанна III. Большинство из них - рождественские пьесы, и драматург воспользовался историей о пастухах, наблюдающих за своими стадами ночью, чтобы ввести элементы того, что можно назвать пасторальной комедией. Гораздо важнее его комедии и фарсы, которые принесли ему титул португальского Плавта. Ни сюжеты, ни язык этих постановок не отличаются особой изысканностью, но они

полны драматической силы и представляют жизнь низших классов Лиссабона с яркостью, которая поразительно напоминает произведения его римского прототипа. Хиль Висенте умер в Эворе в 1557 году, в том же году, что и его покровитель Иоанн III, который в молодости не гнушался играть в драмах своего фаворита, и у него не было преемника как автора комиксов, достойного быть названным рядом с ним, что еще раз доказывает, насколько основательно с угасанием национального величия самобытность португальского народа во всех отношениях исчезла.

Рядом с Жилем Висенте следует упомянуть Бернардима Рибейру, основателя самой национальной школы португальской поэзии романтически-пасторального типа. Хотя он продемонстрировал влияние возрождения классического образования в своем стиле, он не проявил этого в своих идеях, и пастухи, которые беседуют в его эклогах, такие же чистокровные португальцы, как те, которые появляются в рождественских "автомобилях" Хила Висенте. Рибейро, как и Хиль Висенте, был фаворитом при дворе короля Эммануила, где он занимал должность "камердинера", и говорят, что дамой, к которой он питал безнадежную привязанность, была донна Беатриче, дочь короля. Современный исследователь португальской литературы, говоря о Рибейру и его произведениях, говорит: "Реки и горы его родной земли являются естественной основой фантазии поэта, и возрождение классического образования показало ему в Эклогах Вергилия образец, которому он не замедлил подражать. Его эклоги, написанные "редондильями" (восьмисложными строфами в девять или десять рядов), являются самыми ранними в современной Европе и, хотя они полны очарования и тщеславия трубадуров, демонстрируют поистине поэтическую любовь к природе". [23] Рибейру был первым настоящим португальским поэтом, так же как Хиль Висенте был первым португальским драматургом. Находясь под влиянием классических писателей Греции и Рима, он не был раболепным подражателем их шедевров, и как основатель школы пасторальной поэзии он занимает почетное место в португальской литературе героической эпохи.

Рибейро в незначительной степени проявляет в своей поэзии влияние возрождения классического образования; со временем это влияние усилилось, и его преемники, которые преодолели пропасть между Рибейро и Камозэнсом, были убежденными классицистами, подражавшими греческим и римским поэтам не только по форме, но и по духу. Главными поэтами этой группы классицистов были Са де Миранда и Феррейра. Франсиско Са де Миранда родился в 1495 году в Коимбре, португальском Оксфорде, в дворянской семье и стал профессором юриспруденции в своем родном городе. После смерти родителей он оставил профессорскую должность и путешествовал по Италии, где изучал произведения не только великих классических авторов, но и новой школы итальянских поэтов. Он вернулся на родину с большой репутацией и получил назначение при дворе Иоанна III. Он оказался опытным придворным, но ссора с португальским дворянином вынудила его покинуть свой пост, и он удалился в свою загородную резиденцию в Тападе, недалеко от Понте-де-Лима, где и умер в 1558 году, пока Камозэнс все еще воевал в Индии. Именно в Италии, а не в Коимбре он научился изучать великих поэтов-классиков, и, почитая их произведения с почти суеверным восхищением итальянцев эпохи Возрождения, он не осмеливался относиться к их идеям со свободой ни Рибейро, ни Камозэнса. Са де Миранда посвятил себя совершенствованию португальского языка, и, делая это, он принес больше вреда, чем пользы, поскольку ввел множество латинских и испанских форм выражения, которые были не нужны и которые препятствовали естественному развитию национальной литературы. Он открыто выразил свое мнение, что испанский язык более достойный, чем португальский, и многие из его лучших

стихотворений написаны на первом языке и считаются авторитетными специалистами по испанской литературе превосходными образцами произведений шестнадцатого века. Стихи Са де Миранды представляют собой подражания многим поэтам. Он писал эклоги в стиле Феокрита, послания в духе Горация, пьесы по мотивам Теренция и сонеты, форма которых была заимствована у итальянских писателей эпохи Возрождения. Все они по-своему хороши и интересны, но все являются имитациями, а самые лучшие имитации иностранных стилей вряд ли могут поставить поэта в один ряд с шедеврами литературы его страны. Право Са де Миранды быть включенным в любое произведение по португальской литературе обусловлено не написанными им стихами или его сомнительными улучшениями в родном языке, а тем фактом, что он познакомил людей с классическими формами поэзии, которыми они могли воспользоваться в большей степени, чем он сам. И все же Са де Миранда занимал очень высокое место в глазах своих современников, и писатели следующего столетия без колебаний ставили его выше Камозенса, как более “правильного” критика, которая неотразимо напоминает об общепризнанном предпочтении Вольтером Поупа Шекспиру.

Антонио Феррейра, второй лидер португальской школы классицизма, был, как и Са де Миранда, раболепным приверженцем классических форм, но в то же время он был подлинным патриотом, любителем своей страны и изучал ее прошлую историю. Он, как и Са де Миранда, происходил из знатной семьи и родился в Лиссабоне в 1528 году. Его отправили в Университет Коимбры, и он учился там в дни его величия. Его любимым учителем был Диого де Тьеве, друг Джорджа Бьюкенена и профессор классической литературы, от которого он получил знания классики, не уступающие тем, которыми обладал Са де Миранда. Еще в юности Феррейра решил посвятить свой поэтический талант произведениям на своем родном языке и отказался писать стихи на латыни или испанском. В Коимбре он сформировал вокруг себя школу молодых поэтов, главными из которых были Андраде Каминья, Джеронимо Корте-Реаль и Диого Бернардес; и в 1557 году он опубликовал свой первый том стихов. Эта книга прославила его, и по приезде в Лиссабон он был назначен судьей Апелляционного суда и дворянином Королевского двора. Он продолжал писать и публиковаться вплоть до своей смерти от чумы в 1569 году, за год до возвращения Камозенса из Индии. Феррейра, как и Са де Миранда, был подражателем великих поэтов-классиков, но он отличался от своего предшественника тем, что сочетал с этим пристрастием понимание национального величия. Он писал сонеты в манере Петрарки, элегии в духе Ариосто, эклоги в духе Вергилия, оды и послания в духе Горация; но его величайшим произведением была драма, основанная на образце древнегреческих трагедий. Он выбрал в качестве сюжета трогательную историю Инес де Кастро, и героями его пьесы стали Инес и ее няня, дом Педро и его секретарь, король Афонсо и три его советника, посланник и хор женщин Коимбры. Трагедия Феррейры, хотя и больше подходит для изучения, чем для сцены, по сей день остается лучшей драмой на португальском языке и стоит почти так же высоко над другими драматическими попытками последующих эпох, как великий эпос Камозенса возвышается над всеми имитациями.

История развития возрождения образования, проиллюстрированная школой классицизма Са де Миранды и Феррейры, имеет огромное значение для правильного понимания течения португальской литературы, но для всего мира ее главный интерес заключается в ее участии в формировании вкуса одного человека, которого Португалия внесла в небольшой список выдающихся поэтов, - Камозенса. Его имя более известно, чем имя любого другого португальца, будь то король или военачальник; его великая эпопея переведена на все цивилизованные европейские языки и является большим предметом гордости его соотечественников, чем их

завоевания на Востоке; и ни одна “История Португалии” не могла бы быть полной, если бы не рассказывала о поэте, прославившем бессмертную славу героических деяний великой эпохи Португалии.

ЛУИС ДЕ КАМОЭНС.

(С портрета в “Portugal Illustrated”, 1829.)

Луис де Камозэнс, обычно называемый по-английски Камозэнсом, был сыном капитана португальского военно-морского флота, который не раз испытывал на себе опасности путешествия в Индию, и родился в Лиссабоне либо в 1524, либо в 1525 году. Его семья была знатной, но ни в коем случае не принадлежала к первому разряду португальской знати по богатству или значению. Он получил образование в Университете Коимбры, до того, как он был возрожден благодаря энергии и учености Говеа и его друзей, и там приобрел глубокие знания о латинских поэтах, символике и легендах греческой и латинской мифологии. Кажется, он бросил университет, который всегда горячо любил, еще до прихода Диого де Тьеве и основания Феррейрой того, что можно назвать национально-классической школой поэзии, и отправился в Лиссабон искать работу. Его поэтические способности вскоре проявились, и он стал чем-то вроде фаворита, когда влюбился в знатную придворную даму, которая, как говорили, была донной Екатериной де Атайде, фрейлиной королевы. Друзья дамы были возмущены ухаживанием поэта, и по их просьбе он был сослан в маленький городок Сеута на побережье Марокко, где потерял правый глаз в стычке с маврами. Устав от такой жизни, он отправился добровольцем в Индию, цель каждого доблестного португальского джентльмена, и, отсидев срок в тюрьме за уличную драку в Лиссабоне, в 1553 году отплыл на Восток. В Азии Камозэнс пробыл более шестнадцати лет, и именно там он собрал местные знания, которые придают правдивость и очарование многим отрывкам его бессмертной поэмы. В 1554 году он служил на Красном море и при взятии Маската под командованием дом Фернандо де Менезеса, и вскоре после его возвращения в Гоа ему было приказано получить прибыльное назначение в Макао в 1556 году. Здесь он пробыл два года, и главной достопримечательностью маленького острова

недалеко от Кантона является пещера, где он, как предполагается, работал над своим эпосом и которая до сих пор известна как “Грот Камозэнса”. Из Макао он был отозван в 1558 году, когда, несмотря на свою бедность, был брошен в тюрьму в Гоа за казнокрадство, и его не выпускали до прибытия старого придворного знакомого, дома Константино де Браганса, в качестве вице-короля Индии. Вместе с этим принцем он участвовал во взятии Дамана и отличился в различных сражениях при следующем генерал-губернаторе, графе Редондо. В 1568 году Камозэнс решил вернуться в Португалию со своей великой поэмой за своим единственным состоянием, но по пути его снова постигла беда, и в 1569 году Педро Баррету, губернатор Мозамбика, бросил его в африканскую тюрьму за долги. Из этого жестокого заключения его освободили несколько старых друзей по пути из Индии, которые выплатили долг, и в 1570 году он снова оказался в Лиссабоне. Его прием на родине не был обнадеживающим; он не был принят при дворе; он не заработал денег в Индии и лишь проявил особую способность влезать в долги и наживать врагов; и теперь он посвятил себя окончательной редакции своих “Лусиад”. Первое издание великой поэмы было опубликовано в 1572 году, но слава, которую она сразу приобрела, принесла мало пользы автору, которому была назначена всего лишь пенсия в размере 38 шиллингов в год, что эквивалентно, возможно, 20 фунтам стерлингов в современных деньгах. Последние годы Камозэнса были совершенно несчастными; бедный и заброшенный, архипоэт Португалии был вынужден питаться тем, что его яванский раб мог выпрашивать для него по ночам на улицах Лиссабона. Он прожил достаточно долго, чтобы услышать о катастрофе при Алькасер-Кибире и о смерти дома Себастьяна, но он был избавлен от боли видеть испанцев, правящих отечеством, славу которого он воспевал, поскольку он умер в общей больнице Лиссабона в июне 1579 или 1580 года.

Это главные эпизоды из жизни одного из величайших поэтов мира, и они рассказывают свою собственную трагическую историю, не нуждаясь в комментариях. Бесполезно рассуждать о том, почему Камозэнс когда-либо был в долгах и наживал врагов, или почему им пренебрегли и оставили умирать в бедности; такая же участь постигла других поэтов и литераторов. Остается, скорее, исследовать причины, благодаря которым его эпопея заняла одно из первых мест среди произведений, которые по единодушному мнению потомков были признаны бессмертными. О его сонетах, эклогах и более мелких стихотворениях, какими бы прекрасными ни были многие из них, нет необходимости говорить, ибо именно на его “Лузиадах” должна навсегда сохраниться слава Камозэнса. Предметом эпоса является первое путешествие Васко да Гамы в Индию и его возвращение, достижение такой невероятной сложности и такое важное как для Португалии, так и для Европы, что Камозэнс счел его пригодным для поэтической обработки. Но поэма не ограничивается повествованием только об опасностях путешествия: она изобилует длинными эпизодами, в одном из которых Васко да Гама рассказывает историю португальского народа королю Мелинды, в то время как в другом нимфа рассказывает великому адмиралу пророческую историю о достижениях его соотечественников в стране, которую он только что посетил. Говорят, сэр Роберт Уолпол заявил, что свои знания об английской истории он почерпнул из исторических пьес Шекспира, и в том же смысле можно утверждать, что многие, если не большинство, образованных людей почерпнули то, что они знают об истории Португалии, из “Лузиад”. Такими знаниями нельзя пренебрегать. Ибо, если поэт совершает ошибки своей эпохи и, например, отождествляет современных португальцев с древними лузитанцами, ему удастся в нескольких строфах с драматическим гением обобщить все известные истории португальской истории, такие как добровольная капитуляция Эгаша Мониша, трогательная история Инес де Кастро и слава победы при Альхубарроте. Этой силы исторического описания

само по себе достаточно, чтобы сделать Камозэнса национальным поэтом Португалии; каждая старинная португальская семья находит свое имя увековеченным в некоторых из его ярких отрывков, и весь португальский народ чувствует себя отождествленным с участниками описываемых в нем великих деяний. Но Камозэнс не только национальный поэт; он герой, рассказывающий о подвиге, совершенном героическим народом, и это обеспечивает ему интерес читателей всех наций, которые могут оценить истинный героизм. Васко да Гама был португальским моряком, но результаты его предприятия и успех пошли на пользу всей Европе, и поэт, воспевающий его, заслуживал того, чтобы его услышала Европа. Таким образом, если тема подходила для эпической поэзии, то стиль Камозэнса соответствовал ей. Он возвышается намного над чисто классицистской школой португальской литературы; он использует имена римских богов и повествует об их советах и вмешательстве в мирские дела с правдоподобием Вергилия, однако он никогда не впадает в низменное или раболепное подражание великому латинскому поэту, но во всем сохраняет образ мыслей португальского “конкистадора”. Дальнейшая критика “Лусиад” не входит в задачи этой книги, но в заключение следует отметить, что великая поэма остается сильнейшей связью между современным португальским народом, будь то в самой Португалии или в Бразилии, Гоа, Макао и Мозамбике. Невозможно встретить образованного португальца, который не знал бы своего Камозэнса; он для них больше, чем Данте для итальянцев, Гете для немцев или Шекспир для англичан; он воспекает славу их нации, и каждый из них заинтересован в поддержании своей славы. Никогда это не проявлялось так ярко, как на праздновании дня Камозэнса в 1880 году, когда португалоговорящие люди всех стран и всех разновидностей политических и религиозных убеждений собрались в Лиссабоне, чтобы почтить память своего великого поэта, славу которого они считали связующим звеном между ними всеми.

JOÃO DE BARROS.

(С гравюры в Британском музее.)

Безграничная энергия португальцев героической эпохи проявилась не только в области поэзии; в сочинении прозы они также стояли высоко над своими современниками из других наций. История, как и следовало ожидать, была их главным предметом изучения, и Жуан де Баррос, португальский ливий, был писателем, который преодолел разрыв между старыми хронистами, последним из которых был Дамиан де Гоус, и обычными историками. Этот молодой дворянин, родившийся в 1496 году, отличался при португальском дворе своим увлеченным изучением латинских исторических авторов, и особенно Ливия, и был уполномочен королем Эммануилом составить отчет об открытиях и завоеваниях португальцев на Востоке. Иоанн III. продолжил королевское покровительство Жуану де Баррошу, который получил много прибыльных назначений, таких как генерал-капитан Бразилии и казначей департамента по делам индейцев в Лиссабоне. Последняя должность дала ему возможность собрать ценную информацию по своему предмету, и он хорошо ею воспользовался. Его “Азия” написана в точном подражании стилю Ливия; она разделена на декады и изобилует речами, которые могли быть произнесены, но, конечно, никогда не произносились, и любопытными теориями, совершенно беспочвенными. Тем не менее, Жуан де Барруш обладает величайшими качествами историка, поскольку он приложил все усилия, пытаясь установить истину, и когда он поверил, что нашел ее, он рассказал свою историю просто и прямо. Он сочетает в себе наивную простоту ранних хронистов с искусством делать историю интересной, и он заслуживает ниши в истории португальской литературы как первый автор современной португальской прозы. В художественной литературе за романом типа “Амадис де Голль” последовали имитации “Пальмиры Ингильтерры”; оба одинаково скучны и абсурдны и вполне заслуживают искренних насмешек Сервантеса, который высмеял их и их школу до основания. Гораздо более интересными, хотя и несколько утомительными, являются пасторальные романы, созданные поэтом Бернардином Рибейру и с наибольшим успехом написанные Родригесом Лобо, поскольку они поистине народны и демонстрируют любовь к природе, которая присуща португальскому характеру.

Не было более серьезной литературной работы, которой пренебрегали общекультурные португальцы героической эпохи. Упоминались великие ученые, прославившие Университет Коимбры и поощрявшие изучение классики. Богословским исследованиям также уделялось большое внимание, и Франсиско Феррарио, один из богословов Тридентского собора, и Джеронимо де Азамбуха, знаток иврита, написавший комментарий к Библии, оба занимали высокое место в глазах своих современников. Среди грамматистов с почетом помнят имя Мануэля Альвареса, иезуита, в то время как научные исследования были представлены математиком Педро Нуньесом, который считался одним из чудес своего времени. Наконец, следует еще раз отметить Андреа де Резенде, величайшего португальского антиквара, поскольку его “De Antiquitatibus Lusitaniae” представляет собой произведение исключительной ценности и содержит транскрипцию многих римских надписей, с тех пор уничтоженных.

Сказано достаточно, чтобы показать, насколько велика и разнообразна была литературная деятельность португальцев в их золотой век, и стоит отметить, что их литература была наиболее богата великими произведениями в то самое время, когда их энергия была наиболее истощена азиатскими завоеваниями. Вызывает удивление, что одна маленькая нация смогла сделать так много, и в “Лузиадах” можно найти ключевую ноту их успеха. Португальская раса, воспитанная великими королями и военачальниками, считала себя непобедимой, и из-за этой самой веры она оставалась непобедимой какое-то время. Когда иллюзия была разрушена, избыточная энергия, которую она питала, полностью исчезла. Когда нация однажды завоевана и ее вера в

свою непобедимость исчезает, ее могущество иссякает. Величие нации зависит от мнения ее народа о себе как о личности и члене политического сообщества; пока они верят в себя, они могут делать все; когда их вера в свою непобедимость исчезает, их положение среди наций быстро падает.

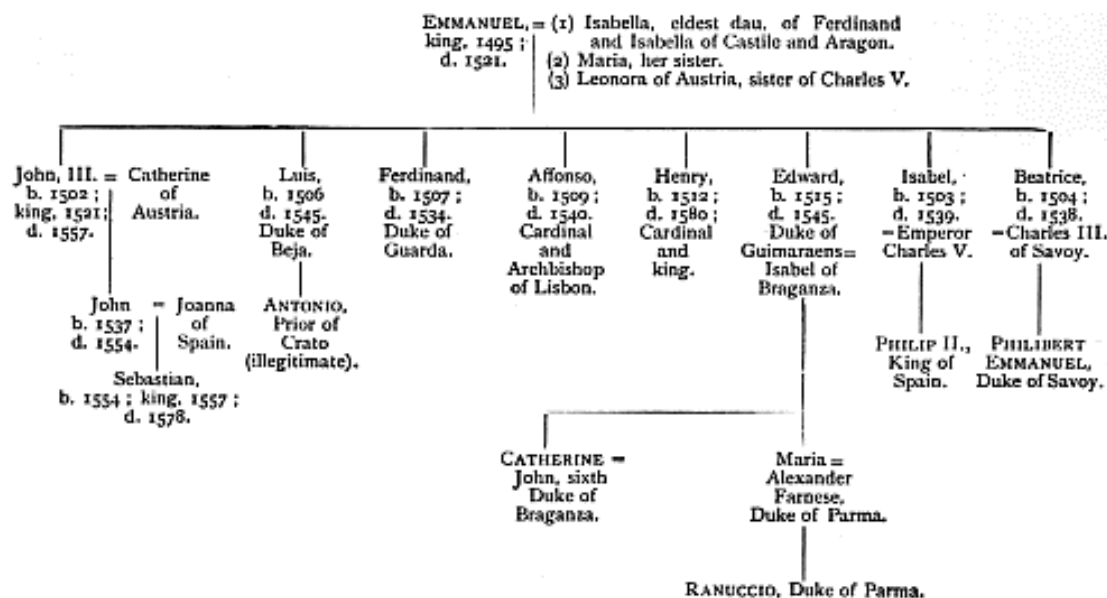
XIII.

ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТНИЙ ПЛЕН.

Смерть короля-кардинала Генриха поставила народ Португалии лицом к лицу с проблемой, которую все обсуждали со времен печальной судьбы дома Себастьяна. Было семь кандидатов на трон, но только пять из них нуждаются в серьезном рассмотрении, учитывая притязания папы Григория XIII как генерального наследника кардинала и Екатерины Медичи от первого брака Афонсо III. к графине Булонской в тринадцатом веке, в дополнительном примечании не нуждается. Отношения остальных пяти претендентов к Эммануэлю “Удачливому” лучше всего видны из таблицы на противоположной странице. Из этой таблицы ясно следует, что истинной наследницей престола была Екатерина, герцогиня Браганса, а при отсутствии у нее наследников - герцог Пармский; и что претензии Филиппа II Испанского и герцога Савойского имели юридическую силу только в случае исчезновения потомков дома Дуарте или Эдуарда, герцога Гимараэнского. Университет Коимбры, после должного рассмотрения, высказался в пользу герцогини Брагансы, но Филипп II. короля Испании мало заботило это мнение; он давно надеялся воссесть на трон Португалии и править всем Пиренейским полуостровом, и еще больше он хотел добавить прибыли от португальской торговли с Азией к своим собственным доходам в Америке и таким образом наполнить свою казну военными средствами для борьбы с протестантами севера Европы. Филипп II. поэтому приступил к работе, чтобы привлечь на свою сторону большинство кортесов, которые были созваны в Лиссабоне, для урегулирования вопроса о престолонаследии. Деньги и щедрые обещания способствовали красноречию двух главных сторонников короля Испании, Кристована де Муры и Антонио Пиньейру, епископа Лейрии; и когда в январе 1580 года было объявлено о смерти короля-кардинала, кортесы были вполне готовы признать Филиппа королем, хотя народ, или, скорее, та небольшая часть народа, которая была португальскими патриотами, чувствовала и выражала всю традиционную ненависть к союзу тронов Испании и Португалии.

ТАБЛИЦА II. Потомки Эммануила.

Смерть короля Генриха ускорила ход событий, и Филипп, чтобы мирно утвердиться на троне, вступил в переговоры с герцогом Браганским. Король Испании торжественно пообещал герцогу, что он получит Бразилию под своим полным суверенитетом с титулом короля и что между его дочерью и принцем Астурийским, наследником соединенных престолов, будет заключен брак; и герцог, ненавидевший войну и любивший мир, принял эти условия, несмотря на сопротивление своей жены. Но, к удивлению Филиппа, другой претендент на корону, на которого он не обращал внимания, — дом Антонио, приор Крато, — объявил себя королем в Сантарене и, войдя в Лиссабон без сопротивления, собрал деньги и начал набирать солдат. Этот дом Антонио был сыном дома Луиса, герцога Бежи, второго сына Эммануэля “Счастливого” от Виоланты де Гомес по прозвищу “Пеликан”, одной из красивейших женщин своего времени. Дом Антонио утверждал, что его отец был тайно женат на его матери, и в прокламации напомнил народу, что, даже если этот брак не был законным, один из величайших королей Португалии, победитель при Альхубарроте, тоже был незаконнорожденным. Но Португалия конца шестнадцатого века, ослабленная богатством и роскошью, притесняемая инквизицией, с уменьшившимся количеством свободного населения, не обладала ни малейшей энергией Португалии четырнадцатого века и не испытывала желания сражаться против короля Испании, сына великого императора Карла V. Дядя и друг их оплакиваемого монарха, дом Себастьян. Храбрый, но вспыльчивый и шумный приор Крато не мог сравниться по воинской доблести или качествам государственного деятеля с Иоанном Ависским, и у него не было “Святого констебля”, который поддержал бы его; и кортесы 1580 года, в отличие от тех, что в 1385 году прислушались к мужественным словам Жуана дас Реграса и провозгласили Иоанна “Великим” королем Португалии, прислушались к обещаниям Кристована де Мура и отвергли приора Крато. Дом Антонио поднял несколько солдат, но герцог Алва, которые въехали в Португалию во главе двадцати тысяч человек, победил их без Определенную сложность в алькантары на 26 августа, когда самозванец бежал во Францию, и Филипп II. был провозглашен королем.

PHILIP II.

ФИЛИПП II.

В 1581 году Филипп II Испанский и Я. португальский, как он теперь себя называл, торжественно въехали в Лиссабон и в присутствии большого кортеса, собравшегося в Томаре, 15 апреля 1581 года поклялись, что он и его преемники будут соблюдать следующие условия, которые были установлены его агентами. Он поклялся, что он будет поддерживать тех привилегий и свобод, португальского народа; что Кортес следует часто вызван, чтобы встретиться в Португалии, что вице-король или генеральный губернатор должен всегда быть родной, если только король должен дать, что на одну из королевской семьи; что королевская семья должна быть на таком же уровне, как и донине, что все учреждения, гражданские, военные и судебные, и всех санов в церкви, и в рыцарских орденов, в царстве, должны быть предоставлены португальский предметов в одиночку; что-промышленной палаты Африке, Персии и Индии должны быть защищены, чтобы их, взял и носил только в сосудах у него; что он не королевский грант любого города, поселка или королевской юрисдикции в Португалии; что утратили или истек усадьбы никогда не должен быть погружен в королевский домен, но быть regranted к какой-то родственнице последнего владельца или для некоторых других португальский тему; что король должен находиться как можно больше в Португалию, и что, когда он пришел, он не должен занимать в домах частных лиц для его сотрудников, но и соблюсти обычай Португалия; что должно быть постоянно находится при королевском дворе духовное лицо, канцлер, казначей и два мастера запросов, португальский рождения и гражданство, для управления всеми бизнес, относящихся к своей стране; в том, что компания из Португалии, должны быть отделены от Испании, и провел в царстве; что все вопросы правосудия, следует, наконец, поселились там; что португальские дворяне должны приниматься в отделениях в домохозяйствах у Короля и

королевы Испании; что все таможенные пошлины на сухопутной границы должны быть упразднены; и что король Филипп должен сразу предоставить трехсот тысяч крон из своей царской казны, чтобы выкупить пленных, ремонт городов, и облегчить страдания, которые чумы привели на португальский людей. Все эти условия Филипп II торжественно поклялся соблюдать, и в результате он был признан королем Португалии не только в самой Португалии, но и в Бразилии и индейских поселениях, где Фернан Теллес сменил вице-короля дома Луиса де Атаиде на посту генерал-губернатора.

Другие кандидаты на корону Португалии были вынуждены смириться с успехом Филиппа; герцог Браганса, хотя и был сильно разочарован тем, что получил должность констебля Португалии и орден Золотого руна вместо суверенитета Бразилии, был слишком апатичен, чтобы сопротивляться, и, столкнувшись с его апатией, герцоги Пармский и Савойский были вынуждены отказаться от своих притязаний, которые явно уступали притязаниям герцогини Брагансской. Только приор Крато упорствовал в своих попытках отвоевать трон у Филиппа, опираясь на старую неприязнь португальского народа к испанцам. Он был сердечно принят во Франции Екатериной Медичи, которая, хотя и была итальянкой по происхождению, была верна французской политике, направленной на ослабление Испании; и под ее влиянием сильный французский флот из шестидесяти военных кораблей с большим количеством войск на борту был отправлен под командованием Филиппа Строцци на Азорские острова, которые в 1580 году признали Дон Антонио королем Португалии и отказались признать Филиппа. Но неудача преследовала приора Крато по пятам; французский флот был разбит при Терсейре испанским адмиралом доном Альваро де Бакамом 26 июля 1582 года; Строцци был убит, а Дом Антонио с трудом бежал в Англию. Там Елизавета радушно приняла его, и в 1589 году, через год после поражения Великой Армады, она послала сильный флот под командованием сэра Фрэнсиса Дрейка и сэра Джона Норриса, чтобы помочь ему отвоевать свое “королевство”. Эта попытка также оказалась неудачной; своевременная сдача Филиппом Арзилы помешала Мауле Ахмеду ибн Мухаммеду из Марокко выдать приору заем в двести тысяч крон, который он обещал при получении сына дона Антонио, дона Крестована, в качестве заложника; Дрейк и Норрис поссорились, и англичане отступили, не добившись ничего важного. Несчастный настоятель, обнаружив, что Елизавета больше ничего для него не сделает, снова отправился во Францию, где умер в большой бедности и бедствии 26 августа 1595 года. Он был похоронен в церкви Сен-Жермен-л'Оксерруа в Париже, где надпись на его могиле называет его “королем Португалии”; и он оставил после себя нескольких детей, которые не были признаны законнорожденными из-за того, что их отец дал обет целомудрия, став мальтийским рыцарем.

Попытки приора Крато не повлияли на хладнокровие Филиппа II.; Вступив в свое новое королевство, он удовлетворился тем, что сделал пятьдесят два исключения из объявленной им всеобщей амнистии, включая самого дома Антонио и его главного советника, епископа Гуарды. Вскоре после этого он вернулся в Испанию, оставив своего племянника, кардинала-эрцгерцога Альберта вице-королем в Лиссабоне, с сильной охраной из испанских солдат. Наиболее интересными событиями в администрации кардинала были восстания двух первых “лжедомов Себастьянов”. Говорили, что низшие классы португальского народа отказывались верить в смерть молодого короля, и вскоре появились самозванцы, которые пытались извлечь выгоду из этой доверчивости. История этих самозванцев[24] по-своему столь же любопытна, как и история “Лже-Смердиса”, “Лжедимитрия” и псевдо-Людовика XVII, и доказывает, насколько сильно память о доме Себастьяне, несмотря на то, что он был опрометчивым и безрассудным тираном, запечатлелась в умах португальского народа. Первые два из этих самозванцев,

которых в штаб-квартире их операций насмешливо называли "Королем Пеннамакора" и "Королем Эрисейры", были португальцами низкого происхождения, чьи восстания были легко подавлены. Первоначальным изобретателем этой идеи был сын плиточника из Алкобасы по имени Себастьян Гонсалес, который, ведя распутный образ жизни, удалился в уединенное место недалеко от Пеннамакора. Из этого уединения он вышел в июле 1584 года и объявил, что он король Себастьян; что он бежал после битвы при Алькасер-Кибире и с тех пор молился в скиту, но до его ушей дошли страдания его народа, и он решил выступить, чтобы исправить их. Его сопровождали двое мужчин, которые называли себя домом Кристованом де Тавора и епископом Гуарды, и начали собирать деньги в Пеннамакоре и окрестностях. Троицу быстро арестовали и провели маршем по улицам Лиссабона, чтобы показать, что они самозванцы; затем фальшивый Себастьян был пожизненно отправлен на галеры, а мнимый епископ Гуарды был повешен. В следующем году некто Маттеус Альварес, сын каменщика из Эрисейры, объявил себя оплакиваемым домом Себастьяном, на которого он имел значительное личное сходство, и торжественно пообещал жениться на дочери Педро Афонсо, богатого фермера, которого он назвал графом Торрес-Новас. Его будущий тесть одолжил самозванцу крупную сумму денег, и он собрал небольшой отряд из восьмисот фанатичных последователей, когда кардинал-эрцгерцог счел необходимым направить против него королевские войска. Бедные энтузиасты потерпели поражение с большими потерями, а претендент и Педро Афонсо были повешены и четвертованы в Лиссабоне.

Это суровое наказание эффективно пресекло появление любых новых самозванцев в самой Португалии, и население, хотя и было твердо убеждено, что дом Себастьян однажды появится снова, не должно было быть обмануто никакими другими самозванцами.

Но эти истории распространились далеко за пределы Португалии, и еще две попытки выдать себя за умершего монарха были предприняты в Испании и Италии. Первым из этих самозванцев был красивый молодой человек по имени Габриэль Эспиноза, который имел поразительное сходство с королем Португалии и которого португальский иезуит по имени Мадухал выдал за дома Себастьяна, который познакомил его с донной Анной, внебрачной дочерью дона Джона Австрийского, и убедил ее поверить в него. Вся эта схема носила скорее характер личной интриги, чем политического заговора. Донна Анна, которая была очень богата, осыпала благосклонностью молодого человека и его спонсора и даже поддерживала его притязания на Филиппа II. Однако этот обман был слишком очевидно абсурден, чтобы привлечь много сторонников, и Эспиноза и его духовный советник оба были казнены в 1594 году. Гораздо более любопытна история Марко Туллио, бедного калабрийского крестьянина, который ни слова не говорил по-португальски, но тем не менее утверждал, что он был домом Себастьяном в 1603 году, через двадцать пять лет после катастрофы при Алькасер-Кибире. Его история была тщательно проработана, и его самозванство входит в число самых экстраординарных в истории. Он утверждал, что он был королем и спас свою жизнь и свободу, оставшись на поле битвы среди мертвых тел; что он пробрался в Португалию и сообщил о своем существовании королю-кардиналу Генриху, который покушался на его жизнь; что затем он вернулся в Африку, потому что не хотел нарушать мир в королевстве гражданской войной и путешествовал в одежде кающегося грешника; что затем он стал отшельником на Сицилии и направлялся в Рим, чтобы заявить о себе папе, когда его слуги ограбили его, и был вынужден найти дорогу в Венецию. Когда он рассказал эту замысловатую историю в Венеции, ему удалось убедить в себе нескольких тамошних португальцев, и вскоре он был арестован в этом городе по требованию испанского посла как самозванец и преступник. Его несколько раз допрашивали, но он

придерживался своей версии так ловко и с таким упорством, что власти, которые не жалели поставить в неловкое положение испанское правительство, отказались наказать его как самозванца. История о его притязаниях распространилась так широко за границей, что враги Испании захотели доказать, что это правда, и выставить его занозой в боку Филиппа III. Принц Оранский зашел так далеко, что послал дом Крестована, сына приора Крато, просить венецианские власти провести дальнейшее расследование; но эти благоразумные губернаторы устроили лишь торжественный публичный допрос, когда калабриец снова рассказал свою историю, а затем изгнали его из своих владений, не высказав никакого мнения относительно ее правдивости. Из Венеции он отправился в Падую под видом монаха, а оттуда во Флоренцию, где великий герцог Тосканский приказал арестовать его и выдать испанскому вице-королю в Неаполе. Он был заключен в тюрьму в замке дель Ово, публично разоблачен и отправлен на галеры; а поскольку даже там у него появились приверженцы, его перевели в Сан-Лукар и в конце концов казнили. Необычайная смелость этого обмана и упорство, с которым невежественный калабриец придерживался своей истории, несмотря на ее очевидную ложность, делают ее запоминающейся в истории притворщиков.

“Шестидесятилетнее пленение”, как называют господство Испании над Португалией с 1580 по 1640 год, было временем беспрецедентных бедствий для страны во всех ее уголках, и португальцы, обретя независимость, казалось, утратили все свое бывшее мужество и героизм. Под руководством кардинала-эрцгерцога Альберта были приложены большие усилия для отправки мощного контингента во флот, известный как “Великая армада”, и уничтожение этого флота англичанами в 1588 году подорвало военно-морскую мощь Португалии. Страна пала так низко, что не могла даже защитить свои собственные порты, и в 1595 году англичане под предводительством сэра Фрэнсиса Дрейка разграбили важный город Фаро в Алгарве. Будучи частью испанских владений, Португалия должна была потерпеть поражение от всех врагов Испании. Главными из этих врагов были Англия и Голландия, и голландцы были первой нацией, разрушившей португальскую монополию на прибыльную торговлю с Азией. Это они делали с большей легкостью, поскольку, руководствуясь истинно коммерческим духом, они не только ввозили товары с Востока в Голландию, но и распространяли их через голландских купцов во все страны Европы; тогда как португальцы в дни своего коммерческого процветания довольствовались тем, что привозили товары в Лиссабон и позволяли иностранным нациям приезжать и забирать их. Вторжение голландских купцов в Азию было вызвано действиями Филиппа II. при закрытии для них Лиссабонского порта в 1594 году; а в 1595 году голландец Корнелиус Хоутман, нанятый португальцами лоцманом в индийских морях, а впоследствии заключенный в тюрьму инквизицией, впервые повел голландский флот вокруг мыса Доброй Надежды.

Но прежде чем изучать стремительный характер того, как сначала голландцы, а затем англичане и другие иностранные нации боролись за долю в азиатской торговле и в конечном итоге уничтожили португальскую державу на Востоке, необходимо обратить внимание на тот факт, что это разрушение началось только в начале семнадцатого века и в правление Филиппа III. Разорение Португалии действительно произошло из-за политики Филиппа II, чьи враги Голландия и Англия довели его до конца; но оно едва началось в его правление, которое закончилось в 1598 году. Действительно, в тот период, когда могущество Португалии находилось на грани исчезновения, ее азиатская торговля, и особенно торговля с Индией, была на пике.^[25] Филипп II. добросовестно выполнил обещания, данные им кортесам Томара в этом отношении. Все назначенные им вице-короли были португальцами, и он не предпринимал

попыток вторгнуться испанцев ни в официальные назначения, ни в ведение азиатской торговли. Португальские вице-короли его правления, дом Франсиско Маскареньяс, дом Дуарте де Менезес, дом Мануэль де Соуза Коутиньо, дом Матиас де Альбокерке и дом Франсишку да Гама, все были способными и предприимчивыми правителями, которые подняли престиж португальской державы на Востоке многими смелыми деяниями, и особенно завоеванием короля Канди на Цейлоне. Ежегодно число флотов увеличивалось; народы Востока привыкли считать португальцев непобедимыми, и колеса управления, благодаря долгой практике, работали без сбоев. Особенно активными были миссионеры, в основном иезуиты, в Азии, и их прогресс был скорее ускорен, чем остановлен восшествием на престол Филиппа II. на трон Португалии. Епископство Гоа было возведено в ранг архиепископа в 1577 году, и епископы-суфражистки назначались везде, где распространялось влияние португальцев, и любопытно отметить, что важная миссия, возглавляемая домом Луисом де Секейрой, рукоположенным епископом Японии, и отцом Александрой де Валиньяно, была направлена в Японию в 1598 году и имела большой успех.^[26] Но, хотя власти Римско-католической церкви в Азии уделяли много внимания проповеди Евангелия среди отдаленных народов Востока, в Индии они были в основном заняты преследованием христиан-несторианцев на Малабарском побережье с помощью инквизиции. Эти христиане-несториане были особенно неприятны ортодоксальным католикам, которые заставили португальцев предотвратить прибытие любого посвященного несторианского епископа в Индию, блокировав побережье, и которые торжественно осудили доктрины несториан на знаменитом синоде в Диампере (Удаямпура), проведенном архиепископом Алексисом де Менезесом в 1599 году. История деятельности иезуитов в Индии в это время особенно интересна; лейтмотив их политики содержится в следующих словах: “Христианская религия не может рассматриваться как натурализованная в стране, пока она не будет в состоянии распространять свое собственное духовенство”;^[27] и следует помнить, что заслугу в их деятельности следует приписывать не только португальским священникам, поскольку иезуиты всех стран сотрудничали в деле евангелизации, и среди них следует отметить Томаса Стивенса, англичанина и ректора иезуитского колледжа в Сальсете. В проповеди, обучении и писательстве эти ранние миссионеры-иезуиты были одинаково искусны, и записано, что первая книга, напечатанная в Индии, была напечатана иезуитами в Кочине в 1570 году. В противовес этой деятельности следует отметить ужасную суровость инквизиции в Гоа, которая запятнала кровью труды этих первых миссионеров.

ФИГУРЫ МУЖЧИН НА АУТОДАФЕ.

(From "Les Royaumes d'Espagne," &c. La Haye, 1720.)

Последние двадцать лет шестнадцатого века, пришедшиеся на правление Филиппа II., с 1580 по 1598 год, отмечают расцвет богатства и могущества португальцев на Востоке, но их падение там в небытие во время правления Филиппа III. и Филипп IV. были столь же быстрыми, сколь и поразительными были их успехи. Первые серьезные удары были нанесены голландскими купцами, чьи корабли были отправлены за их собственный счет и никоим образом не защищались государством. В 1597 году, через два года после того, как Хоутман повел голландский флот вокруг мыса, голландцы основали фабрику на Яве. В 1601 году они нанесли поражение португальскому губернатору Малакки и взяли этот город; в 1607 году они завоевали португальские поселения на Молуккских островах и Суматре; а в 1618 году они основали Батавию, которая стала столицей торговли пряностями на островах, и вскоре не только заняла место Малакки, но и соперничала с Гоа. Не удовлетворившись торговлей на дальнем Востоке, они напали также на торговлю с Китаем и в 1635 году оккупировали остров Формоза. Позднее они даже вытеснили португальцев из их главных поселений в Индии и на Цейлоне, всегда за исключением Гоа, который, согласно католической вере, навсегда сохранился для португальцев благодаря святым останкам святого Франциска Ксаверия. Тем временем, как только голландцы сломили власть португальцев на островах Пряностей и в Китае, возникла новая держава, посягнувшая на их индийскую монополию. Древние союзники португальцев, англичане, теперь не делали различия между ними и их злейшими врагами, испанцами, и за последние сорок лет "Шестидесятилетнего плена" они заложили фундамент своей империи в Индии. Во время правления Елизаветы Петровны англичане разграбили Пернамбуку в 1594 году, разрушили форт Аргуин на африканском побережье в 1595 году и разорили Азорские острова в 1597 году; во время правления Якова I. они напали на индийскую торговлю Португалии. Как и в случае с голландцами, нападение на португальскую монополию было делом рук частных торговцев, а не государства. Здесь не место проследивать медленный рост английского могущества в Индии, но достаточно сказать, что английские корабли отправились в Азию без идеи завоевания, а исключительно с желанием торговать. Этому португальцы хотели помешать, и, пытаясь помешать англичанам взять на борт грузы в Сурате в 1615 году, португальцы потерпели поражение от капитана Беста и, таким образом, потеряли свою репутацию непобедимых на северо-западном побережье Индии. Англичане, вместо того чтобы демонстрировать смелость, прилагали усилия, чтобы жить в гармонии с индийскими королями, и особенно с Великим Моголом, и были вознаграждены тем, что на них смотрели с благосклонностью, а не с подозрением, и им разрешили основать множество коммерческих агентств. Как торговцы, английские купцы не имели желания вступать в войну и не содержали армий для защиты своих учреждений, и единственная наступательная операция, которую они предприняли против португальцев, была в 1622 году, когда они помогли персам захватить Ормуз. Эти стремительные нападения полностью свергли португальскую власть в Азии. Голландцы быстро поглотили всю торговлю дальнего Востока и, в частности, островов пряностей; англичане прочно закрепились в торговле с Персией и Северо-западной Индией; а в 1629 году португальская торговля с Бенгалией была почти уничтожена захватом их штаб-квартиры, Хугли, шахом Джеханом, который убил тысячу португальцев и увел в плен более четырех тысяч, включая женщин и детей. Даже более мелкие европейские государства посягнули на их монополию, и в 1616 году датчане обосновались в Серампуре и Транкебаре. Против всех этих ударов Португалия почти не сопротивлялась; Золотой Гоа был лишен своего

превосходства, а португальский флот, направлявшийся домой, подвергся нападению голландских и английских крейсеров.

Бедствия быстро сменяли друг друга не только на Востоке, но и голландцы прилагали усилия, чтобы лишить португальцев их великой империи в Южной Америке. История голландцев в Бразилии столь же примечательна, как и их история в Азии, и, принимая во внимание небольшие размеры Голландии, то же чувство изумления, которое поражает студента, когда он читает о подвигах португальцев в шестнадцатом веке, охватывает его, когда он рассматривает предприятия голландцев в семнадцатом. Именно в 1624 году, когда успех был обеспечен в Азии, была основана Голландская Вест-Индская компания, чтобы изгнать португальцев из Южной Америки. Новая компания сразу же направила флот под командованием адмирала Вилликенса для нападения на Бразилию, и этот адмирал не встретил особого сопротивления при захвате Сан-Сальвадора, столицы португальской Южной Америки. Португальский генерал-губернатор дом Диого де Мендонса покинул город, но архиепископ дом Мигель де Тейшейра занял его место и, призвав свое духовенство взяться за оружие, несколько дней защищал город, а затем удалился в соседний порт. Адмирал Вилликенс разграбил город и вернулся с огромной добычей, к радости своих нанимателей, оставив после себя лишь небольшой гарнизон, который вскоре был отброшен назад во всех своих вылазках и в конце концов оказался в плотной блокаде со стороны доблестного старого архиепископа, принявшего титул генерал-капитана Бразилии. В апреле 1626 года прибыло сильное подкрепление под командованием дома Эммануэля де Менезеса, и город Сан-Сальвадор вновь попал в руки португальцев. Нет необходимости проследивать точную историю каждой голландской экспедиции в Бразилию; достаточно сказать, что с 1626 по 1637 год награбленное ежегодно привозилось домой и распределялось среди акционеров компании, в то время как никаких реальных попыток наладить торговлю или колонизацию предпринято не было. Такая политика, естественно, вызвала у голландцев ненависть португальских поселенцев как к грабителям и пиратам и держала их в состоянии постоянного беспокойства. В 1637 году великий правитель, граф Морис Нассауский, был отправлен Голландской Вест-Индской компанией в качестве генерал-губернатора своих владений в Южной Америке, которые простирались примерно на четыре капитанства: Пернамбуку, Тамарака, Параиба и Рио-Гранде. Этот великий полководец и государственный деятель пытался полностью уничтожить португальскую власть в Южной Америке и установить там голландский доминион. Его военные экспедиции были успешными, за исключением нападения на Сан-Сальвадор, и ему также удалось установить общую систему управления семью северными капитанствами со своей столицей в Маурисебурге напротив сильно укрепленного острова Ресифи. Именно Морис Нассауский отказался от системы грабежа португальцев и заменил ее системой взимания с них налогов, и его могущество было на пике, когда весть о революции 1640 года и свержении испанского господства достигла Бразилии и возродила дух португальских колонистов.

Какие преимущества получила Португалия, чтобы компенсировать все эти потери, разрушение монополии на азиатскую торговлю, потерю Ормуза и Малакки и сокращение большей части Бразилии? Обещания, данные Филиппом II. Кортесам Томара, в основном были нарушены его преемниками. Герцог Лерма и граф-герцог Оливарес, всемогущие министры Филиппа III. и Филипп IV попытался понять, насколько далеко и насколько полно они могли бы доказать португальскому народу, что они подчинены Испании, а не являются свободной нацией. Кортесы, вместо того чтобы созываться часто, были созваны только один раз во время правления Филиппа III, в 1619 году, чтобы признать его сына наследником престола; и вообще

ни разу не созывались во время правления Филиппа IV. Испанцы заняли все должности в королевстве, и особенно в гарнизонных городах; испанские священнослужители были посвящены в португальские епископства; а португальский совет при Мадридском дворе был сокращен до одного секретаря. Налоги были высокими, и доходы от них расходовались не внутри страны, а обещание о том, что ни одна португальская земля не должна предоставляться другим, кроме португальских подданных, часто нарушалось, особенно в случае с герцогом Лерма, который добился предоставления королевских владений Бежа и Серпа. Но Лерма и Оливарес забыли, что португальцы - отдельная раса с великой и благородной историей; они не будут вечно попирались, и, к удивлению Испании, маленькая страна подняла восстание в 1640 году и положила конец "Шестидесятилетнему плену".

XIV.

РЕВОЛЮЦИЯ 1640 ГОДА.

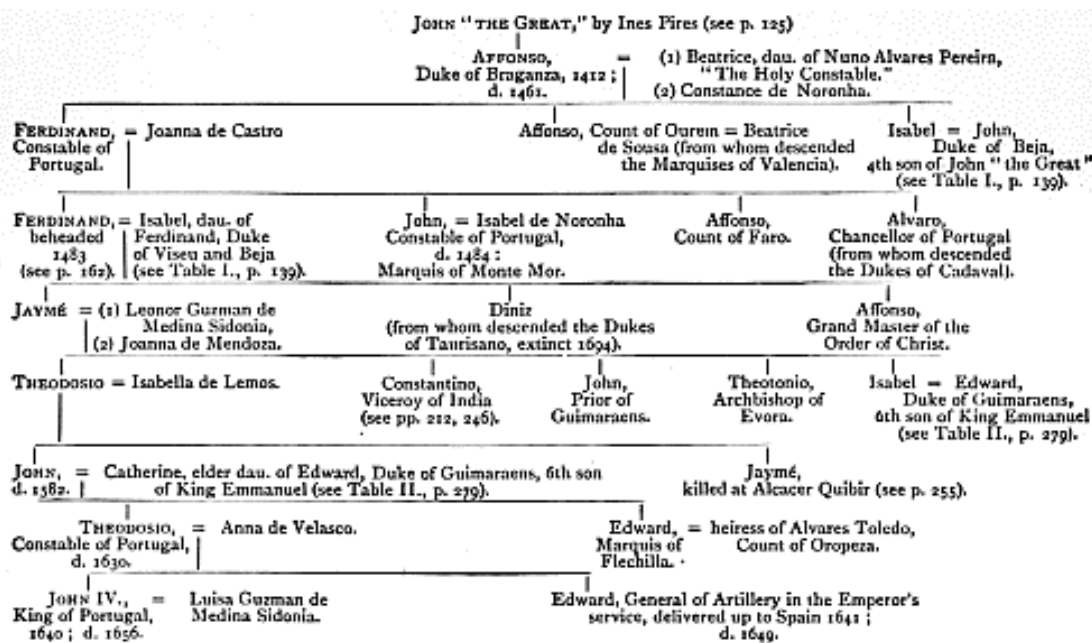
Португальский народ стонал от бессилия и нищеты, выпавших на его долю за Шестьдесят лет Плена. Ни одно из преимуществ, которые были так красноречиво предсказаны Крестованом де Мурой как неизбежный результат союза с Испанией, не было испытано на практике. Вместо того, чтобы быть защищенными великими испанскими армиями, колонии и торговля Португалии были оставлены открытой добычей врагов Испании; именно из-за ее союза с Испанией голландцы и англичане напали на португальские владения как на Востоке, так и на Западе; и в обмен на все, что она потеряла, Португалия даже не получила удовлетворения от сохранения независимости своего местного правительства, а управлялась в интересах одних испанцев. Вошедшая в поговорку кастильская надменность особенно раздражала дворян и народ Португалии; не было предпринято никаких попыток объединить два народа; они держались

порознь, как масло и вода, и традиционная ненависть к испанцам стала еще более сильной, чем когда-либо. Потеря материального благополучия и наглое поведение испанских чиновников затронули все классы, высшие и низшие, и побудили их к бунту, и к этим причинам следует добавить влияние португальских писателей. Великий Камозэнс не дожидаясь того, чтобы увидеть господство испанцев в его любимой стране, но за время шестидесятилетнего плена у него были преемники, которые в том же высоком тоне воспевали великие подвиги португальских воинов в героический период. Такие поэмы, как "Примейро Серко де Дио" ("Первая осада Диу") Франсиско де Андраде; "Второе серко де Дио" Джеронимо Кортес-Реала; "Афонсо Африкано" Васко Мусиньо де Кебеда; и "Малаккская конкистада" Франсиско де Са де Менезеша, были рассчитаны на то, чтобы взволновать сердца португальцев семнадцатого века и пробудить в них желание быть достойными своих великих предков. Прозаики не были менее красноречивы, чем поэты, рассказывая о великих деяниях прошлого; "Десятилетия" Диого ду Куто, а также "Азия", "Европа", "Африка" и "Португальская Америка" Мануэля де Фариа-э-Сузы продолжили работу Жуана де Барроса, заставив португальцев гордиться своими прошлыми подвигами, в то время как историки Бернарду де Бриту и Антонио Брандау в своей "Монархии Лузитаны" рассказали историю веков независимости до того, как Португалия стала независимой страной. провинция Испании.

Всеобщее чувство недовольства возникло во время правления Филиппа III. и Филипп IV., но окончательный импульс от пассивного недовольства к активному восстанию был дан энергией некоторых португальских дворян, которые в достижении успеха полагались на слабость Испании и на помощь Франции. Испания Филиппа IV. действительно, Испания сильно отличалась от Испании Карла V и Филиппа II; дни ее величия прошли; Голландия была практически независимой; а Каталония находилась в состоянии восстания. С другой стороны, Франция пережила ужасные гражданские войны шестнадцатого века и руками Ришелье превращалась в могущественное королевство. Одним из ключевых направлений политики Ришелье было преследование Испании; и по этой причине великий кардинал поощрял восстание каталонцев в 1639 году и долгое время разжигал чувство недовольства в Португалии. Еще в 1636 году было обнаружено, что один из секретных агентов Ришелье писал своему хозяину: "Вся Португалия громко кричит: "Когда король Франции избавит нас от фараона Испании?"[28] и в 1638 году кардинал отправил одного из своих самых доверенных агентов, шевалье де Сен-Пе, доложить о настроении португальского народа. Ришелье вскоре оценил ситуацию и решил поощрить открытое восстание в Португалии, чтобы заручиться независимым союзником на Пиренейском полуострове, который должен был стать такой же занозой в боку Испании, какой Шотландия в прежние дни была для Англии. Недовольство народа проявлялось во многих открытых действиях; в 1634 году жители Лиссабона отказались платить налоги; в 1637 году в Эворе вспыхнул серьезный бунт, который оставался в состоянии восстания в течение многих месяцев; и нападения на испанских солдат и чиновников постоянно происходили по всей стране.

ТАБЛИЦА III. Герцоги Браганса.

Но недовольный народ Португалии хотел, чтобы кто-то сплотился вокруг него; знать хотела лидера. Этот лидер и представитель был найден в Иоанне, восьмом герцоге Браганса, законном наследнике престола. Этот великий дворянин был главой самой знатной семьи Португалии и прямым потомком внебрачного сына Иоанна "Великого", который женился на дочери святого констебля, и, кроме того, он был внуком донны Екатерины, законной наследницы короля-кардинала дома Генриха. Филипп II. купил молчаливое согласие мужа донны Екатерины на свою узурпацию, закрепив за ним обширные владения семьи Браганса в Португалии, но он не выполнил своего обещания предоставить Бразилии полный суверенитет, к большому неудовольствию наследницы португальского престола. Она внушила свою ненависть к Испании и любовь к Португалии своему сыну, дому Теодосию, седьмому герцогу, но ее внук, дом Джон, был ленивым и робким дворянином, предпочитавшим легкую жизнь короле. Дом Джон унаследовал герцогство и поместья в 1630 году, в возрасте двадцати шести лет, а в 1633 году женился на донне Луизе де Гусман, дочери герцога Медина-Сидония. Оливарес с восторгом приветствовал этот брак, поскольку он, казалось, еще теснее связывал семью Браганса с Испанией, и он убедил Филиппа IV. передать дому Джону в качестве свадебного подарка герцогство и светлость Гимараэнс, которые были собственностью дома Эдварда, младшего сына Эммануэля "Удачливого", принца, через которого герцог Браганса прослеживал свои притязания на трон. Но этот брак не укрепил дружбу Дома Браганса с Испанией. Напротив, герцогиня, казалось, отказалась от своего испанского гражданства; она взяла за правило говорить по-португальски и стала более патриотичной, чем сами португальцы; она никогда не забывала, что ее муж по праву был королем, и ее побуждало использовать все свои выдающиеся способности для борьбы за трон Португалии воспоминание о пророчестве, сделанном ей в детстве, о том, что она станет королевой. Сам дом Джон не разделял ее мнения; он не был воином, но любил охоту, музыку и искусство, а также свое прекрасное охотничье поместье на вилле Висоза гораздо больше, чем политику или даже свою страну. Но его легкий характер сделал его послушным воле своей герцогини, и она через агента герцога, Жуана Пинту

Рибейру, профессора гражданского права в Коимбре, сообщила португальской знати, что герцог Браганса встанет во главе их, если они только нанесут удар за свободу своей страны.

Португалия находилась в период, когда герцогиня Браганса вовлекала своего мужа в свои амбициозные планы, находясь под номинальным правлением Маргариты Савойской, герцогини Мантуанской; и двор этой принцессы находился вопреки обещаниям, данным Филиппом II. к кортесам Томара, сплошь заполненным иностранцами. Ее лордом-распорядителем, или Мордомо-Мором, был маркиз де ла Пуэбла, испанец, а ее Эстрибейро-Мором, или Мастером конницы, был маркиз де Байнетти, итальянец, в то время как среди более важных должностей два испанца, Дон Дидасе де Карденас и Дон Фернандо де Кастро, были соответственно генералом, командующим португальской кавалерией, и контролером португальского военно-морского флота. Самым важным уроженцем страны, допущенным в ее совет, был дом Себастьян де Маттос де Норонья, архиепископ Браги, примас королевства и богатый дворянин, но главная административная власть была доверена Мигелю де Васконселлосу де Брито, государственному секретарю. Этого человека ненавидели его соотечественники с такой силой ненависти, какую испытывают только к отступнику. Он завоевал расположение Оливареса, испанского министра, своим умением выжимать деньги из Португалии, а его энергия и активность сделали его незаменимым для герцогини Мантуанской. Но если его ненавидели все классы португальского народа, то особенно он был неприятен португальской знати из-за своей политики отстранения их от всех почетных должностей и вознаграждения, а также из-за своей личной наглости по отношению к ним.

Таково было состояние правительства и общее положение дел в Португалии, когда Жуан Пинту Рибейру, действуя с полной санкции герцогини и нерешительного согласия герцога Брагансского, начал формировать заговор среди ведущих дворян с целью вызвать революцию и изгнать испанцев. Если бы он только мог объединить дворян, чтобы взять инициативу в свои руки и нанести первый удар, он хорошо знал, что народ горячо поддержал бы их. Первым шагом было знакомство будущего короля со своими друзьями, и с этой целью на вилле Висоза были организованы большие охотничьи вечеринки, на которые по очереди приглашались самые патриотично настроенные португальские дворяне. Такое поведение и позиция молодой герцогини начали внушать Оливаресу смутную тревогу, и он начал сожалеть о политике, которая позволила законному наследнику португальского престола сохранить свои обширные поместья в квартале, где его влияния больше всего опасались. Сначала он предложил правительству Милана, должность, которую обычно занимал принц крови, герцогу Браганса, и, когда назначение было отклонено из-за незнания итальянской политики, проницательный испанский государственный деятель начал чувствовать себя еще более неловко. Но было необходимо скрыть свои опасения, поскольку он знал, что невозможно арестовать герцога Браганса в его поместьях, не вызвав серьезных беспорядков, и поэтому он поручил герцогу совершить поездку по Португалии в качестве констебля, чтобы проинспектировать состояние оборонительных сооружений. Эта экскурсия дала герцогу возможность познакомиться с большей частью народа, при этом он избежал попадания в различные расставленные для него ловушки. Затем Оливарес предпринял свой последний политический ход; он приказал всему *бану* и *арьере-бану* Португалии лично служить под началом короля в подавлении каталонского восстания и приказал герцогу Браганса немедленно отправиться в Мадрид. Герцог на некоторое время отложил свой отъезд, и Жуан Пинту Рибейру сообщил дворянам, составлявшим заговор в Лиссабоне, что они должны нанести удар немедленно, иначе будет слишком поздно.

Имена этих дворян достойны упоминания не только из-за смелой и успешной революции, которую они инициировали, но и потому, что они показывают, насколько патриотичной была португальская знать в целом, поскольку среди них представлены большинство знаменитых семей ранней истории Португалии и героического периода. Лидерами знаменитой "сорока", спланировавшей революцию, были Мигель де Алмейда, почтенный дворянин, в доме которого состоялась первая встреча заговорщиков; Педро де Мендонса Фуртадо, потомственный великий камергер или Камерейро-Мор; Антонио и Луис де Альмада; Хорхе де Меллу, потомственный великий егерь; Антонио де Меллу де Менезес, его брат; Эстеван и Луис да Кунья; Родриго и Эммануэль де Са; Педро Маскаренхас, Карлос де Норонья, Гастон де Коутиньо и Антонио де Салданья. Архиепископ Лиссабона Родриго да Кунья, самый популярный церковный сановник королевства, если и не был на самом деле заговорщиком, то определенно знал о происходящем через своих родственников, Альмадас и Да Кунья. Заговорщики регулярно встречались и искусно планировали свое восстание, и во всех их обсуждениях Жуан Пинту Рибейру, хотя сам не был дворянином и к сорока годам на него смотрели свысока, показал себя самым смелым и проницательным лидером из всех. Не было никакой идеи установить республику в подражание Нидерландам, как абсурдно утверждает Вертот, поскольку краеугольным камнем их плана было создать видимость законности и заявить, что они просто сажают законного короля на трон. Они были полностью готовы, когда Жуан Пинту Рибейру принес известие, что удар должен быть нанесен немедленно, иначе герцог Браганса должен отправиться в Мадрид.

1 декабря 1640 года было назначено для революции, и утром того же дня заговорщики собрались на разных улицах перед дворцом. Никакого предательства не было, и, следовательно, вице-королевский суд оказался совершенно не готов к сопротивлению. Сигнал был подан пистолетным выстрелом Рибейро, и каждый заговорщик отправился в назначенное место для выполнения поставленной перед ним задачи. Дом Мигель де Алмейда без каких-либо трудностей одолел немецкую охрану дворца, а дом Хорхе де Меллу и дом Эстеван да Кунья с таким же успехом расправились с испанскими стражниками. Третья группа под предводительством Рибейро ворвалась во дворец и двинулась к апартаментам ненавистного государственного секретаря Мигеля де Васконселлоса. По пути они встретили Франсиско де Соареса де Альбергария, "Гражданского коррехидора", или судью по гражданским делам, который в ответ на их крики "Да здравствует герцог Браганса!" крикнул "Да здравствует король Испании и Португалии!" и был немедленно застрелен. Затем они наткнулись на Антонио Корреа, главного клерка госсекретаря, чья наглость почти соперничала с наглостью его хозяина, и Антонио де Менезес ударил его кинжалом и тяжело ранил. Наконец они добрались до апартаментов секретаря, которого обнаружили спрятанным в шкафу под грудой бумаг. Дрожащий негодяй был вытащен из своего укрытия и застрелен домом Родриго де Са. Теперь все группы устремились в ту часть дворца, где жила герцогиня Мантуанская, которую они застали вместе с архиепископом Браги. Принцесса не была трусихой и смело встретила заговорщиков, но дом Карлос де Норонья сообщил ей, что она пленница, а жизнь архиепископа Браги, который пытался прорваться сквозь своих противников, с трудом спас дом Мигель де Алмейда.

ПОРТУГАЛЬСКИЕ ДЖЕНТЛЬМЕНЫ.

(From "Les Royaumes d'Espagne," &c. La Haye, 1720.)

За этими успехами во дворце последовали такие же успехи в Лиссабоне. Население всех классов ненавидело испанское господство; они восстали всем скопом, вооружились как могли и арестовали каждого испанца, которого смогли найти, от маркиза де ла Пуэбла до морских офицеров на берегу с испанских судов, стоявших в Тежу. Дом Антонио де Салданья, как и было условлено ранее, вошел в *Relação*, или Высший суд справедливости, и сообщил судьям о революции, а президент Гонсало де Соуза немедленно начал произносить свои указы от имени короля Иоанна IV., вместо короля Филиппа III. Дом Гастон де Коутиньо освободил всех политических заключенных, и несколько молодых людей отправились на веслах к трем испанским галеонам в порту и легко завладели ими, поскольку большинство их офицеров уже были арестованы на берегу. Осталась только цитадель, или замок, Святого Георгия, в котором находился сильный испанский гарнизон под командованием дона Луиса де Кампо. Этот важный пост был получен благодаря хитрости дома Антонио де Альмады, который вынудил герцогиню Мантуанскую подписать приказ о его капитуляции, пригрозив убить всех уже взятых испанских пленных, и робкий губернатор охотно подчинился этому приказу. Затем заговорщики собрались во дворце, и под крики толпы архиепископ Лиссабона был провозглашен генерал-лейтенантом королевства, а дом Мигель де Алмейда, дом Педро де Мендонса Фуртадо и дом Антонио де Альмада были назначены государственными советниками. Новое правительство разослало гонцов во все стороны, чтобы сообщить новости об успехе революции, и мирно овладело всеми главными крепостями и опорными пунктами вокруг Лиссабона, Беленом, Буджио, Сан-Антонио, Альмадой и Кашкаэшем, за исключением только Сан-Джулиана в устье Тежу.

Герцог и герцогиня Браганса все это время с лихорадочным нетерпением ждали на Вилле Висоза новостей о великом предприятии, и на следующий день, в воскресенье, 2 декабря, дом Хорхе де Меллу прибыл, проехав всю ночь, и приветствовал герцога и герцогиню как короля и королеву Португалии. Соседняя страна была предана герцогу и его семье и с радостью восприняла известие о его восшествии на престол, а Афонсо де Меллу без какого-либо кровопролития овладел Эльвашем, самым сильным городом Португалии, во имя Иоанна IV. 3 декабря новый монарх вступил в Лиссабон среди всеобщего ликования, а 15 декабря он был торжественно коронован в кафедральном соборе Лиссабона. Никогда еще внезапная

революция не была столь успешной. От Порту до Фаро народ повсюду поднял восстание; испанское оружие было сложено; испанские гарнизоны изгнаны, а Иоанн IV. был встречен одобрительными возгласами. Кортес был вызван на заседание в Лиссабон впервые с 1619 года, а 19 января 1641 года Иоанн IV. был провозглашен королем Португалии как законный наследник Эммануила “Удачливого”, и все кортесы поклялись повиноваться ему и признали наследником престола его старшего сына, дома Теодосио. Новый государь решил пойти навстречу своему верноподданному народу наполовину, поэтому он заявил, что его родовых поместий достаточно для покрытия расходов его королевского двора и что доходы от земель короны в будущем должны быть потрачены на национальные нужды. Он даровал важные посты и ордена ведущим заговорщикам и подкупил дону Фернандо де ла Куэва, чтобы тот сдал крепость Сан-Хулиан, единственное место, которое сопротивлялось его власти. Последним человеком, которому сообщили об этой внезапной и успешной революции, был бывший король Испании Филипп IV и Португалии Филипп III. . Все его придворные боялись сообщать ему эту новость, и когда возникла необходимость сообщить ее ему, граф-герцог Оливарес совершил этот подвиг со своей обычной ловкостью. “Сир, ” сказал он королю с довольным видом, “ я должен поздравить вас с чрезвычайно удачным событием. Ваше величество только что получили могущественное герцогство и несколько великолепных поместий”. “Каким образом?” - ответил изумленный монарх. “Герцог Браганса, ” сказал Оливарес, “ безумно позволил соблазнить себя народу, который провозгласил его королем Португалии. Следовательно, его обширные владения конфискованы и переходят в собственность вашего Величества, который, уничтожив эту семью, в будущем будет надежно и мирно править этим королевством”.

Оливарес имел все основания говорить с уверенностью, поскольку не могло быть никаких сомнений в том, что Португалия, ослабленная своим долгим подчинением, практически ничего не могла сделать, чтобы противостоять мощи Испании, если бы ее можно было использовать в полной мере. Но, к счастью для независимости Португалии, Испания была отвлечена каталонским восстанием и иностранной войной и в настоящее время не могла напрячь свои силы. Однако и новый король, и его советники считали, что было бы неразумно слишком сильно или слишком долго рассчитывать на это счастливое обстоятельство, и он разослал послов по всей Европе, чтобы сообщить иностранным государям о революции и просить их о помощи и союзе. Старый канцлер Оксенштерн, правивший Швецией после смерти ее монарха-воина Густава Адольфа во время несовершеннолетия королевы Кристины, быстро признал воцарение новой династии и приветствовал это как еще одну брешь в могуществе Испании. Английский король Карл I. после некоторой задержки также признал Иоанна IV, но он был слишком занят своими ссорами с парламентом, чтобы уделять много внимания внешней политике. Голландцы с радостью восприняли известие о революции и сравнили его со своим собственным успешным восстанием против Испании, и они сразу же заключили договор с Португалией и пообещали прислать помощь. Но именно Франции Иоанн IV. он с полной уверенностью ожидал помощи; он помнил тайных эмиссаров Ришелье и их щедрые обещания; и 22 января 1641 года, через три дня после своей коронации, он отправил двух своих самых опытных придворных, Франсиско де Мелло и Антонио Коэльо де Карвалью, со специальной миссией в Париж. Они были приняты с большой сердечностью великим кардиналом, который понимал, насколько сильно Испания пострадала от каталонского и португальского восстаний, и, к их удивлению, также королевой Франции Анной Австрийской, сестрой Филиппа IV. Де Мелло осмелился намекнуть на свое удивление таким сердечным приемом, когда королева произнесла знаменитый ответ: “Это правда, что я сестра его католического величества, но разве я также не мать дофина?” Их

переговоры завершились заключением договора о наступлении и обороне между Францией и Португалией, подписанного 1 июня 1641 года, по которому король Франции обещал не заключать мира с Испанией до тех пор, пока независимость Португалии не будет полностью признана. Эти посольства и договоры завершились прибытием сильного французского флота под командованием шеваляе де Брезе в Тежу 7 августа 1641 года, за которым 10 сентября последовал голландский флот под командованием адмирала Гильфельса.

В это самое время, еще до того, как первый король из Дома Браганса пробыл год на троне, зрел серьезный заговор, целью которого было восстановление могущества Испании. Этот заговор был почти полностью делом рук одного человека, дома Себастьяна де Маттоша де Норонья, архиепископа Браги и примаса Португалии. Новое правительство никоим образом не препятствовало этому прелату, но он чувствовал, что утратил власть, которой пользовался во время вице-королевства герцогини Мантуанской, и он так и не простил опасности, которой подверглась его жизнь в день начала революции в Лиссабоне. Сначала он пригласил маркиза Вилья-Реаль и его сына, герцога Каминьи, присоединиться к нему. Их семья гордилась королевской кровью и занимала в королевстве Португалия второе место после герцога Авейру, и они были возмущены тем, что за их молчаливое согласие с революцией им не было присвоено ни одного важного поста. Маркиз был покорен обещанием, что он станет вице-королем Португалии, если заговор увенчается успехом, и его сын с таким энтузиазмом включился в этот проект, что весь заговор широко известен как “заговор Каминьи”. Другими главными привлеченными мирянами были граф Армамар, племянник примаса, граф Баллере, Лоренсу Перес де Карвалью, хранитель казначейства, который боялся потерять прибыльный пост, который он так долго занимал под испанским владычеством, и Антонио Корреа, доверенное лицо убитого Васконселлоса, который был тяжело ранен во время восстания 1 декабря. Гораздо более важным союзником, чем любой из этих дворян и чиновников, был великий инквизитор Португалии дом Себастьян де Теллу, епископ Лейрии, которого убедили пообещать “новообращенным христианам”, или наполовину обращенным евреям, прекращение всех преследований, если они присоединятся к свержению Иоанна IV. Они, со своей стороны, были готовы помочь, потому что новый монарх категорически отказался идти им на какие-либо уступки, опасаясь оскорбить папу Римского. Вскоре были приняты меры; было решено, что “новы христиане” должны были поджечь дворец 5 августа; что король должен был быть заколот в возникшей неразберихе; и что герцогиня Мантуанская должна быть освобождена из своего монастыря и снова приведена к власти. Граф-герцог Оливарес с радостью согласился на все замыслы вероломного архиепископа, и депеши со всеми подробностями заговора были доверены обращенному еврею по имени Баэсе для отправки в Мадрид. Эти депеши попали в руки маркиза Айямонте, испанского дворянина и родственника новой королевы Португалии, который выступал посредником между Иоанном IV. а его шурином, герцог Медина Сидония, и маркиз немедленно отправили их в Лиссабон. Кто предупрежден, тот вооружен, и 5 августа, в день, назначенный для восстания, все лидеры заговора были арестованы. Подвергнутый пыткам Баэсе признался, и 29 августа все заинтересованные дворяне, включая маркиза Вилья-Реала и герцога Каминьи, были публично казнены в Лиссабоне, а примас и Великий инквизитор были приговорены к пожизненному заключению.

Это суровое наказание не охладило пыл друзей Испании, которые были в основном чиновниками и недовольной знатью и имели мало сторонников в народе, и в 1643 году был раскрыт новый заговор, возглавляемый государственным секретарем Франсиско де Лусеной, который был немедленно казнен. Несмотря на эти трудности, правительству удалось собрать

армию; она не была ни хорошо дисциплинированной, ни хорошо оснащенной, но народный энтузиазм заменил опыт, и 26 мая 1642 года португальцы под командованием Матиаса де Альбокерке разгромили испанскую армию под командованием барона де Молингена при Монтихо. Эта победа, которую громко сравнивали с победой при Альхубарроте, на самом деле не имела большого значения с военной точки зрения, но она укрепила дух португальского народа и побудила его упорствовать в борьбе за свою независимость. Со всех концов земного шара приходили новости о том, что старые португальские владения перешли на сторону Иоанна IV. Мозамбик, Гоа и владения в Индии, Малакка и Макао, - все они сбросили господство Испании и приготовились посылать деньги и людей в Лиссабон; в то время как Бразилия, самое ценное владение португальской короны с тех пор, как голландцы завладели азиатской торговлей, начала доблестную борьбу за Дом Браганса, борьбу, которая привела к войне с голландцами в Европе и лишила португальцев помощи, обещанной им в 1641 году прибытием флота под командованием Гильфельса.

Была рассказана история великого владычества, приобретенного голландцами в Южной Америке графом Морисом Нассауским; и богатство, полученное Голландской Вест-Индской компанией в результате его усилий, уступало богатству Голландской Ост-Индской компании. Граф управлял делами в больших масштабах; он построил или укрепил сорок пять крепостей; он командовал регулярной армией в три тысячи человек и флотом из девяти кораблей; и он отправлял в Голландию не менее двадцати пяти тысяч ящиков сахара в год. Но, несмотря на свой успех, он понимал, что это доминион зависит от меча; голландцы не были хорошими колонистами, поскольку они никогда не думали о том, чтобы обосноваться в Бразилии, но всегда думали о том, чтобы когда-нибудь вернуться в Голландию; и все европейские поселенцы и плантаторы на пяти капитанских должностях, которыми владели голландцы, были португальского происхождения. Кроме того, коренные бразильцы были в более дружеских отношениях с португальцами, чем с голландцами, благодаря трудам иезуитов среди них. Поэтому граф Морис Нассауский увидел, что вытеснить португальцев и заменить их голландскими поселенцами невозможно, поэтому он основал доминион, напоминающий английский в Индии, краеугольным камнем которого было военное владение страной и содержание сильных гарнизонов в различных крепостях. Вряд ли нужно говорить, что португальцы из всех различных капитанств свободно общались друг с другом, и настолько мудрым и осмотрительным было управление графа Мориса, что португальским поселенцам в его капитанствах завидовали те, кто оставался под властью Испании.

Но это умонастроение изменилось, когда пришло известие об успешной революции в декабре 1640 года. Дом Антонио Теллес да Силва, португальский генерал-губернатор, сразу же провозгласил короля Иоанна IV. в Сан-Сальвадоре португальцы и голландские капитаны немедленно почувствовали желание присоединиться к своим братьям. Однако вопросы европейской политики помешали им нанести удар сразу; Иоанн IV. он не мог позволить себе наживать врагов среди голландцев, и одним из условий его союза с ними было то, что дела в Бразилии должны оставаться точно такими, какими они были в течение десяти лет. Однако португальским колонистам не пришлось ждать десять лет из-за неблагодарного поведения самих голландцев. Голландская Вест-Индская компания не могла оценить политические идеи Мориса Нассауского; эти торговцы хотели больших прибылей, а не великой империи; им были отвратительны суммы, потраченные на крепости и армию, и в 1644 году они отозвали великого человека, чьи идеи были слишком грандиозны, чтобы они могли их постичь. Сразу же после его ухода дела у голландских капитанов пошли от плохого к худшему. Его преемники, комитет

торговцев, пренебрегли крепостями и возбудили ненависть португальских сахарных плантаторов своими поборами, и хотя они отправили домой беспрецедентное количество сахара и денег на один год, это был единственный год, когда они оставались у власти; ибо в 1645 году все португальские колонисты на голландских капитанских кораблях подняли восстание. Напрасно голландские власти жаловались дому Антонио Теллес да Силва; он ответил, что это не его вина, если португальцы подняли восстание; они сделали это не по его приказу или указаниям; и посол Португалии в Гааге сделал то же самое утверждение от имени короля. Редко когда восстание достигало такого быстрого успеха; Антонио Монис Баррету и Антонио Тейшейра де Меллу быстро подчинили себе провинцию Маранхам, а Жуан Фернандеш Виейра, человек, добившийся успеха сам и по происхождению подручный мясника, оккупировал всю провинцию Пернамбуку и загнал голландцев в их столицу. Зброшенные крепости были легко взяты, и вскоре голландцы не удержали ничего, кроме Ресифи. Напрасно Голландия объявляла войну Португалии и посылала в Бразилию большое вооружение; национальное движение было слишком сильным, чтобы ему можно было сопротивляться; голландцы одержали несколько морских побед, но не смогли закрепиться в стране, и в 1655 году остров Ресифи был оставлен после десятилетней осады, и король Португалии снова правил всей Бразилией.

Каким бы великим ни был триумф восстания в Бразилии, поначалу он наполнил сердце короля Португалии тревогой, поскольку лишил его союзника в Европе, на ценную помощь которого он твердо полагался. Повсюду он тщетно искал помощи. Швеция ничего не могла поделать; Англию раздирали гражданская война; а во Франции его союзника кардинала Ришелье сменил на посту верховного министра кардинал Мазарини. Иоанн IV. инстинктивно почувствовав, что он не может полагаться на Мазарини, который, несомненно, бросил бы его, если бы между Францией и Испанией был заключен мир, и в своем отчаянии он предложил уступить свой трон французскому принцу, который должен был получить достаточную помощь из Франции. О характере этого предложения лучше всего говорится в письме Мазарини герцогу Лонгвилю, датированном 4 октября 1647 года. "Король Португалии, - писал кардинал, - после зрелого рассмотрения положения дел, склонен отказаться от своей короны и удалиться на Азорские острова и предложить свое королевство любому, кого выберет королева Франции, считая себя достаточно сильным, чтобы добиться признания такого человека королем и подчинения ему всего народа Португалии. Он лишь желает, чтобы избранным был принц, который может рассчитывать на мощную помощь Франции, и чтобы у него были средства заключить такой союз со своим старшим сыном, который в конечном итоге обеспечит последнему наследование королевства. Он предлагает господина герцога Орлеанского и мадемуазель, или господина принца, или вас и вашу дочь.[29] Это странное предложение об отречении ни к чему не привело, и вполне можно усомниться в том, что Иоанн IV. у Мазарини хватило бы сил представить иностранного принца таким образом; и если бы он преуспел, Мазарини с такой же уверенностью покинул бы Португалию, даже если бы на ее троне находился французский принц. Хотя этот план провалился, Иоанн IV. все еще жаждал помощи от Франции; он предложил свою дочь, донну Екатерину де Браганса, с большим приданым как герцогу Бофору, так и молодому Людовику XIV, а также пообещал большие суммы денег скупому кардиналу для его собственного использования. Шли годы, занятые этими различными планами и мольбами о помощи, и так продолжалось до тех пор, пока Иоанн IV. пригрозил заключить мир любой ценой с Филиппом IV. что доверенный агент Мазарини, шевалье де Жант, подписал наступательный и оборонительный союз с Португалией 7 сентября 1655 года.[30]

ИОАНН IV. (Из гравюры того периода.)

Такое поведение Франции не вызывало серьезного беспокойства у Португалии до тех пор, пока война между Францией и Испанией продолжала занимать главные силы испанских армий; но со всех сторон Иоанн IV. увидел, что за границей на него смотрят как на временного монарха, правящего только до тех пор, пока у Испании не появится возможность сокрушить его. Из Англии он не мог получить никакой помощи; Кромвель продемонстрировал свое презрение к нему и общепринятым принципам международного права, отдав приказ о суде и казни Дома Панталеоне де Са, девятнадцатилетнего юноши и брата португальского посла Родриго де Са, за убийство и беспорядки в Лондоне;^[31] и его отказ выдать принца Руперта и принца Мориса в 1650 году адмиралу Блейку, заставившему этого доблестного адмирала захватывать его корабли и грабить его колонии. С другой стороны, народ Португалии непоколебимо поддерживал своего законного монарха. Бразилия признала его власть и прислала ему всю возможную помощь; индийские и китайские владения внесли, что могли, деньгами, а его великий адмирал Дом Сальвадор Корреа де Саэ Беневидес разгромил несколько испанских флотов и завоевал Анголу и бывшие португальские владения на африканском побережье.

Посреди этих затруднений, ежедневно ожидая известий о заключении мира между Францией и Испанией, который должен был предоставить последней возможность сокрушить его, король Иоанн IV, первый король из Дома Браганса, умер 6 ноября 1656 года. Его старший сын Дом Теодосио, которого он провозгласил принцем Бразилии, умер раньше него в 1653 году, и его наследником был тринадцатилетний мальчик, слабый как телом, так и интеллектом. Иоанн IV. не был великим человеком; его можно сравнить с Джоном “Великим” не больше, чем победу

Монтихо с победой Альхубарроты; но его имя и восшествие на престол знаменуют великое событие. Нерешительный по натуре, он черпал всю свою силу в королеве; если бы не она, он никогда бы не стал королем Португалии. Но революция, которая посадила этого посредственного человека на трон, интересна и важна; она показывает, насколько невозможно для нации, которая когда-то была великой, смириться с потерей своей независимости. Героическая эпоха Португалии действительно прошла, но победа при Монтихо и восстание в Бразилии показывают, что народ оправился от инертности и лени, которые допускал Филипп II, чтобы установить власть Испании над ними. Борьба с Испанией еще не завершилась; предстояла самая трудная часть борьбы, но народ, если не избранный им монарх, никогда не мечтал о поражении. Новые национальные институты возникли под руководством Жуана Пинту Рибейру, чтобы занять место изживших себя институтов Шестидесятилетнего плена; в Лиссабоне были организованы военные советы и колонии; были построены корабли и сформированы армии; были созданы новые трибуналы, такие как “Коммерческая хунта”. Литераторы также не отставали в поощрении возрождения независимости; поэт Франсиско де Са де Менезеш, проповедник Антонио Виейра и Хасинто Фрейре де Андраде, биограф дома Жуана де Кастру, все проявили дух патриотизма, и не лишено внимания, что первая португальская газета, *Gazeta de Lisboa*, была основана в 1641 году. Весь ход революции 1640 года показывает, что народ Португалии в семнадцатом веке не был недостоин своих предков и что он многому научился, потому что много страдал во время “Шестидесятилетнего плена”.

XV.

СОЮЗ С АНГЛИЕЙ.

Смерть Иоанна IV и восшествие на престол мальчика Аффонсо VI оказались чем угодно, только не катастрофой для Дома Браганса. Королева стала единоличным регентом, и эта энергичная и способная женщина, которая всегда была мужественной сторонницей своего слабого мужа, решила вести войну против Испании с удвоенной энергией. Она тоже стремилась к тесному союзу с Францией и не доверяла обещаниям Мазарини; но она чувствовала, что нет смысла ждать союзников до тех пор, пока Испания не будет свободна напасть на нее, и теперь приказала португальской армии выступить в поход. До сих пор, после битвы при Монтихо, война затихала и ограничивалась стычками на границе, но королева-регентша решила отказаться от этой политики и вторгнуться в Испанию. Ее предприятие не увенчалось успехом, и осада Бадахоса, которую она предприняла, закончилась неудачей и поражением. Было очевидно, что португальская армия, хотя и была полна доблестных и преданных солдат, была совершенно недисциплинированной и непригодной для какой-либо серьезной военной операции. В связи с этим, королева поручила своему послу в Париже графу де Суре нанять Фредерика, графа Шомберга, самого известного военного авантюриста своего времени, поступить к ней на службу и привести с собой восемьдесят офицеров и четыреста унтер-офицеров для организации и дисциплины португальской армии. Шомберг, чьей странной судьбой было служить почти при всех ведущих монархах Европы и погибнуть английским герцогом в битве при Бойне, с радостью принял предложение королевы. Подобно графу Липпе-Бакебургу и маршалу Бересфорду в более поздние времена, он обнаружил, что из португальцев получаются отличные солдаты, храбрые и дисциплинированные, и результатом его трудов стала великая победа, одержанная доном Антонио Луисом де Менезесом, графом Кантанхеде, над испанцами под командованием дона Луиса де Аро при Эльвасе 14 января 1659 года.

ЕКАТЕРИНА БРАГАНССКАЯ.

(С гравюры Фейторна.)

Эта победа, хотя и возродила мужество португальцев, которые были сильно подавлены своим отпором при Бадахосе, в некотором смысле нанесла ущерб делу Португалии, поскольку она настолько разгневала дону Луису де Аро, что во время знаменитых переговоров на острове Фазанов с Мазарини, которые привели к подписанию Пиренейского мирного договора в 1659 году, он не захотел слушать никаких ходатайств от имени португальцев и настоял на включении в договор секретной статьи, согласно которой Франция пообещает полностью отказаться от них. Ни Мазарини, ни Людовик XIV не собирались соблюдать этот секретный пункт и отказываться от преимущества иметь на полуострове такого полезного союзника, которого можно было бы использовать против Испании, и, соответственно, они искали какие-нибудь средства избежать этого. Мазарини снова послал верного шевалье де Жанта объяснить королеве-регентше, что кажущееся дезертирство Португалии было скорее номинальным, чем реальным, и что маленькому королевству не придется нести всю тяжесть войны с Испанией. Средство было найдено в 1660 году, когда Карл II, недавно восстановленный король Англии, предложил жениться на донне Екатерине де Браганса. Эта идея была приемлема для всех сторон. Мазарини и Людовик XIV. таким образом, Карл II помог бы Португалии, не нарушая своего обещания Испании. получил бы немного наличных денег и вернул бы долг благодарности, который он задолжал за убежище, предоставленное принцу Руперту и принцу Морису. Граф Кларендон видел преимущество союза в установлении влияния Англии на полуострове и в Индии; и королеве-регентше была обещана помощь мощной армии английских ветеранов, прошедших подготовку в Великой гражданской войне, которых Кларендон

стремился вывезти из страны, а также помощь Англии в заключении мира с голландцами. Таким образом, все стороны были удовлетворены, за исключением короля Испании, который яростно протестовал, и его католическое величество предложил дать приданое любой протестантской принцессе, которую примет Карл II. мог бы выбрать, если бы только отказался от этого португальского союза. Эти протесты были напрасны. Решительная воля Людовика XIV, лорда Кларендона и королевы-регентши Португалии была направлена на этот брак, и Франсиско де Меллу, граф да Понте, был отправлен в Лондон, а сэр Ричард Фэншоу, переводчик “Лусиад”, был отправлен в Лиссабон для организации предварительных приготовлений. Вскоре они были улажены, и 18 мая 1661 года о браке было объявлено английскому парламенту. Екатерина де Браганса должна была принести в качестве своего приданого город Танжер в Марокко, остров Бомбей и город Галле на Цейлоне, а также 800 000 фунтов стерлингов деньгами; в то время как Карл II на своей стороне обещал заставить голландцев заключить мир с Португалией и за дополнительную сумму в 30 000 фунтов стерлингов в год посылать армию численностью не менее трех тысяч ветеранов на помощь в войне с Испанией. Эти либеральные условия были одобрены парламентом, несмотря на вероисповедание португальской принцессы, и в апреле 1662 года граф Сандвич прибыл в Тежу с двадцатью английскими кораблями, чтобы отвезти невесту в Англию. Свадьба состоялась 31 мая 1662 года, и таким образом, по предложению короля Франции был сделан первый шаг к возрождению старого союза между Англией и Португалией, существовавшего при королях из Дома Авизов, союза, который, выражаясь возмущенным языком более поздних французских авторов, должен был сделать Португалию провинцией Англии.

Прежде чем прибыли английские солдаты и началась последняя борьба с Испанией, в Лиссабоне произошел Придворный переворот. Королю Афонсо VI было сейчас почти девятнадцать, и он вырос распутным и порочным юношей. Паралич привел в расстройство его интеллект, и его мать, поглощенная государственными заботами, слишком многое доверила слугам. Он находился всецело под влиянием своего камердинера, молодого человека по имени Конти, и главным его наслаждением было разгуливать по улицам Лиссабона во главе отряда мулатов и негритянских рабов и устраивать шалости, которых устыдились бы английские “мохоки” восемнадцатого века. Королева-регентша с отвращением изгнала Конти в Бразилию, и два опытных придворных, Себастьян Сезар де Менезес, граф Атугии, и Луис де Суза-и-Васконселлос, граф Капель-Мелор, убедили разгневанного молодого короля объявить себя совершеннолетним 21 июня 1662 года и взять управление государством в свои руки. Королева удалилась в монастырь, и вся власть перешла в руки двух заговорщиков.

К счастью для Португалии, оба графа были энергичными и способными государственными деятелями и во всем придерживались политики королевы. Капель Мелор сформировал из английских ветеранов, прибывших под командованием Мурроу О'Брайена, первого графа Инчиквина, нескольких французских и немецких добровольцев и наемников, а также недавно организованных португальских новобранцев мощную армию, реальным, хотя и не мнимым главнокомандующим которой был Шомберг. С этой армией серию побед были одержаны, что вызвало Афонсо ви. чтобы быть прозванного Афонсо “Победоносец”, хотя его собственные успехи, какими бы они ни были, были приурочены к улицам Лиссабона. 8 июня 1663 года граф Вилья Флор вместе с Шомбергом наголову разбили донна Иоанна Австрийского, незаконнорожденного сына Филиппа IV., при Амейшиале, а затем отвоевали Эвору; 7 июля 1664 года Педро Жак де Магальяйнш разбил герцога Оссуну при Сьюдад-Родриго; 17 июня 1665 года маркиз Мариалва и Шомберг разгромили испанскую армию под командованием маркиза

Каррасены в битве при Монтес-Кларосе; и Кристовао де Брито Перейра одержал еще одну победу на "Вилле Висоза".

Эти неоднократные успехи полностью подорвали могущество Испании на полуострове, и мир был лишь вопросом времени, когда Кагель Мелор решил увеличить как свою собственную власть, так и власть Португалии, женив короля, который был всего лишь инструментом в его руках, на французской принцессе. Такой союз был высоко одобрен Людовиком XIV, который верил, что это приведет Португалию под его влияние, и выбранной невестой была Мария Франсуаза Луиза Элизабет, мадемуазель д'Омаль, дочь Шарля Амадея, герцога Немурского, и Элизабет де Вандом, а также внучка Генриха IV Французского. Ее привез в Португалию ее родственник, кардинал д'Эстреш, и свадьба была отпразднована в Лиссабоне с величайшей помпой в 1666 году. Но вместо того, чтобы усилить свою власть, великий министр Кагель Мелор обнаружил, что этот союз привел его к краху. Красивая и образованная молодая королева не могла не испытывать отвращения к своему никчемному и опустившемуся мужу, и она быстро влюбилась в его младшего брата, дома Педро, герцога Бежи. Ее страсть была возвращена, и после четырнадцати месяцев несчастливой супружеской жизни королева внезапно покинула дворец и удалилась в монастырь, подав заявление о разводе на основании незавершения брака в капитул кафедральной церкви Лиссабона. За ее действиями последовал придворный переворот, и дом Педро запер короля Афонсо в части дворца и принял регентство 23 ноября 1667 года. Все радовались свержению порочного короля. Меры Дома Педру были повсеместно одобрены жителями Лиссабона, и 1 января 1668 года он был признан кортесами регентом. Великий министр Кагель Мелор не подвергся судебному преследованию, и ему разрешили удалиться в Париж, а молодой принц, которому еще не исполнилось двадцати, взял управление Португалией в свои руки.

Регент немедленно поспешил начать переговоры о мире с Испанией, которые были начаты под руководством Кагель Мелора графом Сэндвичем и сэром Ричардом Саутвеллом, английскими посланцами в Мадриде и Лиссабоне, и 13 февраля 1668 года долгая война, длившаяся двадцать семь лет - с тех пор, как небольшая группа заговорщиков в Лиссабоне провозгласила королем Иоанна IV. — была официально завершена. По Лиссабонскому мирному договору Испания торжественно признала независимость Португалии и присвоила ее суверену титул "Ваше величество", который никогда не признавался даже за Эммануилом и Иоанном III, а взамен Португалия уступила Сеуту в Марокко королю Испании. За этим дипломатическим успехом 24 марта последовал развод королевы, которая 2 апреля, с разрешения и благословения папы Римского, вышла замуж за регента дома Педро. Несчастный Афонсо был отправлен на Азорские острова, и для Португалии началась новая эра мира и процветания. Регент был полностью убежден в необходимости мира и экономии, чтобы восстановить процветание королевства после его долгой борьбы с Испанией. Он сократил армию и уволил всех иностранных солдат, и он приступил к работе, чтобы внести улучшения в каждый административный департамент. Казна была пуста, а страна была ужасно бедна. Сельским хозяйством во время долгой войны пренебрегали; голландцы и англичане захватили азиатскую торговлю; индийские владения почти ничего не стоили; и единственным источником доходов, кроме налогов, были богатства Бразилии. И все же у дома Педро хватило мудрости и самообладания не повышать налоги и не давить слишком сильно на сахарных и табачных плантаторов своего великого доминиона в Южной Америке, и он предпочел сократить расходы своего семейства до минимально возможной суммы. Во всех его начинаниях ему помогала

жена, и неудивительно, что португальский народ любил и почитал своих благоразумных правителей.

Единственным важным событием во время регентства был заговор дома Педро Франсиско де Мендонса и дома Антонио де Кавида с целью восстановления Афонсо VI. на троне в 1674 году. К счастью, это было обнаружено вовремя; зачинщики были казнены, а Афонсо VI - нет. был удален с Азорских островов, где пытался создать партию, и обосновался в Цинтре, где и умер в 1683 году. Затем регент взошел на трон как Педро II. и добавил титул "король" к власти, которой он пользовался в течение пятнадцати лет; но в том же году он потерял свою жену, ради которой сверг своего брата. Его правление было отмечено теми же чертами, что и его регентство; а его строгая экономия и поддержание мира дали возможность истощенной стране восстановиться. Он был превосходным администратором не только по склонностям, но и из желания быть независимым от кортесов, которых он созывал как можно реже, и никогда после прибытия первой партии золота из Бразилии. В своей внешней политике он стремился поддерживать хорошие отношения как с Францией, так и с Англией и отказывался вмешиваться во внутренние дела Испании. Его дружба с Англией поддерживалась через его сестру Екатерину, которая, по его указанию, держалась в стороне от министерских ссор и спокойно оставалась в своей приемной стране после смерти мужа на протяжении всего бурного правления Якова II и революции 1688 года, и которая вернулась в Португалию только в 1692 году. С Францией он был более осторожен, поскольку опасался честолюбия Людовика XIV и опасался опасности для Португалии, которую могло вызвать восшествие принца Бурбонов на трон Испании.

ПЕДРО II.

(С гравюры в Британском музее.)

Вакансия, которая будет вызвана смертью короля Испании Карла II, и общая борьба, которая, казалось, могла произойти за его владения, имели большее значение для короля Педро II. Португалии, чем Вильгельму III. Англии или Людовику XIV. Франции. Он чувствовал, что совершенно неспособен справиться ни с одной из великих держав, и начал копить деньги на всеобщую войну, которая, несомненно, вскоре должна была разразиться. В 1687 году по просьбе своего министра и самого близкого друга, герцога Кадаваля, он согласился снова жениться, чтобы иметь наследника престола. Он выбрал себе в жены Марию Софию Нойбургскую, дочь курфюрста Палатинского, к большому огорчению Людовика XIV, который надеялся, что тот выберет французскую принцессу; и от нее у него родилось четверо сыновей. Когда умер Карл II. став повседневным событием, которого следовало ожидать, он объявил о своем намерении сохранять нейтралитет и отказался, в соответствии с традициями Дома Авис, самому выдвигать свою кандидатуру на испанский престол. Тем не менее, он увеличил свой военно-морской флот, привел свою армию в боевое состояние и отремонтировал свои крепости, а в 1699 году он имел удовольствие получить первую крупную партию золота из Бразилии в размере полутора тонн, что доказало ему, что у него появился новый источник дохода, более продуктивный, чем любые налоги, которые он мог взимать дома.

Наконец, 1 ноября 1700 года умер король Испании Карл II, а Людовик XIV умер. принимая трон для своего внука, он сделал свое знаменитое заявление: “Теперь больше нет никаких Пиренеев”. Король Педро зашел в своей уступчивости так далеко, что признал Филиппа V. королем Испании, и он даже приютил французский флот под командованием графа де Шастно в Тежу от нападений английского адмирала сэра Джорджа Рука. Но вскоре он увидел, что, как он и опасался, ему невозможно сохранять нейтралитет, и дерзость кардинала Порто Карреро, который говорил о нем королю Филиппу как о “мятежном герцоге Браганса”, а также информация о существовании секретного договора, который обещал французскую помощь в покорении Португалии, сделали Педру II. решите заключить еще более тесный союз с Англией. Это было именно то, чего хотело великое министерство вигов, и в 1703 году distinguished Джон Метуэн был направлен в Лиссабон со всеми полномочиями для переговоров по политическому и торговому договору с Португалией.

27 декабря 1703 года был подписан знаменитый Метуэн-ский договор, по которому португальские вина могли ввозиться в Англию по более низкой пошлине, чем вина из Франции и Германии, в обмен на аналогичную уступку английским промышленным товарам. Непосредственным результатом этого договора стало то, что король Педро признал эрцгерцога Карла, английского кандидата, королем Испании и предоставил англичанам операционную базу на полуострове. Скрытым результатом стало то, что англичане в восемнадцатом веке пили портвейн вместо кларета и хока, в то время как португальцы импортировали из Англии все, что им было нужно, помимо предметов первой необходимости. Это было преимуществом для обеих стран, поскольку Португалия является в высшей степени сельскохозяйственной страной, не имеющей ни перенаселенного населения, ни материалов, необходимых для производства, в то время как Англия получила дружественную провинцию, из которой можно импортировать вино и продукты южной земли, а также рынок для продажи продукции своих мануфактур. Возникшая таким образом тесная связь выходила за рамки простой торговли; она установила дружеские отношения между двумя народами, что принесло бесконечную пользу меньшей нации. В Лиссабоне была основана обычная английская “фабрика”, а в Порту большая колония английских виноторговцев и грузоотправителей вела деловые операции, которые удвоили процветание прекрасного города на реке Дору. Постоянный приток английского капитала

увеличивал богатство Португалии, и виноградники Энтре-Минью-э-Дору вошли в поговорку среди их зажиточных и трудолюбивых крестьян; в то время как, с другой стороны, импорт английских товаров давал португальцам средства комфорта и роскоши, которые отличали их в глазах всех путешественников прошлого столетия от испанцев и итальянцев. По сей день прекрасный фарфор знаменитых английских мануфактур в Вустере и Дерби, Челси и Боу можно найти в португальских коттеджах; а англичане не утратили вкуса к портвейну и апельсинам Сент-Майкл.

ПОРТУ. НЫНЕШНЕЕ СОСТОЯНИЕ.
(После фотографии.)

С политической точки зрения Метуэн-ский договор гарантировал само существование Португалии; теперь во все времена опасности она могла рассчитывать на поддержку великой державы, заинтересованной в том, чтобы иметь союзника из страны, из которой она могла действовать против Испании. 7 марта 1704 года эрцгерцог Чарльз прибыл в Лиссабон с мощным английским флотом под командованием сэра Джорджа Рука, доставив десять тысяч английских солдат под командованием Анри де Рувины, лорда Голуэя. 30 апреля Филипп V объявил войну Португалии, и англичане двинулись вперед с вспомогательной португальской армией под командованием графа дас Гальвераса и Диниша де Меллу-и-Кастро. Кампания была успешной; союзники взяли Сальватерру и Валенсу, а сэр Джордж Рук захватил врасплох важную крепость Гибралтар. В следующем году на португальской границе почти ничего не было сделано, потому что эрцгерцог Карл отплыл в Барселону, а король Педру, который чувствовал, что умирает, отказался от всякого активного участия в делах и передал регентство своей сестре Екатерине, вдовствующей королеве Англии. Если бы он был в сознании, то, возможно, слышал бы о больших успехах и неудачах кампании 1706 года. Лорд Голуэй и дом Жуан де Суза, маркиз дас Минас, продвинулись в Испанию и, быстро захватив Алькантару, Корию, Трухилью, Пласенсию, Сьюдад-Родриго и Авилу, заняли Мадрид 2 июля 1706 года. Но они оставались там недолго; испанцы поднялись с оружием в руках на стороне Филиппа V. И в августе 1706 года союзная армия отступила так же быстро, как и продвинулась вперед. Дом Педру, однако, оставался в неведении относительно этих волнующих событий; он постепенно тонул и умер в Алькантаре 9 декабря 1706 года, оставив за собой репутацию одного из лучших королей Португалии.

Большой интерес его правления заключается в постепенном формировании английского союза, который является ключом к португальской истории следующего столетия. Оно было начато браком Екатерины де Браганса с Карлом II., усилено действиями лорда Сандвича и сэра Ричарда Саутвелла по заключению мира с Испанией и, наконец, закреплено Метуэн-ским договором, и любопытно отметить, что первое звено в этой цепи было выковано Людовиком XIV. и Мазарини, рекомендующий жениться Карлу II.

Важно понаблюдать за положением Португалии в Азии и Южной Америке в течение полувека, последовавшего за “Шестидесятилетним пленом”, и увидеть, насколько презируемое открытие Педро Альвареса Кабрала с лихвой заменило хваленые азиатские связи, начатые путешествием Васко да Гамы. Тяжелые удары, нанесенные голландцами и англичанами португальской монополии на восточную торговлю до успешной революции 1640 года, уже были замечены, и разорение португальцев в Азии было завершено голландцами в ходе длительной морской войны, последовавшей за нападением на их поселения в Бразилии. Торговля с Китаем не достигла очень значительных размеров, поэтому голландцы оставили португальцев в Макао без помех, но они разрушили их поселения на острове Формоза, а англичане поглотили всю торговлю, которая там велась, за счет их фабрики в Кантоне. Это была торговля пряностями и господство над островами пряностей, на которые голландцы больше всего претендовали и на которые они получили монополию, которую они практически сохраняют по сей день. После основания Батавии все усилия голландцев были направлены против Малакки, которая, хотя и находилась в упадке, все же была хозяйкой немалой торговли; дважды они подстрекали ачинцев попытаться завоевать знаменитое поселение Альбокерке, но португальцы отбивали туземцев, и только в 1640 году голландцы уничтожили соперника Батавии. Португальцы больше не предпринимали попыток разделить торговлю пряностями, и после резни англичан при Амбойне в 1624 году более опасное соперничество торговцев этой страны также прекратилось. В Индии голландцы взяли на себя обязательство обеспечить торговлю только перцем и предоставили англичанам поглощать продукты Северной Индии, муслин из Дакки и парчу из Ахмадабада и Сурата. Португальцы изгнали голландцев из Гоа в 1639 году, но этих решительных торговцев было не победить; в 1662 году, несмотря на мир, заключенный благодаря вмешательству Англии, они захватили Кочин, главную португальскую станцию на Юге Индии, и к 1664 году были хозяевами всех главных портов для перца на Малабарском побережье. Они были столь же успешны на Цейлоне, где в 1658 году захватили Джафнапаттам, последний важный португальский порт; а в 1669 году они также изгнали португальцев с побережья Коромандель и захватили С. Томе и Макаassar. В Северной Индии англичане были самыми грозными соперниками португальцев. После захвата Хугли по приказу шаха Джехана португальцы прекратили всякое сообщение с Бенгалией, и торговля этой важной провинции перешла в руки англичан. На другом конце Индии англичане добились не меньшего успеха. Их победа при Сурате подорвала престиж Португалии, и торговля с Гуджаратом, Катхияваром и Синдом была в основном в их руках. Португальцы действительно настолько ослабли, что Диу, город, увековеченный храбрыми подвигами Антонио де Сильвейры и Жуана де Кастро, был разграблен бандой арабов в 1670 году; а сам Гоа, “Золотой Гоа”, был спасен от маратов Самбаджи, сына Шиваджи, только благодаря своевременной помощи армии моголов. С другой стороны, португальские иезуиты снискали репутацию почти такую же великую, как у португальских героев; хотя инквизиция все еще продолжала свою ужасную работу в Гоа, были миссионеры более благородные, чем инквизиторы, и имя Жуана де Бриту, который проповедовал с непревзойденным успехом вплоть до своей жестокой мученической смерти в Мадуре в 1693

году, заслуживает того, чтобы быть поставленным в один ряд с именем самого святого Франциска Ксаверия. В Африке главные португальские порты были вновь завоеваны Сальвадором Корреа де Саа и Беневидесом в 1648 году, но они представляли лишь небольшую ценность, поскольку использовались главным образом как станции на пути в Индию, а не для целей африканской торговли. Голландцы устроили себе пристанище на мысе Доброй Надежды, по этой причине Мозамбик был оставлен португальцам; и они также завладели богатым островом, который первым увидел Лоренсу де Алмейда, которому они дали название Маврикий в честь принца Мориса Нассауского. На западном побережье португальцы сохранили Анголу, острова Зеленого Мыса и другие свои владения; но они уступили остров Святой Елены голландцам, которые удерживали его до тех пор, пока он не был захвачен английским капитаном Энтони Манденом в 1673 году, когда он был превращен в станцию Английской Ост-Индской компании. Со своими владениями в Марокко португальцы расстались с большей готовностью, поскольку они были всего лишь источником расходов; и уступка Сеуты испанцам и Танжера англичанам была в целом одобрена. О Бомбее, другой территориальной уступке, полученной Англией после женитьбы Кэтрин де Браганса, говорить не приходится, поскольку, хотя ему и суждено было стать столицей западной Индии, поначалу он оказался настолько малоценным, что в 1668 году Карл II передал его Ост-Индской компании за десять фунтов в год.

ОБРАЗЦЫ ПОРТУГАЛЬСКИХ СЕРЕБРЯНЫХ И МЕДНЫХ МОНЕТ.

СЕРЕБРЯНЫЕ МОНЕТЫ.

- (1) Вино, 20 реев = около пенни.
- (2) Половина тосты, 50 реалов = почти три пенса.
- (3) Три винтенса = примерно три с половиной пенса.
- (4) Тостао, 100 реев = гораздо больше шести

МЕДНЫЕ МОНЕТЫ.

- (1) Монета в полтора рейса (Петр II, 1700 г.) = менее половины фартинга.
- (2) Монета в три рейса (Мария и Петр III, 1797) = меньше фартинга.
- (3) Монета в пять реев (Мария Регина, 1799) = около фартинга.

пенсов.

(5) Шесть винтенов = около семи пенсов.

(6) Двенадцать винтенов, 240 реев = примерно один шиллинг и два пенса.

(7) Крусудо ново, 24 винтажа = около двух шиллингов и четырех пенсов.

(4) Монета в десять реев (Мария I., 1799) = чуть больше полпенни.

История португальцев в Бразилии в тот же период сильно отличается от этой истории упадка, и сравнение ясно показывает, насколько большую ценность представляет колония, чем доминион, завоеванный и удерживаемый мечом. Лояльность португальских колонистов была продемонстрирована тем, что они изгнали голландцев практически без какой-либо помощи со стороны правительства метрополии, а узы родства позволили португальцам сохранить свою власть в Южной Америке без создания и содержания мощных армий. Действительно, один из самых ценных уроков, преподанных историей дочерней страны, заключается в том, что чем меньше метрополия вмешивается в дела своей колонии, тем лучше будет для обеих стран. Материальное процветание Бразилии в семнадцатом веке было обусловлено тем фактом, что в тот период колония была в основном сельскохозяйственной, и поэтому у многочисленного и трудолюбивого населения было время для сбора средств, прежде чем было обнаружено золото в больших количествах. Производство табака и сахара было основным занятием жителей, и быстрое освоение этих ресурсов привело к росту большого флота не только для перевозки этих товаров в Европу, но и для импорта тысяч негритянских рабов, которые работали на плантациях. И здесь уместно отметить, что в то время португальские поселенцы не предпринимали попыток поработить коренных бразильцев, которые находились под защитой иезуитов и королевских эдиктов, но считали совершенно справедливым использовать негритянских рабов. Это мудрое поведение и поведение иезуитов, усердно работавших среди туземцев, сблизил их со своими завоевателями, которые вскоре начали вступать с ними в браки. Благодаря этим дружественным отношениям внутренние районы континента постепенно осваивались, и, наконец, было обнаружено золото в больших количествах. Португальцам повезло, что это не было обнаружено раньше, ибо в противном случае они наверняка потеряли бы свою колонию во время “Шестидесятилетнего плена”, но в то время они были слишком прочно укоренены, чтобы их можно было изгнать, и, кроме того, имели мощную защиту английского военно-морского флота. Первое крупномасштабное обнаружение золота произошло в 1699 году, и прибытие первого груза в подходящий момент дало королю Педро средства, необходимые ему для приведения в боевую готовность своей армии. Следует помнить, что в то время не существовало золотых месторождений в Калифорнии или Австралии и что открытие золота в Бразилии имело большее значение, чем это было бы сейчас. Король Педро был готов благоразумно использовать этот источник богатства; он не пытался сделать золотые прииски королевской монополией, чего не допустили бы независимые жители капитанств, но потребовал одну пятую от общего зарегистрированного годового экспорта. Это оставляло достаточно прибыли золотоискателям, и поскольку ежегодный доход португальской короны от этого источника составлял по меньшей мере 300 000 фунтов стерлингов, можно предположить, что короли Португалии вполне могли содержать великолепный двор в Лиссабоне, несмотря на прекращение азиатской торговли. Нет истории более интересной, чем превращение Бразилии в самое ценное владение Португалии; земля, поначалу населенная каторжниками, превзошла по богатству владения, завоеванные благороднейшими сынами страны.

XVI.

ПОРТУГАЛИЯ В ВОСЕМНАДЦАТОМ ВЕКЕ. МАРКИЗ ПОМБАЛ.

Восемнадцатый век представляет меньше особенностей, представляющих интерес, чем любой другой за всю историю Португалии. Страна оставалась в политическом смысле простой провинцией Англии и была обязана по Метуэн-скому договору принимать участие во всех войнах, в которых участвовала Англия, и важность этого соглашения становилась все более очевидной, когда Франция и Испания были объединены тесной связью, созданной "Семейным договором". Коммерческие отношения были причиной большей близости между представителями двух национальностей, чем политический союз, поскольку они, как уже было сказано, привлекли в Португалию английских купцов и английский капитал. Но, несмотря на эти двойные узы союза, два союзника оставались совершенно раздельными. Португальцы оставались расой фанатичных католиков, и англичане не предпринимали никаких усилий, чтобы обратить их в свою веру. Эта разница в вероисповедании препятствовала какому-либо тесному союзу между правящими домами двух стран, подобному тому, который был заключен в результате брака Карла II. Екатерине Брагансской, ибо любой брак с принцессой-католичкой был бы отвергнут государственными деятелями и народом Англии. Таким образом, существуя как независимое государство под защитой Англии, Португалия сохранила свои собственные национальные особенности и в других отношениях оставалась больше похожей на Испанию, чем на любую другую страну. Маленькое государство больше не находилось в авангарде марша европейской цивилизации; оно чувствовало, что его великие дни прошли, и довольствовалось тем, что оставалось в застойном покое. По этой причине, если не по какой-либо другой, история Португалии теряет свой интерес в восемнадцатом веке, поскольку она не была

проиллюстрирована ни великими боевыми подвигами, ни национальной революцией, ни продвижением национального прогресса, и именно в это время во всех отношениях, как в литературном, так и в политическом, она отстала от других европейских наций. Так было неизбежно; нация, политическая независимость которой зависела от другой, вряд ли могла породить героев. Странно, что влияние английского примера не привело к возникновению движения за политическую свободу и представительные институты, но это было не так; монархия оставалась абсолютистской, и богатство, полученное от золотых и алмазных рудников Бразилии, не позволяло ей нуждаться в поддержке народа, а Кортесы ни разу не созывались на протяжении столетия. И все же этот абсолютизм не был абсолютным злом, поскольку он породил великого министра, португальца Ришелье, в лице маркиза Помбала.

Правление Иоанна V, старшего сына Педро II, который сразу же принял королевскую власть от регентши Екатерины, было, хотя и началось с войны, примечательным долгим продолжением мира. Война за испанское наследство все еще бушевала на полуострове, и первая кампания после восшествия на престол нового монарха ознаменовалась крупным поражением, нанесенным англичанам и португальцам французами и испанцами при Альманзе 15 апреля 1707 года, битве, в которой англичанами командовал француз Анри де Рувины, лорд Голуэй, а французами - англичанин Джеймс Фиц-Джеймс, герцог Бервик. Тем не менее Иоанн V, семнадцатилетний юноша, несмотря на эту катастрофу, остался верен союзу с Англией и Метуэн-скому договору и передал управление делами в руки министра и друга своего отца Жуана де Маскареньяса, герцога Кадавальского. Этот способный государственный деятель еще прочнее привязал короля к англо-австрийскому союзу, женив его на эрцгерцогине Марианне, дочери покойного императора Леопольда I. В 1708 году мощный английский флот под командованием адмирала сэра Джорджа Бинга сопровождал короля в Лиссабон. Однако война продолжала неуклонно идти против союзников, поскольку испанцы с энтузиазмом сплотились вокруг своего короля-бурбона Филиппа V. и 7 мая 1709 года португальская армия под командованием маркиза Фронтейры потерпела поражение на берегах Кайи от испанцев под командованием маркиза де Бея. Гораздо более серьезным был захват Рио-де-Жанейро французским адмиралом Дюге-Труэном 23 сентября 1711 года, который более чем на год перекрыл все поставки из Бразилии. Война разгорелась по всей Европе после вступления эрцгерцога Карла на престол императора, и 6 февраля 1715 года, почти через два года после Утрехтского мирного договора, государственный секретарь Диого де Мендонса, граф Кортес-Реаль, подписал в Мадриде мир между Испанией и Португалией.

Как только Иоанн V начал определять для себя политику, после смерти герцога Кадаваля, он продемонстрировал свое отвращение к войне. Он отказался участвовать в войне против кардинала Альберони, знаменитого министра Испании, и, насколько это было возможно, избегал любой комбинации, которая могла бы привести к разрыву мира. Единственной экспедицией, которую он отправил, был флот, который он снарядил по приказу папы римского, чтобы присоединиться к венецианцам в их борьбе против турок, и который под командованием Лопе Фуртадо де Мендонса, графа Рио-Гранде, разгромил мусульман у мыса Матапан в 1717 году. Главное усилие внешней политики короля Иоанна состояло в том, чтобы сочетать твердую приверженность договору Метуэна с дружественными отношениями с Испанией, с помощью которых он надеялся избежать войны. С этой целью он всегда поддерживал наилучшие отношения с английскими послами в Лиссабоне, особенно с лордом Тайроули; и в 1729 году он тесно объединился с новой династией в Испании. Его дочь, донна Мария Хосефа де Браганса, была замужем за доном Фердинандом, старшим сыном Филиппа V., который унаследовал трон

Испании как Фердинанд VI.; в то время как испанская инфанта, донна Марианна Виктория де Бурбон, была замужем за предполагаемым наследником Португалии, домом Жозефом. С папством Иоанн V оставался в наилучших отношениях; он ссужал огромные суммы денег сменяющим друг друга папам из богатств Бразилии, а взамен получал награды, которые не имели реальной ценности, но которые он высоко ценил. Лиссабон был разделен на две епархии; архиепископство Лиссабона было преобразовано в патриархат; патриарху было разрешено совершать богослужения в облачении, напоминающем папское, а его каноны - в подражание канонам кардиналов; и, наконец, в последний год его правления королям Португалии был присвоен титул “Фиделиссимус”, или “Самый верный”, что соответствует титулам “Самый христианский” и “Самый католический”, присвоенным королям Франции и Испании соответственно.

Это единственные достопримечательности, отмечающие долгое сорокачетырехлетнее правление Иоанна V. И поскольку последние тридцать пять из этих лет были годами мира, вполне можно сказать, что счастливо то правление, у которого почти нет истории. Но не следует думать, что поэтому он не произвел никакого впечатления на свою страну. Напротив, он многое сделал для того, чтобы оставить свой след в ее истории. Он проявлял склонность, как и многие другие принцы восемнадцатого века, подражать Людовику XIV. Он потратил много денег на строительство, и среди его самых известных работ в этом направлении - патриаршая церковь в Лиссабоне, великолепный женский монастырь в Мафре и великий акведук, который до сих пор снабжает Лиссабон водой. Он был щедрым покровителем литературы и искусств и основал Историческую академию в Лиссабоне в 1720 году. Он любил музыку и театр и тратил огромные суммы на импорт певцов и танцоров из Италии и актеров из Франции. Он проявлял разумный интерес к управлению своим королевством и для лучшего ведения дел учредил три государственных секретаря для внутреннего, иностранного и военного, а также колониального и военно-морского ведомств вместо одного, и он особенно гордился своим военно-морским флотом и основал военно-морской арсенал Лиссабона. В его честь также можно записать еще один факт: в 1725 году он получил Буллу от папы Бенедикта XIII, разрешающую всем заключенным инквизиции нанимать адвоката для своей защиты и предписывающую, чтобы все приговоры Святой Канцелярии доводились до сведения короля и утверждались им на совете. У этого выдающегося монарха случился паралич в 1742 году, и последние восемь лет его правления, вплоть до его смерти в 1750 году, королевством управляли королева и кардинал да Кунья, патриарх Лиссабона.

Правление короля Жозефа, длившееся с 1750 по 1777 год, прославилось благодаря правлению маркиза Помбала, величайшего министра, когда-либо правившего Португалией, и одного из величайших государственных деятелей восемнадцатого века. Король, хотя и сам был человеком действительно одаренным, мало вмешивался в политику и полностью оставил управление делами в руках министра, величие которого он осознал первым. Отношения между монархом и его подданным напоминают отношения между Людовиком XIII и Ришелье, и делают честь обеим сторонам. Во всем — в своих великих внутренних административных реформах, в своих финансовых схемах, в реорганизации армии, в отмене рабства и в борьбе с иезуитами, которая закончилась подавлением этого знаменитого ордена, — король Иосиф поддерживал своего министра. Помбал сломил власть знати и сделал короля более абсолютным, чем когда-либо, и он возвысил королевскую прерогативу, используя ее для своих реформаторских мер; в то время как, в свою очередь, король сохранил министра у власти, несмотря на яростные протесты и коварные интриги римско-католического духовенства и противодействие его жены.

Себастьяну Хосе де Карвалью-э-Меллу, более известному под своим более поздним титулом маркиза Помбала, было более пятидесяти лет, когда его покровитель взойшел на престол, а он сам вступил в должность. Его отец, Эммануэль де Карвалью, был сельским жителем среднего достатка, но по линии матери, Терезы де Мендонса, он состоял в родстве с некоторыми из самых знатных семей Португалии, с Алмейдами, Меллос и Мендонсами. Он родился в Суре 13 мая 1699 года и, получив образование в Университете Коимбры, поступил рядовым в армию. Он не находил ни удовольствия, ни выгоды в военной карьере в мирное время, и после ухода со службы вел жизнь городского жителя Лиссабона. Его красивое лицо, огромная физическая сила и мастерство в атлетических упражнениях сделали его популярным во всех кругах столичного общества, несмотря на его сравнительную бедность, и он особенно выделялся, если это можно назвать отличием, среди “могоков”, наводнивших улицы Лиссабона. Казалось, у него не было никаких шансов когда-либо оставить какой-либо след в жизни, когда в 1733 году о нем заговорил весь город, сбежав с дамой самого высокого положения, донной Терезой де Норонья, племянницей графа Аркос. Семья его жены сначала была сильно возмущена, но в конце концов они смягчились, и в 1739 году "браво улиц Лиссабона" благодаря их влиянию был назначен послом при Английском дворе. Некоторым утешением для людей преклонных лет является воспоминание о том, что величайшему из португальских министров было сорок лет, прежде чем он получил официальную работу. В Лондоне Себастьян де Карвалью начал с чистого листа и посвятил себя серьезному изучению политики, а также тщательно исследовал английскую систему правления и причины коммерческого процветания Англии. Из Лондона он был перевезен ко двору Вены в 1745 году, и там после смерти своей первой жены женился на дочери графа Дауна, знаменитого австрийского генерала. По этому случаю королю Иоанну V. было приятно из уважения к победителю при Колине пожаловать Себастьяну де Карвалью дворянские грамоты, которые давали ему право на префикс Дом; и в 1750 году посол был отозван в Португалию и назначен государственным секретарем по иностранным делам. Пока он возвращался домой, Иоанн V. умер, и когда Карвалью добрался до Лиссабона, король Джозеф уже взойшел на трон.

МАРКИЗ ПОМБАЛ.

(С гравюры в Британском музее.)

Сначала новый государственный секретарь занимал не более высокое положение, чем его коллеги, но вскоре его способности стали очевидны королю, а его поведение во время сильного землетрясения в Лиссабоне дало ему неограниченное влияние на умы монарха. Эта ужасная катастрофа произошла 1 ноября 1755 года. Население города собралось в церквях, слушая торжественные службы в День всех Святых, когда почувствовался первый толчок землетрясения; за ним с интервалом последовали три других, которые превратили половину города в руины. Большинство несчастных, которым удалось спастись из рушащихся домов и церквей, бросились к набережным. Но волнение затронуло и море; огромная приливная волна захлестнула набережные и смыла тысячи беглецов, в то время как корабли, стоявшие на реке, были вытеснены на берег. Не было недостатка ни в одном элементе ужаса, ибо пожары вспыхивали во всех частях разрушенного города, и отбросы населения носились туда-сюда, убивая и грабя тех, кого пощадили стихийные бедствия. В этот страшный момент король и Карвалью проявили величайшее мужество и самую непоколебимую твердость поведения. На требования монарха относительно того, что следует предпринять, министр лаконично ответил: "Похороните мертвых и накормите живых", и в течение восьми дней и ночей он жил в своей карете, переезжая с места на место, везде, где требовалось его присутствие, и подавляя беспорядки. Весть о катастрофе распространилась по всей Европе; по меньшей мере тридцать тысяч человек, по некоторым данным, сто тысяч человек, погибли, и иностранные государства не замедлили оказать помощь оставшимся жителям Лиссабона. В Англии сочувствие было острее, чем где-либо еще, из-за тесных отношений между двумя нациями, и большие суммы

денег и большое количество провизии были быстро отправлены из Лондона в Португалию. Катастрофа произвела необычайное впечатление на умы всех современников; в Лондоне в течение года было опубликовано более двадцати отчетов, не считая заметок в журналах, и Вольтер в своем “Кандиде” дал полное и, в целом, очень точное описание этого.

Энергия Карвалью в то время укрепила его репутацию у короля, и он почувствовал, что может начать свои кампании против знати и иезуитов. Чтобы у него было свободное время для решения столь важных вопросов, в 1756 году он был назначен премьер-министром, наделенным властью над всеми административными департаментами, а его друг Луис да Кунья был назначен на его место государственным секретарем по иностранным делам. О его длинной серии административных реформ и его усилиях по улучшению положения страны, которые были распространены на его двадцатисемилетнее правление, будет лучше говорить в целом; но здесь необходимо дать особое описание его кампании против иезуитов, которая привела к подавлению этого знаменитого ордена. Нет необходимости размышлять о различных мотивах, побудивших Карвалью напасть на иезуитов, но главная причина заключалась в том факте, что они были богаты и могущественны, а следовательно, представляли собой опасную силу в абсолютистской монархии. Следует помнить, что иезуиты восемнадцатого века представляли собой совершенно иной класс людей, чем их предшественники. Они больше не были бесстрашными пионерами-миссионерами, а превратились в корпорацию богатых торговцев, которые использовали свое духовное положение для продвижения дела своей торговли. Они проделали огромную работу в Америке, открыв внутренние районы Бразилии и обратив местных жителей в христианство, и их управление Парагваем, одно из самых интересных достижений во всей истории христианства, было, без сомнения, благословением для народа. Но к середине восемнадцатого века они зашли слишком далеко. Одно дело было обратить в свою веру коренных жителей Бразилии, и совсем другое - поглотить большую часть богатств этой страны, делая это, они наносили ущерб не только короне, но и португальскому народу, которому они мешали поселиться на территории, находящейся под их властью. Было ли это достаточной причиной для Карвалью нападать на орден из-за того, что он был богат и могуществен и отошел от своей примитивной простоты, - это вопрос, который каждый должен решить для себя сам, но то, что это была причина и что различные оправдания, на которые ссылались поклонники великого священника, не имеют под собой оснований, является несомненным фактом. 19 сентября 1757 года был нанесен первый важный удар, когда королевский духовник-иезуит был уволен, а всем иезуитам было запрещено являться ко двору. Карвалью от имени короля Португалии также официально осудил орден в Риме, и Бенедикт XIV, тогдашний папа римский, назначил кардинала де Салданью, друга министра, посетителя и реформатора Общества Иисуса. Кардиналу не потребовалось много времени, чтобы принять решение, и 15 мая 1758 года он запретил иезуитам заниматься торговлей.

Покушение на жизнь короля, которое вскоре последовало за этой мерой, дало министру возможность, которую он искал, призвать к подавлению знаменитого общества. История заговора Таворы, кульминацией которого стало это покушение, является одним из самых загадочных событий во всей истории Португалии, и из множества противоречивых сообщений, которые были опубликованы, почти невозможно установить точную правду. Но несомненно, что у иезуитов и знати не было причин любить короля и его министра, и вряд ли стоит удивляться тому, что их противодействие вылилось в насильственные меры. Знатные люди систематически лишались всякой политической власти с момента восшествия на престол короля Жозефа, поскольку Карвалью, как и Ришелье, не доверял им и предпочитал нанимать людей своего

положения в жизни или буржуазного происхождения в государственных делах, предпочитая дворян и их родственников. Тремя руководителями заговора были герцог Авейру, потомок Иоанна II, и один из величайших дворян Португалии, маркиз Тавора, с честью занявший пост генерал-губернатора Индии, и граф Атугия, потомок доблестного дома Луиса де Атаида, защитника Гоа; но сердцем и душой заговора была маркиза Тавора, красивая и амбициозная женщина, которая была горько оскорблена тем, что ее муж не стал герцогом. Духовником этой дамы был иезуит по имени Габриэль Малагрида, которого одни авторы считают полубезумным фанатиком, а другие - опасным интриганом, разгневанным нападками Карвалью на его орден. Был ли Малагрида невиновен или виновен, был ли он сумасшедшим или в здравом уме, были ли таворы подстрекаемы религиозными или политическими мотивами или просто желанием личной мести, были ли все эти дворяне, и особенно герцог Авейру, не просто обвинены для того, чтобы позволить Карвалью нанести удар по дворянству, были ли, наконец, все те, кто был наказан, жертвами министра или действительно виновны, - это вопросы, которые здесь не могут быть решены. Свидетельства со всех сторон крайне противоречивы, и все, что достоверно, это то, что в короля стреляли и он был ранен в ночь на 3 сентября 1758 года; и что в январе следующего года трое упомянутых выше дворян, маркиза Тавора, Малагрида с семьей другими иезуитами и многими другими людьми всех слоев общества были арестованы как причастные к попытке убийства. Суд над мирянами был непродолжительным, и они вместе с маркизой были публично казнены через десять дней после ареста.

Король Жозеф, безусловно, верил, что настоящие преступники схвачены, и в знак благодарности он создал Карвалью, графа Оэйрасского, и поощрял его продолжать кампанию против иезуитов. 19 января 1759 года имущество, принадлежащее обществу, было конфисковано; а 3 сентября все его члены были высланы из Португалии, и вице-королям Индии и Бразилии были разосланы указания выслать их аналогичным образом. Весть об этом смелом шаге была встречена с восхищением повсюду, за исключением Рима, и за границей разнесся слух, что в Португалии правит великий министр. Питт-старший, желавший, чтобы Португалия присоединилась к Семилетней войне, публично признал способности графа Эйраса и по его требованию извинился за нарушение международного права, совершенное английским адмиралом Боскавеном в результате нападения на французскую эскадру под командованием Ла Клу в португальской гавани Лагуш.

Граф Эйрас не имел желания принимать участие во всеобщей войне, бушующей в Европе, и отказывался подчиняться пожеланиям Питта до тех пор, пока король Испании, согласно договоренности о "Семейном договоре", не нападет на Португалию, как на объявленного врага франко-испанского союза из-за Метуэн-ского договора с Англией. Испанцы под командованием маркиза Сарриа вторглись в северные провинции Португалии в 1762 году и быстро захватили города Миранда, Браганса и Алмейда. Тогда граф Эйрасский обратился к английскому государственному деятелю, и не напрасно. Английские солдаты и военное снаряжение были немедленно отправлены в Лиссабон, и, по особой просьбе министра, генерал на жаловании у Англии, граф Липпе-Бакебург, с несколькими английскими офицерами и сержантами, были отправлены реорганизовывать португальскую армию, как это сделал Шомберг столетием ранее. Граф Липпе, которому помогла энергия португальского министра, быстро превратил португальские войска в дисциплинированную армию, и с прибытием бригадного генерала Джона Бергойна, доблестного кавалерийского офицера, отличившегося при Бель-Айле, но более известного в английской истории по своей капитуляции при Саратогге, чтобы принять командование английскими войсками, армия союзников двинулась вперед. Они

были одинаково успешны; испанцы потеряли все свои прежние преимущества; они потерпели поражение при Валенсия-де-Алькантара, где англичане захватили три штандарта и испанского генерала; а 5 октября Бургойн взял штурмом укрепленный лагерь Вилья-Велья и завершил кампанию. Теперь испанцы были вполне готовы уступить, и 10 февраля 1763 года между Португалией и Испанией был подписан мир. Граф Эйрас извлек урок из контраста между двумя кампаниями, и когда Бургойн и его английские солдаты вернулись в Англию, графа Липпе-Бакебурга попросили остаться, и он не только реорганизовал португальскую армию, но и основательно отремонтировал все португальские крепости на границе с Испанией, и особенно Эльвас, в соответствии с общепринятыми представлениями о фортификации.

По окончании этой короткой войны граф Эйрас вновь обратил свое внимание на иезуитов, и в 1764 году священник-иезуит Малагрида был сожжен заживо, но не как предатель, а как еретик и самозванец, из-за каких-то безумных трактатов, которые он написал. Этот человек считался мучеником, и все связи между Португалией и Святым Престолом были прерваны на два года, в то время как португальский министр использовал все свое влияние при дворах Франции и Испании, чтобы добиться полного подавления общества, которое он ненавидел. Король постоянно поддерживал его, и после очередного покушения на его жизнь в 1769 году, которое министр, как обычно, приписал иезуитам, король Жозеф присвоил своему верному слуге титул маркиза Помбала, под которым он наиболее известен. Премьер-министры Франции и Испании сердечно согласились с ненавистью к иезуитам, поскольку и герцог де Шуазель, и граф д'Аранда имели в себе что-то от духа Помбала и подражали его политике; в обеих странах общество, которое при своем основании так много сделало для католицизма и христианства, было объявлено вне закона, а к достойным членам относились с такой же строгостью, как и к недостойным; и, наконец, в 1773 году папа Климент XIV торжественно упразднил Общество Иисуса. Король Жозеф недолго пережил этот триумф своего министра, ибо он умер 24 февраля 1777 года, а маркиз Помбаль, в то время семидесятисемилетний старик, был немедленно отстранен от должности.

БОЙ БЫКОВ.

(From "Les Royaumes d'Espagne," &c. La Haye, 1720.)

Проанализировать внутренние реформы и общие меры по улучшению положения, введенные в Португалии Помбалем, практически невозможно в рамках одного абзаца, настолько масштабными были его усилия, настолько безграничной была его энергия. Его часто сравнивали с Ришелье, главным образом, по-видимому, из-за его жесткого подавления заговора Таворы; но люди, на которых он действительно походил, были великодушными деспотами и их министрами, которыми изобиловала Европа до начала Французской революции. Он твердо верил, что величайшее счастье народа зависит от сохранения абсолютистской монархии, которая могла принести больше пользы, чем представительные институты, и его борьба с иезуитами была вызвана главным образом тем фактом, что они были настолько богаты и независимы, особенно в Бразилии, что препятствовали власти короны. Класс государственных деятелей и политиков, к которому он принадлежал, включал таких монархов, как Фридрих Великий Прусский, император Иосиф II, Леопольд, великий герцог Тосканский, и Карл III. Испании и таких великих министров-реформаторов, как Аранда в Испании и Таннуччи в Неаполе; и, подобно им, он верил, что настоящее добро может быть сделано только абсолютным монархом, принимающим близко к сердцу интересы своего народа. Величайшим доказательством королевской заботы Помбала о народе был знаменитый указ от 25 мая 1773 года, которым рабство в Португалии было отменено, или, скорее, которым внуки рабов и все дети рабов, родившиеся после этой даты, были объявлены свободными, и который в то же время отменил все различия между "старыми" и "новыми" христианами, причем последним термином по-прежнему назывались потомки обращенных евреев и мусульман, и предоставил всем португальским подданным одинаковое право занимать гражданские, военные и церковные должности. В Бразилии, однако, он не предпринимал попыток покончить с рабством, полагая, как и все его современники, что негры были созданы специально для того, чтобы быть рабами; но даже там он повторил и привел в исполнение эдикты, запрещающие обращать в рабство коренных жителей страны. В вопросах внутреннего управления он выступал за эффективность и экономию и одним ударом в 1761 году уничтожил более трех четвертей мелких должностей, которые препятствовали отправлению правосудия. Суды стали доступными, а судебные процессы дешевыми; и в 1769 году он лишил инквизицию ее власти, сделав ее открытым и публичным судом, подчиняющимся правилам, которые регулировали другие суды. В делах полиции он проявил такую же энергичность и суровыми репрессиями предотвратил использование механизма закона для дальнейшей частной мести. Он признал важность образования, и реорганизовал Университет Коимбры в 1772 году, отменив преподавание средневековья, которое все еще продолжалось там, и внедрив современный элемент; и хотя он изгнал великий преподавательский орден Церкви, он сохранил учебные заведения иезуитов и превратил их колледж в Лиссабоне в школу для подготовки молодого дворянства. О реформах в армии, которые он провел с помощью графа Липпе-Бакебурга, уже упоминалось, и он был столь же энергичен в отношении военно-морского флота, во главе которого он поставил самого энергичного из своих подчиненных, Мартиньо де Меллу-э Кастро. Великий министр не пренебрегал и более материальными делами; он проявил вкус к архитектуре и строительству; под его руководством часть Лиссабона, разрушенная землетрясением, восстала из пепла в удвоенной красоте, украшенная прекрасными улицами, площадями и зданиями, в основном спроектированными известным португальским архитектором Хоакимом Мачадо де Кастро. Он не забывал поощрять сельское хозяйство и виноградарство, которые всегда должны были быть источником средств к существованию для большей части португальского народа, и он завез шелкопряда в северные провинции и издал специальные правила для управления и поощрения смелых рыбаков Бейры и Алгарве. В своей

попытке внедрить мануфактуру маркиз Помбал оказался не столь успешным; португальцы - не мануфактурный народ, и система защиты, которую он ввел в действие, лишь вызвала противодействие английских купцов, которые протестовали против нее как нарушения Метуэнского договора и сделали промышленные изделия дороже, чем они были в первой половине века. Тем не менее, некоторые из местных отраслей промышленности, которые он основал или защищал, не были недостойны его заботы, и стеклоделие Лейрии, кружева Вианны и гончарные мастерские Авейру пользовались большой и заслуженной репутацией. В коммерческих вопросах он продемонстрировал результаты уроков, полученных им во время своей официальной резиденции в Лондоне, поскольку в 1751 году он основал Королевский банк Португалии и Винную компанию Oporto, против нарушения монополии которой английские виноторговцы громко протестовали. Он поощрял торговлю с Бразилией, предоставляя концессии золотоискателям и плантаторам этой великой колонии; а импорт золота, сахара и табака вернул Лиссабону часть процветания шестнадцатого века. В Азии он был достаточно прозорлив, чтобы понимать, что любая попытка побороться за долю в торговле Индией или специями обречена на провал; но он был первым из португальских государственных деятелей, осознавшим ценность небольшого поселения Макао на реке Кантон. Большая часть китайской торговли, стоимость которой с каждым годом росла, находилась в руках фабрики Английской Ост-Индской компании в Кантоне, но ревность китайского правительства была такова, что у Компании не было там надежного положения. Но Макао был свободным портом; большинство факторов и писателей Ост-Индской компании проживали там, и Помбал, видя, что торговля чаем проходит через территорию Португалии, всячески поощрял ее и позаботился о том, чтобы она платила должные пошлины португальским властям и способствовала обогащению Португальской короны. Великий министр также не был равнодушен к литературе и изящным искусствам. Он основал “Аркадию Лиссабона” в 1757 году для распространения учения школы французских энциклопедистов; и именно под его влиянием и защитой Диого Барбоса Мачадо составил свою “Библиотеку Лузитаны”, а Дамиан Антонио де Лемош написал свою “Историю Португалии”, работу, которая стоит посередине между наивными анналами Бернардо де Брито и Антонио Брандао и современными научными историями Александры Эркулано и Ребелло да Силвы. Особенно он любил музыку; он убедил короля построить оперный театр в Лиссабоне и пригласить петь там знаменитого певца Каффарелли, доверенного лица короля Испании, и ему была посвящена лучшая португальская опера - “Алессандр нелл Инди” Давида Переса.

Таковы были некоторые реформы, планы, усовершенствования и вкусы великого министра; они сделали его другом своего государя и любимцем народа; но, с другой стороны, его преследование иезуитов и суровое обращение с ведущими аристократами, которых он часто сажал в тюрьму без суда, нажили ему много личных врагов, и когда его покровитель умер, он знал, что его собственное падение близко. Король Иосиф умер, не оставив потомства мужского пола, и ему наследовала на троне его старшая дочь, донна Мария Франциска, которая вышла замуж в 1760 году за своего родного дядю Дома Педро, младшего брата короля Иосифа. Предполагалось, что таким образом удастся избежать всех споров относительно вступления на престол; муж и жена были коронованы вместе, и монеты были отчеканены от совместных имен Марии I и Педро III. И король, и королева были слабыми и безвольными, и бразды правления перешли в руки вдовы короля Иосифа, донны Марианны Виктории, фанатичной католички, которая всегда возмущалась влиянием Помбаля и выступала против его политики. По ее совету великий министр был немедленно отстранен от должности и ему было приказано прислать свои счета, в то время как его враги были освобождены из тюрьмы. Их имена покажут, насколько

сильной была вражда, которую он должен был ожидать, поскольку среди них были дом Мигель де Аннунсиакан, епископ Коимбры; дом Жуан Амберту де Норонья, граф Сан-Лоренсу; дом Жуан де Алмейда Португалия, маркиз Алорна, бывший вице-король Индии и брат маркиза Таворы; дом Мартинью де Маскареньяс, сын казненного герцога Авейру; дом Хосе, незаконнорожденный брат покойного короля и великого инквизитора Португалии; Антонио де Андраде Фрейре, канцлер; дом Фредерико де Соуза Гольштейн; и дом Жуан де Браганса, герцог Лафоус. Эти люди сразу же окружили новых монархов и высказали жалобы на Помбала; судебное разбирательство по делу о заговоре в Таворе было отменено, и судебное преследование покойного министра продолжалось с ожесточенной враждебностью. И все же его враги едва ли осмелились бы приговорить такого благодетеля своей страны к какому-либо суровому наказанию, и после того, как старика в течение четырех лет гоняли от столба к столбу, старик, которому сейчас было более восьмидесяти лет, был приговорен к изгнанию за двадцать лиг от Двора. Если бы его безжалостная преследовательница, вдова короля Иосифа, была жива, его наказание, несомненно, было бы более суровым, и, как бы то ни было, королева не осмеливалась выносить такой мягкий приговор до смерти своей матери. Старый министр недолго пережил свою опалу и умер в Помбале 8 мая 1782 года в возрасте восьмидесяти трех лет. К чести Педро и Марии, следует сразу признать, что ввиду долгих и выдающихся заслуг своего отца молодой маркиз Помбаль был полностью утвержден во всех почестях и поместьях, которыми король Жозеф наградил министра.

Вряд ли нужно говорить, что падение Помбала оставило много претендентов на его высокое положение. Три государственных секретаря - Мартинью де Меллу-э-Кастро, Томас Ксавье де Лима Брито, виконт Вилья-Нова-де-Сервейра, впоследствии маркиз Понте-де-Лима, и Айрес де Са-э-Меллу; интендант казначейства Педро Хосе де Норонья, маркиз Анхеа; и интендант полиции Диого Игнасио де Пина-Манике - все прошли обучение официальной работе у Помбала и все стремились стать преемниками своего хозяина у власти. Однако ни одна из них не увенчалась успехом, поскольку знатные вельможи, отозванные ко двору, были полны решимости больше не иметь над собой такого верховного правителя, в то время как они были слишком ревнивы друг к другу и слишком неопытны в делах, чтобы самим занять этот пост. Таким образом, в начале нового правления дела шли во многом так же, как и при Помбале; его дух оставался среди министров, и в таких мерах, как торговый договор с Россией, освещение Лиссабона масляными лампами и отмена тюремного заключения за долги, отчетливо виден импульс, который он придал всем реформам. "Аркадии Лиссабонской" действительно позволили исчезнуть, но на ее месте герцог Лафаш в 1779 году учредил "Академию реальных наук", которая еще лучше послужила литературе, опубликовав труды ранних португальских хронистов. В осуществлении этих мер король и королева принимали мало участия; Педро III. был глупым и порочным человеком, а Мария Франциска была женщиной со слабым интеллектом, полностью подчиненной своему духовнику, Игнасио де Сан-Каэтано, которая нашла свое величайшее счастье в том, что собрала огромные суммы денег и отправила их в латинский монастырь в Иерусалиме. Единственным важным событием, в котором они приняли участие, была их конференция с испанским двором в Бадахосе в 1785 году, когда было достигнуто соглашение о спорной границе в Южной Америке; и когда дом Джон, второй сын Педро и Марии, был обручен с донной Карлоттой Хоакиной, внучкой Карла III. Испании. В следующем году Педро III. умер, и его смерть, за которой так же быстро последовали смерть ее духовника и смерть ее старшего сына Дома Хосе, который женился на своей тете, донне Марии Бенедиктине, полностью расстроила тот небольшой запас интеллекта, которым обладала

Мария Франциска. В 1788 году было замечено, что она совершенно не способна вести какие-либо дела; а в 1792 году, когда прогресс Французской революции охватил всю Европу, дом Джон счел необходимым взять управление делами в свои руки, хотя он и не был объявлен регентом до 1799 года.

Перейти от истории Португалии в XVIII веке к истории португальских владений в Индии - печальная задача; ибо эти владения вместо того, чтобы быть предметом гордости, были источником расходов и беспокойства для правительства метрополии, и они поддерживались скорее из воспоминаний о древнем величии и как база для миссионерской работы, чем ради какой-либо реальной выгоды, извлекаемой из них. В 1739 году Бассейн, “столица Севера”, как его называли, город, который уступал только Гоа по торговому и политическому значению, был захвачен Чимнаджи Апой, генералом Мараты, после трехмесячной осады, а вместе с ним пала Тана и все владения португальцев на северо-западном побережье, за исключением Дамана и Диу. В 1741 году мараты и бхонслы Савантвари захватили территорию вокруг Гоа и угрожали городу, но в трудный момент прибыл маркиз Лурисаль с двенадцатью тысячами человек и сначала разбил маратов при Бардесе, а затем сделал своим притоком Кхема Саванта, правителя Савантвари. За его успехами последовали успехи маркиза Кастелло-Ново, который захватил Алорну, Тираколь, Нейтим, Рарим и Сатари; и маркиза Таворы, который захватил Садашивгарх.

Но у португальского правительства не было желания совершать новые завоевания, для защиты которых ему понадобились бы свежие денежные средства из дома, и графу Эга было приказано сдать большинство завоеванных городов их бывшим владельцам. Тем временем торговля полностью покинула португальские владения, которые были переданы Церкви; и капитан Гамильтон в своих путешествиях, рассказав о бедности португальских жителей, говорит, что он насчитал в Гоа не менее восьмидесяти церквей и монастырей и что в городе и на территории насчитывалось не менее тридцати тысяч священников. Доходов там не было никаких, и двум тысячам европейских солдат, защищавших древнюю столицу Альбокерке, пришлось платить из португальской казны. Последний удар по тому немногому, что еще оставалось в торговле, был нанесен подавлением иезуитов Помбалем, и в 1759 году “Золотой Гоа”, ставший нездоровым и разоренным, был оставлен священникам и монахам, а резиденция правительства была перенесена в Панджим. Помбал, с его практической проницательностью, увидел, что из португальских владений в Индии ничего нельзя извлечь, и направил все свои усилия в Азии на содействие процветанию Макао; и в 1794 году, когда Португалия испытывала трудности в Европе, вице-король Гоа попросил защиты у английских войск, и в Гоа находился гарнизон Английской Ост-Индской компании на протяжении всей великой войны с Францией.

Совсем иной была история Бразилии в этом столетии: в то время как Индия была источником расходов, Бразилия была большим источником богатства португальской казны и должна была стать убежищем королевской семьи, когда для нее стало невозможным дольше оставаться в Лиссабоне. На протяжении столетия наблюдался постоянный приток иммигрантов в Бразилию из Португалии, и численность населения великой колонии быстро увеличивалась. Большинство этих иммигрантов устроились на сахарные или табачные плантации, и труд на плантациях был полностью в руках негров-рабов, которых ввозили в огромных количествах. Торговля рабами оставалась полностью в руках португальских купцов, несмотря на усилия английских работорговцев, и рассматривалась не только как прибыльное занятие, но и как главное занятие португальских моряков. Только благодаря этой торговле португальскому правительству стоило

поддерживать свои предприятия на побережье Гвинеи, и Помбаль поощрял ее как единственное средство снабжения Бразилии рабочими. С рабами в Бразилии не обращались жестоко; их хозяева были обязаны их кормить; и им не только разрешалось, но и обязывалось продать им свободу за определенную фиксированную сумму денег. Эти освобожденные рабы и мулаты, которых было очень много, часто накапливали значительные богатства, и с ними обращались как с гражданами во всех отношениях, за исключением того, что они не могли занимать никаких гражданских или муниципальных должностей. Их даже зачисляли в солдаты, но полки мулатов отличались от европейских, и офицеры набирались из числа богатых представителей их собственного класса. К коренным бразильцам относились еще более благосклонно, и великим указом 1755 года им не только запретили продавать себя в рабство, но и сделали гражданами во всех отношениях и разрешили получать образование в Университете Коимбры. Уже упоминалась важность открытия золота во внутренних районах страны, и доход португальской короны от пятой королевской семьи, несмотря на многочисленные махинации, оценивался в 300 000 фунтов стерлингов в год. Открытие внутренних территорий привело примерно в 1750 году к завоеванию республики Паулистов. Это любопытное маленькое государство было образовано вокруг города Сент-Пол примерно в начале восемнадцатого века беглецами из Бразилии и от более деспотичных испанских правительств Чили и Перу. Первоначально город был основан высоко в сердце девственных лесов, неподвластных юрисдикции португальских и испанских властей, где жители вели дикую, романтическую жизнь, сдерживаемую только законом линча. Но постепенно развитие цивилизации привело их к контакту с португальским правительством, а открытие алмазов в окрестностях привело к упадку маленькой республики. Это открытие алмазов еще больше увеличило богатство португальской короны, и в дополнение к королевскому праву на каждый бриллиант весом более двадцати карат король, по оценкам, получал доход в размере 100 000 фунтов стерлингов в год по контракту, заключенному с синдикатом английских покупателей алмазов. Не было недостатка и в других драгоценных камнях, поскольку рубины, изумруды и топазы были обнаружены во второй половине восемнадцатого века в таких больших количествах, что серьезно снизили их цену. Великой колонией управляли очень мудро; лишь немногие высшие офицеры были присланы из Португалии, и большинство должностей были заполнены из числа самих поселенцев. Не было даже необходимости посылать войска из Португалии, поскольку регулярная армия численностью в шестнадцать тысяч человек и ополчение численностью более двадцати тысяч были легко собраны и оплачены в самой стране. Единственные проблемы, с которыми сталкивалась колония, были вызваны неопределенностью ее границ, и Португалия сочла необходимым уступить большую территорию, которая с тех пор превратилась в богатые и процветающие республики, вторжениям Испании. Его важность была признана титулом принца Бразилии, присвоенным старшему сыну короля Португалии со времен Иоанна IV., и он стал надежным убежищем для изгнанной королевской семьи, когда события в Европе вынудили ее бежать из Лиссабона.

В литературе португальские писатели восемнадцатого века следовали французским авторам времен правления Людовика XIV и подражали им. и Людовик XV. вместо того, чтобы стремиться развивать особенности своей собственной нации. "Academia Real de Lisboa", "Academia Real de Portugal", "Arcadia de Lisboa" и "Academia Real das Sciencias", которые сменяли друг друга с небольшими интервалами, были попытками подражать Французской академии и ее ответвлениям, и хотя они проделали хорошую работу по поощрению исследований и

вознаграждению литературных начинаний, они потерпели неудачу, как обычно терпят неудачу подобные учреждения, в создании великих писателей и мыслителей. В начале восемнадцатого века, до того, как академии проявили свое влияние, единственными литературными произведениями в Португалии были лирические стихи без особых достоинств, которыми восхищались члены многочисленных маленьких литературных клубов, напоминающих итальянские аркадии, и которые были в основном имитацией стихотворных форм, наиболее популярных во Франции и Италии. Но во время правления Помбала появился более здоровый дух; труды французских энциклопедистов и их современников изучались вместо приемов стихосложения, и новый поворот был сделан как в поэзии, так и в прозе. Новые поэты не ограничивались лирикой; они пытались создавать эпосы, драмы и эклоги, все более или менее основанные на подражании французскому, но все же обладающие более подлинно национальным колоритом, чем тексты их предшественников. Все эти поэты не были любителями Помбала; великий министр был слишком беспечен, чтобы задеть их восприимчивость, и слишком скупился на свои пенсии для этого; и самый известный из них, Антонио Диниш да Крус и Сильва, которого называли португальцем Буало, яростно атаковал великого человека после его падения. Влияние, оказанное этим поэтом на прогресс португальской литературы, было, однако, незначительным по сравнению с влиянием его преемников, Франсиско Манозля де Насименто и Манозля Марии Барбозы дю Бокажа, чьи последователи под именами "филинтистов" и "эльманистов" проповедовали свободу от строгих французских канонов критики и приверженность национальным формам. Эпической поэзией не пренебрегали, хотя ни один из ее авторов не может сравниться с великим Камозэнсом, чьи "Лузиады" в течение этого столетия несколько раз переиздавались с примечаниями. Слава великого португальского эпоса действительно распространилась по всей Европе; он был переведен на французский Дюперроном де Кастерой и французским критиком Ла Гарпом; на голландский - Л. С. Пьетерзуном; и на английский - Миклом, который, как переводчик их главного поэта, был сердечно принят при португальском дворе в 1780 году. Не была забыта и драма; португальская сцена была занята трагедиями по французскому классическому образцу, сюжеты которых обычно заимствовались из летописей страны, в доказательство чего можно привести названия трех трагедий Дю Бокажа: "Вириато", "Аффонсо Энрикеш" и "Васко да Гама". В области прозы наиболее ценная работа была проделана в области истории, и издания старых португальских хронистов Руя де Пина, Азуары, Фернана Лопеса и Асенеиру, отредактированные для "Академии реальных наук" Хосе Корреа де Серра, по-прежнему остаются стандартными изданиями. Не пренебрегали наукой и в стране Педро Нуньеса; утверждается, что Бартоломеу де Гужман открыл полет на воздушном шаре в 1709 году, за несколько лет до того, как монгольфьеры начали свои эксперименты; а ботаники Феликс де Авельяр Бротеро и Антонио Корреа да Силва, не говоря уже об одной области научной деятельности, были хорошо известны во всей Европе и были членами большинства научных обществ того времени. В области искусства уже упоминались Давид Перес, музыкальный композитор, и Хоаким Мачадо де Кастро, архитектор; последний, кроме того, был лучшим скульптором своей страны, а Домингос Антонио де Секейра, как живописец, выгодно отличается от большинства современных художников Европы.

Но хотя влияние Франции ощущается во всех областях литературы вплоть до возрождения национальной поэзии Насименто и Дю Бокаж, португальский народ оставался, благодаря договору Метуэна, в гораздо более близких отношениях с англичанами. Королевская семья могла стремиться к брачным союзам с Испанией, такой великий министр, как Помбаль, мог

возмущаться поглощением португальской торговли Англией; но, несмотря на все это, люди чувствовали, насколько тесны их связи с английской нацией. Упоминался приток английского капитала, виноторговцы из Порту и английская фабрика в Лиссабоне, а также власть, которой пользовались английские послы. Но была и более тесная связь; Португалия стала санаторием для Англии; именно в Португалию отправлялись те, кто искал более мягкого климата, как они теперь делают на Ривьере, и именно в Лиссабон был отправлен великий английский писатель Генри Филдинг, не говоря уже об одном из многих инвалидов; именно в Лиссабоне он умер и похоронен там на кладбище английской фабрики. Таковы были узы, связывавшие два народа воедино, и португальский народ имел все основания рассчитывать на вооруженную помощь Англии в той ужасной борьбе, через которую ему теперь предстояло пройти.

XVII.

ЭПОХА ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ—ВОЙНА НА ПОЛУОСТРОВЕ.

КОГДА дом Джон взял правительство Португалии в свои руки в 1792 году, внимание общественности по всей Европе было сосредоточено на прогрессе Французской революции. Интерес, вызванный в Португалии, был так же велик, как и везде, поскольку идеи, лежавшие в основе самого важного движения современности, были горячо восприняты в литературных кругах Лиссабона. Абсурдно предполагать, что в стране существовала какая-либо великая демократическая партия, поскольку до тех пор, пока администрация работала хорошо, а налоги не были репрессивными, народным массам было абсолютно безразлично, каково правительство. Иначе обстояло дело с более образованными классами, которые были воспитаны на доктринах энциклопедистов и читали Руссо и Дидро, Вольтера и Монтескье. Эти люди скептически относились к преимуществам благожелательного деспотизма; они изучали

историю своей страны и знали, что в прежние времена, до открытия золота в Бразилии, кортесы созывались часто, и они желали, чтобы они собирались регулярно и чтобы португальский народ снова принимал участие в законодательной деятельности посредством своего старого представительного собрания. Некоторые из них пошли дальше и, вдохновленные примером великой Американской революции, мечтали о республике, в то время как другие переняли все фантастические политические и социальные идеи Руссо. Но эти люди были всего лишь теоретиками; их можно было встретить лишь среди небольшого круга образованных дворян и буржуа в Лиссабоне и Порту; и их фантазии были совершенно неизвестны основной массе населения. Это были люди, которые с радостью приветствовали взятие Бастилии и работу Учредительного собрания и которые открыто выражали свое сочувствие новому порядку вещей во Франции.

ПОРТУГАЛЬСКИЙ КУПЕЦ со СВОЕЙ ЖЕНОЙ и СЛУЖАНКОЙ.
(Из книги Мерфи “Путешествия по Португалии”, 1795)

Правительство не смогло понять, что эти сочувствующие не смогут последовать примеру французских революционных лидеров до тех пор, пока население Португалии в целом остается довольным и счастливой страной, и, как все абсолютистские монархи Европы, дом Джон с величайшим ужасом узнал о событиях, происходящих в Париже, и опасался, что им будут подражать в Лиссабоне. В своем ужасе перед распространением “французских принципов” он начал преследовать их поклонников, хотя они никогда и не мечтали действовать или вступать в заговор, и таким образом он сделал мучениками приверженцев новых взглядов, которые только быстрее распространялись из-за его тиранического поведения. В своем крестовом походе против сторонников Французской революции дом Джон нашел своего главного союзника в Диого Игнасио де Пина Манике, интенданте полиции, который верил, что своей энергией он добьется господства, ранее принадлежавшего Помбалю, и который поэтому продолжал действовать на страхи своего хозяина. Его первой мерой было издание указа против иностранцев, в соответствии с которым он выслал двух французов, Пьера Ноэля и Пьера Луи Фонтена, и вел строгое и раздражающее наблюдение за Эдвардом Черчем, консулом

Соединенных Штатов, и Джакоме Рэттоном, лиссабонским купцом, которых он объявил подстрекателями недовольства и руководителями заговора. Против португальских подданных Пина Манике действовал с еще большей суровостью; Франсиско Коэльо да Силва, отец португальского либерализма, был брошен в тюрьму; другие литераторы подозревались и часто подвергались судебному преследованию, в том числе поэты Насименто и Дю Бокаж, ботаник Авеллар Бротеро и историк Корреа да Серра; за многими аристократами либеральных принципов следили шпионы, а герцог де Лафош, великий покровитель литературы, был изгнан из двора, потому что он был другом французского химика Бруссоне. Людьми, которых интендант полиции больше всего ненавидел, были масоны, которых он ненавидел, потому что их общество было тайным, и своей попыткой подавить все их ложи он сделал их активными демократами и главными сторонниками “французских принципов”. Неудивительно, что это поведение привлекло внимание Франции, и когда в январе 1793 года, через три месяца после провозглашения Французской Республики, депутат-жирондист Керсен выступил в Конвенте с критикой Англии, он также оскорблял Португалию и говорил об этой стране как о провинции Англии.

Дом Джон, недовольный таким противодействием “французским принципам” у себя дома, считал святым долгом присоединиться к всеобщей войне против Франции, и поэтому он отверг совет английского министерства сохранять нейтралитет и отправил своего государственного секретаря по иностранным делам Луиса Пинто де Соуза Коутиньо в Мадрид просить разрешения направить армию для участия во вторжении во Францию. Вряд ли нужно говорить, что испанский министр, граф Флорида Бланка, был только рад принять помощь, и 25 марта 1793 года в Аранхуэсе был подписан союзный договор между двумя странами. Напрасно лидеры французской революции протестовали, что они не причиняли вреда Португалии, и просили о нейтралитете; французскому послу М. д'Арбо было приказано покинуть Лиссабон; пятитысячный корпус под командованием генерала Жуана Форбс-Скелатера был отправлен присоединиться к испанской армии при вторжении в Руссильон; а эскадра из восьми военных кораблей под командованием маркиза Низы присоединилась к английскому флоту в Средиземном море. Португальский контингент доблестно служил в Восточных Пиренеях с ноября 1793 по 1795 год и в равной степени участвовал в успехе генерала Рикардоса и поражениях генерала Ла Униона и генерала Уррутии, но, тем не менее, испанский двор под влиянием красивого, но никчемного гвардейца Годоя без колебаний покинул своего союзника и заключил сепаратный договор с Французской Республикой в Базеле в июле 1795 года. Дом Джон начал верить, что война против Французской Республики не может быть святой, поскольку Самый католический король заключил договор с Францией, и он немедленно отправил дома Диого де Норонья в Париж просить мира. Но Комитет общественной безопасности и не думал заключать с ним соглашения; договоры, подписанные в Базеле, были частью преднамеренной политики, которая заключалась в том, чтобы превратить Пруссию и Испанию в союзников Республики и объединить все три против Австрии, Англии и Португалии, которая считалась провинцией Англии, и португальский посол был немедленно отправлен в отставку. После того, как Конвент прекратил свою долгую сессию и была назначена Директория, дом Иоанн предпринял еще одну попытку установить мир и отправил Антонио де Араужо де Азеведо, главу того, что можно назвать французской партией при Лиссабонском дворе, в Париж. Он встретил не лучший прием, чем его предшественник, и когда после Сан-Ильдефонского мирного договора, по которому Испания объявила войну Англии в 1796 году, пришло известие о секретном соглашении между французским послом в Мадриде генералом Периньоном и

Годоем, принцем Мира, по которому Португалия должна была быть разделена между этими двумя державами, а испанские войска были сосредоточены на португальской границе, английская партия в португальском министерстве одержала верх, и в Англию были направлены срочные просьбы о помощи.

Питт и Гренвилл были только рады подчиниться, поскольку считали Португалию важной операционной базой на полуострове. Палата общин проголосовала за выделение Португалии субсидии в размере 200 000 фунтов стерлингов; были отправлены шеститысячные войска под командованием генерал-майора достопочтенного сэра Чарльза Стюарта, что удержало испанцев от попытки вторжения, а принц Вальдек, как и граф Липпе-Бакебург в прежние дни, был отправлен для реорганизации португальской армии. Эта политика заставила французских директоров заколебаться, и они подписали мирный договор с португальским послом Антонио де Араужо де Азеведо; но, к их гневу и удивлению, дом Иоанн отказался ратифицировать договор, по которому Директора заточили португальского посла в Храме. В пылу своего союза с Англией принц на год или два отдал себя в руки английской партии при своем дворе, а после смерти Мартиньо де Меллу и Кастро он назначил Родриго де Соуза Коутиньо, лидера этой партии, государственным секретарем по морской пехоте и колониям. И все же английская сторона не смогла одержать полную победу. Принц колебался; по его просьбе сэр Чарльз Стюарт и английская армия были выведены; и он предпринял еще одну попытку заключить мир с Францией при посредничестве Испании. Такова была ситуация, когда дом Джон официально объявил себя регентом в 1799 году, поскольку стало очевидно, что королева Мария Франциска никогда не сможет вновь использовать свои способности; и в том же году генерал Наполеон Бонапарт совершил свой *государственный переворот* 18 Брюмера и стал правителем Франции с титулом первого консула.

Приход Наполеона к власти не принес Португалии никакой пользы; с самого начала он выказал свою ненависть к маленькой стране; никакое подчинение не могло завоевать его дружбы; он упорно считал Португалию, как это делали Конвент, Комитет общественного спасения и Директория, провинцией Англии; и он прекрасно понимал, какую важную базу для операций она предоставляла английским армиям. Едва Наполеон прочно занял свой пост, как в 1800 году отправил своего брата Люсьена Бонапарта в Мадрид с поручением вести переговоры с Португалией. Он должен был настаивать на разрыве союза с Англией, на открытии португальских портов для Франции и закрытии их для Англии, на предоставлении особых коммерческих преимуществ французским купцам, на расширении Французской Гвианы до Амазонки, на уступке части Португалии Испании до возвращения у англичан Тринидада и Менорки и на выплате крупной суммы денег, и он был уполномочен предложить Испании помощь французских войск, если эти жесткие условия будут отклонены. Принц-регент действительно отверг их и объявил войну Испании 10 февраля 1801 года, и двадцать две тысячи французских ветеранов сразу же вступили на полуостров под командованием шурина Бонапарта, генерала Леклерка. Кампания была очень короткой; французские солдаты так и не вступили в бой, но в мае испанцы взяли Оливенсу, Юроменью и Кампо Майор, осадили Эльвас и разбили португальцев в двух сражениях при Арроншах и Флор-да-Роса. Португальцы запросили мира, и 6 июня 1801 года в Бадахосе был подписан договор, по которому Оливенса и прилегающий район были переданы Испании, за которым последовал другой в Париже, по которому Французская Гвиана была расширена до Амазонки. Наполеон был очень недоволен Бадахосским миром, поскольку его целью было не что иное, как уничтожение независимости Португалии, и прошло много месяцев, прежде чем он согласился ратифицировать договоры.

Тем временем английские войска под командованием полковника Генри Клинтона заняли Мадейру, а войска Английской Ост-Индской компании разместили гарнизон в Гоа. Гордость народа Португалии была глубоко уязвлена потерей Оливенсы, которая была неотъемлемой частью Португалии со времен Афонсо Энрикеша, и они не упускали возможности продемонстрировать свое презрение к принцу-регенту и его советникам. Их гнев возгорелся против французов, и с этого времени масса людей, которых не интересовала политика, но которые понимали значение национального позора, была готова на все против нации, которая привела к распаду отечества.

Амьенский мирный договор дал Европе минутную передышку; англичане эвакуировали Мадейру, а принц-регент твердо решил придерживаться политики абсолютного нейтралитета. Но Наполеона было не сдвинуть с места; он твердо решил уничтожить Португалию, и именно в полном расчете на то, что он вызовет раздражение португальцев и вынудит их объявить войну, он отправил генерала Ланна, одного из самых отважных, но и одного из самых грубых и наименее образованных своих генералов, послом в Лиссабон. Ланн действовал в соответствии с ожиданиями своего начальника; он оскорбил португальский двор; он не смог соблюсти самые обычные обычаи дипломатической вежливости; и, наконец, он потребовал немедленного увольнения всех министров, принадлежавших к английской партии, и особенно Пины Манике, интенданта полиции, потому что он в прежние дни преследовал поклонников Французской революции. Принц-регент подчинился, как из страха перед Францией, так и из неприязни к своевольной военно-морской политике Англии; и Антонио де Араужо де Азеведо, глава французской партии, стал государственным секретарем по иностранным делам, его коллегами стали граф Вилья-Верде и виконт Анадиа, а Лукас де Скабра да Силва сменил Пину Манике. Даже это смиренное и быстрое подчинение не удовлетворило Наполеона, и в 1804 году он заменил генерала Ланна генералом Жюно, которому приказал настаивать на объявлении Португалией войны Англии. Однако на какое-то время он счел разумным отложить свои планы против страны, которую он считал наиболее уязвимой провинцией Англии, пока он был занят своими великими кампаниями в Германии, и даже подписал договор о нейтралитете с португальским правительством. Англичане не были склонны подчиняться этому, и в 1806 году адмирал граф Сент-Винсент, генерал граф Росслин и генерал Симко были отправлены в Лиссабон, чтобы напомнить принцу-регенту о древнем союзе между двумя странами и пообещать обильную помощь, если Португалия объявит войну Франции. Дом Джон отказался и по совету своих министров отнесся к английским послам с чем-то вроде презрения.

Наконец, в 1807 году, разгромив армии Австрии, Пруссии и России, Наполеон снова обратился мыслями к своим проектам уничтожения Португалии, которая стала более, чем когда-либо, занозой в его боку, поскольку отказалась сотрудничать в рамках его Континентальной системы ради коммерческого разорения Англии. Сначала он решил действовать совместно с Испанией и Годоем, как это сделали Периньон и Люсьен Бонапарт, и 29 октября 1807 года подписал Мирный договор в Фонтенбло, по которому было решено, что Португалия должна быть завоевана объединенными армиями Франции и Испании и что северные провинции страны должны быть переданы королю Этрурии в обмен на его итальянское королевство, которое Наполеон хотел аннексировать, в то время как южные районы должны были быть преобразованы в независимое королевство для Годоя, принца Мира, а центральные провинции должны были быть переданы королю Этрурии. удерживается Францией. За подписанием этого договора последовали немедленные действия. Жюно быстро пересек Испанию с французской армией и совместно с испанскими войсками под командованием генерала Караффы вторгся в

Португалию вдоль реки Тежу, в то время как генерал Таранко и генерал Солано с двумя другими испанскими армиями заняли Энтре Минью-э-Дору и Алемтехо. Жюно с поразительной быстротой совершил свой поход, и португальский народ едва ли осознал, что война неминуема, пока 29 ноября полковник Ле Кор не ворвался в Лиссабон с известием, что французские солдаты овладели Абрантешем. Это тревожное известие полностью выбило принца-регента из колеи, и он прислушался к решительному совету сэра Сиднея Смита, командующего английской эскадрой в Тежу, покинуть свою столицу и перебраться в Бразилию, предоставив англичанам защищать Португалию. Дом Джон считал, что это наилучший путь, и, назначив Регентский совет, он поднялся на борт английского корабля со своей женой, донной Карлоттой Хоакиной, двумя своими сыновьями, доном Педро и доном Мигелем, шестью дочерьми и своей несчастной матерью, королевой Марией Франциской, чей расстроенный мозг, казалось, понимал, что происходит, и чье сопротивление попыткам отстранить ее было больно наблюдать. Едва английские корабли покинули свои стоянки в Тежу, как 30 ноября 1807 года Жюно во главе двух тысяч измученных французских солдат, переживших страшную усталость от быстрого марша, вступил в Лиссабон.

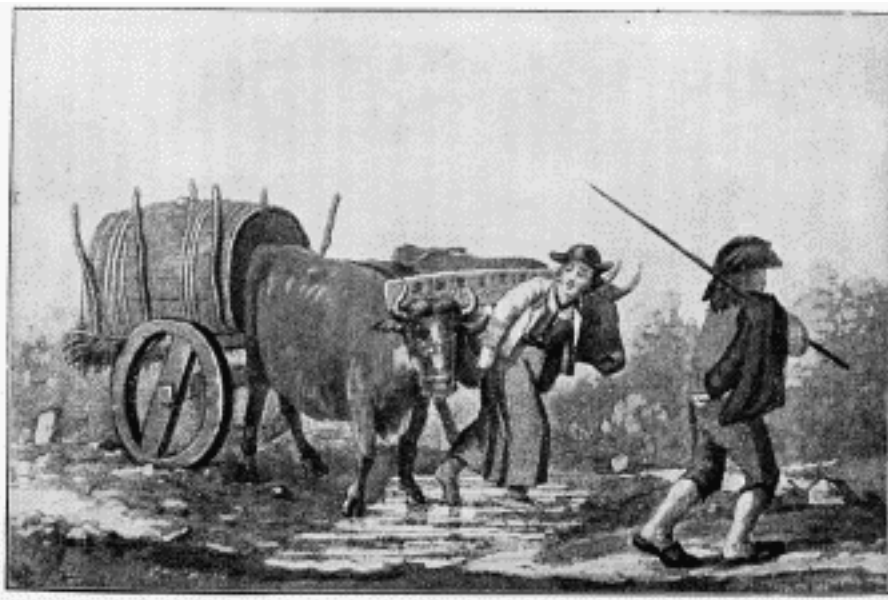
МАРШАЛ ЖЮНО, герцог АБРАНТСКИЙ.
(С гравюры того периода.)

Ничто так определенно не свидетельствует о большом продвижении так называемых “французских принципов”, то есть демократических идей, в Португалии за последние несколько лет, как сердечный прием, оказанный Жюно. В Сантарене его приветствовала депутация вольных каменщиков Португалии, которые из-за преследований, как и в других континентальных странах, превратились в тайное общество распространения демократических идей; армия не пыталась сопротивляться; ни деревни, ни поселки не подняли восстания; и Регентский совет, в который входили маркиз Абрантеш, маркиз Ольян, генерал Франсиско да Кунья и Менезеш, генерал Франсиско Ксавье де Норонья, директор Кастро, и Педро де Меллу Брейнер, президент казначейства, немедленно подчинился. Жители Лиссабона были возмущены нерешительной и непатриотической политикой принца-регента; они не без оснований жаловались, что он впустую потратил время на дипломатию, вместо того чтобы готовиться к обороне; они противопоставляли его уступку Испании по Бадахосскому мирному

договору доблестному поведению Иоанна I и успешным войнам Иоанна IV.; и они рассматривали его отъезд в Бразилию как подлое дезертирство своей страны. По всем этим причинам они приветствовали французов, и демократические лидеры надеялись, что император Наполеон аннексирует их страну и предоставит ей представительные институты. Жюно сначала действовал с величайшей осмотрительностью; он, конечно, собрал в Лиссабоне два миллиона франков путем реквизиции и конфисковал все деньги в королевской казне, но в то же время он удовлетворил португальский народ, отказавшись отдать испанцам что-либо из награбленного, и он ободрил их верой в то, что император не уничтожит их независимость. Его следующим шагом было распустить всю португальскую армию и расквартировать французские войска во всех наиболее важных городах и крепостях. Не удовлетворившись этим, Жюно затем собрал мощные португальские силы, состоящие из двух пехотных дивизий, двух полков касадорес, или легкой пехоты, и трех полков кавалерии, которые он отправил во Францию под командованием генерал-лейтенанта дома Педру де Альмада, маркиза Алорны, и генерал-майора Гомеша Фрейре де Андраде. Это подразделение, известное как Португальский легион, состояло из всех самых дисциплинированных офицеров и солдат нации и доблестно несло службу под командованием Наполеона на протяжении французских кампаний в Испании, Германии и России, а остатки его служили под его знаменами при Ватерлоо. Освободившись таким образом от присутствия самого опасного элемента сопротивления, Жюно начал проявлять свой собственный характер. Теперь он не делал никаких попыток примирить португальских демократов и смеялся над их идеей португальской конституции; он водрузил трехцветный флаг на Цитадели Святого Георгия; он разделил страну на военные правительства под руководством своих генералов; и, наконец, 1 февраля 1807 года он издал прокламацию, "что Дом Браганса прекратил правление".

После издания этой прокламации французы полностью завладели Португалией; алькаиды были отправлены в отставку, и французские генералы правили с абсолютной властью военных губернаторов. Было сформировано новое регентство, в состав которого вошли несколько французов, в частности сам Жюно в качестве президента, генерал Герман, М. Люилье и Вьеннот де Вобланк в качестве генерального секретаря; и было сформировано новое министерство друзей французского альянса, состоящее из Педро де Мелло Брейнера в министерстве внутренних дел, Азеведо в Казначействе, графа Сампайо в военном министерстве и директора Кастро в министерстве юстиции. Затем Жюно начал интриговать из-за трона Португалии; он хорошо знал, что Наполеон не собирался выполнять условия мирного договора в Фонтенбло; и он не понимал, почему после своей успешной кампании он не должен получить эту большую награду. Он выдавал себя за литератора и был избран президентом "Академии реальных наук" вместо герцога де Лафоса; он изменил свое отношение к радикальной партии и дал экстравагантные обещания; и в надежде стать преемником Браганса, он сократил реквизицию Наполеона в размере сорока миллионов франков до двадцати миллионов, опираясь на свои собственные полномочия. Главным агентом, через которого он вел переговоры, был юрист по имени Жозе де Скабра, который собрал депутацию для визита к Наполеону во главе с великим инквизитором, епископом Лейрии, с просьбой назначить Жюно королем Португалии. Однако эти усилия Жюно были безрезультатны. Тирания его генералов и их обращение с португальцами как с покоренным народом; зверства, которые совершали французские солдаты, и их преднамеренные оскорбления самых дорогих чувств гордой нации намного перевесили эффект политики Жюно. Генерал Томьер, например, разграбил большое аббатство Алкобаса и уничтожил тела первых королей Португалии; а генерал Луазон топтал ногами народ и с

ужасающей жестокостью подавил небольшой бунт в Мафре. Конечно, в таком поведении были исключения. Генерал Траво и генерал Шарло снискали популярность благодаря своей справедливой администрации; но, как правило, поведение французских генералов было крайне алчным. В этот момент, когда португальский народ дрожал от негодования, пришло известие о восстании в Испании и о победе Байлена. Испанский генерал Беллеста, командовавший в Порту вместо генерала Таранко, захватил французского губернатора генерала Кенеля и передал его португальской хунте, а затем ушел маршем в Галисию. Это великое событие произошло 18 июня, когда французы удерживали Португалию около девяти месяцев. Антонио Хосе де Кастро, епископ Порту, был объявлен президентом “хунты” этого города. Примеру последовали от Браги до Фаро; повсюду французские офицеры были убиты или изгнаны, и были сформированы независимые “хунты”. На этом этапе португальский народ почувствовал, что он не может противостоять Франции своими силами, и епископ Порту обратился за помощью к старому союзнику Португалии, Англии.

ПОРТУГАЛЬСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ.

(Из книги Кинси “Иллюстрированная Португалия”, 1829.)

Английское правительство охотно прислушалось к этому призыву; оно давно желало иметь базу на Континенте, с которой можно было бы действовать против Наполеона по суше, и, по словам Каннинга, “рука Великобритании стала рычагом, а Португалия точкой опоры, чтобы вырвать из своего основания мощь, покорившую остальную Европу”. В предыдущем году войска под командованием полковника Бересфорда оккупировали Мадейру, но до этого времени не предпринималось никаких попыток выбить французов из самой Португалии. Однако по получении этого обращения из Порта небольшой армии, которая была собрана в Корке под командованием генерал-лейтенанта distinguished сэра Артура Уэлсли для экспедиции в Южную Америку, было приказано вместо этого проследовать в Португалию; подкрепления были собраны в Рамсгейте и Харвиче, а дивизии под командованием генерал-майора Брента Спенсера было приказано отплыть из Гибралтара, чтобы присоединиться к нему. Лузитанский

легион был также сформирован из португальцев, случайно оказавшихся в Англии, и отправлен в Португалию под командованием полковника сэра Роберта Уилсона и полковника Мэйна. Действительно, пришло время прийти на помощь; все лучшие войска и наиболее опытные офицеры были отправлены из Португалии в составе Португальского легиона, чтобы присоединиться к Великой армии Франции, а недисциплинированные крестьяне и подмастерья, наспех собранные "хунтами", были легко разбиты французскими ветеранами во многих местах. Сэр Артур Уэлсли высадился в устье реки Мондего и двинулся на юг, к Лиссабону. Впервые он разгромил дивизию Лаборда при Ролисе 17 августа 1808 года; и, получив подкрепление, он разбил самого Жюно при Вимейру 21 августа. За этими победами последовала Цинтрская конвенция, по которой Жюно согласился эвакуировать Португалию и сдать все крепости, находящиеся в его распоряжении, при условии, что его войска и награбленное будут в целости и сохранности доставлены во Францию. Это соглашение, каким бы разочаровывающим с военной точки зрения оно ни было для английских властей, в высшей степени устраивало португальский народ, который считал себя избавленным от французов так же быстро, как был ими завоеван.

Прежний Регентский совет, назначенный принцем-регентом перед его отъездом, был восстановлен в Лиссабоне и сразу же начал ссориться с "хунтой" Порты, но оба органа поняли, насколько они зависят от английского правительства, и Регентство направило Домингоша Антонио де Соуза Коутиньо в Лондон с просьбой аккредитовать в Лиссабоне английского посла со всеми полномочиями и назначить сэра Артура Уэлсли для реорганизации их армии. В соответствии с этими просьбами почтенный Дж. К. Вильерс был направлен послом в Лиссабон, и, поскольку сэра Артура Уэлсли нельзя было пощадить, генерал-майор Бересфорд, который выучил португальский язык в бытность губернатором Мадейры, был направлен командовать португальскими войсками и дисциплинировать их. Тем временем Португалия снова подверглась нападению французов; когда сэр Джон Мур продвинулся к Саламанке, он оставил там очень мало английских войск, и Наполеон приказал трем французским армиям вторгнуться в страну разными путями. Из этих армий только одна действительно вошла в Португалию, та, что с севера, под командованием маршала Сульта. Части Лузитанского легиона под командованием сэра Роберта Уилсона и барона Эбена оказали энергичное сопротивление, и даже неорганизованные португальские новобранцы под командованием генерала Антонио де Сильвейры проявили мужество, если не дисциплину; но их усилия были напрасны, и Султ занял Порту. К счастью для португальцев, Султ, как и Жюно, увлекся идеей стать королем Португалии и не стал наступать на Лиссабон, в то время как Лаписс и Виктор не поддерживали его, войдя в Бейру и Алемтехо, как им было приказано, и эта задержка дала время сэру Артуру Уэлсли достичь Тежу с мощной английской армией. 12 мая 1809 года он изгнал Сульта из Порту в Галисию; и после этого успеха он вторгся в Испанию и разбил Жозефа Бонапарта и маршала Виктора в битве при Талавере.

От этих успехов английского генерала необходимо обратиться к состоянию португальского регентства. После ухода принца-регента все способные люди английской партии и подготовленные администраторы уехали из Португалии в Бразилию; лидеры радикальной партии были либо в опале, либо бежали во Францию, и не осталось никого, кто мог бы составить регентство, кроме кучки интриганов, главной идеей которых было получить как можно больше денег из Англии и переправить их в свои карманы. Португальский народ действовал совсем по-другому; он был возмущен возмутительным поведением французских солдат и был готов пожертвовать своей жизнью ради национального дела. Об этом энтузиазме было доложено

английскому правительству, которое решило перевести десять тысяч португальских солдат на английское жалование и направить несколько английских полковых офицеров для дисциплинирования и командования ими. Лучшего человека, чем Бересфорд, нельзя было бы выбрать в качестве главнокомандующего португальской армией. В последующие годы, и особенно в битве при Альбуэре, он показал себя всего лишь плохим генералом; но как организатор его твердость, почти граничащая с суровостью, заставляла его одновременно повиноваться и бояться. Его главными помощниками в этой работе были присланные к нему английские офицеры и небольшая группа португальских офицеров, которых патриотизм вынудил отправиться в изгнание, предпочтя службу во французско-Португальском легионе, и во главе этих двух классов стояли его генерал-квартирмейстер, генерал-майор Бенджамин Д'Урбан, англичанин, и его генерал-адъютант, полковник Манозель де Брито Мусинью, португалец. Бересфорд так усердно работал зимой 1809 года, пока лорд Веллингтон, получивший титул сэра Артура Уэлсли, находился в Испании, что весной 1810 года некоторые португальские полки объединились с английскими и показали себя достойными этой чести. Они сражались бок о бок с английскими солдатами в битве при Бусако, и поведение 8-го португальского пехотного полка является одним из наиболее спорных моментов в истории этого сражения, каждый историк войны утверждает, что он вел себя хорошо, но все они различаются по времени вступления в бой и эффекту его штыковой атаки.

КРЕСТЬЯНКА ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ КАЛДАШ-ДА-РАИНЬЯ.

(Из книги Кинси “Иллюстрированная Португалия”, 1829 г.)

Пока Бересфорд занимался этим благим делом, а цвет португальской молодежи рвался к оружию в регулярной армии или в резерве народного ополчения, регентство в Лиссабоне

становилось все хуже и хуже. Принц-регент в Рио-де-Жанейро не имел над ней никакого контроля, и она была разделена на партии, которые ссорились из-за распределения английских субсидий, как если бы они были законной добычей. Нет необходимости изучать интриги этих партий, но стоит отметить, что дом Педро де Соуза Гольштейн, более известный в последующие годы как герцог Палмеллаский, был отправлен к испанской хунте требовать регентства в Испании для донны Карлотты Хоакины, королевы Португалии, когда Португалия не могла даже защитить свою собственную территорию. Ни Веллингтон, ни Бересфорд не могли работать с этим мятежным регентством, и английскому кабинету министров пришлось настоять на том, чтобы английский посол в Лиссабоне сэр Чарльз Стюарт, сын генерала почтенного сэра Чарльза Стюарта, получил место в совете. Его выдающиеся способности и такт вскоре сделали его хозяином среди своих коллег, и определенная часть денег, отправленных Англией для выплаты жалованья португальским войскам, наконец-то попала по назначению. Регентство, даже укрепившись таким образом, не смогло стать популярным; оно подверглось резкой критике и оскорблениям; а ропщущая радикальная партия в Лиссабоне, жаждавшая мира с Францией, была подавлена только депортацией восемнадцати ведущих журналистов на Азорские острова в сентябре 1810 года.

Неудивительно, что в 1810 году существовало некоторое противодействие войне, поскольку в тот год произошло самое масштабное вторжение французских войск. Это было знаменитое вторжение в Массену. Португальская нация проявила всю доблесть народа, сражаясь за свое существование как нации, и когда лорд Веллингтон, будучи вынужден отступить на позиции Торриш-Ведрас, приказал крестьянам покинуть свои дома и не оставлять французам ничего, чем можно было бы прокормиться, они подчинились ему с трогательной верностью. Пока Веллингтон укреплялся на своих позициях, Бересфорд разместил свою штаб-квартиру в Лиссабоне и продолжил работу по реорганизации с помощью свежего контингента английских полковых офицеров, который прибыл к нему в это время. Он действовал быстро, но в регулярном порядке, и, организовав и дисциплинировав португальские полки зимой 1809 года, зимой 1810 года он превратил их в независимые португальские бригады. Всего он сформировал мощную португальскую армию из двенадцати пехотных бригад, частично под командованием английских бригадиров, таких как Эшворд, Пак, Брэдфорд и Арчибальд Кэмпбелл, частично под командованием местных офицеров, таких как Ле Кор, Фонсека, Палмейрим и Бернадим Рибейрос, четырех кавалерийских бригад под командованием Повоа и Барбасены, Мэддена и Хоукера, и артиллерийского парка из сорока восьми орудий под командованием полковника Александра Диксона. В то время как Бересфорд занимался в Лиссабоне организацией португальской армии, португальское ополчение хорошо справлялось с работой в северных провинциях, где главное командование осуществлял генерал-майор Мануэль Пинто Баселлар. Бригады ополчения под командованием таких отважных командиров, как Антонио де Сильвейра, Джон Миллер, Николас Трант и Джон Уилсон, атаковали линии связи Массены с Испанией; и пока он находился перед позициями Торрес-Ведрас и у Сантарена, ему приходилось держать три дивизии занятыми для поддержания открытой линии отступления и сопровождения своих автоколонн. На поле боя португальское ополчение всегда терпело поражения, но Массена никогда не мог чувствовать себя в безопасности от их атак, и, если не упоминать об одном блестящем подвиге, взятие Трантом Коимбры доставило ему серьезные неудобства в критический момент.

Наконец, в марте 1811 года Массене пришлось уйти в отставку, и тогда португальцы пожинали плоды, освободив свои границы от захватчиков до конца войны на полуострове. Современные

англичане слишком склонны смотреть на победы в войне на Пиренейском полуострове как на результат одной только английской доблести. Веллингтон знал лучше; он знал, чем обязан португальским войскам, и признавал их заслуги в своих донесениях; и современники всегда говорили о солдатах-победителях как о союзной или англо-португальской армии. На протяжении великих кампаний 1812, 1813 и 1814 годов португальские войска разделяли труды и славу армии Веллингтона; и если упомянуть лишь один подвиг, то атаки португальских бригад Пака и Брэдфорда на арапилей в битве при Саламанке вызвали горячее восхищение английских солдат и офицеров, хотя и не увенчались успехом. Зимой 1812 года, когда армия союзников находилась на зимних квартирах после отступления из Бургоса, Бересфорд внес последний штрих в свою работу, сформировав независимые португальские дивизии. Однако касадоры, или легкая пехота, были слишком ценны, чтобы их можно было отделить от английских полков легкой пехоты, и продолжали входить в состав знаменитой Легкой дивизии до конца войны. Португальские дивизии были похожи на бригады, разделенные между английским и португальским генералами, среди которых наиболее заметными были сэр Джон Гамильтон и сэр Арчибальд Кэмпбелл, будущий завоеватель Бирмы, Карлос Фредерик Ле Кор и Агостино Луис да Фонсека. Во время боевых действий, последовавших за победой при Виттории, португальцы продемонстрировали свое мужество и дисциплину, и не только Веллингтон, но и все историки войны обращают внимание на их хорошее поведение как на поле боя, так и в казармах, по сравнению с распушенностью и недисциплинированностью испанских армий. Тем временем дела дома шли хорошо; регентство под контролем сэра Чарльза Стюарта не смогло присвоить английские субсидии; он позаботился о том, чтобы войскам хорошо платили, одевали и кормили; португальский народ радовался успехам своих солдат в борьбе с Францией и извлекал выгоду из большого притока английских денег в Португалию. Когда война закончилась и пришло известие об отречении Наполеона и битве при Тулузе, возвращающиеся войска были встречены с энтузиазмом, и все обещали блестящее будущее. Английское правительство не забывало об услугах, оказанных португальцами, и когда генералы Веллингтона были возведены в звания пэров, маршал Бересфорд, организатор португальской армии, был назначен лордом Бересфордом, а сэр Чарльз Стюарт, посол в Лиссабоне, - лордом Стюартом де Ротсеом.

Но за этим ликованием вскоре последовали горькие стенания, поскольку английские полномочные представители на Венском конгрессе во главе с лордом Каслри подло бросили своих доблестных союзников. Португальскими посланниками на этой знаменитой встрече по воссоединению Европы были Педро де Соуза Гольштейн, граф Палмеллы, впоследствии герцог Палмеллы, Антонио де Салданья да Гама, впоследствии граф Порто-Санту, и Джеронимо Лобо да Силвейра, впоследствии граф Ориоллы. Эти дипломаты настаивали на том, что Испанию следует заставить вернуть Оливенсу, которую Португалия была вынуждена уступить по Бадахосскому мирному договору 1801 года, требование, которое было совершенно справедливым; но Талейран воспротивился этому акту справедливости, и Каслри неоправданно отказался от верного союзника Англии, поступок одновременно неблагодарный и невежливый. Ощущение неблагодарности Англии было преобладающим среди португальцев, когда из Рио-де-Жанейро пришло известие о смерти сумасшедшей королевы Марии Франциски 20 марта 1816 года и о том, что принц-регент был провозглашен королем Иоанном VI.

XVIII.

СОВРЕМЕННАЯ ПОРТУГАЛИЯ.

ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ И УСТАНОВЛЕНИЕ ПАРЛАМЕНТСКОГО ПРАВЛЕНИЯ.

История Португалии после завершения войны на полуострове представляет собой печальный пример пагубных последствий всех затяжных войн. Народ, лишенный великих монархов или великих министров, был разделен на множество партий, которые ссорились и воевали; многочисленные гражданские войны терзали страну; торговлей и сельским хозяйством пренебрегали; местному соперничеству и классовой зависти было позволено вырасти до серьезных масштабов; управление страной и отправление правосудия становились все хуже и хуже; и, как обычно, нищета следовала за политическим недовольством. Изучать подробности гражданских войн первой половины девятнадцатого века неинтересно и не поучительно. На протяжении всей истории Португалии наиболее заметной чертой является исключительное упорство, с которым маленькая страна сохраняла свою независимость и свою индивидуальность, и больно наблюдать, что это патриотическое чувство на какое-то время почти полностью исчезло. Именно в этот период Португалия опустилась до ранга третьеразрядного государства, поскольку теперь она перестала быть важным фактором в европейской политике либо из-за своего богатства и своих колоний, либо как надежный союзник Англии. Во многом это было связано с изменением отношения Англии, где старая историческая дружба с Португалией, которая поддерживалась со времен Средневековья и приносила пользу обеим сторонам, была утрачена, к глубокому сожалению каждого, кто ценит существование чувств и историческую преемственность в политике. Тем не менее, несмотря на

утрату ее значения, необходимо дать некоторый отчет о Португалии в эту печальную эпоху ; ибо, если интересно изучать историю процветающей нации, поучительно также увидеть, как она пала до самых низов.

Иоанн VI. он очень наслаждался покоем и комфортом своей резиденции в Бразилии в качестве принца-регента и стал больше привязан к Бразилии, чем к Португалии, когда в 1816 году был провозглашен королем Португалии, Бразилии и Алгарве. Народ метрополии был искренне возмущен этим; они смотрели на него как на дезертира и опасались, что он будет чрезмерно способствовать интересам колонии. Они также были встревожены растущим духом независимости в Бразилии; они знали, что главное богатство Португалии в восемнадцатом веке было получено от ее великой колонии, и они прекрасно понимали, что любое отделение нанесло бы большой ущерб их процветанию. Привязанность нового короля к Бразилии проявилась в первый же год его правления, поскольку вместо того, чтобы настаивать на возвращении Оливенсы, он предпочел напасть на бывшие владения Испании в Южной Америке и направил в Бразилию корпус из 4500 ветеранов войны на полуострове под командованием генерал-лейтенанта Ле Кора. Предлог для войны был найден в республиканском движении Артигаса; местное ополчение не смогло противостоять португальским солдатам; 20 января 1817 года Ле Кор взял Монте-Видео и вскоре оккупировал всю страну до левого берега реки Плейт. Победоносный генерал получил титул барона Лагуны и продолжал занимать Восточную Банду до 1825 года, когда жители подняли восстание, и после долгих войн они основали Республику Уругвай и стали независимыми как от Бразилии, так и от Аргентинской республики.

Иоанн VI своим упорным отказом покинуть Рио-де-Жанейро придал окраску обвинению португальцев в том, что он намеревался бросить их ради бразильцев и изменить положение двух наций. Английский кабинет настойчиво убеждал его вернуться в Европу, но он оставался глух ко всем увещаниям и почти не обращал внимания на положение дел в Португалии. Он не встретил никакой помощи, а только противодействие со стороны своей королевы, донны Карлотты Хоакины, которая всегда интриговала против него и которая еще в 1805 году пообещала либеральную конституцию некоторым португальским радикальным лидерам, чтобы занять положение, отличное от положения ее мужа. Она интриговала не только в Португалии, поскольку в 1812 году выяснилось, что она вынашивала план стать независимой королевой Бразилии. Все эти заговоры были направлены на то, чтобы в конечном итоге извлечь выгоду из ее младшего сына, Дома Мигеля, высокомерного юноши, которого все считали незаконнорожденным. Не был более счастлив Иоанн VI и в отношениях со своим старшим сыном, домом Педро, который был фанатичным поклонником системы парламентского правления. Дом Педру также был великим магистром масонов Бразилии и открытым сторонником бразильской партии, которая надеялась на либеральную конституцию и полное отделение от Португалии. Этот принц был человеком действительно способных способностей, высокого характера и просвещенных мнений, и его значение в семье возросло благодаря его браку, заключенному в результате переговоров дома Педру де Менезеша Коутиньо, маркиза Мариалвы, и принца Меттерниха, с эрцгерцогиней Марией Жозефой, дочерью австрийского императора Франциска I.

В Португалии правительство регентства стало крайне непопулярным, поскольку лорд Стюарт де Ротсей и маршал Бересфорд правили наиболее деспотически. Народ, который терпел власть англичан во время ужасной войны за существование, и те самые солдаты, которые так

доблестно служили под началом английских офицеров на поле боя, вскоре устали от иностранного правления в мирное время и подняли крик “Португалия для португальцев”. Министры, которые неохотно выплачивали большие суммы, необходимые для расходов армии, даже когда им помогали субсидии из Англии, теперь, когда эти субсидии были отменены, настаивали на значительных сокращениях и практически вообще ничего не платили. Демократические идеи быстро распространялись; народ требовал участия в правительстве и громко выражал свою ненависть к королю, регентству и англичанам, и дух недовольства поднялся во всех частях королевства. Первая вспышка произошла в 1818 году, когда генерал Гомеш Фрейре де Андраде, командовавший португальским легионом в Русской и других кампаниях армии Наполеона и страстно любивший Францию, спланировал “пронунсиаменто”, но заговор был раскрыт и строго подавлен Регентством, которое приказало казнить генерала и десять его сторонников. Это суровое наказание только разозлило радикальную партию, и когда Бересфорд отправился в Бразилию в 1820 году, чтобы получить от короля деньги для погашения задолженности армии, жители Порту воспользовались его отсутствием, чтобы поднять знамя восстания под руководством полковника Антонио де Сильвейры, Брито да Фонсеки и других офицеров гарнизона. Регентство в Лиссабоне, лишенное присутствия Бересфорда, уступило место аналогичному восстанию в столице, возглавляемому графами Резенде, Пенафизлем и Сампайо, и революционные хунты, сформированные в двух великих городах, согласились действовать согласованно. Английские офицеры были изгнаны из страны; Бересфорду не разрешили высадиться на берег, когда он вернулся из Рио-де-Жанейро; было провозглашено новое регентство; и было созвано учредительное собрание для выработки конституции Португалии.

Это собрание, большинство которого состояло из людей самых демократических взглядов, сразу же упразднило все пережитки феодализма и, к отвращению духовенства, подавило инквизицию в Португалии, несмотря на ее нарочитую умеренность в последние годы, из-за ее прежних злодеяний. Затем депутаты приступили к разработке самой непрактичной конституции для будущего правительства страны, которая показала, что они изучали пламенные речи ораторов Французской революции и не извлекли пользы из знания их ошибок. Этой конституцией, которая была известна в более поздней истории как “Конституция 1822 года”, гарантировалась защита личности и собственности; были провозглашены свобода печати, равенство перед законом, допуск всех граждан ко всем должностям, отмена привилегий и суверенитет нации. Одна свободно избранная палата должна была созываться ежегодно для принятия законов и надзора за правительством страны, и королю было предоставлено лишь временное право вето на ее меры. Узнав об этой революции, Пруссия, Австрия и Россия отозвали своих послов из Лиссабона, а Англия настояла на том, чтобы Иоанн VI. должен немедленно отправиться в Португалию. Соответственно, король покинул Рио-де-Жанейро и вернулся в Лиссабон, где торжественно поклялся соблюдать новую конституцию и править в будущем как конституционный монарх. Королева и дом Мигель были не столь покладисты; они отказались признать конституцию и были немедленно вынуждены покинуть Лиссабон. После ухода Иоанна VI Бразилия провозгласила себя независимой, и Дом Педру, избранный императором, даровал этой стране либеральную парламентскую конституцию. Португальские войска и королевские корабли предприняли небольшую попытку сохранить королевскую власть в Южной Америке, но последние были быстро разбиты лордом Кокрейном, который поступил на бразильскую службу, и отделение великой колонии от ее метрополии стало общепризнанным фактом.

Потеря Бразилии и превращение правительства Португалии в ограниченную монархию привели в ярость дворянство и еще больше духовенство, которые с ужасом смотрели на радикальные реформы учредительного собрания, а когда французы вторглись в Испанию в 1823 году для подавления восстания в этой стране, генерал Франсиско де Сильвейра, граф Амаранте, поднял “пронунсиаменто” в Трас-ос-Монтесе против Конституции 1822 года. Иоанн VI. перенял некоторые идеи своего старшего сына и выступал за изменение абсолютного характера португальской монархии, но никогда не скрывал своего мнения о том, что радикальная партия зашла слишком далеко в своих крайних реформах. Поэтому он воспользовался “пронунсиаменто” на севере, чтобы объявить Конституцию 1822 года отмененной, и назначил графа Палмеллы премьер-министром с инструкциями сформировать “хунту” и разработать умеренную и хорошо сбалансированную парламентскую конституцию по английскому образцу. Но абсолютистская партия, возглавляемая королевой и доном Мигелем, который был назначен главнокомандующим армией, не потерпела бы никакой формы конституционной монархии; они подняли восстание в Лиссабоне против Иоанна VI.; лучший друг короля, либерально настроенный маркиз Лоуле, был убит; Палмелла и его коллеги были заключены в тюрьму; а сам король был заперт в своем дворце и в конце концов бежал в поисках убежища на борту английского военного корабля в Тежу. Объединенные действия иностранных послов и министров, аккредитованных в Португалии, во главе с сэром Уильямом А'Куртом, впоследствии лордом Хейтсбери, представителем Англии, обеспечили восстановление королевской власти; восстание было подавлено; Дом Мигель был изгнан; Палмелла был вновь назначен премьер-министром; и в конце 1824 года король вернулся в Бразилию, чтобы провести свои последние дни в мире. По прибытии в Рио-де-Жанейро он признал отца Педру императором Бразилии, а 6 марта 1826 года Иоанн VI. умер в стране по своему выбору. По его завещанию Иоанн VI. оставил регентство Португалии своей дочери Исабель Марии, к неудовольствию дома Мигеля, который, несмотря на свое поведение, полностью ожидал, что Португалия будет каким-то образом передана ему по наследству и что дом Педру будет доволен правительством Бразилии.

Следующие двадцать пять лет стали самыми печальными за всю историю Португалии. Установление существующей сейчас системы парламентского правления было долгой и трудной задачей; почти невозможно проследить за стремительной последовательностью событий и совершенно невозможно понять различные мотивы разных государственных деятелей и генералов. Лейтмотив всей серии беспорядков следует искать в пагубном влиянии армии. Творение Бересфорда было грандиозной боевой машиной, но армии, и в особенности генералы, после длительного периода действительной службы почти наверняка становятся опасными в мирное время. В случае Португалии армия была непропорционально велика по сравнению с размерами и доходами страны; не было иностранной или колониальной войны, которая занимала бы ее силы, и солдаты не возвращались к плугу, а офицеры не уходили в частную жизнь.

Английский кабинет министров на этом этапе был полон решимости поддерживать мир и порядок, и в 1826 году пятитысячная дивизия под командованием генерал-лейтенанта сэра Уильяма Клинтона была направлена для размещения гарнизонов в главных городах. Восшествие на престол Педру IV. В Португалии было встречено с радостью, хотя в Бразилии на него смотрели с подозрением. Он оправдал свою репутацию, составив хартию, содержащую основы умеренного парламентского правления английского типа, которую он отправил в Португалию через английского дипломата лорда Стюарта де Ротсея. Затем, чтобы угодить своим бразильским подданным, он отрекся от трона Португалии в пользу своей дочери, донны

Марии да Глории, семилетней девочки, при условии, что по достижении соответствующего возраста она выйдет замуж за своего дядю, Дома Мигеля, который должен был поклясться соблюдать новую конституцию. Хартия 1826 года была с благодарностью принята умеренной парламентской партией; раскол Клинтона был снят; Палмелла остался премьер-министром; а в следующем, 1827 году, дом Педру разрушил эффект своих мудрых мер, назначив дома Мигеля регентом Португалии от имени маленькой королевы.

Дом Мигель был честолюбивым принцем, который считал, что должен быть королем Португалии; он пользовался огромной популярностью у старой знати, духовенства и армии, у всех, кому не нравились либеральные идеи, а также у нищих, находившихся под влиянием нищенствующих орденов. Он был объявлен регентом в июле 1827 года, а в мае 1828 года созвал кортесы древнего типа, каких не собиралось с 1697 года, которые под председательством епископа Визеу предложили ему трон Португалии. Он согласился и немедленно отправил в изгнание всех лидеров парламентской, или, как ее обычно называют, чартистской, партии во главе с Палмеллой, Салданьей, Вилла Флор и Сампайо. Естественно, они бежали в Англию, где молодая королева останавливалась по пути, чтобы получить образование при венском дворе, и нашли общественное мнение решительно в их пользу. Но герцог Веллингтон и его кабинет тори отказались поддержать их или помочь им. Герцог настаивал на браке королевы с ее дядей и упорно путал умеренные и радикальные партии, а также считал Палмеллу демократом. Сама маленькая королева была любезно принята Георгом IV, но поведение герцога Веллингтона было настолько неприятным для ее опекунов, Амелии Баварской, императрицы Бразилии и второй жены дома Педро, и Фелисберто Кальдейры Брант Понтес, маркиза Барбасены, что они увезли ее во Францию в 1829 году. Там ей был предоставлен замок Медон в качестве резиденции, и она получила образование у своей мачехи и двух образованных дам, Евгении Теллес да Гама, графини Палмеллы, и Леонор да Камара, маркизы Понте-Делгада, в то время как в Португалии от ее имени бушевала гражданская война.

Тем временем правление Дома Мигеля превратилось в царство террора; аресты и казни были частыми; тысячи людей были депортированы в Африку, и в 1830 году, по оценкам, сорок тысяч человек находились в тюрьмах за политические преступления. Он правил с абсолютным пренебрежением ко всем законам, и в разное время английский, французский и американский флоты входили в Тежу, чтобы потребовать возмещения ущерба, нанесенного торговле, или за незаконный арест иностранцев. Результатом такого поведения стало то, что страна была безнадежно разорена, а чартистская и радикальная партии, которые соответственно выступали за Хартию 1826 года и Конституцию 1822 года, согласились преодолеть свои разногласия и выступить против фанатичного тирана. Остров Терсейра на Азорских островах никогда не признавал Дома Мигеля, и именно там в 1829 году Палмелла, Вилла Флор, Хосе Антонио Геррейро и Кеведо Писарро провозгласили себя регентским советом при королеве Марии да Глория. 11 августа 1830 года они разгромили флот, посланный против них Домом Мигелем в заливе Прайя, и при этом известии все чартисты, которым удалось бежать из Португалии, и многочисленные португальские изгнанники в Англии и Франции поспешили на Азорские острова. Дом Педру, посвятивший свою жизнь делу парламентского правления, в 1831 году передал корону своему малолетнему сыну и покинул Бразилию, чтобы возглавить движение за дело своей дочери. Сначала он отправился в Лондон, где встретил хороший прием в Либеральном кабинете лорда Грея, и там договорился о крупном займе на имя своей дочери. Затем он поспешил на Азорские острова со всем количеством людей, которых смог собрать, большинство из которых были английскими солдатами, уставшими от мира, или авантюристами

из других стран, и по прибытии назначил графа Вилла Флор главнокомандующим армией, а капитана английского флота Сарториуса адмиралом флота королевы Марии да Глории.

В июле 1832 года бывший император с армией в 7500 человек прибыл в Порту, где его с энтузиазмом встретили, а затем Дом Мигель осадил город. Мнения европейцев разделились между двумя партиями; сторонники свободы и конституционного правления называли мигуэлитов “рабами тирана”, в то время как сторонники абсолютизма, ссылаясь на займы, полученные бывшим императором, говорили о “биржевых спекулянтах педроитами”. Осада была долгой и затяжной; Дом Мигель, неизменно терпевший отпор в своих атаках, превратил ее в блокаду, а нужда внутри стен и холера среди осаждающих опустошили армии. Командиры обеих сторон поссорились между собой, и единственное событие, достойное упоминания, - это разгром флота мигуэльцев Сарториусом 11 октября 1832 года. В 1833 году более энергичные действия ознаменовали карьеру педроитов. Генерал-майор Жуан Карлос Салданья де Оливейра и Даун, старый офицер Бересфорда, друг и бывший коллега Палмеллы, принял командование армией в Порту и разгромил мигуэлитов под командованием графа Сан-Лоренсу 4 марта и под командованием генерала дас Анташа 24 марта 1833 года. Капитан английского военно-морского флота Чарльз Нейпир сменил Сарториуса на посту адмирала флота Педроитов и перебросил силы численностью в тысячу пятьсот человек из Порту в Алгарве под командованием графа Вилья Флора, ныне ставшего герцогом Терсейра, а затем практически уничтожил флот Мигуэльцев у мыса Сент-Винсент 5 июля 1833 года. Герцог Терсейра добился такого же успеха на суше; его тепло приветствовали жители Алгарве и Алемтехо; по мере продвижения его армия пополнялась добровольцами; он наголову разбил мигуэльцев под командованием генерала Теллеса Жордао при Ковада-Пьедаде и 24 июля с триумфом вступил в Лиссабон. Дом Педро немедленно отправился в столицу, вызвал из Франции свою дочь и по ее прибытии снова провозгласил Хартию 1826 года. Мигуэльцы под командованием французского маршала Бурмона затем атаковали Лиссабон, но были легко отбиты. 1834 год был годом непрерывного успеха чартистов. Англия и Франция признали Марию да Глорию королевой Португалии, а министерство королевы Испании Изабеллы, зная, что Дом Мигель является карлистом, направило две испанские армии под командованием генералов Родия и Серрано на помощь дому Педро. Салданья захватил Лейрию и разбил обескураженных мигуэлитов при Торрес-Новасе и Алмостере; капитан Напье, уничтожив флот узурпатора, высадился на сушу и подчинил Бейру, захватив Каминью, Вианну, Понте-де-Лима и Валенсу; генерал Са де Бандейра завоевал Алемтехо; а герцог Терсейра захватил Трас-ос-Монтес и одержал победу при Ассейсейре. Наконец, объединенные испанская и португальская армии окружили остатки мигуэльцев у Эвора-Монте, и 26 мая 1834 года Дом Мигуэль капитулировал. По Соглашению Эвора Монте Дом Мигель отказался от своих притязаний на трон Португалии и в обмен на пенсию в размере 15 000 фунтов стерлингов в год пообещал, что нога его больше никогда не ступит на территорию королевства.

Дом Педру объявил молодую королеву совершеннолетней и созвал полный состав кортеса на заседание в Лиссабоне. Он назначил сильное министерство с герцогом Палмеллой в качестве президента и герцогом Терсейрой в Военном министерстве, и была предпринята попытка упорядочить финансы и уладить дела королевства. Кортесы объявили Дон Мигеля и его наследников навсегда лишены права наследования престола и запретили им возвращаться в Португалию под страхом смертной казни, а также нанесли смертельный удар по влиянию мигуэльцев, упразднив все монашеские ордена, которые до сих пор поддерживали жизнь его партии в провинциях. Дом Педру, который на протяжении всей борьбы был сердцем и душой

партии своей дочери, таким образом, имел удовольствие видеть страну в мире и действующую регулярную парламентскую систему, но прожил он недолго, ибо 24 сентября 1834 года он умер в Келуше близ Лиссабона от болезни, вызванной его огромным трудом и переутомлением, оставив имя, которое заслуживает всяческих почестей как у португальцев, так и у бразильцев.

Королеве Марии да Глория было всего пятнадцать, когда она таким образом лишилась преимущества мудрых советов и постоянной помощи своего отца, и все же можно было ожидать, что ее правление будет спокойным и процветающим. Но ни королева, ни знать, ни народ не понимали принципов парламентского правления, а армия, привыкшая воевать и неспособная ни на что другое, была постоянным источником опасности. Члены разных партий не могли или не хотели верить, что все истинные португальцы одинаково любят Португалию; партия власти объявляла вне закона и изгоняла своих противников, в то время как оппозиционная партия неизменно прибегала к оружию, вместо того чтобы добиваться отстаивания своего мнения законными парламентскими средствами. Кроме того, несчастная страна была разорена многочисленными разбойниками, как правило, распущенными солдатами, которые называли себя мигуэлитами и которые неизменно убегали в Испанию при сильном нападении. Каждое последующее правительство отказывалось признавать займы, привлеченные его предшественником, или выплачивать проценты по ним, и финансовый кредит Португалии вскоре упал до очень низкого уровня на денежных рынках Европы. Бесплезно и почти невозможно рассматривать здесь тенденции главных государственных деятелей того времени, поскольку новые правительства быстро сменяли друг друга, и будет достаточно отметить только самые важные “произношения” и призывы к оружию. Все правление было периодом ожесточенной партийной борьбы, поскольку они вряд ли заслуживают названия гражданских войн, настолько мало в них было участия, что представляют разительный контраст с мирным конституционным правительством, которое преобладает в настоящее время.

В ранние годы королева Мария да Глория находилась в основном под влиянием своей мачехи, Амелии Баварской, и в январе 1835 года она вышла замуж за брата вдовствующей королевы, Августа Шарля Эжена Наполеона, герцога Лейхтенбергского, второго сына Эжена де Богарне от принцессы Августы Баварской, к великому огорчению Луи Филиппа Французского, который предложил своего сына, герцога Немурского. Этот принц умер после двухмесячного пребывания в Португалии, но было так необходимо иметь наследника престола, что королеву заставили немедленно снова выйти замуж. Она подчинилась и в январе 1836 года вышла замуж за принца Фердинанда Саксен-Кобург-Готского, племянника Леопольда, короля Бельгии, и именно его выдвижение на высокий пост главнокомандующего привело к первому обращению к оружию. В сентябре 1836 года Фернандо Соареш да Калдейра возглавил “пронунсиаменто” в Лиссабоне по восстановлению Конституции 1822 года, которое было полностью успешным и привело к разработке новой конституции. За этим “пронунсиаменто” последовали различные другие “пронунсиаменто” и много боевых действий, но в конечном итоге новая Конституция 1838 года, которая на самом деле была слегка измененной Конституцией 1822 года, была в целом принята. Это работало до 1842 года, когда один из радикальных министров, Антонио Бермудо да Коста Кабрал, внезапно выступил за Хартию 1826 года в Порту. Герцог Терсейра сразу же возглавил “пронунсиаменто” в Лиссабоне в поддержку Хартии и вступил в должность вместе с Коста Кабралом в качестве министра внутренних дел и фактического премьер-министра. Коста Кабрал, получивший в 1845 году титул графа Томарского, был очень приемлем для королевы и, истолковав Хартию в самом роялистском смысле, даже попытался ограничить

свободу прессы. Теперь настала очередь сентябрьцев прибегнуть к оружию, и после попытки привести Салданью к власти оппозиция переросла в открытое восстание под предводительством виконта Са де Бандейры, графа Бомфима и графа дас Анташа. За этим новым восстанием последовало то, что известно как война Марии да Фонте, или “Патулея”, которая еще более плачевна, чем ее предшественницы. В конце концов вмешались иностранные державы, и 29 июня 1847 года была подписана Гранадская конвенция, которой была объявлена всеобщая амнистия, и Салданья остался у власти. В 1849 году граф Томар вновь вступил в должность, а в 1851 году он снова был изгнан Салданьей во главе своих войск. Это было последнее “пронунсиаменто”, заслуживающее внимания; в 1852 году Хартия была пересмотрена, чтобы удовлетворить все партии; прямое голосование, одно из главных требований радикалов, было разрешено, и эпоха гражданской войны подошла к концу. Мария да Глория недолго пережила это мирное урегулирование, поскольку она умерла 15 ноября 1853 года, и ее муж, король-консорт Фердинанд II, принял регентство до совершеннолетия своего старшего сына Педро V.

Эпоха мирного парламентского правления, пришедшая на смену бурному правлению Марии II, была эпохой материального процветания Португалии; возродились сельское хозяйство и торговля, произошло великое литературное и историческое возрождение, отмеченное именами Жуана Баптисты де Алмейда-Гарретта, Антонио Фелисиану де Кастильо и Хосе да Силва Мендеш Леаль, поэтов, и Александры Эркулано де Карвалью и Араужо, виконта де Сантарен, и Луиса Аугусто Ребелло да Силва, историков. В первой половине девятнадцатого века люди не желали выступать за образование Иберийской республики или королевства, охватывающего весь полуостров, но возрождение национальной гордости за славное прошлое Португалии, которое было делом рук этих великих поэтов и историков, заново вдохнуло дух патриотизма в народ, измученный вечными “произношениями” и абсурдными гражданскими войнами.

Единственным сколько-нибудь важным политическим событием во время правления Педро V., который достиг совершеннолетия и вступил в правительство в 1855 году, а в 1857 году женился на принцессе Стефании Гогенцоллернской, было дело *Шарля и Жоржа*. Это французское судно занималось тем, что, несомненно, было работорговлей, хотя и слегка замаскированной, у берегов Африки в 1858 году, когда оно было захвачено португальскими властями Мозамбика, и, в соответствии с законами и договорами против работорговли, капитан Руссель был приговорен к двум годам тюремного заключения. Император Наполеон III, обрадованный возможностью предстать перед французским народом и рассчитывающий на свой тесный союз с Англией, который предотвратит вмешательство древнего союзника Португалии, немедленно отправил большой флот к Тежу под командованием адмирала Лаво и потребовал компенсации, которую, поскольку Англия не давала никаких намеков на помощь, Португалия была вынуждена выплатить. Во время этого правления вся страна, и особенно город Лиссабон, из-за пренебрежения всеми санитарными мерами предосторожности были охвачены холерой и желтой лихорадкой, и именно в разгар одной из таких вспышек, 11 ноября 1861 года, Педро V., который отказался покинуть свою пораженную чумой столицу, умер от холеры, и за ним сошли в могилу два его младших брата, дом Фердинанд и дом Джон.

На момент смерти Педро его следующий брат и наследник, Дом Луис, путешествовал по континенту, а его отец, Фердинанд II, который надолго пережил королеву Марию да Глория и морганатически женился на танцовщице Элизе Хенслер, принял регентство до своего возвращения, вскоре после чего король Луис женился на Марии Пиа, младшей дочери Виктора

Эммануила, короля Италии. Новый монарх последовал политике своего брата и позволил своим министрам вести свои сражения в палатах без какого-либо вмешательства с его стороны. Во время его правления старые участники бурного правления Марии да Глории, Палмеллы, Терсейры, Са де Бандейры, Томара и Салданы умерли, а вместе с ними и их своеобразный метод отстаивания своих политических взглядов. Их преемники в руководстве политическими партиями, герцог Лоуле и маркиз Авила, Антонио Манозель Фонтес Перейра де Меллу и Антонио Хосе Браамкамп, были людьми с большими административными способностями, которые не отправились на войну, когда потерпели поражение в парламенте, и поэтому они не вписали никаких ярких страниц в национальную историю, хотя они многое сделали для процветания страны. Последнее “пронунсиаменто”, или, скорее, попытка “пронунсиаменто” последнего оставшегося в живых из беспокойных государственных деятелей Марии да Глории, герцога Салданы, в 1870 году, только доказало, насколько полностью ушло время для подобных движений. Ему пришла в голову мысль, что герцог Лоле был слишком большим фаворитом при дворе, и поэтому однажды он пришел во дворец и, напомнив королю несколько исторических примеров, таких как фатальная близость французского короля Карла X. с герцогом де Полиньяком, пригрозил прибегнуть к оружию, если герцог Лоле не будет немедленно уволен. Король Луис, видя, что старик говорит серьезно, и не желая, чтобы мир в стране нарушался, потакал его прихотям и, продержав самого Салданию у власти в течение четырех месяцев, отправил его послом в Лондон, где старый воин скончался в 1876 году. За этим незначительным исключением правление короля Луиса было процветающим и мирным, и известие о его смерти 9 октября 1889 года было воспринято со всеобщим сожалением.

Луису I. на престоле наследовал его старший сын Дом Карлос, или Карл I., двадцатилетний молодой человек, женившийся в 1886 году на принцессе Марии Амели де Бурбон, старшей дочери графа Парижского. За его восшествием на престол немедленно последовала революция 15 ноября 1889 года в Бразилии, в результате которой его двоюродный дед Педру II, император Бразилии, был свергнут с престола и в этой стране было установлено республиканское правительство. Эта новость произвела глубокое впечатление в Португалии; республиканская партия, которая в течение нескольких лет набирала силу в Лиссабоне и Порту, приветствовала ее с восторгом, а демократические журналы призывали последовать примеру Бразилии. Трудности молодого короля еще больше усилились из-за споров, возникших в связи с Африкой, и нельзя скрывать тот факт, что Карлу I. придется проявить величайшую политическую мудрость, если он хочет пережить бури, обрушивающиеся сейчас на положение Португалии, и спасти португальскую монархию.

Было сделано много намеков на владения Португалии в Африке. Было замечено, что определенные места как на восточном, так и на западном побережьях Африки, такие как Ангола и Мозамбик, первоначально были заняты и укреплены как места отдыха португальских флотов на пути в Индию и из Индии, и что когда они были вновь захвачены после революции 1640 года, они были заняты только потому, что ранее принадлежали Португалии, а не из-за их внутренней ценности. Однако в последние годы ценность этих поселений возросла в связи с открытием Африки для торговли. Это хорошо понимают наиболее умные из современных португальских государственных деятелей, и отважные португальские путешественники, такие как Серпа Пинту, Роберто Ивенс и Брито Капелло, внесли свой вклад в получение более точных знаний о географии Африки. Но открытие Африки привлекло на “Темный континент” поселенцев и

исследователей из других стран, которые, если и не отрицали прав Португалии, то, безусловно, нарушали их. Первоначальные португальские поселения были просто портами, в которых корабли могли останавливаться и ремонтироваться; и спорные моменты сейчас касаются размера территории, прилегающей к этим поселениям, или “внутренних земель” за ними вглубь страны, которые по праву принадлежат Португалии. Этот вопрос о границах по природе вещей трудно поддается разрешению, и вызывает большое сожаление тот факт, что возникшие споры касались главным образом Англии, старинного союзника Португалии. Высокий дух португальского народа был уязвлен тоном части английской прессы, и их осознание собственной нынешней слабости и своего прошлого величия сделало их более чувствительными. Некоторые из их агентов в Африке, возможно, действовали произвольно и своевольно, и англичане не замедлили возмутиться таким обращением. И все же следует искренне надеяться, что эти разногласия между двумя древними союзниками могут быть урегулированы мирным путем, и, возможно, знание того, насколько тесной была дружба двух наций на протяжении многих веков, заставит английский народ более терпимо относиться к претензиям португальцев на внимание и уважительное отношение.

В последние годы внутреннее процветание Португалии возросло; были построены железные дороги и телеграф; были проведены санитарные улучшения; и была создана хорошая система национального начального и среднего образования, главным образом благодаря усилиям поэта Антонио Фелисиану де Кастильо. Ее финансовое состояние, однако, вполне может вызвать глубочайшие опасения; размер ее государственного долга почти такой же тяжелый по отношению к ее населению, как у Англии, и отказ от займов во время правления Марии II. это затруднило сбор денег в более богатых странах Европы. Еще более серьезной опасностью для процветания Португалии является продолжающаяся эмиграция в Бразилию, в которую ежегодно стекается большое количество крепких крестьян, главным образом из северных провинций Трас-ос-Монтес и Энтре-Минью-э-Дору. Этот непрерывный поток эмиграции, хотя и наносящий ущерб Португалии, оказал величайшую услугу Бразилии, и Великая Португалия, как можно назвать метрополию и ее колонию в Южной Америке, несмотря на политический раскол, процветает как никогда.

Еще более поразительным, чем наступление материального процветания, было великое литературное возрождение, ознаменовавшее эпоху мирного парламентского правления. Король Луис был просвещенным литературоведом и перевел некоторые пьесы Шекспира на португальский язык в манере, которая показала, что он хорошо разбирается в возможностях своего родного языка. В стране Камоэнса не было недостатка в поэтах, хотя ни один из современных писателей не осмелился бы поставить себя в один ряд с ним. Выдающимися среди этих поэтов являются Алмейда-Гаррет и Кастильо, которые одинаково воспевали древнюю славу Португалии, но среди их последователей много таких, чье вдохновение едва ли уступает их собственному. Такие люди, как Жозе да Силва Мендеш Леаль, Луис Аугусто Палмейрим и Жуан Соареш де Пассос, написали стихи, достойные того, чтобы их причислили к классикам португальской литературы, и их муза, как правило, вдохновлялась знанием древних писателей и старинных национальных лирических форм. Даже более важны, чем поэты, историки современной Португалии, поскольку именно они заставили португальцев так гордиться своей национальностью, что они до сих пор крепко держатся за свою независимость и противостоят сторонникам “иберийства”. Основателем новой школы историков-ученых была Александра Эркулано де Карвалью и Араужу, которая, подражая сэру Вальтеру Скотту в его исторических романах, показала, что на него оказали влияние Нибур и Ранке в его знаменитой

"истории Португалии", первый том которой был опубликован в 1848 году. Именно он первым осознал тот факт, что историю можно правильно изучать и правильно писать только после тщательного и критического изучения документов, и он проявил энергию и проницательность, развеяв паутину легенд, которые были сплетены о первых днях существования нации. Эркулано вдохнул свой дух в новое поколение, и у него было много усердных и способных последователей, среди которых наиболее способными являются Луис Аугусто Ребелло да Силва, Симиан Хосе да Луз Сориано и Хосе Мария Латино Коэльо. В общей литературе современные португальцы столь же выдающиеся, хотя их наибольшая сила заключается в поэзии и истории, и стоит отметить, что литературная слава является надежным пропуском к быстрому продвижению в политической жизни. Высокое мнение о литературных начинаниях является свидетельством стойкости национального духа и как таковое может приветствоваться как ярчайшее предзнаменование будущего развития португальской нации.

Немногие страны Европы оценят внимательное изучение лучше, чем Португалия; ни одна нация, за исключением Испании, не прошла через такое испытание, как правление Марии да Глории, и ни в одной стране преимущества представительных институтов не были реализованы лучше; социализм обладает там реформирующей, а не революционной силой; знание истории своей нации, вдохновленное великими писателями, сделало современных португальцев амбициозными в возрождении славы прошлого и объединило людей всех оттенков мнений в общем патриотизме. Празднование дня Камозенса в 1880 году показало, что бразильцы по-прежнему гордятся своей метрополией, и что португальская раса по обе стороны Атлантики была готова проявить новую энергию и упорство и доказать свое происхождение от людей, которые при Афонсо Энрикесе покорили мавров; которые при Иоанне I и Иоанне IV отвергли правление испанцев; которые при Афонсо де Альбокерке и Жуане де Кастро прославили свои имена от Аравии до Японии; и которые, благодаря трудам принца Генри "Морепоходителя" и путешествию Васко да Гамы, прославили свою родину. , положил начало новой эре в мировой истории.

История народов.

В форме рассказа отчетливо обозначено течение жизни каждого народа, а его живописные и заслуживающие внимания периоды и эпизоды представлены читателю в их философской связи друг с другом, а также со всеобщей историей.

План авторов разных томов состоит в том, чтобы проникнуть в реальную жизнь народов и представить их читателю такими, какими они на самом деле жили, трудились и боролись — как они учились, писали и как развлекались. При осуществлении этого плана не будут упущены из виду мифы, с которых начинается история всех стран, хотя они будут тщательно отделены от реальной истории, поскольку труды признанных исторических авторитетов привели к определенным выводам.

Сюжеты различных томов планировались так, чтобы охватывать связующие и, насколько это возможно, последовательные эпохи или периоды, так что по завершении книги в виде всеобъемлющего повествования будут представлены главные события великой истории народов; но, конечно, не всегда практически возможно издавать несколько томов в их хронологическом порядке.

№ 1-61, каждый	за 1,50
,	1.75
№ 62 и последующие номера, каждый (по почте,	1.50)
	нетто 1,35
Полукожаный (по почте, 1,75 доллара)	нетто 1,60

Список томов смотрите на следующей странице.

ГРЕЦИЯ. Профессор Джас. А. Харрисон.

РИМ. Артур Гилман.

ЕВРЕИ. Профессор. Джеймс К. Госмер.

ХАЛДЕИ. З. А. Рагозин.

ГЕРМАНИЯ. С. Баринг-Гульд.

Норвегия. Ялмар Х. Бойсен.

ИСПАНИЯ. Преподобный Э.Э. и Сьюзан Хейл.

Венгрия. Prof. A. Vámbéry.

КАРФАГЕН. Профессор. Альфред Дж. Черч.

САРАЦИНЫ. Артур Гилман.

МАВРЫ В ИСПАНИИ. Стэнли Лейн-Пул.

НОРМАННЫ. Сара Орн Джуэтт.

ПЕРСИЯ. С. Г. В. Бенджамин.

ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ. Профессор Гео. Роулинсон.

ИМПЕРИЯ Александра. Профессор Дж. П. Махаффи.

АССИРИЯ. З. А. Рагозин.

ГОТЫ. Генри Брэдли.

ИРЛАНДИЯ. Достопочтенная. Эмили Лоулесс.

Турция. Стэнли Лейн-Пул.

МИДИЯ, ВАВИЛОН И ПЕРСИЯ. З. А. Рагозин.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ Франция. Профессор. Гюстав Массон.

ГОЛЛАНДИЯ. Профессор Дж. Торольд Роджерс.

МЕКСИКА. Сьюзан Хейл.

ФИНИСИЯ. Джордж Роулинсон.

ГАНЗЕЙСКИЕ ГОРОДА. Helen Zimmern.

РАННЯЯ Британия. Профессор. Альфред Дж. Черч.

БЕРБЕРИЙСКИЕ КОРСАРЫ. Стэнли Лейн-Пул.

РОССИЯ. У. Р. Морфилл.

ЕВРЕИ ПОД ВЛАСТЬЮ РИМА. У. Д. Моррисон.

ШОТЛАНДИЯ. Джон Макинтош.

ШВЕЙЦАРИЯ. Р. Стэд и миссис А. Хаг.

ПОРТУГАЛИЯ. Х. Морс-Стивенс.

ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ. С. W. С. Оман.

СИЦИЛИЯ. Э. А. Фримен.

ТОСКАНСКИЕ РЕСПУБЛИКИ. Белла Даффи.

ПОЛЬША. У. Р. Морфилл.

ПАРФИЯ. География. Роулинсон.

ЯПОНИЯ. Дэвид Мюррей.

ХРИСТИАНСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ ИСПАНИИ. Х. Э. Уоттс.

АВСТРАЛАЗИЯ. Гревилл Трегартен.

ЮЖНАЯ АФРИКА. Гео. М. Теал.

ВЕНЕЦИЯ. Алетея Вил.

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ. Т. С. Арчер и К. Л. Кингсфорд.

ВЕДИЧЕСКАЯ ИНДИЯ. З. А. Рагозин.

БОГЕМИЯ. К. Э. Морис.

КАНАДА. Ж. Г. Бурино.

БАЛКАНСКИЕ ГОСУДАРСТВА. Уильям Миллер.

БРИТАНСКОЕ ПРАВЛЕНИЕ В ИНДИИ. Р. У. Фрейзер.

СОВРЕМЕННАЯ ФРАНЦИЯ. André Le Bon.

БРИТАНСКАЯ ИМПЕРИЯ. Альфред Т. История. Два тома.

ФРАНКИ. Сержант Льюис.

ВЕСТ-ИНДИЯ. Амос К. Фиске.

НАРОД АНГЛИИ, Джастин Маккарти, член парламента, Два тома.

Австрия. Сидни Уитмен.

Китай. Робт. К. Дуглас.

СОВРЕМЕННАЯ ИСПАНИЯ. Майор Мартин А. С. Хьюм.

СОВРЕМЕННАЯ ИТАЛИЯ. Pietro Orsi.

ТРИНАДЦАТЬ КОЛОНИЙ. Хелен А. Смит. Два тома.

УЭЛЬС И КОРНУОЛЛ. Оуэн М. Эдвардс. 1,35 доллара нетто.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ РИМ. У. М. Миллер.

ПАПСКАЯ МОНАРХИЯ. У. М. Барри.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИНДИЯ. Стэнли Лейн-Пул.

БУДДИЙСКАЯ ИНДИЯ. Т. У. Рис-Дэвидс.

Герои Наций.

СЕРИЯ биографических исследований жизни и творчества ряда репрезентативных исторических персонажей, о которых собраны великие традиции народов, к которым они принадлежали, и которые во многих случаях были приняты как воплощение нескольких национальных идеалов. Вместе с жизнью каждого типичного персонажа будет представлена картина национальных условий, окружавших его на протяжении всей его карьеры.

Повествования являются работой писателей, которые являются признанными авторитетами в своих областях и, хотя они полностью заслуживают доверия как исторические, представят живописные и драматические “истории” о Людях и событиях, связанных с ними.

О жизни каждого “Героя” будет рассказано по одному двенадцатитомнику, красиво напечатанному крупным шрифтом, снабженному картами и адекватно иллюстрированному в соответствии с особыми требованиями нескольких тематик.

№ 1-32, каждый по 1,50

, 1.75

№ 33 и следующие за ним номера, каждый

(по почте 1,50 доллара, нетто 1,35)

Полукожаный (по почте, 1,75 доллара) нетто 1,60,

Полный список томов смотрите на следующей странице.

НЕЛЬСОН. У. Кларк Рассел.

ГУСТАВ АДОЛЬФУС. К. Р. Л. Флетчер.

ПЕРИКЛ. Автор: Эвелин Эббот.

ТЕОДОРИХ ГОТ. Томас Ходжкин.

СЭР ФИЛИП СИДНИ. Х. Р. Фокс-Борн.

JULIUS CÆSAR. Автор: У. Уорд Фаулер.

ВИКЛИФ. Льюис Сержант.

НАПОЛЕОН. У. О'Коннор Моррис.

ГЕНРИХ НАВАРРСКИЙ. П. Ф. Виллерт.

ЦИЦЕРОН. Дж. Л. Стрейкен-Дэвидсон.

АВРААМ Линкольн. Ноа Брукс.

ПРИНЦ ГЕНРИ (ПОРТУГАЛЬСКИЙ) МОРЕПЛАВАТЕЛЬ. К. Р. Бизли.

ДЖУЛИАН ФИЛОСОФ. Элис Гарднер.

ЛЮДОВИК XIV. Автор: Артур Хэссалл.

КАРЛ XII. Р. Нисбет Бэйн.

LORENZO DE' MEDICI. Эдвард Армстронг.

JEANNE D'ARC. Автор: миссис Олифант.

ХРИСТОФОР Колумб. Вашингтон Ирвинг.

РОБЕРТ БРЮС. Сэр Герберт Максвелл.

ГАННИБАЛ. У. О'Коннор Моррис.

УЛИСС С. ГРАНТ. Уильям Конант Черч.

РОБЕРТ Э. ЛИ. Генри Александр Уайт.

КАМПЕАДОР уголовного розыска. Х. Батлер Кларк.

САЛАДИН. Автор: Стэнли Лейн-Пул.

БИСМАРК. Автор: Дж. У. Хэдлэм.

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ. Автор: Бенджамин И. Уилер.

CHARLEMAGNE. Автор Х. В. К. Дэвис.

ОЛИВЕР КРОМВЕЛЬ. Чарльз Ферт.

RICHELIEU. Джеймс Б. Перкинс.

ДЭНИЕЛ О'Коннелл. Роберт Данлоп.

ЛЮДОВИК СВЯТОЙ (Людовик IX Французский). Фредерик Перри.

ЛОРД ЧАТЕМ. Уолфорд Дэвис Грин.

ОУЭН ГЛИНДУР. Автор Артур Г. Брэдли. 1,35 доллара нетто.

ГЕНРИ V. Чарльз Л. Кингсфорд. 1,35 доллара нетто.

ЭДВАРД I. Автор Эдвард Дженкс. 1,35 доллара нетто.

AUGUSTUS CESAR. Дж. Б. Ферт. 1,35 доллара. *нетто*.

Готовятся и другие тома:

МОЛЬТКЕ. Автор: Спенсер Уилкинсон.

Иуда МАККАВЕЙ. Автор: Израэль Абрахамс.

СОБЕСКИЙ. Ф. А. Поллард.

АЛЬФРЕД-РАССКАЗЧИК ПРАВДЫ. Фредерик Перри.

ФРИДРИХ II. А. Л. Смит.

МАЛЬБОРО. Автор С. W. С. Оман.

РИЧАРД ЛЬВИНОЕ СЕРДЦЕ. Автор Т. А. Арчер.

УИЛЬЯМ МОЛЧАЛИВЫЙ. Рут Патнэм.

СЫНОВЬЯ Г. П. ПАТНЭМА, Издатели,
Нью-Йорк, Лондон

СНОСКИ:

[1] “Мавры в Испании” Стэнли Лейн-Пула. 4-е изд., 1890.

[2] См. “Мавры в Испании”, глава х.

[3] Некоторые авторы приписывают пять ”зарубок” на щите Португалии пяти мавританским королям, убитым при Орике, версия, принятая Камозэнсом в “Лусиадах”, песнь iii. stanza 53.

[4] *Crucesignati Anglici Epistola de Expugnatione Olisiponis*, напечатано в т. i. стр. 392 и с. из *Португальского исторического памятника*, изданного Лиссабонской академией.

[5] “Британская энциклопедия”, 9-е издание, статья “Португалия”.

[6] Камозэнс, “Лусиады”, песнь iii. строфы 96, 97, перевод Бертона.

[7] “Лусиады”, песнь iii. строфы 118-135.

[8] Камозэнс, “Лусиады”, песнь iv. строфы 52, 53.— перевод Бертона.

[9] Ведущим авторитетом в области открытий португальцев в этом столетии является “Жизнь португальского принца Генриха по прозвищу Мореплаватель и ее результаты” Р. Х. Мейджора, Лондон, 1868, перевод на португальский Ж. А. Феррейры Брандао был опубликован в Лиссабоне в 1876 году.

[10] Существует много противоречивой литературы по хронологии африканских путешествий португальских исследователей, и в этом изложении мы следуем “Принцу Генриху мореплавателю” мистера Мейджора.

[11] “История мавров в Испании”, глава ii. стр. 24.

[12] “Основные положения в истории конкисты Португалии после Филиппа II” А. П. Лопеса де Мендонсы в томе ii. из “Анналов науки нравов и политики”.

[13] Эти комментарии были переведены для Общества Хаклуит У. де Греем Берчем.

[14] За эту цитату, а также за наиболее точную информацию о состоянии Индии во времена португальского владычества я должен выразить свою признательность “Имперскому справочнику Индии” сэра У. У. Хантера, новое издание, и сослаться на том vi., статья Индия, глава xiv., и статьи о Каликуте, Кочине, Дамане, Диу и Гоа.

[15] “Имперский справочник Индии” Хантера, том vi., статья Индия, стр. 360.

[16] Камозэнс, “Лусиады”, песнь v. строфы 46-48.

[17] Виконт де Сантарем в его “Воспоминаниях об учреждении Макао”.

[18] Согласно оценке, составленной на конец 1888 года, население Бразилии составляло 14 002 335 жителей, в то время как согласно переписи 1878 года население Португалии составляло 4 160 315 человек, Азорских островов и Мадейры - 390 384, владений в Азии - 847503, а владений в Африке - 2 741 448 .

[19] О характере Дома Себастьяна сэр Ричард Бертон написал несколько глубокомысленных страниц; смотрите Его комментарий к Камозэнсу, том i, стр. 341-344.

[20] Слово "Маула", обычно искаженное до "Мулей", по словам сэра Ричарда Бертон (Камозэнс, Комментарий, том i, стр. 350), означает господина, повелителя и лидера.

[21] О ранней истории университета см. статью Denifle “Die Universitäten des Mittelalters”, том i. стр. 519-534.

[22] “Эссе” Монтеня, глава 25.

[23] “Британская энциклопедия”, искусство Португалии.

[24] Об истории этих претендентов см. “Фальшивый Дон Себастьян” Мигеля Мартинша д'Анташа, покойного португальского министра в Лондоне, опубликованный в Париже в 1866 году.

[25] “Имперский справочник Индии” Хантера, статья, Индия, том vi. стр. 360.

[26] “Да Азия” Диого де Куто, десятилетие XII. книга i. глава xix.

[27] “Императорский справочник Индии” Хантера, том vi. стр. 251.

[28] “Письма” Ришелье, под редакцией виконта д'Авенеля, том vii. стр. 858.

[29] “Письма” Мазарини, под редакцией М. Шерюэля, том ii. стр. 501.

[30] Посмотрите интересную небольшую книгу Жюль Тессена, опубликованную в Париже в 1877 году под названием “Шевалье де Жант. Relations de la France avec le Portugal au temps de Mazarin.”

[31] Смотрите “Речи и письма Кромвеля” Карлайла, том iv. стр. 21; “Мемориалы” Уайтлока, изд. 1732, стр. 592, 595.

Типографские ошибки, исправленные переписчиком текста:

и и Галлия=> и Галлия {стр. 25}

вождь=> вождь {стр. 189}

в обоих направлениях=> в обоих направлениях {стр. 213}

когда он унаследовал свое графство=> когда он унаследовал свою страну {стр. 238}

она поверила в него=> она поверила в него {стр. 288}

Аорна, Жуан Алорна, Жуан {стр. индекс}

Маратас=> Маратас (индекс pg)

Мелло, Хорхе де=> Мелло, Хорхе де (индекс pg)

Новаэс => Новаэс (индекс pg)
